

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84

3

Москва
2024

НАУКА
— 1727 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Том 84 № 3

Июль—Август—Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

МОСКВА
2024

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом всеобщей истории РАН в сотрудничестве с Государственным Эрмитажем и Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *М.Б. Пиотровский* (Санкт-Петербург)

проф. *Э. Андерсен* (Осло), проф. *К. Антонетти* (Венеция),
проф. *Г. Бауэрсон* (Принстон), проф. *Д. Браунд* (Эксетер),
проф. *А. Брессон* (Чикаго), проф. *Г.-И. Герке* (Фрайбург),
акад. РАН *Н.Н. Казанский* (Санкт-Петербург), проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель),
проф. *П. Калльери* (Болонья), акад. РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск),
акад. РАН *В.С. Мясников* (Москва), проф. *Г. Парцингер* (Берлин),
проф. *Х. Ремесаль Родригес* (Барселона), проф. *С. Розен* (Стокгольм),
проф. *Ч.Б. Роуз* (Филадельфия), проф. *Н. Симс-Вильямс* (Лондон),
проф. *П. Функе* (Мюнстер), проф. *М. Хадзопулос* (Афины),
проф. *А. Ханиотис* (Принстон), проф. *Ш. Шакед* (Иерусалим),
проф. *Д. Шарпен* (Париж)

Редакционная коллегия

Главный редактор член-корр. РАН *А.И. Иванчик* (Москва)

д.и.н. *А.Ю. Алексеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *И.С. Архипов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.О. Большаков* (Санкт-Петербург),
д.и.н. *А.А. Вигасин* (Москва), к.и.н. *В.А. Головина* (Москва),
член-корр. РАН *Н.П. Гринцер* (Москва), к.и.н. *М.М. Дандамаева* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.А. Ильин-Томич* (Майнц), д-р *Г.М. Кантор* (Оксфорд),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (Москва), к. филол. н. *П.Б. Лурье* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *Е.В. Ляпустина* (Москва), к.и.н. *И.А. Макаров* (Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва), к.и.н. *А.В. Муравьев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), д.и.н. *А.В. Подосинов* (Москва),
д.и.н. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *А.В. Седов* (Москва),
к. филол. н. *И.С. Смирнов* (Москва), к.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва),
д.и.н. *А.М. Сморгчов* (Москва), к. филол. н. *С.А. Степанцов* (Москва),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), член-корр. РАН *И.В. Тункина* (Санкт-Петербург)

Заведующая редакцией *А.В. Иванова*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

Volume 84 Issue 3

July–August–September

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED IN 1937

MOSCOW
2024

International Council

Prof. *Mikhail Piotrovsky* (Chairman, Saint Petersburg)

Prof. *Øivind Andersen* (Oslo), Prof. *Claudia Antonetti* (Venice),
Prof. *Glen Bowersock* (Princeton), Prof. *David Braund* (Exeter), Prof. *Alain Bresson* (Chicago),
Prof. *François de Callatay* (Brussels), Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna),
Prof. *Angelos Chaniotis* (Princeton), Prof. *Dominique Charpin* (Paris),
Prof. *Peter Funke* (Münster), Prof. *Hans-Joachim Gehrke* (Freiburg),
Prof. *Miltiades Hatzopoulos* (Athens), Prof. *Nikolai Kazansky* (Saint Petersburg),
Prof. *Vyacheslav Molodin* (Novosibirsk), Prof. *Vladimir Myasnikov* (Moscow),
Prof. *Hermann Parzinger* (Berlin), Prof. *José Remesal Rodríguez* (Barcelona),
Prof. *C. Brian Rose* (Philadelphia), Prof. *Staffan Rosén* (Stockholm),
Prof. *Nicholas Sims-Williams* (London), Prof. *Shaul Shaked* (Jerusalem)

Editorial Board

Prof. *Askold Ivantchik* (Editor-in-Chief, Moscow)

Prof. *Andrey Alekseev* (Saint Petersburg), Dr. *Ilya Arkhipov* (Moscow),
Prof. *Andrey Bolshakov* (Saint Petersburg),
Dr. *Maryam Dandamayeva* (Saint Petersburg), Dr. *Vera Golovina* (Moscow),
Prof. *Nikolay Grintser* (Moscow), Dr. *Alexander Ilin-Tomich* (Mainz),
Ph.D. *Georgy Kantor* (Oxford), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Pavel Lurje* (Saint Petersburg), Dr. *Elena Lyapustina* (Moscow),
Dr. *Igor Makarov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Dr. *Alexey Muraviev* (Moscow), Dr. *Alexander Nemirovsky* (Moscow),
Prof. *Alexander Podossinov* (Moscow), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Alexander Sedov* (Moscow), Dr. *Ilya Smirnov* (Moscow),
Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow), Prof. *Andrey Smorchkov* (Moscow),
Dr. *Sergey Stepanov* (Moscow), Prof. *Igor Surikov* (Moscow),
Prof. *Irina Tunkina* (Saint Petersburg), Prof. *Alexey Vigasin* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Anna Ivanova*

E-mail: vdi-red@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0321039124030016

САЛМАНАСАР I В ШИНАМУ: К ДВУМ АСПЕКТАМ НОВОЙ СРЕДНЕАССИРИЙСКОЙ НАДПИСИ ИЗ УЧТЕПЕ

Б. Е. Александров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

ORCID: 0000-0001-7295-0628

В статье анализируется исторический контекст опубликованной в 2022 г. надписи среднеассирийского царя Салманасара I из Учтепе. В конце правления Адад-нерари I (1295—1264) — начальные годы Салманасара I (1263—1234) город Шинаму, отождествляемый ныне с Учтепе, находился под контролем царства Ханигальбат, о чем свидетельствует письмо IBoT 1.34 из богазкёйского архива. Согласно IBoT 1.34, правитель Ханигальбата останавливался в Шинаму незадолго до написания этого текста. Личное присутствие ханигальбатского царя в Шинаму, центре на Верхнем Тигре, вдали от основных городов его царства в треугольнике Хабур и в непосредственной близости от хеттской границы отражает напряженную ситуацию накануне ассирийского вторжения, когда Ханигальбат балансировал между двумя могущественными соседями. Возможное упоминание в надписи из Учтепе покорения Ассирией страны Каркемиш нужно сопоставлять с данными писем KBo 18.25+ и KBo 18.28+, также происходящих из царских архивов Хаттусы. В целом это сообщение источника подтверждает ранее высказывавшиеся предположения о масштабной хетто-ассирийской войне при Салманасаре I.

Ключевые слова: Ассирия, Ханигальбат, Хеттское царство, Шинаму, Салманасар I

SHALMANESER I IN ŠINĀMU: ON TWO ASPECTS OF A NEW MIDDLE ASSYRIAN ROYAL INSCRIPTION FROM ÜÇTEPE

Boris E. Alexandrov

HSE University, Moscow, Russia

Email: boris_alexandrov@icloud.com

The article analyzes the historical context of the inscription of Shalmaneser I from Üçtepe published in 2022. At the end of Adad-nērārī I's reign (1295–1264) and in the early years of Shalmaneser I (1263–1234), the city of Šināmu, now identified with Üçtepe, was controlled by the kingdom of Hanigalbat, as it is shown by the letter IBoT 1.34 from the Boğazköy archives. According to IBoT 1.34, a certain ruler of Hanigalbat resided in Šināmu not long before the time when this text was composed. A presence in person of the king of Hanigalbat in Šināmu, a city on the Upper Tigris, far from the major centers of his land in the Habur triangle and in a close proximity to the Hittite border, reflects a tense situation on the eve of the Assyrian attack, when Hanigalbat was balancing between two powerful neighbors. A possible mention of the conquest of Carchemish by Assyria needs to be confronted with the evidence provided by KBo 18.25+ and KBo 18.28+, two other letters from the Boğazköy archives. This evidence provided by the Üçtepe inscription supports previously advanced hypotheses about a major Hittite-Assyrian military clash during the reign of Shalmaneser I.

Keywords: Assyria, Hanigalbat, Hittite kingdom, Šināmu, Shalmaneser I

В 2019 г. на западном склоне холма Учтепе в юго-восточной Турции была обнаружена фрагментированная клинописная надпись, посвященная строительной деятельности царя по имени Салманасар (UTT 1). Как установили издатели памятника Б. Генч и Дж. Мак-Гиннис, автора надписи следует отождествлять с ассирийским правителем Салманасаром I (1263–1234), а древнее поселение, скрытое под Учтепе, — с городом Шинаму, упоминаемым в тексте надписи (лиц. ст. 13, об. ст. 1')¹. Эти данные существенно расширяют наши представления об истории среднеассирийского государства, прежде всего о его территориальной экспансии в долине Верхнего Тигра в XIII в. до н.э. Авторы публикации подробно рассмотрели исторический контекст надписи. В настоящей статье мы бы хотели коснуться двух ее аспектов, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Первый связан с судьбой города Шинаму в контексте хетто-ассирийского противостояния. Б. Генч и Дж. Мак-Гиннис наметили основные этапы истории этого центра в середине XIII в. до н.э., однако их реконструкцию можно дополнить. Второй аспект касается возможного упоминания в надписи завоевания Салманасаром I территорий царства Каркемиш. Авторы издания не дают развернутого исторического комментария к этому месту надписи, между тем оно имеет большое значение.

¹ Genç, MacGinnis 2022.

Прежде чем приступить к обсуждению этих вопросов, целесообразно привести текст надписи в переводе²:

Салманасар, царь вселенной, могучий царь, [ставленник Энлиля, жрец Ашшура], царь, имя которого Ану и Энлиль произнесли в четырех сторонах света, храбрый, владыка владык, убивший всех [врагов], истинный князь, который живет в соответствии с надежными знаменами Ашшура и [великих] богов, [его господ]³, и не имеет равных [который], нанес [поражение своему супостату] (и) правит всем, [склонивший всех] великих князей и царей, слуга [...], властвующий над обитаемым миром, одолевший [субаре-ев], страну лулумеев и страну кутиев, стра[ны ...], страну Алзи, страну Пурулумзу, страну Алайя, страну Наири, страну Шерсишерини-... [...], всех ахламеев, сут[иев ...], страну Ханза, страну Шинаму и [страну ...] вплоть до всей страны Халтамеудлу, [страну Каркемиш], что на берегу Евфрата [в стране Хатти,] от страны Гуну до вс[ей страны ...], страну Химме, страну У[аткун], страну Салуа, страну Х[алила], страну Нилипахру, страну [...], страну Луху, страну [...], страну Кабун, страну [...], страну турукеев, страну [...], страну Эруна, [...], страну Арциабхи, страну [...], страну Хашихирги, страну [...], [страну] Халабелна, страну [...], [страну ...-]ун, страну М[у-...], страну [...] ..., страну [...]

(значительная лакуна)

[Когда крепостная стена Ши]наму [обветшала, то я обновил ее разрушенные части], увеличил (толщину) кирпичной кладки на шесть кирпичей. [Я перестроил ее от основания] до зубцов [и поместил мою закладную надпись]. В будущие дни, [когда эта стена] обветшает, [пусть будущий] князь [вернет] мою закладную надпись [и написание моего имени на их место]: Ашшур, Адад и великие боги услышат его молитву. Тот, кто изменит мою закладную надпись [и повредит написание моего имени и] напишет свое имя поверх [...], [...] эти закладные надписи и изменит [написание моего имени]: Ашшур, Энлиль, Эа и Нинмах и великие боги, Игиги [небес и Ануннаки] подземного мира во всей [своей] совокупности да посмотрят на него [гневно, пусть они в ярости проклянут его злым] проклятием, пусть они изрекут ниспровержение его страны, гибель [его людей своим] весомым [словом], да изничтожат [его] имя [в стране], царь, враг [его], да отнимет у него [его трон и да управляет его страной] взглядом его собственных глаз. Месяц Алланату, 16-й день, эпонимат [...]

По предположению авторов публикации, Салманасар I не был первым ассирийским царем, ведшим строительную деятельность в Шинаму. Генч и Мак-Гиннис считают, что включение той части долины Верхнего Тигра, где располагался Шинаму, в состав Ассирии произошло при отце Салманасара I, Адад-нерари I (1295–1264). Колонизация региона носила насильственный характер: ассирийцы завоевали и отобрали Шинаму у государства Митанни. Как указывают авторы, ассирийская власть над Шинаму продержалась при Адад-нерари I достаточно долго для того, чтобы город был обнесен оборонительной стеной. Однако затем митаннийцы смогли взять реванш и вернуть себе Шинаму. Укрепления Адад-нерари I не сдержали их натиска. Именно поэтому, когда Салманасару

² Подробный историко-филологический комментарий к надписи см. в статье Генча и Мак-Гинниса (Genç, MacGinnis 2022).

³ Стоящую в оригинале фразу *ša ina tukulti Aššur u ilānī rabūti bēlīšu ittallakuma* (стк. 4–5) издатели несколько прямолинейно переводят как «who goes around with the support of Aššur and the great gods, his lords», «который ходит вокруг (или ведет себя) при поддержке Ашшура и великих богов, его господ» (Genç, McGinnis 2022, 85). Между тем Чикагский словарь аккадского языка предлагает иную трактовку этого распространенного в ассирийских царских надписях оборота: «жить, действовать в соответствии с надежными оракулами такого-то бога» (CAD A/1, 300, 326).

удалось восстановить ассирийскую власть над Шинаму, он уделил особое внимание реконструкции и укреплению оборонительной стены города⁴. В целом предположение Генча и Мак-Гинниса о двухэтапном подчинении Шинаму ассирийцами выглядит правдоподобно. Возникает вопрос, как вписать этот эпизод в историю ассиро-митаннийских и хетто-ассирийских отношений XIII в. до н.э. Здесь становится необходимым обращение к более широкому кругу источников, включающих тексты как ассирийского, так и внешнего происхождения⁵, что, безусловно, не могло быть выполнено на стадии первичной публикации надписи УТТ 1.

На наш взгляд, прямое отношение к предложенной Генчем и Мак-Гиннисом реконструкции имеет письмо из богазкёйского архива IBoT 1.34, датируемое XIII в. до н.э.⁶ В этом письме не названный по имени правитель страны Ханигальбат оправдывается перед своим сюзереном, великим царем Хатти, в некоторых проступках, о которых тому донесли другие хеттские вассалы, правители Халаба и Исувы Халпацити и Эхли-Шаррума. Суть этих проступков не раскрывается, однако контекст ясно указывает на их связь с Ассирией, восточным соседом Ханигальбата. Автор письма называет царя Ассирии своим врагом и говорит, что тот поступил (*ētepuš*) в его отношении, как Бог Бури, его господин.

Одна из возможных трактовок последней фразы состоит в том, что царь Ассирии потребовал от Ханигальбата политического подчинения. Видимо, отправитель IBoT 1.34 предпринял какие-то шаги навстречу этим требованиям, и они были истолкованы другими хеттскими вассалами как уступка Ассирии и разрыв с Хатти, однако с точки зрения самого царя Ханигальбата таковыми не являлись. Чуть выше в тексте письма царь Ханигальбата риторически восклицает: «Чем я согрешил против моего отца (хеттского царя. — Б. А.)!?!», — а еще дальше, видимо, возлагает часть ответственности за случившееся непосредственно на адресата: «Если у человека два истца и один приступается к нему с требованием (*iqarrib*), а другой не при[ступается, *то что получится?!*»]⁷. В этих словах, очевидно, звучит упрек в том, что хеттская сторона оставила царя Ханигальбата один на один с ассирийцем.

На оставшейся части лицевой таблички царь Ханигальбата рассказывает о своих контактах с царем Исувы, в ходе которых ему, видимо, и были предъявлены претензии в нелояльности. В это время царь Ханигальбата сначала находился

⁴ Genç, MacGinnis 2022.

⁵ Одна из особенностей истории государства Митанни/Ханигальбат состоит в том, что ее ход восстанавливается в основном на базе источников внешнего происхождения, так как собственно митаннийские государственные архивы до сих пор не обнаружены. Подробный анализ ассиро-митаннийских отношений в XIII в. до н.э. см. в Harrak 1987.

⁶ Подробнее об этом тексте см. Nemirovsky, Alexandrov 2007; de Martino 2012; Alexandrov 2014. Приведенные ниже соображения о связи исторического контекста УТТ 1 и IBoT 1.34 были изложены в тезисной форме в Alexandrov 2023.

⁷ Детальный анализ этого предложения дан в Nemirovsky, Alexandrov 2007, 17–23. О значении «обращаться с иском, требованием» у глагола *qerēbu* см. CAD Q, 234.

в городе Шинаме (^{URU}*ši-na-me-e*), а потом прибыл в город, название которого читается с трудом (возможно, ^{URU}*du-ru-ni-i[š]*).

Первый издатель ИВоТ 1.34, Х. Кленгель, осторожно помещал город Шинаме из стк. 15 письма в треугольнике, образуемом верхним течением Хабуга, притоком Хабуга рекой Джаджаг и горами Тур-Абдин⁸. При этом исследователь допускал сопоставление этого топонима с фактически идентичными по форме топонимами старовавилонских и позднесреднеассирийских надписей — *Šinatum* и *Šinamu*. В дальнейшей литературе утвердилось представление о том, что старовавилонский *Šinatum*, среднеассирийский *Šinamu* / *Šinamē*, а также новоассирийский *Šinabu* являются одним и тем же городом, который располагался севернее, чем предполагал Кленгель, а именно в верховьях Тигра, за горами Тур-Абдин, близ современного Диярбакыра⁹. При этом о точной локализации Шинаму(м) высказывались различные предположения. Так, до недавнего времени его помещали в современном Порнаке¹⁰, но, на наш взгляд, Генч и Мак-Гиннис привели убедительные аргументы в пользу его отождествления с Учтепе¹¹.

Тождественность *Šinamē* из ИВоТ 1.34 и среднеассирийского *Šinamu* подразумевалась в предшествующей историографии. К очевидному сходству, фактически совпадению двух названий можно добавить следующее соображение. Район Диярбакыра, где помещают *Šinamu*, находится в непосредственной близости от восточных границ страны Исувы. Если *Šinamē* является тем же самым городом, что и *Šinamu*, то пассаж ИВоТ 1.34 стк. 15–18 о дипломатическом обмене между царями Ханигальбата и Исувы удастся поместить в правдоподобный и логичный географический контекст: правитель Ханигальбата намеренно прибыл поближе к исувийским рубежам, чтобы вести переговоры с хеттским вассалом, царем Исувы.

Для того чтобы соотнести данные ИВоТ 1.34 с информацией новой надписи из Учтепе, необходимо точнее уяснить историческое содержание самого ИВоТ 1.34: о каких царях Хатти, Ханигальбата и Ассирии говорится в письме, когда и при каких обстоятельствах произошли описываемые в нем события? Соответствующее исследование уже было предпринято в историографии, и нам остается лишь кратко суммировать его результаты¹². Автором ИВоТ 1.34 предположительно является царь Ханигальбата, известный также по аккадоязычному богазкёйскому фрагменту КВо 1.20. В этом тексте, авторство которого, возможно, принадлежит ассирийскому сановнику¹³, излагаются жалобы

⁸ Klengel 1963, 284.

⁹ Kessler 1980, 83–84.

¹⁰ Ziegler, Langlois 2016, 338.

¹¹ Genç, MacGinnis 2022, 81–82, 90.

¹² Nemirovsky, Alexandrov 2007.

¹³ В Nemirovsky, Alexandrov 2007 вопрос авторства КВо 1.20 решен иначе. Отправителем письма признается некий хеттский вассал, а описываемый в начале пересказанного отрывка конфликт с Ханигальбатом связывается не с Адад-нерари, а с хеттским царем, которого отправитель именует господином. С учетом того, что текст составлен на среднеассирийском диалекте аккадского языка, его автор должен был происходить с территорий на востоке Хеттской державы, в писцовых центрах

на агрессивные действия некоего царя-шубрийца (т.е. хуррита). По словам отправителя, сначала в правление царя Адад-нерари имел место конфликт между Ассирией и Ханигальбатом. В результате этого конфликта население некоторых городов Ханигальбата перешло на сторону хеттов. Затем хетты призвали на помощь некоего царя-шубрийца, он захватил престол Ханигальбата, после чего занял города, ранее обратившиеся к хеттам, а также забрал себе беженцев из этих городов. По мнению автора письма, эти действия напрямую вредили хеттской власти, и поэтому хеттский царь был заинтересован в том, чтобы наказать зарвавшегося вассала. Цель составления КВо 1.20, очевидно, состояла в том, чтобы подтолкнуть верховную власть Хатти к принятию соответствующих мер.

В силу разных соображений представляется возможным отождествить царя Ханигальбата из IBoT 1.34 и КВо 1.20 с кем-либо из других известных по письменным источникам правителей этой страны XIII в. до н.э.: Шаттуарой I, Васашаттой или Шаттуарой II. Правление царя Ханигальбата из IBoT 1.34 и КВо 1.20 должно было приходиться на поздние годы правления Адад-нерари I и начало царствования Салманасара I в Ассирии (ок. 1270–1260 гг. до н.э.), а его хеттским современником и, соответственно, адресатом IBoT 1.34 должен был быть Хаттусили III.

Изложенная реконструкция исторического контекста IBoT 1.34, безусловно, не является единственно возможной, и в литературе выдвигались другие гипотезы об отождествлении основных действующих лиц письма. Большинство специалистов видело в отправителе IBoT 1.34 царя Ханигальбата Шаттуару II, а в адресате — правителя Хатти Тудхалию IV. Особняком стоит точка зрения Ж. Фрё, согласно которой IBoT 1.34 нужно связывать с парой Шаттуара II и Хаттусили III, а упомянутого в письме царя Исувы Эхли-Шарруму идентифицировать как Эхли-Шарруму I, отличного от Эхли-Шаррумы II, свидетеля договора Тудхалии IV с Тархунтассой¹⁴.

Совмещая данные писем IBoT 1.34 и КВо 1.20 с информацией надписи из Учтепе, можно предположить, что события развивались следующим образом. В ходе своего второго похода против Ханигальбата ассирийский царь Адад-нерари I присоединил к Ассирии обширные территории этого государства, включая тот отрезок долины Верхнего Тигра, где располагался Шинаму. В захваченных городах были отстроены стены и укрепления. Часть населения Ханигальбата во время этого конфликта перешла на сторону хеттов. Затем, ближе к концу правления Адад-нерари I, престол Ханигальбата с санкции и, возможно, при поддержке Хеттского царства захватил некий хурритский династ. Изгнав ассирийцев, он вернул под свой контроль территории Ханигальбата, включая те общины, которые прежде отложились к хеттам. Юрисдикция Ханигальбата

которых преобладал именно аккадский язык. Вполне возможно, что КВо 1.20 является одной из жалоб хеттских вассалов на царя Ханигальбата, которые тот упоминает в IBoT 1.34.

¹⁴ Упоминание Эхли-Шаррумы II Ж. Фрё также видит в письме RS 34.165: нападение ассирийцев на этого царя Исувы привело в итоге к открытому военному столкновению хеттской и ассирийской армий при городе Нихрии (Freu, Mazoyer 2009, 89). Идея о существовании двух царей Исувы по имени Эхли-Шаррума в XIII в. до н.э. обосновывается в Freu 2003, 191–192.

была восстановлена и над Шинаму. Самостоятельные действия ханигальбатского правителя навлекли на него гнев соседних хеттских вассалов. Одновременно с этим новый ассирийский царь, Салманасар I, усилил дипломатическое давление на Ханигальбат, и правивший там хеттский ставленник пошел на какие-то уступки Ассирии, что спровоцировало кризис в его отношениях с Хеттским царством. Чтобы оправдаться перед одним из своих обвинителей, хеттским вассальным царем Исувы Эхли-Шаррумой, царь Ханигальбата прибыл в пограничный с Исувой город Шинаму. Это событие, зафиксированное письмом IBoT 1.34, должно соответствовать стадии 2 в реконструкции Генча и Мак-Гинниса, когда Шинаму находилось под властью Митанни, восстановленной после изгнания ассирийцев.

Кризис хетто-ханигальбатских отношений, отраженный в IBoT 1.34, по-видимому, разрешился низложением хеттами царя-шубрийца и восстановлением на престоле старой митаннийской династии в лице ее представителя Шаттуары II. Именно ему было суждено встретить новый удар со стороны Ассирии, оказавшийся фатальным для государственности Ханигальбата: царь Салманасар I покорил эту верхнемесопотамскую страну в начале своего правления, окончательно аннексировав ее территорию. Власть Ассирии распространилась до самых северо-западных рубежей бывшего Ханигальбата, включая город Шинаму. По прошествии определенного времени в Шинаму была проведена реконструкция стен, событие, которое послужило поводом для создания надписи из Учтепе¹⁵.

В надписи из Учтепе есть еще один интересный пассаж, касающийся истории хетто-ассирийских отношений. Согласно восстановлению Генча и Мак-Гинниса, в стк. 13–14 Салманасар I сообщает о покорении страны Каркемиш: «(одолевший) [страну Каркемиш], что на берегу Евфрата [в стране Хатти]». Авторы признают, что восстановление носит умозрительный характер. Однако в его пользу приводится весомый аргумент: упоминание Евфрата в известных до сих пор надписях Салманасара связано только со страной Каркемиш¹⁶. Никакие другие топонимы в корпусе текстов ассирийского царя не описываются как имеющие отношение к этой реке, не упоминается она и изолированно. Заполнение лакуны в конце стк. 14 также выглядит мотивированным, соответствующее описание Каркемиша засвидетельствовано источниками.

Безусловно, подтвердить правильность реконструкций издателей сможет лишь обнаружение других копий надписи UTT, где текст стк. 13–14 сохранился полностью. Вместе с тем имеет смысл поставить вопрос о том, насколько упоминание о победе над страной Каркемиш обосновано не только с филологической, но и с исторической точки зрения: есть ли в нашем распоряжении источники, которые если не напрямую говорят о столкновениях между Ассирией и Каркемишем, то хотя бы указывают на их возможность?

¹⁵ Генч и Мак-Гиннис справедливо полагают, что надпись из Учтепе была составлена на позднем этапе правления Салманасара I. Об этом свидетельствует обширный список завоеваний.

¹⁶ Genç, MacGinnis 2022, 85. При этом в уже известных текстах используется другая лексема для значения «берег» — *aḫu*, а не *kišādu*, как в UTT 1.

Прежде всего следует коснуться вопроса о территории царства Каркемиш. Как известно, столичный город этого царства, Каркемиш (совр. Джераблус) располагался на западном берегу Евфрата¹⁷. На той же стороне реки располагались и основные владения Каркемиша. Из этого можно было бы заключить, что победа над Каркемишем непременно предполагала для ассирийцев проведение сложной логистической операции — переправы через Евфрат. Однако данные хетто-митаннийского договора XIV в. до н.э., СТН 51, показывают, что после победных для хеттов войн в Сирии и Верхней Месопотамии за Каркемишем был закреплен ряд территорий на восточном берегу Евфрата, включая такие города, как Мурмурик, Шипру, Мазувати и Шурун¹⁸. Они были отрезаны от территории Митанни / Ханигальбата. Значит, при условии, что эти владения сохранялись у Каркемиша и в XIII в. до н.э., можно допустить, что ассирийцам необязательно было переправляться через Евфрат, чтобы нанести поражение Каркемишу.

Топоним Каркемиш встречается и в документах хетто-ассирийской дипломатической переписки XIII в. до н.э. из богазкёйского архива¹⁹. Так, в письме КВо 1.14 хеттский царь жалуется своему ассирийскому адресату, что жители города Турира подвергают набегами страну Каркемиш. Судя по контексту, эта ситуация длилась к моменту составления письма уже значительное время. За истекший с начала набегов срок хеттский царь успел обратиться и к царю Ассирии, и к царю Ханигальбата с вопросом относительно статуса Туриры. Оба правителя заявили о своем контроле над Турирой. Эти противоречивые заявления заставили хеттского автора повторно написать в Ашшур. На этот раз он требует от ассирийской стороны энергичного вмешательства, а если такового не последует, хеттский царь грозит самостоятельно усмирить Туриру. Чаще всего отправителя и адресата КВо 1.14 отождествляют как Хаттусили III и Адад-нерари I, хотя в историографии звучали и другие предложения. Например, издатели хетто-ассирийской корреспонденции К. Мора и М. Джорджери предпочитают вариант Тудхалии IV и Салманасара I. На наш взгляд, традиционная атрибуция письма справедлива, а описанная в документе ситуация выглядит более правдоподобно, если считать, что речь идет о заевфратских владениях Каркемиша, т.е. землях на восточном берегу реки. Маловероятно, чтобы незначительная община вроде Туриры, о которой неизвестно ни по каким другим источникам, кроме КВо 1.14, имела возможности для регулярных успешных набегов на земли по другую сторону Евфрата.

Еще одним документом хетто-ассирийской дипломатической корреспонденции с упоминанием Каркемиша является хеттоязычный фрагмент КВо 18.25+ КВо 31.69. В стк. 6'–7' лиц. ст. КВо 18.25 содержится фраза: «Когда твой отец [...] дал города царю Каркемиша», вероятно, обращенная к ассирийскому адресату письма. Этим адресатом мог быть Тукульти-Нинурта I (1233–1197), имя которого упомянуто в стк. 2' лиц. ст. фрагмента («И (ты), Тукульти-Нинурта, [...] страны

¹⁷ Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 75–76.

¹⁸ Cohen, Torrecilla 2020.

¹⁹ Мы не касаемся здесь вопроса о возможной ассирийской атаке на Каркемиш, случившейся, по мнению А. Гётце и ряда других исследователей, в 9-й год правления Мурсили II, хеттского царя последней трети XIV в. до н.э. Реконструкция Гётце соответствующего места в анналах Мурсили II сейчас подвергнута справедливому сомнению, см. Miller 2010.

Карк]емиш назад отдал»). Нельзя, однако, исключать, что имя Тукульти-Нинурты представляет собой не обращение, а является частью исторического повествования («И Тукульти-Нинурта [...] страны Карк]емиш назад отдал. (...) Когда твой отец [...] дал города царю Каркемиша», где словосочетание «твой отец» отсылает также к Тукульти-Нинурте). Тогда само письмо нужно относить к более позднему времени, чем правление Тукульти-Нинурты, и считать его адресатом кого-то из преемников последнего²⁰. Важно, что фрагмент КВо 31.69, являющийся джойном к КВо 18.25, сохранил названия городов, которые пострадали в ходе конфликта:

(лин. ст. 4') Атармапу вместе с К[аркемишем, ...]^(5') Шуруву, Эндуву [...] ^(6') они полностью уничтожили.

В этом перечне город Шурува предположительно отождествляется как Шурун, то самое поселение на восточном берегу Евфрата, которое вошло в состав Каркемишского царства по хетто-митаннийскому договору СТН 51²¹. Аналогичным образом Эндува, сопоставляемая с Итувой других источников, находилась поблизости, возможно, к югу от Каркемиша²². В свете этого восстановление самого топонима Каркемиш в стк. 4' выглядит вполне убедительным²³.

Каркемиш также неоднократно упоминается в ассирийских источниках XIII в. до н.э. Адад-нерари I называет себя покорителем (*kāšid*) городов Ханигальбата «вплоть до города Каркемиш, что на берегу Евфрата» (A.076.1: 8–14)²⁴. Это выражение скорее всего указывает на предел ассирийских завоеваний, сам Каркемиш в них не входил. Подразумевался ли при этом захват левобережных владений Каркемиша, сказать трудно. Аналогичным образом сын Адад-нерари, Салманасар I, описывая свою победу над ханигальбатским царем Шаттуарой II и его союзниками, говорит: «Тогда я захватил их города от Таиду до Ирриду, всю совокупность гор Кашийари до Элухата, от крепости Суду, крепости Харрану до Каркемиша, что на берегу Евфрата» (A.077.1: 81–85)²⁵. И в этом случае мы также не склонны видеть в аккадском тексте указаний на включение самого Каркемиша в состав ассирийских завоеваний. Однако покорение его владений на восточном берегу Евфрата исключать нельзя. Характерно, что Салманасар в этом отрывке говорит об «их городах», т.е. городах не только царя Ханигальбата Шаттуары II, но и поддержавших его хеттов и ахламеев²⁶.

²⁰ Ср. такую атрибуцию в Yamada 2011, 207.

²¹ Singer 2008, 719, n. 41.

²² Mora, Girogieri 2004, 103, 26.

²³ Интерпретация первого топонима списка, Атармапы, более затруднительна, так как город с таким названием располагался в азиатской стране Пала (Mora, Girogieri 2004, 103, n. 23; Yamada 2011, 207, n. 49, со ссылками на справочную литературу). См. сейчас данные об этом топониме также в базе данных Hittite Toponyms (URL: <https://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HiTop/hetgeoitem.php?i=Atarmapa>; дата обращения: 10.08.2024).

²⁴ Grayson 1987, 131.

²⁵ Grayson 1987, 184.

²⁶ Вместе с тем ставить знак равенства между завоеваниями в районе Каркемиша, как они описаны в A.077.1 и УТТ 1, на наш взгляд, неправомерно. Во втором случае, при условии верности реконструкции Генча и Мак-Гинниса, Каркемиш прямо

Помимо монументальных надписей информация о Каркемише присутствует в административных документах из ассирийских провинциальных центров в Дур-Катлимму (совр. Телль-Шейх-Хамад), Табету (совр. Телль-Табан) и Телль-Саби-Абьяде. Тексты из Дур-Катлимму и Телль-Саби-Абьяда относятся к сравнительно позднему периоду, правлениям Тукульти-Нинурты I, Ашшур-надин-апли, Ашшур-нерари III и Энлиль-кудурри-уцура (конец XIII — начало XII в. до н.э.). Только один документ из Дур-Катлимму, возможно, свидетельствует о конфликте с Каркемишем (BATSH 4 2)²⁷, в то время как другие говорят о торговых и дипломатических контактах (BATSH 4 6, 7)²⁸. Письма из Телль-Саби-Абьяда развивают ту же тему торгового обмена (T 93—20), а также сообщают о том, что ассирийцы собирались оказать Каркемишу военную поддержку в его конфликте против Эмара (T 98—119)²⁹.

Текст из Табете T05A-609, сохранивший упоминание Каркемиша, в противоположность только что перечисленным документам датируется правлением Салманасара I³⁰. Документ сообщает о расходах для снабжения ассирийской делегации во главе с этим царем, направлявшейся в Каркемиш. Хотя цель этой поездки в тексте не освещается, издатель таблички Д. Сибата склоняется к предположению, что она носила мирный, дипломатический характер³¹. Примечательно, что в составе делегации находился будущий царь, сын Салманасара I, Тукульти-Нинурта (стк. 13).

Таким образом, данные источников свидетельствуют о постоянной вовлеченности Каркемиша во взаимоотношения Хеттского царства и Ассирии, начиная по меньшей мере с 1270-х и заканчивая 1180-ми годами до н.э. Большая часть примеров говорит об участии Каркемиша в торговых и дипломатических

назван объектом завоевания, в то время как в первой надписи используются более обтекаемые выражения. Складывается ощущение, что эти два текста говорят о разных событиях, и атака на Каркемиш из УТТ 1 носила более масштабный характер и привела к большим территориальным потерям с хеттской стороны. В противном случае, если оба текста отсылали к одному и тому же эпизоду, справедливо поставить вопрос, почему в A.O.77.1 Салманасар не использовал те же, более ясные выражения, что и в надписи из Учтепе?

²⁷ См., например, Yamada 2011, 206.

²⁸ Cancik-Kirschbaum 1996, 94—106, 117—128.

²⁹ Akkermans, Wiggemann 2015, 118. Стоит также упомянуть документы из Харбу (совр. Телль-Хувера). Хотя топоним Каркемиш в них не встречается, они содержат упоминание хеттского посланника Тели-Шаррумы (VFMOS 2, III № 24 14—15; № 25 14—15; № 26 15—16), которого специалисты отождествляют как каркемишского царевича, вероятно, сына царя Ини-Тешшуба (Kühne 1995, 211; Jakob 2007, 104; 2009, 62—67). Контекст указывает на то, что Тели-Шаррума находится на ассирийской территории с дипломатической миссией. Таблички датированы эпониматом Нину-айи, предположительно соответствующим 19-му году правления Тукульти-Нинурты I (Bloch 2010, 31), т.е. временем вскоре после ассирийского завоевания Вавилона. Возможно, миссия Тели-Шаррумы заключалась в передаче поздравлений по случаю этого успеха (Shibata 2017, 503, n. 39).

³⁰ Shibata 2017.

³¹ Shibata 2017, 502.

контактах с Ассирией. Такого рода случаи, безусловно, не могут рассматриваться как исторический фон для сообщений надписи Салманасара I из Учтепе.

Между тем другие упоминания Каркемиша вполне совместимы с воинственными заявлениями УТТ 1. Одно из таких упоминаний содержится в кратко разобранном выше хеттском письме КВо 18.25+КВо 31.69. Если считать, что это послание было адресовано Тукульти-Нинурте I, то упоминаемого в стк. 6' лиц. ст. КВо 18.25 «отца» нужно отождествлять как Салманасара I. Тогда отданные Каркемишу города, упомянутые в том же отрывке, можно гипотетически рассматривать как города, которые Салманасар силой отнял у хеттов, а потом вернул после заключения мира. Вероятно, это те самые поселения, которые перечислены в КВо 31.69 лиц. ст. 4'–6', т.е. Атармапа, Шурун, Эндува и, возможно, непосредственно Каркемиш, хотя способ записи топонима (*QA-DU⁺KUR^{URU}k[ar-ga-maš]*, «вместе со страной города Каркемиш») допускает, что захвачен был не сам столичный город, а только его округа. Дополнительным аргументом в пользу того, что описанные захваты произошли скорее при Салманасаре I и что само письмо датируется временем Тукульти-Нинурты I, а не его преемников, является упоминание имени Салманасар (*1rdSILIM⁺.SAG*) на оборотной стороне КВо 31.69:

(6') Что касается того, что ты мне написал: «В стране Митанна^(7') кто был господин?» Ты же мне [...] (8') Салманасар, который б[ыл] господином [...] (9') Таки-Шарруме [...]

Маловероятно, чтобы правители начала XII в. до н.э., Суппилулиума II, с хеттской стороны, и Ашшур-надин-апли или Энлиль-кудурри-уцур, с ассирийской, обсуждали бы в своей переписке дела полувековой давности, в том числе царей или завоевателей Митанни, государства, которое к 1190–1180-м годам до н.э. давно прекратило существование³². Напротив, отсылки к ситуации в Митанни/Ханигальбате в правление Салманасара, непосредственного предшественника Тукульти-Нинурты I, выглядели бы вполне уместно и осмысленно в корреспонденции этого последнего царя³³. В письмах на хеттском языке KUB 23.92 и KUB 23.103 автор Тудхалия IV, обращаясь к недавно взошедшему на престол Тукульти-Нинурте I, неоднократно вспоминает его отца Салманасара³⁴. На наш взгляд, отправителем КВо 18.25+КВо 31.69 также мог быть Тудхалия IV.

Как было указано выше, содержание КВо 18.25+КВо 31.69 предполагает, что ассирийская сторона вернула Каркемишу захваченные города. В рамках принятого нами толкования эти города возвращались в два этапа: сначала возврат осуществил Салманасар I («твой (т.е. Тукульти-Нинурты I.— Б. А.) отец», КВо 18.25 лиц. ст. 5'–6'), затем — Тукульти-Нинурта I (КВо 18.25 лиц. ст. 2'–3').

³² Примечательно, что М. Ямада (Yamada 2001, 207), датирующий КВо 18.25+КВо 31.69 началом XII в. до н.э., обходит молчанием тот факт, что в тексте письма упомянут Салманасар.

³³ Упомянутый в конце процитированного отрывка Таки-Шаррума скорее всего тождествен главному писцу Таки-Шарруме, выполнявшему важные поручения великого хеттского царя в Сирии. Он также засвидетельствован в текстах эпохи Тукульти-Нинурты, см. Singer 2003.

³⁴ Mora, Giorgieri 2004, 155–174.

Очевидно, что такой возврат стал возможен после мирного урегулирования между Хатти и Ассирией. На наш взгляд, такое урегулирование могло быть достигнуто в ходе переговоров в Каркемише, на которые, согласно тексту из Табету T05A-609, отправился Салманасар I со своим сыном³⁵. Судя по эпонимной датировке таблички, эта поездка состоялась в 1236 г. до н.э., т.е. незадолго до смерти ассирийского царя³⁶. Возможно, он успел выполнить только часть взятых на себя перед хеттами обязательств, а остальное довершил его сын, Тукульти-Нинурта I, взошедший на престол в 1234 г. до н.э.

Кроме того, определенные перспективы в плане сопоставления с возможным ассирийским завоеванием Каркемиша, отраженным в надписи UTT 1, имеют сведения хеттского дипломатического письма КВо 18.28+КВо 50.73³⁷. Хотя этот текст не был включен в издание хетто-ассирийской корреспонденции К. Мори и М. Джорджери, его принадлежность к данному доосье сейчас не вызывает сомнений. Авторство послания, вероятно, принадлежит хеттскому царю Тудхалии IV, а его адресатом мог быть как раз Салманасар I. Письмо представляет собой череду упреков, обращенных автором к получателю. Основным из них является обвинение в нарушении ранее заключенного договора (об. ст. iv стк. 15'–16'), состоявшем в укреплении городов, которые, очевидно, не должны были укрепляться³⁸. Кроме того, хеттский царь сообщает, что уступил адресату города Аразиг и Наткина (лиц. ст. i стк. 26'–27'). Высказывались различные предположения о локализации этих населенных пунктов, однако не вызывает сомнения, что они должны были находиться в долине Евфрата, вероятно, к югу от Каркемиша³⁹.

³⁵ Д. Сибата предполагает, что Салманасар I провел переговоры с Тудхалией IV и царем Каркемиша Ини-Тешшубом (Shibata 2017, 503).

³⁶ Shibata 2017, 496.

³⁷ См. об этом документе Alexandrov, Sideltsev 2009; Alexandrov 2010, 114–120; Yamada 2011, 207–209. С момента выхода этих статей в свет появились некоторые публикации, проливающие свет на отдельные сложные пассажи письма. Так, А. Манастер Рамер предложил новое прочтение стк. 8'–10' лиц. ст. По его мнению, цитируемые в этом месте письма слова ассирийского царя звучали следующим образом: «Если мы искренне заключили договор, то почему ты натягиваешь и держишь лук (в направлении) сумки-мишени (или: ручной мишени), которую крепко связывают?» С точки зрения Манастера Рамера, этим образным выражением ассирийский царь, с одной стороны, упрекал своего хеттского адресата в пустых угрозах, а с другой, оскорбительно уподоблял его мальчику или юноше, который обучается стрельбе из лука на обездвиженных мишенях. Как полагает Манастер Рамер, употребляемые здесь слова *tekri* и *tekriške* восходят к ПИЕ корню *(s)teg- «покрывать» и означают «связывать (связыванием) (цель, мишень)». Что же касается того же слова *tekri* – в знаменитом отрывке о вдове египетского фараона из «Деяний Суппилулиумы» (КВо 5.6 iii 15, *tekri-wa nahmi*, «Я боюсь *текри*»), то там для него постулируется значение «бездетность» (букв. «связывание (утробы)'). См. ссылки в Nikolaev 2021.

³⁸ В стк. 8'–12' лиц. ст. текста говорится о таблице клятвы, которую контрагенты составили в городе Куммахи. Очевидно, это и есть тот договор, к которому автор возвращается в конце своего послания.

³⁹ См. краткий обзор мнений о локализации Аразига в Cancik-Kirschbaum, Hess 2016, 18. О Наткине данных существенно меньше (del Monte, Tischler 1978, 281), поэтому о ее

Можно предположить, что КВо 18.28+ рисует раннюю стадию кризиса, завершение которого упомянуто в КВо 18.25+: ассирийцы вышли непосредственно к долине Евфрата, принудили хеттов к уступке им территорий и заключению выгодного для себя мирного договора. Вероятно, этот мирный договор был нарушен, что повлекло за собой новое обострение хетто-ассирийских отношений. Остается неясным, когда именно случились те завоевания, которые упоминает Салманасар I в своей надписи из Шинаму/Учтепе: возможно, они предшествовали составлению КВо 18.28+, а возможно, случились позже и представляли собой пик хетто-ассирийского конфликта при Салманасаре I⁴⁰.

Как бы то ни было, предполагаемое упоминание об ассирийском завоевании Каркемиша в надписи UTT 1 вполне вписывается в известный нам контекст хетто-ассирийских отношений середины—второй половины XIII в. до н.э.

Литература / References

- Akkermans, P., Wiggermann, F. 2015: West of Aššur: The Life and Times of the Middle Assyrian *Dunnu* at Tell Sabi Abyad, Syria. In: B. S. Düring (ed.), *Understanding Hegemonic Practices of the Early Assyrian Empire. Essays Dedicated to Frans Wiggermann*. (Publications de l'Institut historique-archéologique néerlandais de Stamboul, 125). Leiden, 89–123.
- Alexandrov, B. 2010: [The Hittite Kingdom and the Upper Mesopotamian States in the Reign of Tudhaliya IV and His Sons (2nd Half of the 13th — Beginning of the 12th Century B. C.): New Hypotheses and Sources]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 112–132.
- Александров, Б. Е. Хеттское царство и страны Верхней Месопотамии в правление Тудхалии IV и его сыновей (2-я половина XIII — начало XII в. до н.э.): новые гипотезы и источники. *ВДИ* 4, 112–132.
- Alexandrov, B. 2014: The Letters from Hanigalbat in the Boğazköy Archives. In: P. Taracha (ed.), *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology, Warsaw, 5–9 September 2011*. Warsaw, 51–76.
- Alexandrov, B. 2023: On the Fate of Šinamu in the 13th Century B. C. *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 4, 179–180.
- Alexandrov, B., Sideltsev, A. 2009: Hittite *āššweni*. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 103, 59–84.
- Bloch, Y. 2010: The Order of Eponyms in the Reign of Tukulti-Ninurta I. *Orientalia* 79, 1–35.
- Cancik-Kirschbaum, E. 1996: *Die mittellassyrischen Briefe aus Tall Šēḫ Ḥamad*. (Berichte der Ausgrabung Tall Šēḫ Ḥamad / Dür-Katlimmu, 4/1). Berlin.
- Cancik-Kirschbaum, E., Hess, Chr. 2016: *Toponyme der mittellassyrischen Texte: Der Westen des mittellassyrischen Reiches*. (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie, 1/2). Antony.
- Cohen, Y., Torrecilla, E. 2020: Forging an Empire: The Borders of the Land of Karkemiš According to the Treaty between Šuppiluliuma and Šattiwaza. *Tel Aviv* 47, 193–207.

местоположении приходится судить на основе сведений об упомянутом в одной связи с ней Аразиге.

⁴⁰ Как было отмечено выше, этот конфликт, по-видимому, завершился ближе к концу правления Салманасара I благодаря личным переговорам царя с хеттской стороной в Каркемише. Об интенсификации хетто-ассирийских дипломатических контактов в этот период, вероятно, также свидетельствует фрагмент ассирийского письма из Ашшура А 1587 с датировкой по эпонимату Иттабши-ден-Ашшура, который соответствует предпоследнему году Салманасара I (1235 г. до н.э.). В письме упомянута страна Хатти, возможно, царь Хатти и предметы одежды, выполнявшие функцию дипломатических даров (de Ridder 2023).

- De Martino, S. 2012: La lettera IBoT 1.34 e il problema dei sincronismi tra Ḫatti e Assiria nel XIII secolo a.C. In: G. Lanfranchi, D. Morando Bonacossi, C. Pappi, S. Ponchia (eds.), *Leggo! Studies Presented to Frederick Mario Fales on the Occasion of His 65th Birthday*. (Leipziger Altorientalistische Studien, 2). Wiesbaden, 195–200.
- De Ridder, J.J. 2023: A Re-evaluation of the Assyrian Letter A 1587. *State Archives of Assyria Bulletin* 29, 1–5.
- Del Monte, G.F., Tischler, J. 1978: *Die Orts- und Gewässernamen der hethitischen Texte*. (Répertoire géographique des textes cunéiformes, 6). Wiesbaden.
- Freu, J. 2003: *Histoire du Mitanni*. Paris.
- Freu, J., Mazoyer, M. 2009: *Le déclin et la chute du Nouvel Empire hittite. Les Hittites et leur histoire*. Paris.
- Genç, B., MacGinnis, J. 2022: A Text of Shalmaneser I from Üçtepe and the Location of Šinamu. *Anatolian Studies* 72, 79–95.
- Grayson, A.K. 1987: *Assyrian Rulers of the Third and Second Millennia BC (to 1115 BC)*. (Royal Inscriptions of Mesopotamia, Assyrian Periods, 1). Toronto–Buffalo–London.
- Harrak, A. 1987: Assyria and Hanigalbat. *A Historical Reconstruction of Bilateral Relations from the Middle of the Fourteenth to the End of the Twelfth Centuries B. C.* (Texte und Studien zur Orientalistik, 4). Hildesheim–Zürich–New York.
- Jakob, S. 2007: Diplomaten in Assur — Alltag oder Anzeichen für eine internationale Krise? In: P. A. Miglus, J. Córdoba (Hrsg.), *Assur und sein Umland. Im Andenken an die ersten Ausgräber des Assur*. (Isimu, 6). Madrid, 103–114.
- Jakob, S. 2009: *Die mittellassyrischen Texte aus Tell Chuëra in Nordost-Syrien*. (Vorderasiatische Forschungen der Max Freiherr von Oppenheim-Stiftung, 2/III). Wiesbaden.
- Kessler, K. 1980: *Untersuchungen zur historischen Topographie Nordmesopotamiens nach keilschriftlichen Quellen des 1. Jahrtausends v. Chr.* (Tübinger Atlas des Vorderen Orients, B/26). Wiesbaden.
- Klengel, H. 1963: Zum Brief eines Königs von Hanigalbat (IBoT I 34). *Orientalia* 32, 280–291.
- Kühne, C. 1995: Ein mittellassyrisches Verwaltungsarchiv und andere Keilschrifttexte. In: W. Ortmann, R. Hempelmann, H. Klein, C. Kühne, M. Novak, A. Pruss, E. Vila, H.-M. Weicken, A. Wener (Hrsg.), *Ausgrabungen in Tell Chuëra in Nordost-Syrien, I. Vorbericht über die Grabungskampagnen 1986–1992*. Saarbrücken, 205–225.
- Miller, J. 2010: Revisiting the Conquest of Karkamiš of Mursili's 9th Year: Assyrian Aggression or Mursili in the Long Shadow of His Father? In: J. Fincke (Hrsg.), *Festschrift für Gernot Wilhelm anlässlich seines 65. Geburtstages am 28. Januar 2010*. Dresden, 235–239.
- Mora, C., Giorgieri, M. 2004: *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Ḫattuša*. (History of the Ancient Near East, Monographs, VII). Padova.
- Nemirovsky, A.A., Alexandrov, B.E. 2007: «*Na Solnise, otca moego, ya polagayus'*»: IBoT I 34 i istoriya Verkhney Mesopotamii v XIII v. do n.e. [*"In the Sun, My Father, I Trust": IBoT I 34 and the History of the Upper Mesopotamia in the 13th Century B. C.E.*]. Moscow.
- Немировский, А.А., Александров, Б.Е. «*На Солнце, отца моего, я полагаюсь*»: IBoT I 34 и история Верхней Месопотамии в XIII в. до н.э. М.
- Nikolaev, A. 2021: New Phrygian (–)τετιξευος, Hittite *tekri* and other descendants of PIE **deik-**. *Chatreššar* 4/2, 41–56.
- Shibata, D. 2017: An Expedition of King Shalmaneser I and Prince Tukulti-Ninurta to Carchemish. In: Y. Heffron, A. Stone, M. Worthington (eds.), *At the Dawn of History. Ancient Near Eastern Studies in Honour of J. N. Postgate*. Vol. 1. Winona Lake, 491–506.
- Singer, I. 2003: The Great Scribe Taki-Šarruma. In: G. Beckman, R. Beal, G. McMahon (eds.), *Hittite Studies in Honor of Harry H. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday*. Winona Lake, 341–348.
- Singer, I. 2008: A Hittite-Assyrian Diplomatic Exchange in the Late 13th Century BCE. In: A. Archi, R. Francia (eds.), *VI Congresso Internazionale di Ittitologia. Roma, 5–9 settembre 2005*. (Studi micenei ed egeo-anatolici, 50). Roma, 713–720.
- Yamada, M. 2011: The Second Military Conflict between 'Assyria' and Ḫatti in the Reign of Tukulti-Ninurta I. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 105, 199–220.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les toponymes des textes paléo-babyloniens*. (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie, I/1). Antony.

DOI: 10.31857/S0321039124030023

ЗАГАДОЧНАЯ СУДЬБА ЕГИПЕТСКОЙ СТЕЛЫ RIO DE JANEIRO 658 [2446]

И. В. Богданов

Институт восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9085-3351

В статье проводится атрибуция стелы времен XX династии, выставленной на аукционе Osenat – Paris Fontainebleau в 2014 г. Владелец стелы носил имя *wsj* и состоял в должности «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Благодаря этим данным устанавливается, что стела изначально находилась в собрании Национального музея Бразилии в Рио-де-Жанейро. Поскольку музей сильно пострадал во время пожара в 2018 г., проследить судьбу стелы от музея до аукциона через частную коллекцию музея Гантнер в наше время уже проблематично.

Ключевые слова: Новое царство, древнеегипетская эпиграфика, Национальный музей Бразилии

THE MYSTERIOUS FATE OF THE EGYPTIAN STELE RIO DE JANEIRO 658 [2446]

Ivan V. Bogdanov

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

E-mail: jwan.bgd@yandex.ru

The article provides an attribution of a stela from the Twentieth dynasty, auctioned at Osenat – Paris Fontainebleau in 2014. The owner of the stela held the name *wsj* and was serving as a ‘listener to the call of the (department) of the treasury’. Thanks to this evidence,

Данные об авторе. Иван Валерьевич Богданов — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Древнего Востока ИВР РАН. Автор благодарит Д. О. Сычева и А. А. Ильина-Томича за помощь в работе.

it is established that the stele originally belonged to the collection of the National Museum of Brazil in Rio de Janeiro. Since the museum was destroyed in a fire in 2018, tracing the stele's fate from the museum to the auction through the private collection of the Gantner Museum is nowadays impossible.

Keywords: New Kingdom, ancient Egyptian epigraphy, National Museum of Brazil

В начале 2014 г. на аукционе Osenat — Paris Fontainebleau появилась стела, относящаяся, судя по стилю, к XX династии¹. Стела происходит из коллекции Музея Гантнера (Musée Gantner) в г. Лашапель-су-Шо (Lachapelle-sous-Chaux, регион Франш-Конте, Бургундия).

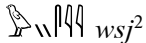
На стелу нанесены рельефные изображения чиновника *wsj* и членов его семьи. Все они снабжены пояснениями, которые содержат титулы и имена.

Надпись на своде.

Имя божества:

wsjr ntr ʕ nb t3-dsr «Осирис, великий бог, владыка святой земли»

Адоранты:

 sdm-ʕ n(j) pr-hd «послушный призыву (ведомства) сокровищницы» *wsj*²

¹ Osenat 2014, 21 (Lot 43); URL: <https://www.osenat.com/lot/18520/3566282-egypte-nouvel-empire-stele-cin>; дата обращения: 01.09.2024. Размеры стелы указаны следующие: высота — 35,5 см, ширина — 25 см.

² Имя *wsj* в Новом царстве носили как мужчины, так и женщины (PN I, 84.17); Х. Ранке приводит несколько примеров мужского имени *wsj* времен Нового царства:

1. Титулы *jrj-rdwj nj nb t3wj*, «сопровождающий владыку двух земель», *t3j-srjt nj h3t-nfrw-(jmn)*, «носитель штандарта ладьи *h3t-nfrw-(jmn)*», *hrj-pdt nj nb t3wj*, «командир лучников владыки двух земель» (PM III.2, 718: 1) стела München ÄS 11: Dyroff, Pörtner 1904, Taf. 15; Löhr, Müller 1972, 64 [49b], pl. 34; 2) Две каноны: Blackman, 1917, 42, pl. 9. 6–7). О досье этого *wsj* см. также Awadallah 1985, I, 91–98, doc. (16); II, pl. 10; Binder 2008, 299 [052]. Датировка: *jmn-htp* III.

2. Постамент статуи Firenze Cat. 7659 (на самом деле Firenze Cat. 7660, судя по PM I.2, 787; к титулам см. Helck 1961, 822 (40): «Vorsteher des Weidengebietes des Amun»; Caminos 1954, 142: *jmj-r3 shtjw*, «overseer of fowlers or peasants»).

3. Титул *zš hsb jt n nb t3wj*, «писарь учета зерна владыки двух земель» (гробница Dra Abu el-Naga -171-; PM I.2, 606; Kampp 1996, 719–720): 1) Конус de Davies, Macadam 1957, no. 508; Zenihiro 2009, 199; 2) Статуя Boston MFA 09.525 (Simpson 1979, 40–41, fig. 11). Датировка: *dhwtj-ms(j)* III.

4. Титул *jmj-r3 nšdj n(j) hm=f*, «начальник ювелирного дела его величества» (рельеф Leiden AP 6-a = Leiden K 15: Boeser 1911, pl. 13). Датировка: *dhwtj-ms(j)* III.

5. Титулы *jt-ntr*, *wʕb hrj m pr pth*, «отец бога, главный жрец в храме Птаха» (рельеф Leiden AP 54 = Leiden K 16: Boeser 1911, pl. 30; KRI III, 178.2). Датировка: *rʕ-msj-sw* II.

К ним следует добавить:

6. Титулы *hm ntr tpj n(j) [mntw nb] w3st*, «первый жрец [Монту, владыки] Фив, сын *wsr*-Нат» (TT 56; Urk. IV, 1477. 16; Beinlich-Seeber, Shedid 1987, 73, Taf. 8). Датировка: *jmn-htp* II ʕ3-*hprw-rʕ*.

$z3=f$ «его сын» $jmn-m-jpt^3$

В первом ряду изображен сам хозяин, а также его родня и слуги.

Имена четы, сидящей слева:

$sdm-^c\check{s}$ «послушный призыву» wsj

$nbt pr$ «домохозяйка» $m^c h^j^4$

Имя подростка:

jpw^5

Имена четы, сидящей справа:

jpw

$nbt pr$ «домохозяйка» $nfrt-jrj$

Второй ряд изображений слева включает 3 женских фигуры. Имена:

$tj\check{j}$

twj^6

$bnrj$

Второй ряд изображений справа включает 3 мужских фигуры. Имена:

$m^c h^j^7$

7. Граффито в водоразделе Ком Омбо (Rothe *et al.* 2008, 254, BZ06; Brown 2015, 1119, KOM 05). Датировка: XVIII династия.

8. Титул $jmj-r3 \check{s}n^c n(j) jmn$, «начальник склада Амуна». Памятники из Metropolitan Museum, New York 28.3.25a–b и др. (PM I.2, 653; Polz 1990, 56, A.26).

9. *P. Leiden* I. 366 vso, 3 (Janssen 1960, 38, fig. 10, pl. 12). Датировка: $r^c-msj-sw$ II.

10. Граффито в Вади Аллаки (Piotrovskiy 1983, 57 (131); Brown 2015, 645, ALL 118). Датировка: Новое царство.

11. Титулы $z\check{s} wsj n(j) jmj-r3 \check{s}nwtj mjnw-nht$, «писарь wsj начальника двух зернохранилищ $mjn-w-nht$ » (*P. Louvre* E. 3226 rto XIV. 5: Megally 1971, pl. 44 B). Датировка: 28–35 годы правления $d\check{h}wtj-ms(j)$ III.

12. TT 59 (PM I.1, 120–121; Kampp 1996, 272). Датировка: конец правления $d\check{h}wtj-ms(j)$ III (брат kn , владельца гробницы, считается идентичным wsj , упомянутому в *P. Louvre* E. 3226).

13. Guksch 1995, 51. Датировка: конец правления $d\check{h}wtj-ms(j)$ III (считается идентичным wsj , упомянутому в *P. Louvre* E. 3226).

14. *P. Wilbour* A, 56.6 (Gardiner 1941, pl. 26, 56.6). Датировка: $r^c-msj-sw$ V.

15. Статуя Cairo CG 977 (PM VIII.2, 567 (801-633-200); Borchardt 1934, 12–13, Bl. 159). Датировка: XVIII династия.

16. Гробница El-Asasif -364- (Kampp 1996, 764). Датировка: XVIII династия (?).

17. Титул $sdm-^c\check{s} n(j) pr-hd$, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы» (стела Museu Nacional, Rio de Janeiro 658 [2446]); о нем речь пойдет далее.

18. Несколько персонажей по имени wsj отмечены на остраках из Фиванской области: а) оЕг.Ехр.23001.44, стк. 11 (с титулом $nbtj$, «литейщик золота»); б) оВМ ЕА 41660, стк. 8; в) оЕг.Ехр.23001.21, стк. 6; г) оUC 31936 vso, стк. 2 (с титулом $z\check{s}$ «писарь»); е) оЕг.Ехр.23001.124, стк. 1 (с титулом hrj , «бригадир»); ф) оLeipzig 24, стк. х+3 (Römer 2023, II, 171, Personennamen).

³ PN I, 27.18.

⁴ Х. Ранке приводит только данные по мужскому имени $m^c h^j$ (PN I, 163.25).

⁵ PN I, 23.6. jpw является гипокористиком от имени $jmn-m-jpt$.

⁶ PN I, 379.8.

⁷ PN I, 163.13.

jrj-rj

nfr-m3.n=f

Любопытна судьба стелы. Несмотря на то что в каталоге аукциона Osenat — Paris Fontainebleau отсутствуют данные о ее происхождении, определить это нетрудно: владелец стелы *wsj* носил титул *sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Титулу *sdm-š*, «послушный призыву» целую монографию посвятил Е.С. Богословский; он приводит данные по семи персонажам, носившим ведомственный титул *sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву сокровищницы»⁸:

1. *p3-dj-jmn: sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Шавабти⁹.

2. *k3r3s3tj (krst): sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Стела Cairo CG 34052¹⁰.

3. *z3-p3-jr: sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Стела Szépművészeti Múzeum, Budapest 51.2147¹¹. Имя *z3-p3-jr* распространилось в Египте со времен XVII династии¹². Известен *z3-p3-[jr]*, который был *sdm-š [n(j)?] jmn*¹³, но его соответствие владельцу стелы Budapest 51.2147 маловероятно.

4. *ṭ3: sdm-š pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Стела Museo Civico Archeologico, Bologna 1928¹⁴.

5. *p3-z3wtj-ptḥ: sdm-š n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Стела Cairo CG 34127¹⁵.

6–7. *nb-ntrw* и *jmn-ḥtp/p3r3wj: sdm-š n(j) pr-ḥd n(j) jmn*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы Амуна». Стела Cairo CG 34085¹⁶.

К упомянутым Богословским в 1979 г. памятникам функционеров с титулом «послушный призыву (ведомства) сокровищницы» сейчас можно добавить:

⁸ Bogoslovskiy 1979, 47, 125, 134; в более поздних справочниках приведены значительно более скудные данные об этом титуле: Al-Ayedi 2006, 621, no. 1963; Taylor 2001, 223, no. 2180.

⁹ Petrie 1935, pl. 18.

¹⁰ PM VIII.4, 56 (803-048-024); Lacau 1909–1957, I/1, 92–93; I/2, pl. 31. Мемфис. Датировка: конец XVIII династии. Имя азиатское; в египетском известно заимствованное слово *k3r3s3*, «бурдюк», которое соотносится прежде всего с Hatra-PN *krs'*, «живот», близкое др.-евр. *kāres*, араб. *kirš*, «живот» (Schneider 1992, 215, N 451).

¹¹ PM VIII.4, 54 (803-047-900); Nagy 1997, 7–14, fig. 1–2; Kóthay, Liptay 2010, 40–41 (16). Датировка: *jmn-ḥtp* II – *jmn-ḥtp* III.

¹² PN I, 284.24.

¹³ Стела ГМИИ I.1.a.6844: Hodge, Berlev 1982, 117–118, no. 61.

¹⁴ PM VIII.4, 47 (803-047-531); Bresciani 1985, 42–43 [12], tav. 15. Датировка: первая половина XVIII династии.

¹⁵ Lacau 1909–1957, I/1, 177; Mariette 1880, 412, no. 1119. Ср. чтение Helck 1961, 917 (135): «Diener des Schatzhauses des Ptah *p3-mnjw*». Абидос. Датировка: середина XVIII династии.

¹⁶ Lacau 1909–1957, I/1, 134–135, pl. 42; Khaled 2020, 73–74; Eichler 2000, 257. Имя азиатское: *p3r3wj* = наб. *prwn* (Farwān), близко араб. *farwa* «богатство» (Schneider 1992, 109, N 233). Абидос. Датировка: *jmn-ḥtp* III.

8. *hr*: *sḏm-ʕš n(j) pr-ḥd n(j) nb t3wj*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы владыки двух земель». Стела Wien ÄOS 183¹⁷.

9. *jmn-ḥtp*: *sḏm-ʕš n(j) pr-ḥd n(j) jmn*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы Амуна». Граффито в Вади Минай¹⁸.

10. [Имя уничтожено]: *sḏm-ʕš n(j) pr-ḥd [n(j) jmn]*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы [Амуна]». Стела Cairo JdE 68584 (CM035)¹⁹.

11. *nn-nswt(?)*: *sḏm-ʕš n(j) pr-ḥd n(j) ḥnkt-ʕnh(?)*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы храма *ḥnkt-ʕnh(?)*»²⁰. Чтение надписи в целом сомнительно.

12. *wsj*: *sḏm-ʕš n(j) pr-ḥd*, «послушный призыву (ведомства) сокровищницы». Самый поздний из известных нам персонажей, состоявших в этой должности. Благодаря титулу его можно легко идентифицировать. Персонаж по имени *wsj* с таким титулом являлся владельцем стелы из Национального музея Бразилии в Рио-де-Жанейро (Museu Nacional, Rio de Janeiro 658 [2446])²¹. Очевидно, это та же стела, что и экспонат из бывшей коллекции музея Гантнера.

Египетская коллекция Национального музея Бразилии была достаточно велика, она сформировалась в 1826 г., когда итальянец Никола (Николау) Фьенго привез из Марселя египетские памятники. В Рио-де-Жанейро, через аукцион, их купил король Бразилии Педру I, который подарил всю коллекцию Королевскому музею. Ее первое описание от 1919 г.²² принадлежит Алберту Шилде (Alberto Childe), хранителю собрания музея в Рио-де-Жанейро русского происхождения (настоящее имя — Дмитрий Петрович Ваницын, 1870—1950). Собрание стел было полностью опубликовано в двух частях британским египтологом К. Китченом в 1990 г. Китчен склонялся к тому, что местом находки стелы был Абидос, хотя часто указывается, что коллекция Фьенго была приобретена у Джованни Баттиста Бельцони и происходит из раскопок в Фиванской области²³.

Продавать стелу с аукциона в Европе музей с таким большим собранием египетских древностей, конечно, не стал бы. Об этом свидетельствуют и данные по исходной и итоговой цене: она была выставлена на аукционе Osenat — Paris Fontainebleau всего за 1800/2500 евро, а продана в 10 раз дороже, за 25000 евро. Это значит, что стела из коллекции Гантнера с этого аукциона — не подделка. Какие-либо данные о судьбе стелы между пребыванием в Рио-де-Жанейро и в

¹⁷ PM VIII.4, 198 (803-050-789); URL: <http://www.globalegyptianmuseum.org/large.aspx?img=images/KhM/183.JPG>; дата обращения: 01.09.2024. Датировка: вторая половина XVIII династии.

¹⁸ Colin 1998, 102—103, 118, fig. 8; Rothe *et al.* 2008, 86 (MN37). Возможно, идентичен *jmn-ḥtp/p3r3wj* стелы Cairo CG 34085.

¹⁹ DuQuesne 2000, 23, 40—41, pl. 3—3a; 2007, 47 (S09); 2009, 90—91 (CM035). Асбют. Датировка: Рамессиды.

²⁰ Quirke 1986, 79—80, 82—83, fig. 1—2; Den Doncker 2012, 24—25, fig. 2; Peden 2001, 71. Датировка: конец XVIII династии. *ḥnkt-ʕnh* — имя заупокойного храма *ḏhwtj-ms(j)* III в западных Фивах. О его клире см. Helck 1961, 876—879 (94—97); Haring 1997, 431—435.

²¹ Kitchen, da Conceição Beltrão 1990, 94—97 (36), pl. 77—78. Здесь приводится следующая справка о памятнике: «Height, 35 cm; width, 24 cm. Not seen. <...> Provenance not stated; probably Abydos. Fiengo collection; gift of Dom Pedro I». Датировка: XX династия.

²² Краткая справка без фотографии: Childe 1919, 43, no. 2446—IX.

²³ Kitchen, da Conceição Beltrão 1990, 4—7.

бургундском частном собрании (Gantner) мне разыскать не удалось. Ее нынешнее местонахождение мне также неизвестно. В 2012 г. эта стела еще числилась как предмет из коллекции Национального музея Бразилии²⁴. Вызвана ли смена прописки стелы продажей или она была похищена, остается лишь гадать. Что касается египетской коллекции Национального музея Бразилии в Рио-де-Жанейро, то ее постигла печальная судьба всех прочих экспонатов этого музея во время пожара 2 сентября 2018 г.

Литература / References

- Al-Ayedi A.R. 2006: *Index of Egyptian Administrative, Religious and Military Titles of the New Kingdom*. Ismailia.
- Awadallah, A. 1985: *Les stèles privées à l'époque d'Amenophis III*. Vol. I–III. Thèse de doctorat. Paris.
- Beinlich-Seeber, Chr., Shedid, A.Gh. 1987: *Das Grab des Userhat (TT 56)*. (Archäologische Veröffentlichungen, DAI, Abteilung Kairo, 50). Mainz.
- Binder, S. 2008: *The Gold of Honour in New Kingdom Egypt*. (ACE Studies, 8). Oxford.
- Blackman, A.M. 1917: The Nugent and Haggard Collections of Egyptian Antiquities. *Journal of Egyptian Archaeology* 4/1, 39–46.
- Boeser, P.A.A. 1911: *Die Denkmäler des Neuen Reiches*. Abt. 1. *Gräber*. (Beschreibung der Ägyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden, 4). Haag.
- Bogoslovskiy, E.S. 1979: «Slugi» faraonov, bogov i chastnykh lits. *K sotsial'noy istorii Egipta XVI–XIV vv. do n.e.* [“Servants” of Pharaohs, Gods and Private Individuals. On the Social History of Egypt in the 16th–14th Centuries BC]. Moscow.
- Богословский, Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц. *К социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.* М.
- Borchardt, L. 1934: *Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten im Museum von Kairo*. Teil 4. *Text und Tafeln zu Nr. 951–1294*. (CG, Nr. 1–1294). Berlin.
- Bresciani, E. 1985: *Le stèle egiziane del Museo Civico Archeologico di Bologna*. Bologna.
- Brown, M.W. 2015: ‘Keeping Enemies Closer’: Ascribed Material Agency in Ancient Egyptian Rock Inscriptions and the Projection of Presence and Power in Liminal Regions. PhD thesis. Yale.
- Caminos, R.A. 1954: *Late-Egyptian Miscellanies*. (Brown Egyptological Studies, 1). London.
- Childe, A. 1919: *Guia das colleções de archeologia classica*. Rio de Janeiro.
- Colin, F. 1998: Les Paneia d’El-Buwayb et du Ouadi Minay sur la piste de Bérénice à Coptos: inscriptions égyptiennes. *Bulletin de l’Institut Français d’Archéologie Orientale* 98, 89–125.
- Davies, N. de G., Macadam, M.F.L. 1957: *A Corpus of Inscribed Egyptian Funerary Cones*. Pt. 1. *Plates*. Oxford.
- Den Doncker, A. 2012: Theban Tomb Graffiti during the New Kingdom. Research on the Reception of Ancient Egyptian Images by Ancient Egyptians. In: K.A. Kóthay (ed.), *Art and Society: Ancient and Modern Contexts of Egyptian Art. Proceedings of the International Conference Held at the Museum of Fine Arts, Budapest, 13–15 May 2010*. Budapest, 23–34.
- DuQuesne, T. 2000: Votive Stelae for Upwawet from the Salakhana Trove. *Discussions in Egyptology* 48, 5–47.
- DuQuesne, T. (ed.) 2007: *Anubis, Upwawet, and Other Deities: Personal Worship and Official Religion in Ancient Egypt. Catalogue of the of the Jackal Deities Exhibition at the Egyptian Museum, Cairo, March–April 2007*. Cairo.
- DuQuesne, T. 2009: *The Salakhana Trove: Votive Stelae and Other Objects from Asyut*. (OCE, 7). London.
- Dyroff, K., Pörtner, B. 1904: *Ägyptische Grabsteine und Denksteine aus süddeutschen Sammlungen*. Bd. II. München. Strassburg.
- Eichler, S.S. 2000: *Die Verwaltung des „Hauses des Amun“ in der 18. Dynastie*. (Studien zur Altägyptischen Kultur, Beihefte 7). Hamburg.

²⁴ PM VIII.4, 168 (803-050-436).

- Gardiner, A.H. 1941: *The Wilbour Papyrus*. Vol. I. Plates. London.
- Guksch, H. 1995: *Die Gräber des Nacht-Min und des Men-cheper-Ra-seneb: Theben Nr. 87 und 79*. (Archäologische Veröffentlichungen, DAI, Abteilung Kairo, 34). Mainz.
- Haring, B.J.J. 1997: *Divine Households: Administrative and Economic Aspects of the New Kingdom Royal Memorial Temples in Western Thebes*. (Egyptologische Uitgaven, 12). Leiden.
- Helck, W. 1961: *Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches*. I. Teil. 1. *Die Eigentümer*. a. *Die großen Tempel*. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse 1960, 10). Mainz–Wiesbaden.
- Hodjash, S., Berlev, O. 1982: *The Egyptian Reliefs and Stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow*. Leningrad.
- Janssen, Jac.J. 1960: Nine Letters from the Time of Ramses II. *Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden* 41, 31–47.
- Kampp, F. 1996: *Die thebanische Nekropole: zum Wandel des Grabgedankens von der XVIII. bis zur XX. Dynastie*. Teil 1–2. (Theben, 13). Mainz.
- Khaled, N.A. 2020: Abydian Stelae Bearing Foreign Names. *Abgadiyat* 15, 69–86.
- Kitchen, K.A., da Conceição Beltrão, M. 1990: *Catálogo da Coleção do Egito Antigo existente no Museu Nacional, Rio de Janeiro / Catalogue of the Egyptian Collection in the National Museum, Rio de Janeiro*. Vol. I. *Texto / Text*. Vol. II. *Ilustrações / Plates*. Warminster.
- Kóthay, K.A., Liptay, É. (eds.) 2010: *Egyptian Artefacts of the Museum of Fine Arts, Budapest*. Budapest.
- Lacau, P. 1909–1957: *Stèles du Nouvel Empire*. T. I. Fasc. 1. *Texte*. Fasc. 2. *Plates*. (CG, no. 34001–34064, no. 34065–34189). Le Caire.
- Löhr, B., Müller, H.W. 1972: *Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst: München, Residenz Hofgartenstraße*. München.
- Mariette, A. 1880: *Catalogue général des monuments d'Abydos découverts pendant les fouilles de cette ville*. Paris.
- Megally, M. 1971: *Le papyrus hiéroglyphique comptable E. 3226 du Louvre*. (BdÉ, 53). Le Caire.
- Nagy, I. 1997: Une stèle du gardien du trésor Hormès / Hormesz kincstárőr sztéleje. *Bulletin du Musée Hongrois des Beaux-Arts / A Szépművészeti Múzeum közleményei* 87, 7–14, 123–127.
- Peden, A.J. 2001: *The Graffiti of Pharaonic Egypt: Scope and Roles of Informal Writings (c. 3100–332 B.C.)*. (Probleme der Ägyptologie, 17). Leiden–Boston.
- Petrie, W.M.Fl. 1935: *Shabtis*. (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account, 57, 41st year). London.
- Piotrovskiy, B.B. 1983: *Vadi Allaki – put' k zolotym rudnikam Nubii [Wadi Allaqi – the Path to the Gold Mines of Nubia]*. Moscow.
- Пиотровский, Б.Б. *Вади Аллаки – путь к золотым рудникам Нубии*. М.
- Polz, D. 1990: Die Sna-Vorstehrer des Neuen Reiches. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde* 117, 43–60.
- Quirke, St. 1986: The Hieratic Texts in the Tomb of Nakht the Gardener, at Thebes (no. 161) as Copied by Robert Hay. *Journal of Egyptian Archaeology* 72, 79–90.
- Römer, M. 2023: *Die Ostraka der frühen 18. Dynastie aus Deir el-Bahri und dem Asasif*. Bd. I. *Katalog der Ostraka*. Bd. II. *Auswertung, Verzeichnisse, Paläographie*. Bd. III. *Tafeln*. (Bibliothèque générale, 73). Cairo.
- Rothe, R.D., Miller, W.K., Rapp, G.(R.) 2008: *Pharaonic Inscriptions from the Southern Eastern Desert of Egypt*. Winona Lake (IN).
- Schneider, Th. 1992: *Asiatische Personennamen in ägyptischen Quellen des Neuen Reiches*. (Orbis Biblicus et Orientalis, 114). Freiburg (Schweiz)–Göttingen.
- Simpson, W.K. 1979: Egyptian Statuary of Courtiers in Dynasty 18. *MFA Bulletin* 77, 36–49.
- Taylor, J.A. 2001: *An Index of Male Non-royal Egyptian Titles, Epithets and Phrases of the 18th Dynasty*. London.
- Zenihiro, K. 2009: *The Complete Funerary Cones*. Tokyo.

DOI: 10.31857/S0321039124030031

«ГИПОФИВЫ» ИЛИАДЫ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО НАЧАЛА ФОРМИРОВАНИЯ ФИВАНСКОГО ПОЛИСА

А. Ю. Можайский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: a.mozhajsky@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1112-2858

В статье рассматривается упоминание в «Илиаде» (Ном. II. II. 505) «хорошо построенного» города Гипофивы (ὑποθήβαι), интерпретация которого продолжает являться предметом обсуждения среди исследователей: историков, филологов, археологов, палеотопографов, классицистов самого широкого профиля. От интерпретации этого литературного свидетельства зависит понимание начала формирования Фиванского полиса, времени создания организованного поселения в Фивах в VIII в. до н.э. На основании комплексного подхода, использующего как литературные свидетельства и лингвистический анализ текста, так и последние археологические и палеотопографические данные относительно Фив с XII по VIII вв. до н.э., в статье представлена интерпретация, согласно которой «Гипофивы» является уникальным гапаксом «Илиады», отражающим создание нового (по отношению к микенской Кадмее) организованного поселения. Эти новые Фивы включали как акрополь Фив (Кадмею), так и новые секторы больших Фив (под Кадмеей), что было характерно для времени создания раннегреческого полиса в VIII в. до н.э. Кроме того, введение в текст «Илиады» Гипофив может означать, что и Потнии, которые находились в двух километрах от Кадмеи, также относились к территории, которую контролировал ранний Фиванский полис.

Ключевые слова: Гипофивы, Фивы, Кадмея, Потнии, Илиада, Евстафий, эпигоны, Троянская война, полис, святилище Аполлона Исмения, святилище Геракла

Данные об авторе. Андрей Юрьевич Можайский — кандидат исторических наук, доцент Института классического Востока и античности, НИУ ВШЭ.

Автор выражает благодарность членам редакционной коллегии журнала, которые оказали большую помощь в работе над общим текстом статьи, и особенно А.И. Иванчику и И.Е. Сурикову за ценные замечания и предложения относительно данной работы. Все возможные неточности остаются исключительно на совести автора.

HYPOTHEBAI OF THE ILIAD AS AN EVIDENCE OF THE BEGINNING OF THE FORMATION OF THE THEBAN POLIS

Andrej Yu. Mozhajsky

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: a.mozhajsky@mail.ru

The article discusses the mention in the Iliad (Hom. *Il.* II. 505) of the ‘well-built’ city of Hypothebai (ὑποθήβαι), the identification of which continues to be a subject of discussion among the researchers: historians, philologists, archaeologists, paleotopographers – classicists of all kinds. The understanding of the beginning of the formation of Theban polis, the time of the creation of an organized settlement in Thebes in the eighth century BC depends on the interpretation of this literary evidence. Based on a complex approach, using both literary evidence and linguistic analysis of the text, as well as the latest archaeological and the paleotopographic data regarding Thebes, from the twelfth to the eighth century BC, the article presents an interpretation according to which the Iliad’s Hypothebai is a unique hapax introduced into the poem and reflecting the creation of a new, in relation to the Mycenaean Kadmeia (Thebes), organized settlement. These new Thebes included both the acropolis of Thebes (the Kadmeia), and the new sectors of Greater Thebes beneath the Kadmeia, which was typical for the time of the creation of early Greek poleis in the eighth century BC. It is also not impossible that, in addition to this, the insertion to the text of the Iliad of Hypothebai emphasizes that the population of Potniai, situated around two kilometers from Kadmeia, also belonged to the territory controlled by the early Theban polis.

Keywords: Hypothebai, Thebes, Kadmeia, Potniai, Iliad, Eustathius, epigonoι, Trojan War, polis, sanctuary of Apollo Ismenios, sanctuary of Herakles

ВВЕДЕНИЕ

Во второй книге «Илиады», в так называемом «Списке кораблей», автор поэмы в строке 505 сообщает, что в походе на Трою среди жителей беотийских центров участвовали также «и те, которые Гипофивы держали, хорошо построенный город» (οἳ θ’ ὑποθήβας εἶχον ἐϋκτίμενον πτολίεθρον). Наличие в тексте ὑποθήβαι вызывало вопросы еще в древности. Действительно, почему здесь встречаются не всем известные беотийские Фивы (Θῆβαι), город, имеющий значительное микенское прошлое и ставший одним из крупнейших полисов Эллады в классический период, а некие Гипофивы, которые при перечислении контингентов из беотийских центров стоят в тексте отнюдь не на первом месте, а шестыми с конца при наличии двадцати девяти топонимов¹? Прошли тысячелетия, а современные исследователи продолжают выдвигать относительно этого вопроса различные

¹ Всего 31 наименование, но поскольку в «Илиаде» Орхомен и Асплелдон имели других предводителей, то они отмечены отдельно.

точки зрения, которые могут быть отнесены к нескольким разным подходам. В этой статье мы рассмотрим упоминания Гипофив в литературных источниках, проанализируем филологический и археологический подходы к объяснению наличия Гипофив в «Илиаде», после чего представим свою интерпретацию этого наименования, основанную на пересмотре прежних археологических свидетельств о Фивах постдворцового и геометрического периодов.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Следует отметить, что уже для самих античных авторов Гипофивы в тексте «Илиады» выглядели загадочно. Еще Страбон собрал несколько античных суждений о местоположении Гипофив (Strab. IX. 2. 32, пер. Г.А. Стратановского):

В словах Гомера

«Всех населяющих град Гипофивы»,

по мнению одних, имеется в виду какой-то городок (πολεῖδιόν τι) под названием Гипофивы, других же — Потнии; ибо Фивы, по словам последних, были покинуты вследствие похода Эпигонов и не принимали участия в Троянской войне. Первые утверждают, что фиванцы действительно участвовали в войне, но жили тогда в низменной области (ἐν τοῖς ἐπιπέδοις χωρίοις) под Кадмеей (ὕπὸ τῇ Καδμείᾳ), так как после ухода Эпигонов они были не в состоянии отстроить Кадмею; притом Кадмея стала называться Фивами, добавляют они, а поэт назвал тогдашних фиванцев гипофивскими вместо того, чтобы сказать «обитающие под Кадмеей» (ὕπὸ τῇ Καδμείᾳ οἰκοῦντας).

Как видно, Страбон имеет представление о двух вариантах положения Гипофив. В первом варианте это некий городок Гипофивы, который находился где-то в низменной области под Кадмеей, население же этих Гипофив участвовало в Троянской войне, а во втором Гипофивы — это античные Потнии, население которых в Троянской войне не участвовало. Местоположение античных Потний идентифицируется исследователями в двух километрах к юго-западу от Кадмеи (центра современных Фив)². Важно подчеркнуть, что Страбон попытался показать этимологию наименования Гипофивы, приведя версию о том, что Гипофивы означают «обитающие под Кадмеей», и противопоставив их Кадмее, которая по этой версии стала называться Фивами. Как будет продемонстрировано далее, противопоставление Гипофив Кадмее имеет под собой основание в том смысле, что в период раннего железного века поселение разрасталось и стало включать в себя территорию под Кадмеей. Тем не менее исследования показывают, что уже в микенский период поселение называлось Фивами (в документах линейного письма Б — te-qa)³, в то время как наименование Кадмея пока известно лишь начиная с архаического времени и связано с мифом об основании Фив Кадмом⁴. Поэтому трудно принять версию, по которой Кадмея в некий период времени после крушения дворцов стала называться Фивами. В этом отношении мы склонны согласиться с Д. Берманом, полагающим, что миф о постройке стен

² Fossey 1988, 208–210.

³ Aravantinos 1999; 2010a, 53; Del Frio 2009, 52–53; Van Damme 2017, 123–124, 127–130, 137; Aravantinos 2020, 767.

⁴ Существуют различные литературные источники, отражающие эту историю, от Гелланика (fr. 51a и b; см. Fowler 2000, 179–181) до Псевдо-Аполлодора (III. 21–24 [III. 4. 1]; см. Gantz 1993, 467–473; Berman 2004; 2013; 2017, 35.

Фив Амфионом и Зетом, который содержится в «Одиссее» (XI. 260–265) и упоминает самый известный эпитет Фив «семивратные» (ἐπτάπυλος), имеет корни в микенском времени⁵. Таким образом, несмотря на позднюю по отношению к «Одиссее» мифографическую традицию (Diod. XIX. 53. 4–5; Paus. IX. 5. 6), которая помещает основание Фив Кадмом ранее постройки стен Амфионом и Зетом, название «Кадмея» скорее относится к периоду «темных веков» или даже к архаическому времени.

Гипофивы также встречаются у Стефана Византийского — автора VI в. н.э. (Steph. Byz. 651. 7–11, пер. А.Ю. Можайского):

Ἵποθῆβαι τινὲς οὕτως φασι τὰς Ποτνίας τῆς Βοιωτίας κεκληθῆσαι. οἱ δὲ πολισμάτιόν τι διὰ τὴν τοῦ τόπου θέσιν οὕτως ὀνομασμένον, ὥς τὴν Ὑποχαλκίδα καλοῦσι διὰ τὸ ὑπὸ τὸ ὄρος τὴν Χαλκίδα κεῖσθαι. πολλοὶ δὲ καὶ μετὰ προθέσεως τόποι, Ἐλικνημίδιοι Ὑπερβόρειοι Παραποτάμιοι Προποντίς Παρωκεανῖται⁶.

Гипофивы: некоторые говорят, что так называются беотийские Потнии. А другие — что это какой-то городок, названный так по своему местоположению, подобно тому как Гипохаλκиду именуют так из-за того, что она лежит под горой Халкидой. Существует множество наименований мест с приставкой: Эпикнемидии, Гипербореи, Парапотамии, Пропонтида, Паракеаниты.

Однако наиболее полно различные интерпретации, в первую очередь базирующиеся на вышеприведенных текстах Страбона и Стефана Византийского, передает живший в XII в. византийский автор комментария к Гомеру Евстафий Солунский. Учитывая некоторые детали, переданные Евстафием относительно Гипофив, а также то, что его текст не переведен на русский и основные европейские языки, представим здесь наш перевод отрывка из Евстафия о Гипофивах у Гомера (Eustath. ad. II. II. 505, пер. А.Ю. Можайского⁷):

Περὶ δὲ Θηβῶν εἴρηται ἐν τοῖς τοῦ Περιγητοῦ, εἰ τέως ἐνταῦθα Θήβας δισυλλάβως ἀναγνώστέον. Ἰστέον γὰρ ὅτι Ὀμήρου γράψαντος, οἱ θ' ὑπὸ Θήβας εἶχον ἐκτίμενον πολίεθρον, οἱ πλείους οὐ νοοῦσιν ὑπὸ Θήβας ἐν δυοῖς μέρεσι λόγου, ἀλλὰ ὑφὲν Ὑποθήβας λέγοντες, ὅτι πολλοὶ τόποι καλοῦνται μετὰ προθέσεων, οἷον Ἐλικνημίδιοι, Ὑπερβόρειοι, Παραποτάμιοι, Προποντίς, Παρωκεανῖται, Ὑποχαλκίς πόλις Αἰτωλίας. οὕτω γοῦν καὶ Ὑποθῆβαι πολισμάτιόν τι διὰ τὴν τοῦ τόπου θέσιν οὕτως ὀνομασμένον. ὥς γὰρ Ὑποχαλκίς πόλις Αἰτωλικὴ διὰ τὸ ὑπὸ τὸ ὄρος φασι τὴν Χαλκίδα κεῖσθαι, οὕτω καὶ Ὑποθῆβαι αἱ ὑπὸ τὰ Βοιωτίας Θήβας. φασι δὲ οὕτω καλεῖσθαι τὰς Ποτνίας τῆς Βοιωτίας, ἐνθα αἱ τοῦ Θρακῆος Διομήδους ἵπποι ἐμάνησαν κατὰ τινας, μάλιστα μὲν οὖν κατὰ τὸν γεωγράφον ἐφ' ὧν μυθεύεται ὁ Ποτνιεύς Γλαῦκος ὑπὸ ἱππῶν διασπασθῆναι, ἃς Εὐριπίδης Ποτνιαδὰς ἵππους φησίν. αἱ δὲ ῥηθεῖσαι Πότνιαι καὶ δισυλλάβως εὔρηται Πότναι λεγόμεναι. φασι δὲ τινες καὶ ὅτι παρ' ἱστορίαν ἐστὶ τὸ μνησθῆναι Θηβῶν ἐνταῦθα τὸν ποιητὴν. ὥς γὰρ δηλοῖ καὶ τὰ εἰς τὸν Λυκόφρονα ὑπομνήματα, οὐκ ἐστράτευσαν εἰς Τροίαν νεωστὶ πορθηθέντες ὑπὸ Ἀργείων καὶ ἄρτι τὴν πόλιν συνοικήσαντες. τινὲς δὲ Ὑποθήβας φασι τὰς ὑποκειμένας κόμας ταῖς ἐπταπύλοις Θήβας· ἐπτάπυλοι γὰρ αἱ Βοιωτῖαι, ὥς περ ἐκατόμυλοι αἱ Αἰγύπτια· ἕτεροι

⁵ Berman 2004, 1–22; 2017, 37–38. Д. Берман отмечает, что у Гомера встречаются кадмейцы, но нет Кадма как основателя Фив, из чего исследователь полагает, что имя в единственном числе не является исторической фигурой, а представляет собой персонализированную лингвистическую конструкцию, отражающую этническую идентичность, см. Berman 2004, 15–16.

⁶ Текст оригинала приведен по изданию Billerbeck, Neumann-Hartmann 2016.

⁷ Выражаю глубокую признательность за помощь во время работы над переводом О.Л. Ахуновой (Левинской), С.А. Иванову и А.В. Ивановой.

δὲ Ὑποθήβας τὰς ἐλάττους Θήβας, ἃς δηλαδὴ ἡλάττωσαν οἱ Ἐπίγονοι τῶν ἑπτὰ ἐπὶ Θήβας, ὥς μετὰ ταῦτα ἱστορήσει ὁ ποιητής. δῆλον δὲ ὅτι αἱ Ὑποθήβαι τῶν Θηβῶν εἰσι παρώνυμοι. αὐταὶ δὲ οὕτω καλοῦνται ἢ ἀπὸ Θήβης, θυγατρὸς Ἀσωποῦ, ἐντοπίου ποταμοῦ, ἢ διὰ τὸ θεῦσαι τὴν βοῦν ἥτοι δραμεῖν μέχρις ἐκεῖ τὴν ὁδηγὸν τοῦ Κάδμου, ἣν ἐκεῖνος θύσας τὴν πόλιν Θήβην ἐκάλεσεν ἀπὸ τῆς θεύσεως ἥτοι τοῦ δρόμου τῆς βοός· ἀφ' ἧς καὶ ἡ Βοιωτία κατὰ τινας ὀνόμασαι. ὠδήγησε δὲ ἡ τοιαύτη βοῦς τὸν Κάδμον κατὰ τὸν Πυθοῖ χρησμόν, ὅτε κατὰ ζήτησιν Εὐρώπης τῆς ἀδελφῆς αὐτὸς πλανώμενος ἦκεν εἰς Δελφοὺς ἐρησόμενος ποῦ ποτε ἂν εὕρῃ τὴν ζητουμένην· καὶ πρὸς δὲ μὲν ἤρετο, ἤκουσεν οὐδέν· χρῆσθαι δὲ ὁδηγῶ παρηγγέλθη τῷ πρώτῳ παρατυχόντι, ἢ αὐτὸ δὴ τοῦτο, βοῖ, καὶ πόλιν κτίσαι ἔνθα ἡ βοῦς εἰς τὰ δεξιὰ πέσῃ καμοῦσα. καὶ τοίνυν εἴπετο συντυχὼν ταύτῃ πορευομένῃ. ἢ δὲ ἀνεκλίθη ἔνθα αἱ Θῆβαι αὐταί. τῷ δὲ γεωγράφῳ ἐντυχὼν τις τάδε εἴσεται. Ὑποθήβας τινὲς πολεϊδίον τί φασιν, οἱ δὲ τὰς Ποτνίας· τὰς γὰρ Θήβας ἐκλελεῖσθαι διὰ τὴν τῶν Ἐπιγόνων στρατείαν, καὶ μὴ μετασχεῖν τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου· οἱ δὲ μετασχεῖν μὲν λέγουσιν, οἰκεῖν δὲ ἐν τοῖς ἐπιπέδοις χωρίοις, ἀδυνατοῦντας κτίσαι τὴν Καδμείαν, ὃ ἐστιν αὐτὰς τὰς Θήβας. ὅθεν ὑπὸ Θήβας εἶπεῖν τὸν ποιητὴν, ἦγουν ὑπὸ τῇ Καδμείᾳ, οἰκεῖν τοὺς τότε Θηβαίους. καὶ ὅρα τὸ ὑπὸ Θήβας ἦγουν ὑπὸ τῇ Καδμείᾳ. διχῶς γὰρ συνέταξεν ὁ ῥήτωρ τὴν ὑπὸ πρόθεσιν, ἦγουν μετὰ αἰτιατικῆς καὶ δοτικῆς. πολλαχοῦ δὲ οὕτω γίνεται. καὶ σημειῶσαι, ὅτι οὐ μόνον ὕφεν ἀναγνωστέον τὰς Ὑποθήβας, ἀλλὰ καὶ ἐν δυοῖ μέρεσι λόγου, ἵνα ᾗ ὑπὸ τὰς Θήβας⁸.

О Фивах говорится в сочинениях Периегета, если «Фивы» (Θήβας) вплоть до его времени следовало читать в два слога. Ибо следует знать, что хотя Гомер и написал «οἱ θ' ὑπὸ Θήβας εἶχον ἔκτικμενον πτολίεθρον», большинство не воспринимает «ὑπὸ Θήβας» как сочетание из двух слов, но читает «Гипофивы» слитно, потому что многие места именуются с приставкой, например, Эпикнемии, Гипербореи, Парапотамии, Пропонтида, Парокеаниты, Гипохалкида, город в Этолии. Стало быть, и Гипофивами какой-то городок так назван по своему местоположению. Ведь как город в Этолии называется Гипохалкидой, потому что, как объясняют, лежит под горой Халкидой, так и Гипофивы [именуются так потому, что лежат] под беотийскими Фивами. Говорят, что так именуются беотийские Потнии, где впали в бешенство кобылицы фракийца Диомеда, как сообщают некоторые и больше всех — Географ. У него рассказывается, что потниец Главк был растерзан кобылицами, которых Еврипид называет потнийскими кобылицами. Бывает, что эти Потнии произносятся и в два слога — Потны. А иные говорят, что поэт упоминает здесь Фивы вопреки истории. Ибо и комментарии к Ликофрону объясняют, что [фиванцы] не отправляли войско в Троию, потому что их только что разорили аргивяне, так что они недавно заселили город. А иные говорят, что Гипофивы — это деревни, находящиеся под семивратными Фивами. Ведь семивратные Фивы — это беотийские, тогда как стовратные — египетские. А другие [говорят], что Гипофивами назывались Фивы после разорения их эпигонами — потомками семерых против Фив, как потом расскажет поэт. И ясно, что «Гипофивы» — название, производное от «Фив». А сами Фивы называются так или по имени Фивы, дочери местной реки Асопа, или из-за того, что до этого места добежала (θεῦσαι) корова, за которой следовал Кадм; зажав ее, он назвал город Фивами (Θήβη) от слова «бег» (θεῦσις), подразумевая бег этой коровы. Некоторые считают, что и название «Беотия» (Βοιωτία) происходит от этой коровы (βοῦς). Эта корова вела Кадма в соответствии с пророчеством, полученным в Пифоне⁹, когда он, блуждая в поисках сестры Европы, пришел в Дельфы, чтобы спросить, где и когда он найдет ее. И на свой вопрос ответа он не услышал — ему было сказано следовать как за проводником за первым встречным или, что то же самое, за коровой, и основать город там, где корова ляжет отдохнуть на правый бок¹⁰. Стало быть, встретив ее, он за ней и последовал. А она легла в том месте, где сейчас Фивы. Ознакомившись же с Географом, можно узнать вот что. Одни говорят, что Гипофивами называется какой-то городок, а другие — что Потнии, потому что Фивы были покинуты вследствие похода эпигонов и не участвовали в Троянской войне. А [первые] говорят, что участвовали, но

⁸ Текст оригинала приведен по изданию Stallbaum 2010.

⁹ Метонимическое обозначение Дельфы.

¹⁰ Или «справа от него».

жили на равнине, не будучи в силах отстроить Кадмею, которая и есть сами Фивы. Поэтому, [сообщает Географ], поэт и сказал, что тогдашние фиванцы жили «под Фивами» (ὕπὸ Θήβας), то есть под Кадмеей (ὕπὸ τῇ Καδμείῳ). И обрати внимание: «ὕπὸ Θήβας» — это то же, что «ὕπὸ τῇ Καδμείῳ». Ведь ритор определил, что ὕπο [употребляется] двояко, то есть с винительным и с дательным падежом. Таких случаев много. И запомни: «Ἵπλοθήβας» следует читать не только слитно, но и в два слова, чтобы получилось «ὕπὸ τὰς Θήβας» («под Фивами»).

Евстафий, как и Страбон, упоминает, что Гипофивы, по версии некоторых комментаторов, тождественны Потниям. Однако он также приводит версию, по которой Гипофивы — это сами Фивы и есть, что, по мнению Евстафия, идет вопреки истории. Под «историей» Евстафий имеет в виду мифо-историческую традицию о походе эпигонов на Фивы, подтверждая свое мнение ссылкой на комментарии к Ликофрону, согласно которым фиванцы не ходили под Трою, так как их город был разрушен аргивянами. Важным является еще одна трактовка, упомянутая Евстафием, по которой Гипофивы — это деревни, лежащие под Фивами. Она особенно важна для интерпретации археологических свидетельств, которые будут приведены ниже. Кроме того, Евстафий следует Страбону (прямо на него ссылаясь) в том, что приводит версию, по которой фиванцы проживали под Кадмеей, поскольку после похода эпигонов не могли отстроить Кадмею, которая теперь и называлась Фивы. Евстафий также следует Стефану Византийскому, когда говорит, что многие наименования мест имеют приставки. Возможно, что в тексте Евстафия подразумевается еще одна версия о происхождении имени Ἵπλοθήβας — как Ἴπλοθήβας, или, скорее, содержится намек на нее. Мы имеем в виду вставку о потнийских кобылицах, ведь для Евстафия на слух слова Ἵπλοθήβας и Ἴπλοθήβας неразличимы. К тому же в античной литературе встречаются метафорические наименования Фив как, например, «белоконная земля» (γεν. τὸ λευκολώλω χθονὸς, Eur. Her. 29).

К сожалению, трудно сказать, кого Евстафий называет Периегетом. Первый, кто приходит на ум, — это Дионисий Периегет, автор «Описания Ойкумены», которого Евстафий комментировал в отдельном труде, но в сочинении Дионисия нет Гипофив и вообще беотийских Фив. Соответственно, Евстафий, скорее всего, имеет в виду какого-то другого из авторов периегез. Не приписал ли он к ним Стефана Византийского, ведь его пассаж о Гипофивах почти дословно включен в комментарий Евстафия¹¹? Поэтом Евстафий называет Гомера, а Географом —

¹¹ Если это так и здесь Евстафий все же называет Периегетом Стефана Византийского, то тогда слова «περὶ δὲ Θηβῶν εἴρηται ἐν τοῖς τοῦ Περιηγητοῦ» следует перевести как «о Фивах говорится среди тех [мест/ названий мест/ рассказов о местах], что у Периегета». Таким образом, существует некоторая гипотетическая вероятность того, что под ἐν τοῖς подразумеваются поселения/места/названия мест или рассказы об этих местах, но это может быть вероятным только в том случае, если под Периегетом подразумевается Стефан. Сама конструкция ἐν τοῖς сознательно расплывчатая и может значить не только разные произведения или книги одного сочинения, но и рассказы о чем-либо. На наш взгляд, учитывая столь скудную литературную традицию, которая сохранилась о Гипофивах, нелегко предположить, что один автор включил это наименование в различные свои сочинения или даже в различные книги одного сочинения, хотя это также лишь гипотеза. Аргументы

Страбона. Как понятно из текста византийского ученого, кроме того он ссылается на Еврипида, а также на комментарии к поэту и грамматiku эллинистического времени Ликофрону. Остается вопрос, кого Евстафий называет ритором, когда говорит, что тот ставит предлог ὑπό («под») вместе с винительным и дательным падежами¹²? Евстафий как бы поясняет, что, хотя предлог ὑπό в значении «под» ставится с дательным падежом, точно также в этом значении он может быть использован и с винительным, и тогда Ὑποθήβας («Гипофивы») следует читать как ὑπὸ τὰς Θήβας («под Фивами»). Иными словами, по мнению самого Евстафия, города Гипофивы не существовало, Гомер же имел в виду «под Фивами», а дальнейшие авторы просто этого не поняли. Интересно, что, согласно Мартину Весту, манускрипт Z, созданный в IX в. н.э. (Rom. Bibl. Nat. gr. 6 + Matrit. 4626, saec. ix, lemmata et schD) и содержащий самые ранние схолии к «Илиаде» (D scholia), имеет в лемме именно ὑπὸ Θήβας¹³. Не исключено, что Евстафий мог знать и этот текст.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Разобрав упоминание Гипофив в античных литературных источниках, проследим, как трактуют Гипофивы современные исследователи, опираясь на эти самые источники. Так, многие ученые считают, что Гипофивы следует понимать как поселение-преемник мифических Фив, которые уже были разрушены эпигонами в ходе драматической мифической предыстории, связанной с Эдипом и его сыновьями¹⁴. В. Кульман отмечает, что, возможно, Кадмея могла быть уничтожена в войне эпигонов, однако каталог упоминает Гипофивы. По мнению Кульмана, который основывается на противоречиях между «Списком кораблей» и остальным текстом «Илиады», а также между списком вождей и представленными в списке городами, Гипофивы отсутствовали в оригинальном списке. Кульман считает, что формальная структура каталога кораблей предполагает его создание независимо от «Илиады», к которой он был адаптирован поэтом, причем

в пользу возможности отождествления здесь Периегета со Стефаном следующие. Евстафий в различных местах сначала обозначает автора, которого затем цитирует. Даже в нашем отрывке он называет Географа, а затем сразу дает цитату из Страбона, которая приведена в первом отрывке. Так может обстоять дело и с Периегетом: после его упоминания практически сразу дается цитата из Стефана о местах, которые именуются с приставкой. Этот текст мы также привели (прямо перед текстом Евстафия). Сама структура сочинения Стефана такова, что в нем друг за другом перечисляются места/поселения, о которых дается краткая информация. Среди них и встречаются Гипофивы.

¹² Вероятно, речь идет об Аристархе Самофракийском, Зеноте или же Аристофана Византийском, т.е. о ком-то из alexandрийских филологов. Не исключено также, что упоминаются Апион или Геродор – грамматики, которые создали комментарий к «Илиаде» Гомера и на которых, по подсчетам исследователей, Евстафий прямо ссылается 68 раз, см. van der Valk 1963, 1, no. 1. Возможно также, что речь идет о Гермогене из Тарса. О влиянии последнего на сочинения Евстафия см. Stone 2001; Nünlist 2012, 493.

¹³ West 1998, 67. Cp. Erbse 1969, 294.

¹⁴ Eder 2003, 302.

так, что список героев представляется более ранним списком, чем список городов, который, видимо, отражает современный поэту мир, хотя он и старше «Илиады». Оригинальный список городов, согласно Кульману, был близок спискам, используемым в контексте Олимпийских игр ок. 700 г. до н.э.¹⁵ Надо сказать, что особое внимание Кульман уделяет очевидной замене в «Илиаде» предводителя беотийцев Ферсандра, сына Полиника, тремя другими командующими, что предполагает первую ахейскую экспедицию в Тевфранию как часть троянской легенды до «Илиады». Эта гипотеза теперь подтверждается папирусом Архилоха, опубликованным в 2005 г.¹⁶ П. Вателет же полагает, что первоначальная строка относительно Фив должна была быть следующей: οἱ δ' ἄρα Θήβας εἶχον ἐϋκτίμενον πτολίεθρον («те именно, которые Фивы держали, хорошо построенный город»)¹⁷.

Если развивать идею о том, что Фивы были уничтожены эпигонами, то как отмечает К. Паш, Гипофивы должны относиться к поселению «под городом»¹⁸. Далее Паш приводит утверждение из комментария к «Илиаде» Дж. Керка, что тогда эпитет ἐϋκτίμενος («хорошо построенный») не соответствует особенно низкому статусу Гипофив, однако, по мнению Керка, этот эпитет, похоже, применяется несколько произвольно¹⁹. Сама же К. Паш считает, что несмотря на кажущуюся неуместность эпитета ἐϋκτίμενος, он не используется произвольно, и, как и в описании Андромахой ее собственного погибшего города Плакейских Фив с «высокими воротами», «хорошо построенные» нижние Фивы также обращают наше внимание на то, что когда-то было, но уже не существует. Таким образом, по мнению Паш, Фивы могли быть «крепко-основанными» (strong-founded), используя вызывающий отсылку к прошлому перевод Р. Латтимора, точно так же как Плакейские Фивы когда-то могли иметь внушительные стены, однако оба города были уничтожены. Таким образом, по мнению исследовательницы, эпитет ἐϋκτίμενος обращает внимание не на нынешнее состояние Гипофив, а на славное прошлое Фив и падение их якобы неприступных стен²⁰.

Э. Чингано дает другую интерпретацию упоминания Гипофив в «Илиаде»: после первой провальной экспедиции аргивян во главе с Адрастом, которому единственному удалось спастись, второй поход на Фивы имел благоприятный исход и выразился в разрушении города незадолго до Троянской войны, а некоторые из эпигонов — Диомед, Сфенел и Эвриал — затем отплыли в Трою во главе аргивского отряда (Hom. II. II. 559–569). Таким образом, по мнению Чингано, опущение упоминания о Фивах в «Списке кораблей» и замена их неизвестными Гипофивами, по-видимому, отражает эпическую компетентность автора этих стихов, который адаптирует их к традиции фиванского эпоса, отражающего события до Троянской войны. Э. Чингано добавляет, что в подтверждение этой

¹⁵ Kullmann 2012, 210–223, ср. Kullmann 2009, 1–20.

¹⁶ Obbink 2005, 18–42.

¹⁷ Wathelet 1992, 459. Такое допущение делается на основании аналогии с Hom. II. II. 546, где имеется οἱ δ' ἄρα Ἀθήνας εἶχον ἐϋκτίμενον πτολίεθρον, а также Hom. II. II. 569, где имеется οἱ δὲ Μυκῆνας εἶχον ἐϋκτίμενον πτολίεθρον, ср. Cingano 2000, 131, no. 14.

¹⁸ Pache 2014, 284.

¹⁹ Kirk 1985, 194.

²⁰ Pache 2014, 284.

гипотезы следует помнить, что вместо этого Фивы связно упоминаются в других отрывках «Илиады» и «Одиссеи», которые напоминают о фиванской саге в связи с эпизодами, предшествовавшими завоеванию города эпигонами. Иными словами, подытоживает Чингано, поэт не мог упомянуть в «Списке кораблей» название Фив, чтобы не противоречить эпическому сценарию, предполагаемому «Илиадой», но и не мог совсем опустить такое исторически важное место: из необходимости поиска компромисса между эпосом и историей и возникло загадочное упоминание Гипофив²¹.

Таким образом, можно констатировать, что в данном случае филологические исследования скорее повторяют те версии, которые выдвинули древние авторы, нежели исчерпывающе или по-новому объясняют употребление топонима «Гипофивы» в «Илиаде», что неудивительно, ведь в руках современных исследователей есть лишь те самые немногие древние тексты, которые мы разобрали в предыдущей части статьи. При этом подавляющее большинство исследователей даже не приводят и не анализируют текст Евстафия. Соответственно, чтобы продвинуться дальше и попытаться отыскать ключ к разгадке Гипофив, следует обратиться к данным археологии.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Уже У. Виламовиц-Меллендорф полагал, что Гипофивы относятся к области Больших Фив под Кадмеей²². Греческий археолог А. Керампулос, проводивший раскопки в Фивах в первой четверти XX в., считал, что это наименование относилось к гомеровскому городу, который также распространился внизу Кадмеи²³. Однако до С. Симеоноглу никто, видимо, не пытался определить точное расположение Гипофив, привязав его к конкретной местности. Симеоноглу считает, что наименование Гипофивы относилось ко времени, следующему за разрушением дворцовых Фив (примерно с 1250 по 1050 г. до н.э.), когда Фивы сильно уменьшились, но все же были населены. Эпитет же ἑϋκτίμενος при таких обстоятельствах Симеоноглу объясняет поэтическим описанием, вдохновленным Фивами микенского времени. На основании наличия погребений этого времени в Кадмее Симеоноглу делает вывод, что большая часть Кадмеи не была населена в этот период. Он предполагает, учитывая скудные остатки (scanty remains) фортификации Кадмеи (в период исследований, предшествующий публикации Симеоноглу), что северный конец Кадмеи был укреплен между концом микенского времени и архаическим периодом.

По его мнению, область между Археологическим музеем Фив и церковью Святого Георгия (место 93 каталога Симеоноглу) — единственная, где содержится намек на существование поселения в постдворцовый период. Эта область находится ниже остальной части цитадели, а ее западная часть, как передает Симеоноглу, все еще (на 1985 г.) носит наименование γούρνα — впадина. Эта часть,

²¹ Cingano 2000, 130.

²² Willamowitz-Möllendorf 1891, 237.

²³ Keramopoullos 1917, 304.

как считает Симеоноглу, была практически незаселенной в микенское время²⁴ и поэтому могла быть пригодной для нового поселения. Симеоноглу добавляет, что такое положение Гипофив может объяснить наличие ворот, названных «Северными» (Ворраΐαι), которые могли быть единственными воротами Гипофив. Он отмечает, что, по Эсхилу (*Sept.* 526–528), Северные ворота находились рядом с погребением (Симеоноглу использует термин *tumulus*) Амфиона, которое, по мнению исследователя, находилось примерно в 50 м от северного конца Кадмеи. Таким образом, заключает Симеоноглу, Эсхил и его современники могли считать, что Гипофивы были частью первоначальной (микенской) Кадмеи. Археолог предполагает, что поселение Гипофивы могло соответствовать границе линии холма, как она следует сейчас, и, таким образом, занимать площадь ок. 4 га. Эти Гипофивы, по мнению Симеоноглу, оставались единственным фиванским поселением на протяжении «Темных веков»²⁵.

Совершенно иную интерпретацию местоположения Гипофив предлагает А. Шахтер, связывая Гипофивы с формированием Фиванского полиса. Шахтер отмечает, что полис Фивы, в отличие от микенского дворцово-центрического города, похоже, был основан в позднегеометрический период. В этом процессе исследователь ставит во главу угла основание городских святилищ. По его мнению, новый полис, базирующийся на скоплении новых или переименованных мест, таких как Гераклеийон, Исменийон, Амфейон, агора, был основан в результате синойкизма пятью семействами-основателями — спартами. Во время микенского периода город на Кадмее назывался Фивы, новый же город был удобно расположен, чтобы называться Гипофивами²⁶. Относительно «Списка кораблей» в «Илиаде» А. Шахтер отмечает, что, хотя в списке нет единого предводителя над всеми беотийцами, для Гипофив, как и для святилища в Онхесте, выделена отдельная строка. Сам же полис Фивы начался как Гипофивы (город внизу Фив) и фокусировался на прилегающих (к Кадмее) святилищах Аполлона Исмения и Геракла, а к середине VI в. до н.э. распространил свое влияние на восточную Беотию²⁷. Таким образом, Гипофивы, согласно данной гипотезе, должны были занимать юго-восточный сектор Больших Фив, где и располагались данные святилища²⁸.

Третью археологическую интерпретацию можно найти в работах В. Аравантиноса. Описывая Фивы постдворцового периода, он отмечает, что группы

²⁴ На наш взгляд, судя по дальнейшим исследованиям, это зыбкое положение, и общая площадь микенских Фив составляла ок. 30 га, включая всю Кадмею.

²⁵ Symeonoglou 1985, 60–63. Эту точку зрения разделяет Д. Берман, см. Berman 2002, 90, no. 47.

²⁶ Schachter 1992, 27–28.

²⁷ Schachter 2019, 67.

²⁸ О святилище Аполлона Исмения, его местоположении и исследовании см. Karamoullou 1917, 33–79; Schachter 1981, 81; Symeonoglou 1985, 237–239; Faraklas 1998, 35–54; Mozhajsky 2014, 74–75; Aravantinos 2017, 223–226. О святилище Геракла, его местоположении и исследовании, включая отдельные находки, см. Aravantinos 2010b, 130–137, 145–157; 2014; 2017, 226–230. О юго-восточном секторе Больших Фив и его возможной фортификации архаического времени см. Mozhajsky 2014.

населения заново использовали старые гробницы, а также создавали новые. Наиболее вероятно, что эти группы населения жили вне цитадели, начиная с XII в. до н.э. и далее. В. Аравантинос отмечает, что несколько погребений младенцев, датированных Позднеэлладским IIIС периодом, в основном без приношений, одиночные или в небольших группах, были сделаны в цитадели. С другой стороны, захоронения либо в недавно вырытых ямах, либо в урнах с пеплом, возможно, указывают на разграничение новых территорий, предназначенных для общего пользования. Эти внешние (extramural, «вне стен») области были позднее заняты городскими кладбищами исторического времени.

Таким образом, спорадические захоронения, возможно, использовались последующими общинами как места памяти. Соответственно, предполагается, что эти погребения связаны с проживанием населения вне акрополя в небольших деревушках (ἰσθία) или в домохозяйствах (οἶκος), а также свидетельствуют об изменении погребальных обычаев. Такой вид поселений и кладбищ, по-видимому, отражен термином Гипофивы, появившимся в гомеровской «Илиаде» вместо Фив²⁹. При этом В. Аравантинос подчеркивает, что ни мифологическая традиция, ни упоминание Гипофив в «Списке кораблей», не являются аргументом в пользу оставления города в конце дворцового периода, якобы после его предполагаемого разрушения эпигонами³⁰. В. Аравантинос также считает, что Фивы Раннего железного века известны по литературной традиции того времени как Гипофивы. Таким образом, черты заложенного в постдворцовый период поселения характерны здесь и для геометрического времени. Это выражалось в том, что Гипофивы состояли изначально (вероятно, после падения микенского общества) из различных деревушек и хуторов, разбросанных вокруг цитадели³¹. Так же как и другие беотийские поселения (Феспии, Танагра, Орхомен, Платеи), каждое из которых позднее развилось в независимый город-государство, Фивы могли поглотить ряд меньших поселений на окружающей равнине, память о которых осталась, в то время как сами они исчезли. По мнению Аравантиноса, Фивы VII в. до н.э., представленные в «Списке кораблей», были уже обширным и «хорошо построенным городом», однако более ранний топоним Гипофивы все еще сохранялся. Более того, составное наименование Гипофивы — во множественном числе — может означать, что более чем одно поселение находилось в непосредственной близости к цитадели, в то время как другие распространились на плодородную равнину уже обширной хоры³². В другой работе В. Аравантинос уделяет внимание Потниям в связи с Гипофивами. Говоря о субмикенских и протогеометрических погребениях, он отмечает, что эти погребения совпадают с временным оставлением цитадели и перемещением населения в малые спутниковые поселения (χατὰ ἰσθίαν), хутора или домохозяйства на окружающую равнину. Одним из них были Потнии — пригород и, вероятно, священное место как микенских, так и классических Фив. Это и другие малые поселения и составляли Гипофивы — «Нижние

²⁹ Aravantinos 2019, 190.

³⁰ Aravantinos 2019, 190, no. 23.

³¹ Aravantinos 2017, 221.

³² Aravantinos 2017, 222.

Фивы, хорошо построенный город» в «Илиаде» — что, вероятно, является аллюзией на постдворцовые социополитические реалии³³.

Как можно увидеть, и здесь относительно интерпретации Гипофив бытуют разные мнения. Учитывая филологический подход, очевидно, что Гипофивы должны как-то соотноситься с местностью под Кадмеей, при этом археологический подход показывает, что возможна весьма широкая трактовка этого названия в плане конкретного месторасположения и времени существования такого поселения.

Попытаемся далее дать своей взгляд на расположение Гипофив и время существования этого поселения, которое мы считаем начальным этапом формирующегося Фиванского полиса (см. план города на рис. 1). Наш подход будет во многом базироваться именно на археологических свидетельствах, в том числе на результатах самых последних исследований в Фивах, где автор статьи участвовал в раскопках под руководством В. Аравантиноса с 2013 по 2018 г. Некоторые полученные в этот период исследований данные позволяют предложить иную гипотезу о формировании Фив в период от постдворцового до геометрического периода. Кроме того, следует переосмыслить и прошлые археологические данные, интерпретировать которые можно также по-иному, если рассматривать параллельные случаи с другими существовавшими в этот период поселениями, особенно с Афинами.

Прежде чем дать нашу интерпретацию, чтобы иметь отправную точку в рассуждениях, отметим доминирующую точку зрения в анализе археологических данных, в первую очередь относительно погребений от постдворцового до протогеометрического периода, которой мы уже частично коснулись при разборе концепции В. Аравантиноса. Итак, на данный момент большинство современных исследователей разделяют положение о том, что в период с XI по IX в. до н.э. фиванцы, которые пережили крушение дворцовой системы, жили в небольших фермерских сообществах, а Кадмея была покинута и использовалась как место для совершения захоронений³⁴. Однако столь ли прочны основания для такого взгляда? В работе 2014 г. Е. Кунтури проанализировала найденные в Фивах протогеометрические погребения и обнаружила, что они были сделаны в трех местах Кадмеи (или в четырех, если включить сюда погребения в области ворот Электры)³⁵, при этом архитектурных остатков протогеометрического време-

³³ Aravantinos 2020, 774.

³⁴ Andreiomenou 1989, 262; Vanschoonwinkel 1991, 128; Е. Кунтури (Kountouri 2014) осторожно разделяет этот взгляд и ссылается на исследование Йена Морриса (Morris 2000, 204), где она видит схожую интерпретацию для Аргоса, Асины, Микен, Наксоса и Тиринфа, в которых кладбища с ящичными погребениями были созданы на руинах микенских домов.

³⁵ О работах А. Керампуллоса в области ворот Электры см. Keramopoulos 1917, 25–32, fig. 19–20, 29. Было исследовано одиннадцать погребений, из которых семь были субмикенского времени и два — протогеометрического периода (погребения 2 и 9). Работы К. Демакопулу при раскопках участка Pan. Zioma см. в AD (Archaiologikon Deltion) 20 1965, 237–239, pl. 283a. Здесь в яме было обнаружено погребение взрослого человека. Между ног покойного, как отмечено в AD 20 и в обобщении Kountouri

Рис. 1. Фивы. 1 – ворота Электры; 2 – святилище Геракла; 3 – святилище Аполлона Исмения; A1 – место святилища Амфиарая по мнению А. Керампуллоса; A2 – место святилища Амфиарая по мнению С. Симеоноглу

ни не было найдено. Примечательно, что их не нашли и вне Кадмеи. Еще более примечательно то, что найденные погребения этого периода вне Кадмеи также происходят из трех мест (если отнести сюда погребения с внешней стороны ворот Электры и вновь использованную микенскую гробницу 27 на Колонаки). Получается, что Кадмея, видимо, использовалась для погребений не чаще, чем местность около нее.

Таким образом, мы подвергаем сомнению вывод о том, что Кадмея использовалась в протогеометрическое время исключительно для погребений. Следует учитывать также большую площадь акрополя Фив — ок. 25 га (имеет грушевидную форму, 800 м в длину и 500 м в ширину)³⁶ — что весьма удобно для размещения отдельных хозяйств на возвышенности. Соответственно, интерпретация наличия погребений внизу Кадмеи как свидетельства проживания здесь разрозненного населения, а погребений в самой Кадмее — как свидетельства в пользу того, что Кадмея использовалась исключительно для погребения, выглядит сомнительной. Отсутствие же архитектурных остатков можно объяснить плохой сохранностью субмикенских и протогеометрических апсидальных домов, от которых позднее ничего не осталось. Иен Моррис показывает, что в ряде мест Греции (например, Лефканди и Тиринфе) греки XI в. до н.э. вырыли могилы между своих домов или под полами домов. Эти погребения, в отличие от самих домов, и были выявлены археологами, поскольку находились под поверхностью земли. Затем Моррис приводит выявленный

2014, 214, была найдена субмикенская амфора, содержащая кремированные останки. Также были найдены два скифоса. Однако относительно данной амфоры С. Симеоноглу сообщает, что обозначение «субмикенская амфора» ошибочно, и эта амфора является протогеометрической, см. Symeonoglou 1985, 240. Э. Снодграсс (Snodgrass 1971, 102, 207) и В. Десборо (Desborough 1972, 203, 368) помещают данное погребение в протогеометрический контекст. Кроме того, во время исследований под руководством В. Аравантиноса в 1995 г. было найдено два погребения протогеометрического времени, см. AD 50 1995, 276–277, pl. 101 d. Первое захоронение представляло собой ящичное погребение, вероятно женское, с двумя крупными бронзовыми булавками, помещенными крест-накрест на груди, с бронзовыми серьгами и двумя маленькими сосудами. Второе погребение находилось в покрытой плитами яме, где содержались останки одного взрослого и двух детей. Известно также детское ящичное погребение на пересечении улицы Пиндара и Кевита, которое содержало амфориск, скифос, чашу и бронзовую булавку, см. Andreiomenou 1989, 254–255. Что касается протогеометрических погребений вне Кадмеи, то они могут включать уже упоминавшиеся погребения в районе ворот Электры, а также возможное погребение на холме Колонаки, где в более ранней микенской камерной гробнице 27 был найден скифос с типичным для протогеометрического времени декорированием концентрическими кругами, см. Keramopoulos 1917, 203–204, fig. 148; Desborough 1952, 195. Э. Снодграсс считает, что данная микенская гробница использовалась в протогеометрическое время для нового захоронения, см. Snodgrass 1971, 158. Сюда следует также добавить результаты раскопок, проведенных в районе Тахи в 1973 г., где было обнаружено ограждение с погребениями от протогеометрического до раннеэллинистического времени, причем позднепротогеометрический период был представлен погребальной амфорой, см. Andreiomenou 1977, 12–17.

³⁶ Dakouri-Hild 2010, 690.

случай протогеометрического времени, когда в Асине, в области Карманиола в самом древнем, существовавшем непрерывно в XII—VIII вв. до н.э., поселении было найдено восемь протогеометрических погребений между прослеженными археологами домами³⁷. Подобная ситуация могла иметь место и в Кадмее. Кроме того, протогеометрическое население Кадмеи гипотетически могло использовать старые микенские строения³⁸.

Еще одним аргументом в пользу продолжения существования поселения в Кадмее является сохранение остатков ее фортификации, даже если они и были повреждены, но остались видимы³⁹. Стены Кадмеи, расположенной на возвышенности, могли притягивать немногочисленное население в постдворцовый и геометрический периоды. Наиболее близкая в этом отношении параллель — Афины того же времени, где континуитет фортификации акрополя сохранялся от микенского до архаического времени⁴⁰. Кроме того, и на афинском акрополе (в основном по краю цитадели), и в Кадмее присутствуют субмикенские захоронения, причем отсутствие обитания на афинском акрополе в этот период никто не постулирует⁴¹.

Следует отметить важность субмикенской традиции для интерпретации развития Кадмеи в начале «Темных веков», ведь она является индикатором возможного континуитета населения, по крайней мере непрерывности погребений от

³⁷ Morris 2000, 204–205; об исследованиях в Асине см. Wells 1976; 1983.

³⁸ Свидетельства использования микенских строений для проживания и хранения в протогеометрическое время известны из Нихории в Мессении, см. McDonald *et al.* 1983. Из данного отчета видно, что основание одного микенского здания было отремонтировано и помещение использовалось в протогеометрический период (между 975–850 гг. до н.э.), вероятно, как хранилище для пифосов, см. *ibid.*, 17–18. Также известно второе отремонтированное микенское здание, использовавшееся в этот период, где в яме были найдены скифос, ойнохоя, а также грубо сделанная чаша, см. McDonald *et al.* 1983, 44–46. Ср. Mazarakis Ainian 1997, 98–100.

³⁹ Микенская фотификация Кадмеи прослежена в различных местах цитадели вдоль северного (Keramopoulos 1917, 272; AD 25 1970, 217–218; также исследования В. Аравантиноса, см. AD 54 2005, 311–312), восточного (Keramopoulos 1917, 207, 306–307; AD 20 1965, 237; AD 36 1981, 190–191; Aravantinos 1988, no. 36) и юго-восточного склонов (Aravantinos 1988). Ср. Dakouri-Hild 2010, 699.

⁴⁰ Papadopoulos, Smithson 2017, 978; Eiteljorg 1995, 85–86; Hurwit 1999, 88; ср. Papadopoulos, Smithson 2017, 978–984.

⁴¹ Gauss, Ruppenstein 1998, список представлен в Tab. 1. Речь идет о семи субмикенских погребениях, которые можно идентифицировать с определенностью, и еще трех возможных субмикенских погребениях. Таким образом, максимальная их численность на афинском акрополе может составлять десять, ср. Papadopoulos, Smithson 2017, 981. Что касается Кадмеи, то здесь уже упоминались семь погребений в области ворот Электры. К ним можно прибавить одно субмикенское погребение, которое было обнаружено на участке D. Pavlogiannopoulos, находящемся на улице Пелопида в нескольких метрах к северу от участка Zioma, см. Demakoulou 1975; ср. Kountouri 2014, 214. Таким образом, в Кадмее известно восемь субмикенских погребений, что очень близко по количеству к тем, которые известны по краям афинского акрополя. Большинство известных субмикенских погребений Кадмеи также находятся у края акрополя, в области ворот Электры.

субмикенского до протогеометрического времени. Последние находятся на тех же местах, что и субмикенские, продолжая их. Тем более что в Фивах, вероятно, субмикенский керамический стиль закончился позже, чем в Аттике, где это произошло ок. 1050 г. до н.э., и наступил протогеометрический период⁴². Здесь же, в Фивах, субмикенский и протогеометрический стили существуют некоторое время одновременно. Соответственно, можно предположить, что протогеометрическое население было несколько большим по численности, если добавить к протогеометрическим погребениям некоторые субмикенские погребения, которые соответствовали первым по времени. Что же это отражает? Есть два возможных сценария: к субмикенскому населению Кадмеи добавилось пришлое население с протогеометрическими погребальными практиками, которые затем переняло первичное субмикенское население, или же субмикенское население по каким-то причинам постепенно перешло к протогеометрическим погребальным практикам, возможно под влиянием соседей из Аттики.

В результате вышеприведенных рассуждений можно заключить, что существуют немногочисленные, но все же следы связи между населением Кадмеи субмикенского и протогеометрического периодов, а до этого субмикенское население определенно имело связь с предшествующим периодом (позднеэлладским ППС, средним и ранним). Связь субмикенского населения с предшествующим населением позднеэлладского ППС периода подтверждают археологические исследования В. Аравантиноса, который отмечает, что охранные раскопки под улицей Пелопида и вблизи «Арсенала» продемонстрировали разрушение микенского дворца в позднеэлладской ППВ-финальной фазе, за чем последовало повторное заселение места в позднеэлладский ППС ранний период, население которого в этой области продолжилось до позднеэлладской ППС продвинутой фазы⁴³.

Недавней находкой в Кадмее (2014 г.), которая также косвенно подтверждает присутствие населения на акрополе и характеризует жизнь Фив в позднеэлладский ППС период, могут считаться фрагменты кратера позднеэлладского ППС среднего периода, который датируется ок. 1150–1100 гг. до н.э. На этих фрагментах изображены воины в движении, вероятно возвращающиеся после сражения из разграбленного города. Мужчины вооружены длинными мечами, а на плечах несут военную добычу в мешках, повешенных на палки для переноса тяжестей⁴⁴. В. Аравантинос полагает, что эта сцена вызывает в памяти эпос и воспроизводит «воинское» мировоззрение⁴⁵. Для этого периода известны кратеры с побережья Евбейского пролива, которые похожи по стилю на тот, что найден в Фивах, но на них изображена морская тема: корабли и сражения на кораблях, в то

⁴²Snodgrass 1971, 158; Symeonoglou 1985, 91.

⁴³Aravantinos 2019, 190. В данной работе отмечено также, что помимо керамики в Кадмее все же было обнаружено малое количество архитектурных остатков позднеэлладского ППС периода. Относительно человеческой активности в Кадмее этого времени В. Аравантинос отмечено также, что последние работы в области центрального дворцового комплекса в Кадмее выявили свидетельства некоторой строительной активности вместе с аккуратным разбором руин дворца.

⁴⁴Mozhajsky 2018, 94, рис. 3.

⁴⁵Aravantinos 2016, 151.

время как на кадмейском кратере иной сюжет. Наиболее же близкая параллель к кадмейскому изображению представлена на кратере из Калаподи, где такие же мешки висят у воинов на плечах. Там же изображен воин, который лезет по лестнице на стену (вероятно, крепостную). Отметим также, что Фивы и Калаподи находятся в глубине материка, что позволяет выделить (пока осторожно) новый художественный сюжет, который характерен для переживших крушение дворцов поселений, находящихся в глубине материка в Средней Греции⁴⁶. Этот сюжет, несмотря на современную позднеэлладскому IIIС периоду стилистику, скорее восходит к сюжетам, вошедшим впоследствии в эпическую традицию о Троянской войне или напоминающим фиванский сюжет о «Семерых против Фив». Таким образом, вышесказанное придает новое усиление аргументации, которую приводит С. Симеоноглу, заявляя, что те, кто выжил после разрушений Позднего бронзового века, населяли часть Кадмеи и продолжали использовать старые культовые места акрополя Фив, а также что это может объяснить то, почему столь много мест, ассоциированных с бронзовым веком Фив, продолжают быть почитаемыми вплоть до периода поздней античности⁴⁷.

Итак, мы предполагаем континуитет населения в Кадмее с постдворцового до протогеометрического периода: Кадмея не была полностью уничтожена и покинута в это время, и там продолжало жить население. К сожалению, археологические свидетельства раннегеометрического и среднегеометрического времени в Кадмее пока отсутствуют⁴⁸. Вероятно, это произошло из-за разрушения культурного слоя как в древности, так и в последующее время, а также из-за ограниченной территории для археологического исследования, ведь на месте Кадмеи находится современный город.

Однако относительно недалеко от Кадмеи — в Тахи (античные Потнии) — найдено несколько погребений среднегеометрического времени, а всего здесь открыто шесть погребений средне- и позднегеометрического периодов⁴⁹. Это говорит о формировании в 2 км от Кадмеи поселения-спутника Фив.

Большее количество археологических данных относится к позднегеометрическому периоду в Фивах, когда формируется организованное поселение с центром в Кадмее⁵⁰. В это время оформляется юго-восточный сектор Больших Фив, который продолжает играть ключевую роль в городском и религиозно-культурном

⁴⁶ Подробнее об этом, с указанием библиографии, в нашей работе, ожидающей публикации: Mozhajsky 2025 (forthcoming).

⁴⁷ Symeonoglou 1985, 91. Если на кадмейском кратере позднеэлладского IIIС периода изображена эпическая сцена, то это также показывает, как население Фив постдворцового и протогеометрического времени сохранило устную традицию о микенских Фивах.

⁴⁸ Kountouri 2014.

⁴⁹ Andreiomenou 2014.

⁵⁰ Здесь, как в Коринфе и Аттике, происходит схожий процесс: погребения теперь совершаются вне границ поселений, см. Mozhajsky 2021, 55–56. Вокруг Кадмеи, на равнине к северо-востоку и к северо-западу, расположены два больших кладбища, некрополь в Тахи также продолжает использоваться, а микенские гробницы вокруг Кадмеи, видимо, почитаются как места памяти.

пространстве Фив в архаический, а затем и в классический период. Ключевым показателем формирования здесь важнейшего городского пространства, примыкающего к Кадмее, является наличие двух наиболее известных в архаическое время в Фивах святилищ: Аполлона Исмения и Геракла. Судя по археологическим данным, оба эти святилища были основаны в юго-восточном секторе Больших Фив в VIII в. до н.э.⁵¹ В нашем исследовании 2014 г. мы предположили, что с этими двумя святилищами связана дальнейшая урбанизация Фив и включение юго-восточного сектора Больших Фив в фортификацию города уже в архаическое время.⁵² В этом исследовании мы показываем, что юго-восточный сектор стены Больших Фив должен был существовать еще до Греко-персидских войн. Одним из аргументов в пользу этой точки зрения являются некоторые сообщения Геродота. Так, согласно историку, ок. 546 г. до н.э. лидийский царь Крез отправил вестников спросить эллинские оракулы о начале войны с персами. Крез удовлетворился ответами из Дельф и от фиванского оракула Амфиарая, после чего царь посвятил Амфиарая золотой щит и золотое копье (Hdt. I. 52). При этом греческий историк заявляет, что в его время эти дары хранились в храме Аполлона Исмения в Фивах. Это сообщение Геродота подтверждено найденным в 2005 г. эпиграфическим материалом: барабаном колонны с надписью из Фив (Археологический музей Фив, инвентарный номер 40993). Две надписи на колонне были опубликованы Н. Папазаркадасом⁵³. Исследователь датирует одну из надписей концом VI — началом V в. до н.э. Эта надпись сообщает, что неизвестный служитель святилища Аполлона чудесным образом обнаружил пропавший щит Креза. Этот украденный в какой-то момент щит, согласно Папазаркадасу, был с помощью оракула Аполлона Исмения обнаружен этим служителем (жрецом?). Таким образом, опубликованная недавно надпись подтверждает рассказ Геродота о том, что он видел дары Креза (или то, что фиванцы считали дарами Креза).

По нашему мнению, перенесение даров в святилище Аполлона имело смысл только в том случае, если юго-восточный сектор стены Больших Фив уже существовал перед Греко-персидскими войнами, а перенесение даров произошло по причинам безопасности, чтобы они не были разграблены в беспокойное время войны с персами. Это неудивительно, учитывая, что тот же Геродот сообщает о краже в 490 году до н.э. персами статуи Аполлона из беотийского Делия (Hdt. VI. 118). Вероятно, чтобы оправдать и легитимировать перенос даров Креза из святилища Амфиарая, которое определено находилось с внешней стороны стены Больших Фив, в святилище Аполлона Исмения, жрецами Аполлона была придумана история о чудесном обретении щита с оракульной помощью Аполлона Исмения. Таким образом, к концу архаического периода юго-восточный сектор Больших Фив уже оформился в единое целое с Кадмеей и был обнесен стеной, являясь первым интегрированным сектором Больших Фив, который некогда

⁵¹ О святилище Геракла см. Aravantinos 2015; 2017. О святилище Аполлона Исмения см. Keramopoulos 1917, 33–79; Schachter 1981, 81; Symeonoglou 1985, 236–239; Mozhajsky 2014, 74–75.

⁵² Mozhajsky 2014.

⁵³ Papazarkadas 2014.

был «под Кадмеей». Мы представили свой взгляд на формирование Фив от постдворцового периода до архаического периода. Остается подвести итоги и на основе проведенного археологического анализа реконструировать ту фиванскую реальность, которая может быть отражена в «Илиаде» гомеровским названием Гипофивы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показывает, что Кадмея не была полностью оставлена после крушения микенских дворцов, поэтому интерпретировать Гипофивы как новый центр под Фивами, поскольку Кадмея была разрушена эпигонами и пустовала, не представляется возможным. Археологические исследования показывают, что в постдворцовый и геометрический периоды, наряду с Кадмеей, появляются и очаги населения «под Кадмеей», в том числе к концу геометрического времени спутник Фив — Потнии. Вероятно, наличие наименования Гипофивы в «Списке кораблей» отражает процесс объединения разрозненных очагов населения, которые оформились в геометрический период на равнине под Кадмеей в единое с Кадмеей поселение. Эпитет же ἑϋκτίμενος подчеркивает наличие самой Кадмеи, с ее еще микенскими стенами, как составной части Гипофив, причем именно как сердцевины нарождающегося города. Тем не менее слово Гипофивы четко показывает приращение новых секторов, которые располагались «под Кадмеей». Сама же Кадмея, благодаря своему микенскому прошлому, воспринималась некоторое время (в геометрический период, возможно, часть архаического времени) как старые Фивы. Отсюда и акцент в «Илиаде» на новообразование с названием Гипофивы как оппозицию к когда-то старым микенским Фивам — Кадмее. Процесс приращения к Кадмее секторов Больших Фив, которые формировались «под Кадмеей», хорошо прослежен в юго-восточной области Больших Фив, где еще в геометрический период были образованы два важнейших фиванских святилища: Геракла и Аполлона Исмения. Впоследствии в архаический период этот сектор был обнесен новой стеной Больших Фив.

Литература / References

- Andreiomenou, A. 1977: [Archaeological Chronicle. Surveys and Accidental Finds in Boeotia]. [*Archaeological Journal*] 1976, 12–21.
 Ανδρειωμένου, Α. Αρχαιολογικά χρονικά. Ξερευναί καί τυχαία εϋρήματα ἐν Βοιωτία. *Αρχαιολογική Εφημερίς* 1976, 12–21.
- Andreiomenou, A. 1989: Böotien in der Zeit von 1050–800 v. Chr. In: H. Beister, J. Buckler (Hrsg.), *Boiotika. Vorträge vom 5. Internationalen Böotien-Kolloquium zu Ehren von Professor Dr. Siegfried Lauffer, Institut für Alte Geschichte, Ludwig-Maximilians-Universität München, 13.–17. Juni 1986*. München, 253–263.
- Andreiomenou, A.K. 2014: [Geometric and Early Archaic Graves from Tachi, Thebes (Ancient Potniae)]. In: V. Aravantinos, E. Kountouri (eds.), [*100 Years of Archaeological Research in Thebes. The Pioneers of Research and their Successors*]. Athens, 231–278.
 Ανδρειωμένου, Α.Κ. Γεωμετρικοί και πρόωμοι αρχαϊκοί τάφοι από το Τάχι Θηβών (αρχαία Ποτνιαί). Στο: Β. Αραβαντινός, Έ. Κουντούρη (επιμ.), *100 Χρόνια Αρχαιολογικού Έργου στη Θήβα. Οι πρωτεργάτες των ερευνών και οι συνεχιστές τους*. Αθήνα, 231–278.

- Aravantinos, V.L. 1988: [The Mycenaean Fortification of the Kadmeia: A Preliminary Report]. In: A.P. Bekiariis (ed.), [*Proceedings of the 1st International Congress of Boeotian Studies, Thebes, 10–14 September 1986*]. Athens, 113–136.
- Αραβαντινός, Β.Λ. Η μυκηναϊκή οχύρωση της Καδμείας: προκαταρκτική ανακοίνωση. Στο: Α.Π. Μπεκιάρης (επιμ.), *Πρακτικά Α' Διεθνούς Συνεδρίου Βοιωτικών Μελετών, Θήβα, 10–14 Σεπτεμβρίου 1986*. Αθήνα, 113–136.
- Aravantinos, V.L. 1999: Mycenaean Texts and Contexts at Thebes: The Discovery of New Linear B Archives on the Kadmeia. In: S. Deger-Jalkotzy, S. Hiller, O. Panagl (Hrsg.), *Floerant Studia Mycenaea. Akten des X. Internationalen Mykenologischen Colloquiums in Salzburg vom 1.–5. Mai 1995*. (Veröffentlichungen der Mykenischen Kommission, Bd. 18). Vienna, 45–178.
- Aravantinos, V.L. 2010a: Mycenaean Thebes: Old Questions, New Answers. In: I. Boehm, S. Müller Celka (éd.), *Espace civil, espace religieux en Égée durant la période mycénienne. Approches épigraphique, linguistique et archéologique. Actes des journées d'archéologie et de philologie mycéniennes, Lyon, 1er février 2006 et 1er mars 2007*. (Travaux de la Maison de l'Orient et de la Méditerranée, 54). Lyon, 51–72.
- Aravantinos, V.L. 2010b: *The Archaeological Museum of Thebes*. Athens.
- Aravantinos, V.L. 2014: The Inscriptions from the Sanctuary of Herakles at Thebes: An Overview. In: N. Papazarkadas (ed.), *The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects*. Leiden, 149–210.
- Aravantinos, V.L. 2015: [Sanctuary of Herakles in Thebes]. In: S. Oikonomou (ed.), [*Archaeological Symbols. Vol. III. Boeotia & Euboea. Ephorates of Antiquities of Boeotia & Evia*]. Athens, 85–106.
- Αραβαντινός, Β.Λ. Το Τέμενος του Ηρακλέους στη Θήβα. Στο: Στ. Οικονόμου (επιμ.), *Αρχαιολογικές Σύμβολες. Τ. Γ. Βοιωτία & Εύβοια. Εφορείες Αρχαιοτήτων Βοιωτίας & Εύβοιας*. Αθήνα, 85–106.
- Aravantinos, V.L. 2016: [Excavation of the Mycenaean Palace of Thebes]. [*Proceedings of the Archaeological Society at Athens*], 139–166.
- Αραβαντινός, Β.Λ. Άνασκαφή μυκηναϊκού ανακτόρου Θηβών. *Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας*, 139–166.
- Aravantinos, V.L. 2017: The Sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios at Thebes: New Evidence. In: X. Charalambidou, C. Morgan (eds.), *Interpreting the Seventh Century BC. Tradition and Innovation*. Oxford, 221–230.
- Aravantinos, V.L. 2019: Old Memories versus New Trends in Postpalatial Thebes. In: E. Borgna, I. Caloi, F.M. Carinci, R. Laffineur (eds.), *MNHMH / MNEME: Past and Memory in the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 17th International Aegean Conference, University of Udine, Department of Humanities and Cultural Heritage, Ca' Foscari University of Venice, Department of Humanities, 17–21 April 2018*. (AEGAEUM, 43). Leuven–Liège, 187–198.
- Aravantinos, V.L. 2020: Thebes and Boeotia. In: I.S. Lemos, A. Kotsonas (eds.), *A Companion to the Archaeology of Early Greece and the Mediterranean*. Vol. II. Hoboken, 763–785.
- Berman, D. 2002: “Seven-Gated” Thebes and Narrative Topography in Aeschylus’ “Seven against Thebes”. *Quaderni Urbinati di Cultura Classica* 2 (71), 73–100.
- Berman, D.W. 2004: The Double Foundation of Boiotian Thebes. *Transactions of the American Philological Association* 134/1, 1–22.
- Berman, D.W. 2013: Greek Thebes in the Early Mythographic Tradition. In: St.M. Trzaskoma, R.Sc. Smith (eds.), *Writing Myth: Mythography in the Ancient World*. Leuven–Paris–Walpole (MA), 37–54.
- Berman, D.W. 2017: Cities-Before-Cities: ‘Prefoundational’ Myth and the Construction of Greek Civic Space. In: G. Hawes (ed.), *Myths on the Map: The Storied Landscapes of Ancient Greece*. Oxford, 32–51.
- Billerbeck, M., Neumann-Hartmann, A. (Hrsg.) 2016: *Stephani Byzantii Ethnica*. Vol. IV. Berlin–Boston.
- Cingano, E. 2000: Tradizioni su Tebe nell’epica e nella lirica greca arcaica. In: P. Angeli Bernardini (a cura di), *Presenza e funzione della città di Tebe nella cultura greca. Atti del Convegno Internazionale (Urbino 7–9 luglio 1997)*. Pisa–Roma, 127–161.
- Dakouri-Hild, A. 2010: Thebes. In: E.H. Cline (ed.), *The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean*. Oxford, 690–711.

- Del Freo, M. 2009: The Geographical Names in the Linear B Texts from Thebes. *Pasiphae. Rivista di filologia e antichità egee* 3, 41–67.
- Demakopoulou, K.K. 1975: [Submycenaean Grave at Thebes]. [*Archaeological Miscellanea from Athens*] 8/1, 86–90.
- Δημακοπούλου, Κ.Κ. Υπομυκηναϊκός τάφος εις Θήβας. *Αρχαιολογικά Ανάλεκτα ἐξ Αθηνῶν* 8/1, 86–90.
- Desborough, V.R. d'A. 1952: *Protogeometric Pottery*. Oxford.
- Desborough, V.R. d'A. 1972: *The Greek Dark Ages*. London.
- Eder, B. 2003: Noch einmal: der homerische Schiffskatalog. In: Ch. Ulf (Hrsg.) *Der neue Streit um Troia. Eine Bilanz*. München, 287–308.
- Eiteltjorg II, H. 1993: *The Entrance to the Athenian Acropolis before Mnesicles*. (AIA Monograph N.S., 1). Dubuque (IA).
- Erbse, H. (ed.) 1969: *Scholia Graeca in Homeri Iliadem (Scholia Vetera)*. Vol. I. Berlin.
- Faraklas, N. 1998: [Theban Dealings]. [*Archaeological Chronicle*] 1996 (135), 1–238.
- Φαράκλας, Ν. Θηβαϊκά. *Αρχαιολογική Εφημερίς* 1996 (135), 1–238.
- Fossey, J.M. 1988: *Topography and Population of Ancient Boiotia*. Chicago.
- Fowler, R.L. 2000: *Early Greek Mythography*. Vol. I. *Texts and Introduction*. Oxford.
- Gantz, T. 1993: *Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources*. Vol. I. Baltimore (MD)–London.
- Gauss, W., Ruppenstein, F. 1998: Die Athener Akropolis in der frühen Eisenzeit. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 113, 1–60.
- Hurwit, J.M. 1999: *The Athenian Acropolis: History, Mythology, and Archaeology from the Neolithic Era to the Present*. Cambridge.
- Keramopoullos, A. 1917: [Theban Dealings]. [*Archaeological Reports*] 3, 1–503.
- Κεραμόπουλλος, Α. Θηβαϊκά. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 3, 1–503.
- Kirk, G.S. 1985: *The Iliad: A Commentary*. Vol. I. *Books 1–4*. Cambridge.
- Kountouri, E. 2014: [Geometric Thebes: The Data from Contemporary Research]. In: V. Aravantinos, E. Kountouri (eds.), [*100 Years of Archaeological Research in Thebes*]. Athens, 213–229.
- Κουντούρη, Έ. Γεωμετρική Θήβα: τα δεδομένα από τις σύγχρονες έρευνες. Στο: Β. Αραβαντινός, Έ. Κουντούρη (επιμ.), *100 Χρόνια Αρχαιολογικού Έργου στη Θήβα. Οι πρωτεργάτες των ερευνών και οι συνεχιστές τους*. Αθήνα, 213–229.
- Kullmann, W. 2009: Poesie, Mythos, und Realität im Schiffskatalog der “Ilias”. *Hermes* 137/1, 1–20.
- Kullmann, W. 2012: The Relative Chronology of the Homeric Catalogue of Ships and of the Lists of Heroes and Cities within the Catalogue. In: Ø. Andersen, D.T.T. Haug (eds.), *Relative Chronology in Early Greek Epic Poetry*. Cambridge, 210–223.
- Mazarakis Ainian, A. 1997: *From Rulers' Dwellings to Temples: Architecture, Religion and Society in Early Iron Age Greece (1100–700 B.C.)*. Jonsered.
- McDonald, W.A., Coulson, W.D.E., Rosser, J. 1983: *Excavations at Nichoria in Southwest Greece*. Vol. III. *Dark Age and Byzantine Occupation*. Minneapolis.
- Morris, I. 2000: *Archaeology as Cultural History. Words and Things in Iron Age Greece*. Oxford.
- Mozhajsky, A.Yu. 2014: Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems. *Graeco-Latina Brunensia* 12/2, 71–79.
- Mozhajsky, A.Yu. 2012: [The Rivers and the Gates of Thebes in the Tragedies of Aeschylus, Sophocles and Euripides, as the Educational Landscape of the City]. *Hypothekai. Zhurnal po istorii antichnoy pedagogicheskoy kul'tury* [*Hypothekai. Journal on the History of Ancient Pedagogical Cultures*] 2, 79–96.
- Можайский, А.Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города. *Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры* 2, 79–96.
- Mozhajsky, A.Yu. 2021: [Cities Called Thebes: Formation of the City and Education by the City]. In: V.K. Pichugina (ed.), *Obrazovatel'nye prostranstva i antropopraktiki goroda* [*Educational Spaces and Anthropological Practices of the City*]. Moscow, 46–82.
- Можайский, А.Ю. Города, названные «Фивами»: образование города и образование городом. В кн.: В.К. Пичугина (ред.), *Образовательные пространства и антропопрактики города*. М., 46–82.

- Mozhajsky, A.Yu. 2025: *Burials, Sanctuaries and Fortification: Forming the Urban Space of Thebes from Postpalatial Times to the Archaic Period*. Forthcoming.
- Nünlist, R. 2012: Homer as a Blueprint for Speechwriters: Eustathius' Commentaries and Rhetoric. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 52/3, 493–509.
- Obbink, D. 2005: Archilochus: Elegies (More of VI 854 and XXX 2507). In: N. Gonis, D. Obbink (eds.), *Oxyrhynchus Papyri*. Vol. 69. (Graeco-Roman Memoirs, 89). London, 18–42.
- Pache, C. 2014: Theban Walls in Homeric Epic. *Trends in Classics* 6/2, 278–296.
- Papadopoulos, J.K., Smithson, E.L. 2017: *The Early Iron Age: The Cemeteries*. (The Athenian Agora, 36). Princeton.
- Papazarkadas, N. 2014: Two New Epigrams from Thebes. In: N. Papazarkadas (ed.), *The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects*. Leiden–Boston, 223–251.
- Schachter, A. 1981: *The Cults of Boiotia*. Vol. I. *Acheloos to Hera*. (BICS Supplement, 38/1). London.
- Schachter, A. 1992: Policy, Cult and the Placing of Greek Sanctuaries. In: A. Schachter (éd.), *Le Sanctuaire Grec. Huit Exposés Suivis de Discussions*. Genève, 1–64.
- Schachter, A. 2019: The Boiotians: Between *ethnos* and *koina*. In: H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley (eds.), *Ethnos and Koinon: Studies in Ancient Greek Ethnicity and Federalism*. Stuttgart, 65–81.
- Snodgrass, A.M. 1971: *The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C*. Edinburgh.
- Stallbaum, J.S. (ed.) 2010: *Eustathii Commentarii ad Homeri Iliadem*. Vol. I. Cambridge.
- Stone, A.F. 2001: On Hermogenes's Features of Style and Other Factors Affecting Style in the Panegyrics of Eustathios of Thessaloniki. *Rhetorica* 19/3, 307–339.
- Symeonoglou, S. 1985: *The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times*. Princeton.
- Valk, M. van der 1963: *Researches on the Text and Scholia of the Iliad*. Pt. 1. Leiden.
- Van Damme, T.M. 2017: *Life after the Palaces: A Household Archaeology Approach to Mainland Greece during Late Helladic IIIC*. PhD thesis. Los Angeles.
- Vanschoonwinkel, J. 1991: *L'Égée et la Méditerranée Orientale à la fin du IIe millénaire. Témoignages archéologiques et sources écrites*. Louvain-la-Neuve.
- Wathelet, P. 1992: Thèbes de Boétie, vue par Homère et par Eschyle ou le reflet de deux sensibilités différentes. In: A. Bodson, P. Wathelet, M. Dubuisson (éd.), *Serta Leodiensia secunda: mélanges publiés par les Classiques de Liège à l'occasion du 175e anniversaire de l'Université*. Liège, 451–462.
- Wells, B. 1976: *Asine II. Results of the Excavations East of the Acropolis 1970–1974*. Fasc. 4. *The Protogeometric Period*. I. *The Tombs*. Stockholm.
- Wells, B. 1983: *Asine II. Results of the Excavations East of the Acropolis 1970–1974*. Fasc. 4. *The Protogeometric Period*. Pt. 2. *An Analysis of the Settlement*. Pt. 3. *Catalogue of Pottery and Other Artefacts*. Stockholm.
- West, M. (ed). 1998: *Homeri Ilias*. Vol. I. *Rhapsodias I–XII Continens*. München–Leipzig.
- Willamowitz-Möllandorf, U. 1891: Die sieben Tore Thebens. *Hermes* 26, 191–249.

DOI: 10.31857/S0321039124030048

РЕДКИЕ БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ V в. до н.э., СВЯЗАННЫЕ С ВИНОПИТИЕМ, ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

М. Ю. Трейстер

Независимый исследователь, Бонн, Германия

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

ORCID: 0000-0001-7451-3325

При раскопках греческого городского некрополя Волна 1 на Таманском полуострове в погребениях V в. до н.э. было найдено несколько бронзовых сосудов и инструментов очень редких форм, причем редких не только для Северного Причерноморья. Есть все основания предполагать апулийское происхождение патеры из погребения № 44 — такие сосуды до настоящего времени были представлены семью экземплярами из некрополя Рутильяно в Апулии и одним — из Македонии. Не меньшую редкость представляет и происходящий из того же погребения бронзовый инструмент для отбора пробы вина (water/wine thief, Weinheber), клепсидра (всего вместе с публикуемой находкой известно 13 экземпляров, включая две с неизвестным происхождением), представленный находками как из Центральной (Лацио) и Южной (Кампании, Калабрии и Базиликаты) Италии, так и Иллирии (Аполлония), и Центральной Греции (Беотия, Фокида) (все из бронзы), серебряным экземпляром из аристократического фракийского погребения в районе Пловдива и бронзовым — из Уляпского курганного некрополя в Закубанье. Как и клепсидра, бронзовая терка для сыра из погребения № 140-2 является элементом итальянской и греческой элитарной культуры винопития, что подтверждает высокий статус, как погребений, в которых они были найдены, так и некрополя в целом. Есть все основания считать, что рассматриваемые инструменты, связанные с греческой культурой винопития, через греческие центры Таманского полуострова проникали глубоко внутрь варварского хинтерланда, достигая Закубанья.

Ключевые слова: греческие и итальянские бронзовые сосуды и инструменты редких форм, приспособления для винопития греческой и варварской элиты, некрополи Южной Италии, Греции, Фракии и Северного Причерноморья позднеларинского и классического времени, Таманский полуостров, некрополь Волна 1, Закубанье, курганный некрополь у аула Уляп

Данные об авторе. Михаил Юрьевич Трейстер — доктор исторических наук, независимый исследователь (Бонн, Германия).

Моя искренняя благодарность Н.И. Судареву за предоставленную информацию, фотографии и рисунки находок. Все рассматриваемые в статье находки хранятся в Таманском археологическом музее.

RARE FIFTH-CENTURY BC BRONZE VESSELS
AND INSTRUMENTS, ASSOCIATED WITH WINE DRINKING,
FROM THE VOLNA 1 NECROPOLIS
ON THE TAMAN PENINSULA

Mikhail Yu. Treister

Independent Researcher, Bonn, Germany

E-mail: mikhailtreister@yahoo.de

During the excavations of the Greek urban necropolis Volna 1 on the Taman Peninsula several bronze vessels and tools of very rare shapes were found in the burials of the fifth century BC. The objects under discussion are represented by forms that are rare not only for the North Pontic region. There is every reason to assume the Apulian origin of the patera from the burial no. 44, which so far have been represented by seven specimens from the Rutigliano necropolis in Apulia and one — from Macedonia. No less rare is a bronze instrument for sampling wine, a clepsydra, now often called *water / wine thief* or *Weinheber*, originating from the same burial (13 such objects are known together with the find under discussion, including two of the unknown origin), represented by the finds both from Central (Lazio) and South (Campania, Calabria and Basilicata) Italy, Illyria (Apollonia) and Central Greece (Boeotia, Phocis) (all made of bronze), a silver piece from an aristocratic Thracian burial in the Plovdiv region and a fragmented bronze one — from the Ulyap kurgan necropolis in the Trans-Kuban region. Like the clepsydra, the bronze cheese grater from the burial no. 140-2 is an element of the Italic and Greek elite wine drinking culture, which confirms the high status of both burials in which they were found and the necropolis as a whole. There is every reason to believe that the use of instruments under discussion, associated with the Greek culture of wine drinking, penetrated deep into the barbarian hinterland through the Greek centres of the Taman Peninsula, reaching the Trans-Kuban region.

Keywords: Greek and Italic bronze vessels and instruments of rare forms, wine drinking devices of the Greek and barbarian elite, necropoleis of South Italy, Greece, Thrace and the Northern Black Sea region of the Late Archaic and Classical times, Taman Peninsula, Volna 1 necropolis, Trans-Kuban region, kurgan necropolis near Ulyap aul

ВВЕДЕНИЕ

В 2015–2016 гг. на Таманском полуострове в районе пос. Волна Темрюкского района Краснодарского края под руководством И.В. Цокур проводились раскопки одного из крупнейших в мире некрополей архаического и классического времени, принадлежавшего греческому и местному населению Таманского полуострова, материалы которого недавно были опубликованы в двухтомном издании¹. Здесь, в некрополе Волна 1 в погребениях V в. до н.э. было найдено несколько бронзовых сосудов и инструментов очень редких форм, которым и посвящена эта работа. Большая часть рассматриваемых здесь сосудов происходит из погребения № 44, еще один предмет — из погребения № 140-2.

Рассмотрим вначале находки из погребения № 44.

¹Tsokur *et al.* 2022.

КЛЕПСИДРА

В погребении № 44 с керамическим и амфорным материалом третьей и последней четверти V в. до н.э.² в 1,38 м к юго-западу от костей черепа находился бронзовый сосуд, по предложению авторов, возможно, для дегустации вина: «трубочка цилиндрическая с выступами-ручками, которая соединялась с туловом шаровидной формы. Тулово сверху закрывалось круглой пластиной — «крышкой». Дно сосуда представляло собой ситечко — пластину с отверстиями. Диаметр — 28 мм, диаметр дна — 54 мм, высота — 265 мм»³ (рис. 1). Ссылаясь на консультацию Б.А. Раева, И.В. Цокур определяет инструмент как «ливер» и датирует V–IV вв. до н.э.⁴

Хронологическое определение вызывает некоторое удивление, учитывая хорошо определимые керамические сосуды из погребения, датируемые в рамках третьей–начала последней четверти V в. до н.э. Вряд ли можно согласиться и с определением инструмента как ливера. Дело в том, что ливером в современном виноделии называют стеклянный сосуд для переливания жидкостей и взятия проб жидкостей, который состоит из узкой трубки с грушевидным расширением посередине. «Ливер заполняется после опускания его в жидкость, затем верхний конец закрывается пальцем и проба переносится в приемник для анализа. В виноделии ливер применяется для отбора проб вина из бочек»⁵. Очевидно, можно говорить о том, что и в конструкции ливера, и в рассматриваемом инструменте используется один и тот же принцип частичного вакуума, позволяющий удерживать жидкость, зажимая верхнее отверстие.

Принципиальное отличие заключается в том, что инструмент, найденный в некрополе Волна 1, одновременно служил и для процеживания набираемой жидкости.

*Аналогии**Географическое распределение*

Предмет относится к редкой категории металлических инструментов. Значительная часть подобных бронзовых изделий происходит из погребений некрополей V в. до н.э. в Италии, главным образом в Южной Италии (Питекуссы⁶, Локры Эпизефирские (Калабрия)⁷, Мельфи (Базиликата)⁸, Теано в Кампании⁹).

² Tsokur *et al.* 2022, 1, 54–59, илл. 100–113.

³ Tsokur *et al.* 2022, 1, 56, илл. 111, 1; 2, 139, табл. 17.

⁴ Tsokur 2022, 143.

⁵ URL: <https://eniw.ru/liver.htm>; дата обращения: 01.09.2024. Подобные стеклянные или пластиковые пипетки для отбора проб вина и пива можно приобрести online — Wein Pipette für Probenahme Bier und Wein. Их называют Weindiebe, Weindieb-Pipette / Wein thief pipette.

⁶ Buchner, Ridgway 1993, 88, no. 72.3, tav. XCV, 24.

⁷ Orsi 1917, 112, 113, fig. 14.

⁸ Hermann 1966, 314–315, Abb. 84; Mitro, Notarangelo 2016, 108, no. 19, fig. 112; 218–222, tav. XXXI; Mitro 2015, 59–60, fig. 1–2; 2020, 121, fig. 21.

⁹ Sampaolo 2005, 666–667, tav. LXXX, 1; Sirano 2005, 429–430, fig. 17–18; 2007, 62; Touloumtzidou 2011, 305, πίν. 16ζ; Mitro 2015, 63, fig. 11.

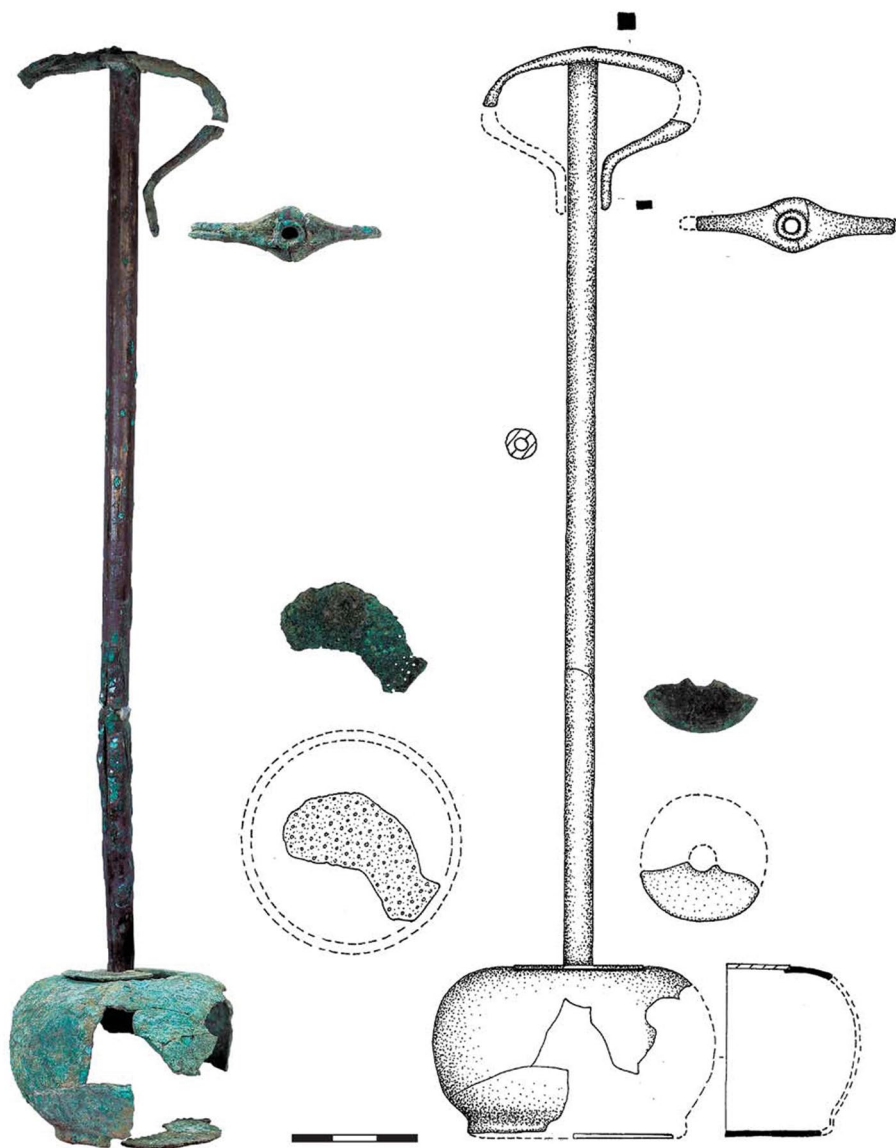

Рис. 1. Клепсидра бронзовая. Волна 1. Погребение № 44/2015, полевая оп. № 131. Тамань, Археологический музей (по: Tsokur *et al.* 2022, 2, 130, табл. 17)

В Центральной Италии известна лишь одна находка (в Санте Гротте в Неппи в Центральной Италии (Лацио))¹⁰. Еще один инструмент происходит из погребения № 18 некрополя Аполлонии в Иллирии¹¹. Два предмета происходят из Центральной Греции: из Фив в Беотии¹² и Галаксиди в Фокиде¹³. Подобный по форме серебряный инструмент происходит из фракийского аристократического погребения в могиле № 1 кургана у с. Чернозем в районе Калояново недалеко от Пловдива¹⁴. Фрагментированное вместилище яйцевидной формы с отверстиями во дне, которое с большой долей вероятности также относится к рассматриваемым инструментам, происходит из Уляпского кургана № 5 в Закубанье. Неизвестно происхождение нижней части аналогичного бронзового предмета, который поступил в 1897 г. в Музей изящных искусств в Бостоне из коллекции Е.П. Уоррена¹⁵, и серебряного, происходящего из европейской частной коллекции и приобретенного в 1954 г., который был продан в 2005 г. на аукционе Кристиз¹⁶. Таким образом, на сегодняшний день известно 12 таких предметов, а находка в некрополе Волна 1 получает тринадцатый номер (рис. 2, I).

Помимо металлических известны распространенные во второй половине VI в. до н.э. глиняные чернофигурные сосуды со сферическим туловом с отверстиями во дне и дуговидной поллой ручкой с отверстием. Эти сосуды (на сегодняшний день учтено 19 экземпляров) представлены находками в Италии, на Сицилии, в Греции и Малой Азии¹⁷. Значительная часть их происходит из Северного Причерноморья, в том числе из Ольвии¹⁸ и Ульского кургана № 2/1909¹⁹.

¹⁰ Rizzo 2006, 110, fig. 8; Mitro 2015, 63, fig. 10 (с датировкой V в. до н.э.).

¹¹ Bereti 2011, 201, 205, tab. III, 3–5; Bereti, Dima 2011, 487, 492–493, no. 7, πίν. 208, 7.

¹² URL: <https://smb.museum-digital.de/object/6462>; дата обращения: 01.09.2024; Friederichs 1871, 143, Nr. 593a (опубликован как «перечница», Pfeifferstreuer); Kefalidou 2003, 70, σμ. 18.Γ; Touloumtzidou 2011, 305, πίν. 16i. В настоящее время в Берлине хранится только часть предмета, а нижняя часть вместилища с ситечком — в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

¹³ Zahn 1899, 341, 342, Abb. 4; de Ridder 1904, 27, no. 114; Zimi, Sideris 2003, 51, πίν. 17β; Kefalidou 2003, 69–70, σμ. 18.Α; εικ. 3; 2009, 181, note 47; Tiverios 2009, 95–96, εικ. 2; Touloumtzidou 2011, 305–307, αρ. 1, πίν. 16θ (с датировкой второй половиной IV в. до н.э.); Mitro 2015, 62, fig. 7; Nowotnik 2016, 402, 403, fig. 4b.

¹⁴ Kisyov 2005, 39–41, no. 6, fig. 24; 133, pl. V; 2014, 134–144; Tiverios 2009, 95–96, εικ. 1; Touloumtzidou 2011, 304, πίν. 16στ; Cat. Paris 2015, 83, no. 44; Mitro 2015, 61–62, fig. 6; Cat. Bergen 2017, 133–134, no. 129; Stoyanov 2023, 150, fig. 6; 151.

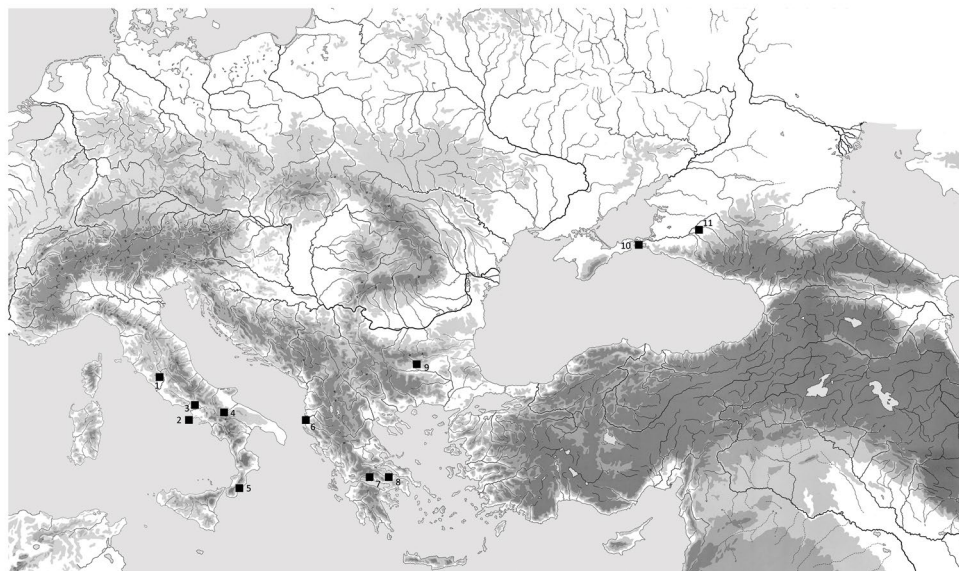
¹⁵ Comstock, Vermeule 1971, 418, no. 604; Drougou 1979, 281, Anm. 48; Kefalidou 2003, 70, σμ. 18.Β; Mitro 2015, 62, fig. 8.

¹⁶ Christie's Antiquities, Sale 1584, New York, Rockefeller Plaza, 9 December 2005, lot 179; URL: https://www.christies.com/lot/lot-4617327?ldp_breadcrumb=back&intObjectID=4617327&from=salessummary&lid=1; дата обращения: 01.09.2024. Touloumtzidou 2011, 306, πίν. 16ε.

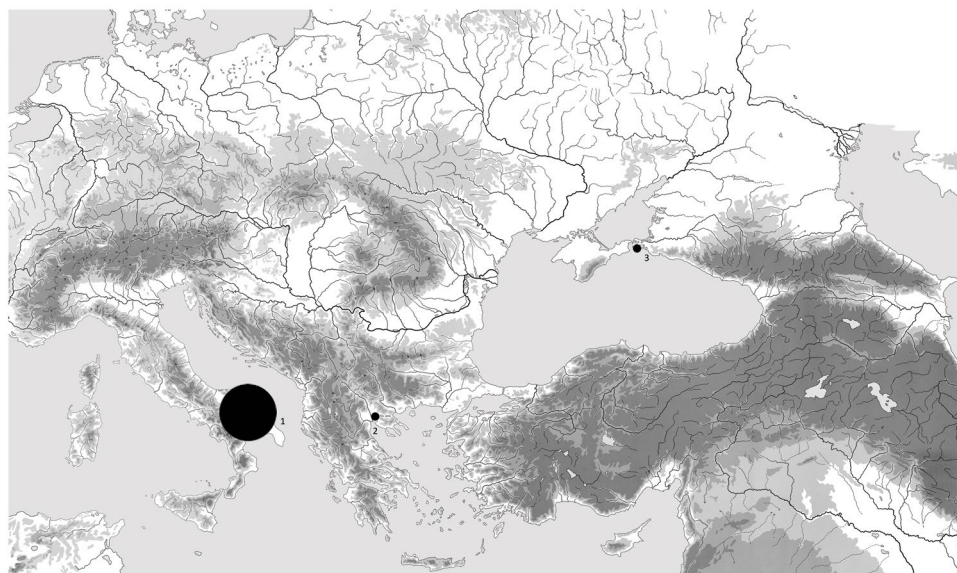
¹⁷ Zahn 1899, 339–344; Deonna 1908, 3–29; CVA USA 7, Baltimore 3, 12–14, pl. 3; Lissarague 1987, 50–51, fig. 32; Kefalidou 2003, 61–107 (каталог — 96–104); 2009, 173–184 (каталог — 183–184); Ksenofontova 2015, 60–61; Schöne-Denkinger 2021, 151–152.

¹⁸ Pharmakowsky 1912, 360–361, Nr. 8, Abb. 51; Skudnova 1988, 85, № 123; Kefalidou 2003, 98, αρ. Α5, εικ. 6; 2009, 183, no. Α5, fig. 13.

¹⁹ Kefalidou 2003, 98, αρ. Α4, εικ. 5; 2009, 183, no. Α4; Ksenofontova 2015, 137–138, табл. 26–27.

1

2

Рис. 2. Карты распространения. 1 – клеписдры металлические: 1 – Непи, 2 – Питекуссы, 3 – Теано, 4 – Мельфи, 5 – Локры, 6 – Аполлония, 7 – Галаксиди, 8 – Фивы, 9 – Чернозем, 10 – Волна 1, 11 – Уляп; 2 – патеры бронзовые с ручками, заканчивающимися птичьими головками, загнутыми вниз: 1 – Рутильяно, 2 – Ставруполи, 3 – Волна 1. Карты: *М.Ю. Трейстер*, 2023

Ок. 490 г. до н.э. датируется аттический фигурный сосуд аналогичного назначения с туловом в виде головы африканца, хранящийся в Мюнхене²⁰.

Особенности формы и элементов

Отличительной особенностью всех этих предметов является сочетание узкой вертикальной трубки, на нижнем конце переходящей во вместилище с отверстиями на дне. Высота их (полностью сохранившихся экземпляров: 25–37,5 см), соответственно публикуемая находка — одна из самых коротких.

В верхней части трубка может иметь парные петлевидные ручки, как у публикуемой находки. Аналогичной формы ручки имеются у предметов из Галаксиди, кургана у с. Чернозем и предмета, который был продан на аукционе Кристиз. В местах крепления к трубке внизу эти ручки могут иметь листовидные атташи (Чернозем, Кристиз). Вместо петлевидных ручек могут быть парные завитки с окончаниями в форме птичьих головок (Непи), завитки с концами, развернутыми вверх (Теано). У других предметов верхняя часть утрачена (Локры, Фивы, Бостон) или утрачены (?) ручки, хотя не исключено, что их и не было, при этом верхнее отверстие оформлено широким горизонтальным краем (Питекуссы, Мельфи).

Вместилища могут иметь различную форму. Преобладают предметы с вместилищем яйцевидной формы, плавно сужающиеся к закругленной нижней части, при этом пропорции могут быть различными (Питекуссы, Локры, Аполлония, Галаксиди, Фивы, Чернозем, Уляп, Бостон). Вместилище предмета из Теано имеет перевернутую по сравнению с ними форму — оно расширяется книзу, сужаясь непосредственно перед слегка закругленной частью с отверстиями. Форму вместилищ двух предметов можно определить как приближающуюся к сферической, слегка сдавленной по вертикальной оси (Мельфи), или имеющей форму, близкую к биконической, с плавным горизонтальным ребром посередине (Кристиз). Отличается сложной формой вместилища находка из Непи: верхняя и нижняя части вместилища выделены, при этом нижняя часть имеет форму приплюснутого конуса, сужающегося книзу. Не имеет параллелей и публикуемая находка с Таманского полуострова. В сечении она почти овальная с горизонтальными верхней и нижней частями. При этом переход к нижней горизонтальной пластине выделен канавкой.

Поверхность вместилища может быть оформлена вертикальными лепестками (Чернозем, Кристиз, Бостон), а отверстия в донной части вместилищ могут образовывать свободную от них 6-лепестковую розетту (Чернозем, Кристиз, Мельфи, Аполлония), подобно оформлению некоторых бронзовых ситечек V в. до н.э.²¹

²⁰ Knauß 2017, 16–17, Abb. 2.

²¹ Гробница у с. Рвец: Velkov 1928–1929, 39, № 3; 41, обр. 52; Panteleon 2018, 305; Cat. Tagovishte 2023, 66, № 5; Mutafchieva 2023, 42–43, рис. 4. Вульчи: Pfisterer-Haas 2019, 159, Abb. 10.16; 332, Nr. 282. Коллекция Шелби Уайт: Cat. New York 1990, 112, no. 93; Touloumtzidou 2011, 319, 327, ap. 3, πίν. 18β.

Хронология

Что касается датировки металлических инструментов, то, по мнению М. Тивериоса, лишь находка из Калояново датируется не позднее третьей четверти V в. до н.э., тогда как сосуды из Эпизефирских Локр и хранящийся в Бостоне образец он датировал первой половиной IV в. до н.э., а экземпляр из Галаксиди — рубежом IV—III вв. до н.э.²² Как отмечает А. Тулумтзиду, декор вместилища предмета в Бостоне, близкий декору инструмента из Калояново, позволяет говорить и в пользу их хронологической близости²³.

В ряде случаев находки рассматриваемых предметов происходят из хорошо датируемых комплексов, основания для датировки которых уже подробно рассматривались и не требуют повторного анализа. В указанных случаях это комплексы V в. до н.э. (детское погребение № 72 некрополя Питекусс, гробница F Contrada Chiuchiari в Мельфи). К этому же времени относятся и погребения с подобными находками в Локрах Эпизефирских и кургане у с. Чернозем.

В первом случае предмет был найден вместе с бронзовыми киафом и ситечком в погребении 1130/1914 некрополя Люциферо Эпизефирских Локр в 1917 г.²⁴ Судя по форме ситечка, относящегося к типу 1 по классификации З.А. Билимович²⁵ или типу С (Tierkopsfieb) по классификации Н. Пантелеон (который, впрочем, включает как ситечки с головкой птицы, загнутой вниз, так и в сторону)²⁶, комплекс датируется не позднее V в. до н.э.²⁷

Автор раскопок кургана у с. Чернозем относит комплекс к 440—430 гг. до н.э.²⁸ Найденные здесь краснофигурные сосуды датируются или в целом V в. до н.э. (лекифы)²⁹ или ок. 440 г. до н.э. (гидрия)³⁰. Найденные здесь же бронзовые гидрия³¹ и поданиптер³² также характерны для середины—третьей четверти V в. до н.э.³³ Есть основания согласиться с точкой зрения М. Тивериоса, возможно, с небольшой корректировкой: погребение может датироваться ок. 430 г. до н.э., будучи примерно одновременным с погребением в Башовой могиле.

Инструмент из Санте Гротте в Непи в Центральной Италии (Лацио) был найден в склепе с 11 погребениями, датирующимися от середины VI до

²² Tiverios 2009, 95, 101.

²³ Touloumtzidou 2011, 306.

²⁴ Orsi 1917, 112, 113, fig. 14.

²⁵ Billimovich 1979, 26—29, № 1—5; 33—34.

²⁶ Panteleon 2018, 296, Abb. 1; 297.

²⁷ Treister 2021a, 223—229, рис. 6—7; 2021b, 336—340, fig. 6—7.

²⁸ Cat. Paris 2015, 76.

²⁹ Kisyov 2005, 34—35, no. 3, fig. 20—21; 125, pl. II; Cat. Paris 2015, 84, no. 46; Cat. Bergen 2017, 134, no. 130.

³⁰ Kisyov 2005, 28—33, no. 1, fig. 14—19; 123, pl. I; Cat. Paris 2015, 86—87, no. 48; Cat. Bergen 2017, 136—138, no. 133.

³¹ Kisyov 2005, 36—37, no. 4, fig. 22; 127, 129, pl. III—IV; Cat. Paris 2015, 81, no. 42; Cat. Bergen 2017, 135—136, no. 132.

³² Kisyov 2005: 37—38, no. 5, fig. 23; 131, pl. V; Teleaga 2008, 274, Nr. 22; Cat. Paris 2015, 80, no. 41; Cat. Bergen 2017, 135, no. 131.

³³ Cp. Treister 2021a, 222—223; 246—247; 2021b, 334, 352—353.

III в. до н.э.³⁴, при этом Р. Митро считает, что есть основания для его датировки V в. до н.э.³⁵

Инструмент из некрополя Аполлонии в Иллирии был найден вместе с красно-фигурными сосудами, датируемыми ок. 360–350 гг. до н.э., соответственно, погребение датируется около середины IV в. до н.э., хотя среди бронзовых сосудов, найденных в нем, есть несомненно экземпляры еще V в. до н.э.³⁶

Уляпский курган № 5 датируется первой половиной IV в. до н.э., впрочем исследователи отмечают возможность использования этого кургана-святилища в течение длительного времени³⁷, что не исключает и возможность отнесения найденного здесь инструмента еще к V в. до н.э.

Началом IV в. до н.э. датируется склеп № 5 в районе Settequerse в Теано в Кампании³⁸. А. Тулумтзиду датирует находку из Галаксиди второй половиной IV в. до н.э.³⁹ Основания для этой датировки неясны. На мой взгляд, не вызывает сомнения близость формы вместилища предметов, найденных в Калояново, Галаксиди, Локрах, а также хранящихся в Берлине и Бостоне. Как уже отмечено выше, ситечко, найденное в одном комплексе с таким предметом в Локрах, датируется не позднее V в. до н.э. Публикуемая здесь находка из некрополя Волна также со всей очевидностью, учитывая хорошо датирующиеся материалы из комплекса, не выходит за пределы V в. до н.э.

Сочетание с другими металлическими сосудами в комплексах

Набор серебряной посуды из погребения в кургане у с. Чернозем помимо рассматриваемого предмета включал также ситечко⁴⁰, килик с центральным медальоном с гравированным позолоченным изображением схватки Беллерофонта с химерой⁴¹ и две ложки⁴². Как мы уже отмечали выше, в погребении некрополя Эпизефирских Локр предмет был найден вместе с бронзовыми киафом и ситечком⁴³. В гробнице № 5 в Теано в составе комплекса были также бронзовые: ойнохоя, ольпа, ситула, ситечко, таз и стригиль⁴⁴. В детском погребении в Питекуссах это был единственный бронзовый предмет⁴⁵.

В рассматриваемом погребении некрополя Волна 1 было найдено еще два бронзовых, редких, особенно для Северного Причерноморья, сосуда: патера и

³⁴ Rizzo 2006, 110, fig. 8.

³⁵ Mitro 2015, 63, fig. 10.

³⁶ Bereti, Dimo 2011, 485–487, 492–493, pl. 208–209.

³⁷ Leskov *et al.* 2013, 56.

³⁸ См. выше прим. 10.

³⁹ Touloumtzidou 2011, 305–307, αρ. 1, πίν. 160

⁴⁰ Kisyov 2005, 41–43, no. 7, fig. 25; 135, 137. pl. VII–VIII; Cat. Paris 2015, 82, no. 43; Cat. Bergen 2017, 133, no. 128; Stoyanov 2023, 149, fig. 5; 151.

⁴¹ Kisyov 2005, 45–48, no. 10, fig. 28; 141, 143, pl. X–XI; Cat. Bergen 2017, 138–139, no. 134; Stoyanov 2023, 161.

⁴² Kisyov 2005, 43–45, no. 8–9, fig. 27; 139, pl. IX, a; Cat. Paris 2015, 83, no. 45; Cat. Bergen 2017, 132, no. 127.

⁴³ Orsi 1917, 112, 113, fig. 14.

⁴⁴ Sirano 2005, 416–427, 418, fig. 5–6 (фото комплекса бронзовых изделий).

⁴⁵ Buchner, Ridgway 1993, 88, no. 72.3, tav. XCV, 24.

ольпа. Ольпа находилась внутри патеры⁴⁶. Рядом с ними была положена хиосская амфора с протоколпачковой ножкой типа А последней четверти V в. до н.э.⁴⁷

Назначение

Авторы каталога бронз определяют его как *aspergillum*, или кропило, т.е. приспособление для разбрызгивания святой воды, датируют эллинистическим временем и сопоставляют его с так называемыми клепсидами из Мероз⁴⁸. Точка зрения, что такие инструменты предназначались для разбрызгивания жидкости, в настоящее время практически никем не поддерживается.

Сопутствующие находки и в Локрах, и в кургане Чернозем позволяют связывать рассматриваемые бронзовые и серебряный инструменты с винопитием, что предлагал еще в 1899 г. Р. Цан относительно находки в Галаксиди. Исследователь верно предположил, что предмет служил для забора вина (*Weinheber*), которое поступало при опускании его вместилища в жидкость. Вино набиралось через отверстия в дне. Виночерпий мог, зажав сверху отверстие в трубке, поднять инструмент с жидкостью. По мнению Цана, находка из Галаксиди иллюстрировала описание этого инструмента математиком I в. н.э. Героном Александрийском в «Пневматике» (I, 7) и определялась как «*vessel for retaining or discharging a liquid*»⁴⁹. Реконструкция его была опубликована Ластом⁵⁰.

Совершенно очевидно, что рассматриваемые бронзовые инструменты нельзя определять как клепсидры или водяные часы, описанные Эмпедоклом (фрагмент В 100)⁵¹: они служили конкретным техническим приспособлением виночерпиев для забора жидкости и одновременного ее процеживания⁵², при этом в современной литературе их продолжают называть сифонами, клепсидами⁵³ или вводят термин «цедилка-киаф /*strainer-kyathos*»⁵⁴, *sprinkler flask*⁵⁵, или определяют как *kálamos* (тростник), термин, который употребил Ксенофонт, описывая обычаи местного населения Малой Азии⁵⁶.

Происхождение

Высказывается предположение об изготовлении предметов из серебра в аттической мастерской, а бронзовых – в Коринфе, откуда они могли попадать

⁴⁶ Tsokur *et al.* 2022, 1, илл. 102, 104–105, 28–30.

⁴⁷ Tsokur *et al.* 2022, 1, 56, илл. 106, 1.

⁴⁸ Comstock, Vermeule 1971, 418, no. 604; Drougou 1979, 281, Anm. 48; Kefalidou 2003, 70, *ср.* 18.В; Mitro 2015, 62, fig. 8.

⁴⁹ Nowotnick 2016, 403.

⁵⁰ Last 1924, 169, fig. 1.

⁵¹ См. об этом, Last 1924, 169–173; Rashed 2008, 443–468; Fedorova 2010, 3–34.

⁵² См. об этом Bailey 2003, 1.

⁵³ Kefalidou 2003, 61–107; 2009, 173–184.

⁵⁴ Tiverios 2009, 95–116.

⁵⁵ Christie's Antiquities, Sale 1584, New York, Rockefeller Plaza, 9 December 2005, lot 179.

⁵⁶ Mitro 2015, 66–67. «Там хранились также пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино в кратерах. В уровень с краями сосудов в вине плавал ячмень, и в него воткнул был тростник, больших и малых размеров, но без коленцев; кто хотел пить, должен был взять тростник в рот и тянуть через него вино» (Xen. *Anab.* IV. 5. 26).

в Южную Италию⁵⁷. Преобладающее распространение бронзовых инструментов именно в Южной Италии скорее позволяет говорить об их местном изготовлении. Косвенно возможное южноиталийское происхождение предмета, найденного в некрополе на Таманском полуострове, подтверждает и анализ распределения других найденных в погребении бронзовых сосудов, прежде всего, патеры.

ПАТЕРА

«В 1,8 м к юго-западу от костей черепа, на южном краю западной траншеи, находилась фрагментированная *сковорода* из листовой бронзы с литой ручкой, украшенной на конце головой лебедя. Диаметр венчика — 206 мм, высота — 50 мм, ручка — 173×40 мм»⁵⁸. Отметим, что на внутренней стороне ручки в основании присутствует гравированный декор в виде 11-лепестковой пальметты с волютами, к которой снизу примыкает в зеркальном отражении другая пальметта. На верхней поверхности ручки в основании загнутой вниз головки — 9-лепестковая пальметта, на примыкающей части ручки — волюты с двумя полупальметтами по сторонам (рис. 3).

И.В. Цокур ошибочно сопоставила ее со сковородами типа Айслинген, при этом правильно отмечая сходство ручки сосуда с ручками бронзовых ситечек, которые она, вслед за З.А. Билимович, называет этрусскими⁵⁹. На самом деле никакого отношения к ним сосуд не имеет, а представляет собой патеру с ручкой, типа получивших распространение в некрополе Рутильяно в Апулии в V в. до н.э. К. Тардити объединяет находки таких патер из Рутильяно в тип XIII.B:2 (*Patera con manico sagomato desinente a protome d'oca*, «патера с фигурной ручкой, оканчивающейся протомой гуся») ⁶⁰. Тип декора соответствует типам 2 и 3, по классификации К. Тардити, которая датирует рассматриваемые патеры первой половиной V в. до н.э.⁶¹ Близкой параллелью и по форме, и по декору является и бронзовая патера из датируемого ок. 400 г. до н.э. погребения в Ставруполис в районе Салоник⁶², которая предположительно могла быть также апулийской работой⁶³ (рис. 2, 2). Ручки ситечек с аналогичным декором происходят из святилища Зевса в Додоне в Эпире⁶⁴ и святилища Деметры и Персефоны в Кирене, Ливия⁶⁵.

⁵⁷ Touloumtzidou 2011, 306–307.

⁵⁸ Selivant'ev, Tsokur 2017, 263; Tsokur 2022, 144; Tsokur *et al.* 2022, 1, 56, илл. 110, 3; 2, 129, табл. 16.

⁵⁹ Selivant'ev, Tsokur 2017, 263; Tsokur 2022, 144. О происхождении ситечек с такими ручками, см. Treister 2021a, 235–240; 2021b, 344–347.

⁶⁰ Tarditi 1996, 101–105, no. 236–242; 171–172; Touloumtzidou 2011, 608, πίν. 83δ; Montanaro 2020, 25–26, fig. 17, 3; 32, fig. 22 (внизу справа); 38; 2021, 9, 11, 20, 23, 26, 31, fig. 39 (внизу справа).

⁶¹ Tarditi 1996, 104, 171.

⁶² Cat. Thessaloniki 1979, 74, no. 273; Cat. Melbourne 1988, 376, no. 342; Rhomiopoulou 1989, 205, αρ. 4, πίν. 49, α–γ (ΜΘ 5127); Kat. Hannover 1994, 209, Nr. 245; Tarditi 1996, 172; Touloumtzidou 2011, 608, πίν. 83γ.

⁶³ Touloumtzidou 2011, 608.

⁶⁴ Carapanos 1878, 2, 89, no. 194n, pl. XLVI, 1.

⁶⁵ Warden 1990, 55, no. 402, pl. 40.

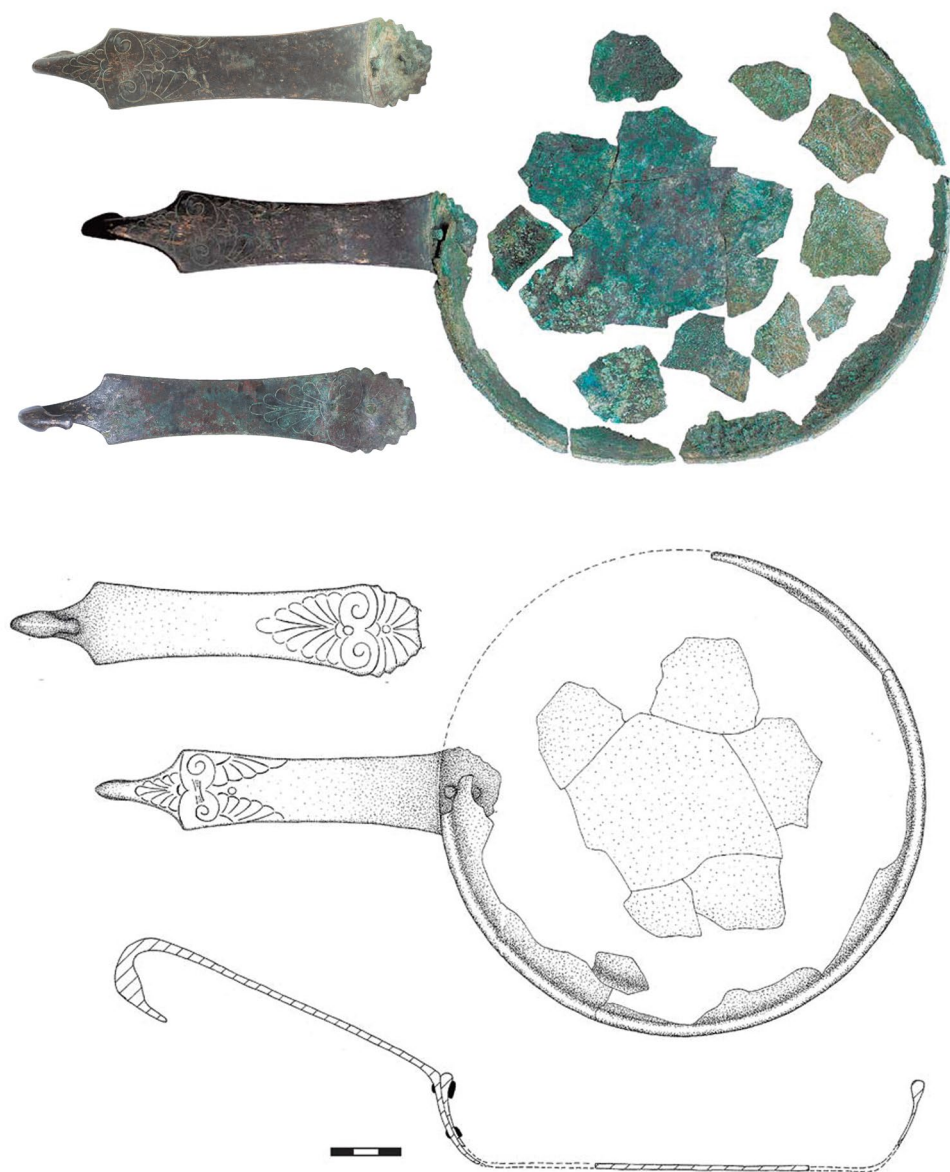

Рис. 3. Патера бронзовая. Волна 1. Погребение № 44/2015, полевая оп. № 129. Тамань, Археологический музей (по: Tsokur *et al.* 2022, 2, 129, табл. 16)

ОЛЬПА

Внутри патеры «находился *кувшин одноручный* из листовой бронзы с литой ручкой. Тулово яйцевидной формы отделено от шейки ребром. Шейка высокая, плавно переходит в венчик. Венчик отогнут наружу. Ручка вертикальная, из стержня, круглого в сечении, верхним концом крепится к венчику. Дно плоское, слегка вогнуто внутрь тулова. Диаметр венчика — 51 мм, диаметр тулова — 78,5 мм, диаметр дна — 56,5 мм, высота — 148 мм»⁶⁶ (рис. 4).

И.В. Цокур правильно определила сосуд как ольпу⁶⁷, сопоставляя ее с опубликованной нами находкой в Мирмекии, которую мы датировали в рамках первой половины, возможно второй четверти V в. до н.э. Вместе с тем мирмекийская ольпа имеет значительно более вытянутые пропорции как за счет большей высоты — 21,5 см (без учета выступа ручки), так и меньшего диаметра дна (3,8 см). Впрочем, учитывая тот факт, что сосуд сохранился в двух частях (верхняя часть и дно с прилегающими стенками), не исключено, что он имел более вытянутую форму и пропорции его были ближе к известным греческим бронзовым ольпам, выделенным Т. Вебером в тип III.B и датированным концом VI — первой половиной V в. до н.э. Т. Вебер составил каталог из 31 сосуда, два из которых, впрочем относятся к этой группе условно, так как являются ойнохоями⁶⁸. К ним следует добавить еще пять бронзовых ольп, происходящих из Апулии (лишь две из которых были учтены Вебером)⁶⁹, три — из Базиликаты⁷⁰, одну бронзовую ольпу из некрополя Аполлонии в Иллирии⁷¹ и один сосуд из Добруджи⁷². Еще одна бронзовая ольпа из коллекции Барбары и Лоуренса Фляйшманов хранится в Музее Гетти⁷³. Таким образом, с учетом мирмекийского сосуда теперь известно не менее 42 бронзовых биконических ольп.

Большинство рассматриваемых сосудов происходит с территории Южной Италии и Греции, при этом определенная концентрация находок отмечается для Центральной Греции (Олимпия, Галаксиди, Коринф). Известны, впрочем, и единичные сосуды, происходящие из Северной Африки (Танжер) и Балкан (Сербия и Болгария)⁷⁴. Для уточнения хронологии в этой связи особое значение приобретают находки из погребений № 3 и 9/1976 в Рутильяно в Апулии, происходящие из комплексов первой четверти и второй половины V в. до н.э. соответственно⁷⁵. Рассматриваемые бронзовые ольпы, как правило, имеют небольшие размеры, их высота (с ручкой) обычно колеблется в пределах 14–17 см. Для большинства ольп характерны ручки U-образного сечения

⁶⁶ Tsokur *et al.* 2022, 1, 57, илл. 102, 110, 1; 2, 128, табл. 15, 2.

⁶⁷ Selivant'ev, Tsokur 2017, 262–263; Tsokur 2022, 144.

⁶⁸ Weber 1983, 148–174.

⁶⁹ Tarditi 1996, 81–83, no. 162, 163, 165, 166 (тип C2); Montanaro 2015, 67–70, no. 11, fig. 17–21.

⁷⁰ Bottini 2022, 29–30, fig. 14.

⁷¹ Kat. Hildesheim 1988, 362, Nr. 267: происходит из погребения начала III в. до н.э.

⁷² Cat. Bucharest 2003, 144, no. 206.

⁷³ Cat. Malibu 1994, 61–63, no. 20.

⁷⁴ Weber 1983, 151–153; Tarditi 1996, 163–164.

⁷⁵ Tarditi 1996, 81–82, no. 162–163.

Рис. 4. Ольпа бронзовая. 1 – Волна 1. Погребение № 44/2015, полевая оп. № 130. Тамань, Археологический музей (по: Tsokur *et al.* 2022, 2, 128, табл. 15, 2). 2 – фото находки in situ (по: Tsokur *et al.* 2022, 1, 241, илл. 102)

и венчики, орнаментированные фризами ионийского киматия, что отличает их как от мирмекийской ольпы, так и от сосуда из некрополя Волна.

ТЕРКА ДЛЯ СЫРА

В парном погребении № 140-2, датируемом по керамическому материалу последней четвертью V в. до н.э.⁷⁶, «в 0,35 м к юго-западу от черепа костяка 2, в лутерии находились фрагменты двух *пластин* из листовой бронзы прямоугольной формы. Края пластин подвернуты и прокованы. На одной из пластин вся поверхность покрыта прокованными отверстиями с рваными краями, напоминающая терку. Вторая пластина была немного шире, края были подвернуты, образуя невысокий борт по периметру. Возможно, это была крышка от первой. Размеры: пластина 1 — 104×48×1 мм, пластина 2 — 107×49×1 мм» (рис. 5, 1)⁷⁷.

Терки для сыра как важный элемент аристократического банкета⁷⁸ отмечаются в «Илиаде» (Ном. II. XI. 638–641): Нестор угощает своих гостей, Махаона и Патрокла, прамнийским вином, приправленным мукой и тертым сыром⁷⁹. Бронзовые терки появляются еще в начале I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют датирующиеся второй четвертью IX в. до н.э. находки из некрополя Лефканди на о. Эвбея⁸⁰ (Д. Риджвей связывал их распространение в Великой Греции с эвбейцами⁸¹). В VII–V вв. до н.э. такие находки в некрополях Греции и Малой Азии, в частности на Родосе⁸², встречаются редко. Значительно чаще их находили при исследовании святилищ как на территории материковой Греции, так и островов Эгейского моря, на Крите и в Малой Азии⁸³, а также при раскопках городских слоев, как в Селинунте⁸⁴, Эпизефирских Локрах⁸⁵, Милете⁸⁶, Линдосе на о. Родос⁸⁷ и в Олинфе⁸⁸ и слоев поселений, как на хоре Метапонта⁸⁹.

⁷⁶ Tsokur *et al.* 2022, 2, 33–37, илл. 315–320.

⁷⁷ Selivant'ev, Tsokur 2017, 263–264, № 3 (с датировкой IV в. до н.э.); Tsokur 2022, 145 (с датировкой второй — третьей четвертью V в. до н.э.); Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 319, 1–2.

⁷⁸ Ridgway 1997, 331; Sherratt 2004, 313; D'Agostino 2006, 212, 215–217; Kistler 2012, 227–228; Saripanidi 2017, 102, 104; Pautasso, Rizza 2023, 198.

⁷⁹ Ridgway 1997, 326–328, 331; West 1998, 190–191.

⁸⁰ Popham, Lemos 1996, Taf. 48, 8; 78, B2; 87, 16; 146, c; Sherratt 2004, 313; Krapf 2009, 513. 518; Baitinger 2013, 252; Kistler 2014, 191.

⁸¹ Ridgway 1997, 337–339.

⁸² Jacobstahl 1932, 1–2, Abb. 1–2.

⁸³ Ridgway 1997, 331–335; Maass, Kilian-Dirlmeier 1998, 99, Nr. 140–141, Abb. 18; Klebinder-Gauß 2007, 186–187, 274, Nr. 945–946, Taf. 93; Kistler 2009, 751, B4.71–81; 2014, 183–184, Anm. 13; Baitinger 2013, 252–253; Prêtre 2016, 101–102, no. 727, pl. XXVIII; Villing 2021, 4, n. 9; Pautasso, Rizza 2023, 197–198.

⁸⁴ Baitinger 2015, 139; 2016, 115–119, Nr. 588–626; Taf. 67–69.

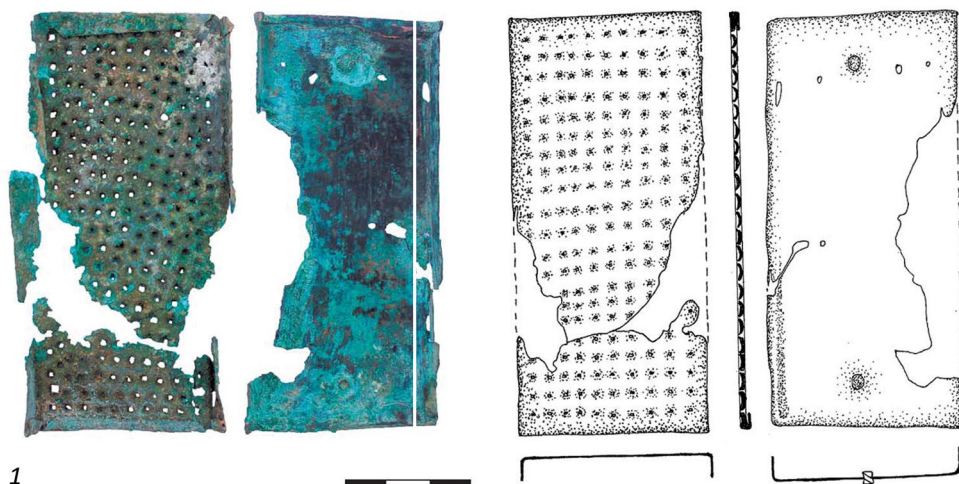
⁸⁵ Barra Bagnasco 1989, 26, tav. VI, 3.

⁸⁶ Donder 2016, 180–181, Abb. 4; Villing 2021, 13.

⁸⁷ Blinkenberg 1931, 215, no. 693, pl. 29.

⁸⁸ Robinson 1941, 191–193, no. 600–608, pl. 49; Ridgway 1997, 340, no. 3; Krapf 2009, 515; Villing 2021, 13, n. 69.

⁸⁹ Trivigno, Mazzoli 2014, 364, FF M 01.

1

2

Рис. 5. Терка для сыра бронзовая. 1 – Волна 1. Погребение № 140-2/2015, полевая оп. № 570. Тамань, Археологический музей (по: Tsokur *et al.* 2022, 2, 132, табл. 19); 2 – фото находки in situ (по: Tsokur *et al.* 2022, 2, 250, илл. 317)

Встречаются они и в македонском некрополе VI в. до н.э. в Архонтико⁹⁰, при этом значительно большее распространение они получают в некрополях этрусских и италийских⁹¹, а также греческих центров и местного населения Сицилии⁹².

Терки в основном имеют форму прямоугольников длиной 10–20 и шириной 7–10 см. Отверстия могут располагаться бессистемно, или параллельными прямыми⁹³, или косыми⁹⁴ рядами. По краям может быть гладкий ранд без отверстий⁹⁵, как и на рассматриваемой терке. В некоторых случаях по краям или в углах имеются более крупные отверстия, в которых сохранились гвозди для крепления к деревянной основе⁹⁶.

Впрочем, что именно растирали на терках: сыр, как предполагали одни⁹⁷, или пряности для вина, как считали другие исследователи⁹⁸, — является предметом дискуссий. Специально исследовавшая эту проблему А. Виллинг, анализируя письменные и археологически источники, приходит к выводу, что терки использовались для растирания сыра⁹⁹. Находки бронзовых терок в погребальных контекстах V в. до н.э. в Кампании¹⁰⁰ и Базиликате¹⁰¹ указывают на их связь с сосудами, связанными с винопитием, в частности, бронзовыми киафами и ситечками, а также кувшинами и кратерами. Очевидна эта связь и в случае с теркой из погребения № 140–2¹⁰². Кроме двух пластин терки в лутерии¹⁰³ находились: фрагменты двух чернолаковых киликов¹⁰⁴, чернолаковая солонка¹⁰⁵, железный нож с костяными накладками¹⁰⁶, а на лутерии лежал бронзовый киаф (рис. 5, 2)¹⁰⁷.

⁹⁰ Saripanidi 2017, 101–102, 128–129.

⁹¹ Ridgway 1997, 331–335; Cat. Trieste 2002, 220, no. 50.1–4; Tarditi 2007, 565–566, tav. 53b; Kistler 2009, 747–748, 750–751, B2.4–58; 2014, 183–184, Anm. 13.

⁹² Ridgway 1997, 331–335; Kistler 2009, 747–748, 751, B3.59–70; 2012, 228; 2014, 183–184, Anm. 13; Brugnone *et al.* 2020, 54, 102, fig. 6; Villing 2021, 4, n. 9.

⁹³ Линдос: Blinkenberg 1931, 215, no. 693, pl. 29. Фазос: Prêtre 2016, 101–102, no. 727, pl. XXVIII. Пантанелло, Метапонт, некрополь: Prohászka 1995, 138, no. H9, fig. 31, pl. 39D; 1998, 818, 819, no. H 9. Италия: Villing 2021, 1–2, fig. 1b.

⁹⁴ Олимпия: Furtwängler 1890, 197, Nr. 1272; Baitinger 2013, 253, Abb. 136. Олинф: Robinson 1941, 192–193, no. 600, 605–606, pl. XLVIII–XLIX. Хора Метапонта: Trivigno, Mazzoli 2014, 364, FF M 01. Треббия, Кампания, некрополь: Villing 2021, 1–2, fig. 1a.

⁹⁵ Линдос: Blinkenberg 1931, 215, no. 693, pl. 29. Олинф: Robinson 1941, 192–193, no. 600, 605–606, pl. XLVIII–XLIX. Хора Метапонта: Trivigno 2014, 364, FF M 01. Треббия, Кампания, некрополь: Villing 2021, 2, fig. 1a.

⁹⁶ Prohászka 1995, 138, no. H9, fig. 31, pl. 39D; 1998, 818, 819, no. H 9.

⁹⁷ Klebinder-Gauß 2007, 186; Baitinger 2013, 252–253; Villing 2021, 23–24.

⁹⁸ Schindler 1998, 68; Sherrat 2004, 328; Krapf 2009; Kistler 2009, 746–747; 2012, 227; 2014, 183–184.

⁹⁹ Villing 2021, 5–14.

¹⁰⁰ Villing 2021, 21–23, fig. 8.

¹⁰¹ Cat. Trieste 2002, 220, no. 50.1–4; Osanna *et al.* 2007, 154–161.

¹⁰² Tsokur *et al.* 2022, 2, 33–34, илл. 315–317.

¹⁰³ Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 321, 1.

¹⁰⁴ Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 319, 3–4.

¹⁰⁵ Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 319, 5.

¹⁰⁶ Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 320, 4.

¹⁰⁷ Selivant'ev, Tsokur 2017, 262, № 5; Tsokur *et al.* 2022, 2, 34, илл. 321, 1.

Публикуемая бронзовая терка — не единственная находка такого рода в Северном Причерноморье. Прямоугольная бронзовая терка с закругленными углами и отверстиями округлой и прямоугольной формы, неровными рядами по длинной оси была найдена при раскопках Мирмекия¹⁰⁸. И.В. Цокур отмечает, что близкая аналогия была найдена в материалах могильника городища № 3 хут. Ленина, датируемого V в. до н.э. Отметим, однако, что пластина, о которой идет речь, имеет овальную форму, а отверстия организованы в поперечные ряды, тогда как погребение в настоящее время датируют второй четвертью — серединой V в. до н.э.¹⁰⁹ Значительно ближе к публикуемой бронзовая терка, определенная как «ситечко», из Уляпского кургана № 5 в Закубанье. Она имеет прямоугольную форму с почти вертикально отогнутыми длинными краями и ровными параллельными поперечными рядами отверстий¹¹⁰.

ВЫВОДЫ

Публикуемые бронзовые инструменты и сосуды отчасти представлены редкими не только для Северного Причерноморья формами. Есть все основания предполагать апулийское происхождение патеры из погребения № 44, которые до настоящего времени были представлены семью экземплярами из некрополя Рутильяно в Апулии и одним — из Македонии (рис. 2, 2). Не меньшую редкость (всего вместе с публикуемой находкой известно 13 экземпляров, включая два — с неизвестным происхождением) представляет и происходящий из того же погребения бронзовый инструмент для отбора пробы вина — клепсидра, представленный находками как из Центральной (Лацио) и Южной (Кампании, Калабрии и Базиликаты) Италии, так и из Иллирии (Аполлония) и Центральной Греции (Беотия, Фокида) (все — из бронзы), серебряным экземпляром из аристократического фракийского погребения в районе Пловдива и бронзовым — из Уляпского курганного некрополя в Закубанье (рис. 2, 1). Как и клепсидра, бронзовая терка для сыра из погребения является элементом итальянской и греческой элитарной культуры винопития, что подтверждает высокий статус как погребений, в которых они были найдены, так и некрополя в целом. Есть все основания считать, что рассматриваемые инструменты, связанные с греческой культурой винопития, через греческие центры Таманского полуострова, проникали глубоко внутрь варварского хинтерланда, достигая Закубанья.

Литература / References

- Bailey, D.M. 2003: A Dandy Dipper: The Ambleuse Clepsydra, Empedocles, and Wine-Thieves I Have Known. In: C. Entwistle (ed.), *Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology Presented to David Buckton*. Oxford, 1–9.
- Baitinger, H. 2013: Sizilisch-unteritalische Funde in griechischen Heiligtümern. Ein Beitrag zu den Votivsitten in Griechenland in spätgeometrischer und archaischer Zeit. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 60, 153–296.

¹⁰⁸ Sztetyło 1976, 116, rys. 122; Villings 2021, 13, n. 69.

¹⁰⁹ Limberis, Marchenko 2001, 36, 85, рис. 5, 6; 2012, 80, рис. 81, 6.

¹¹⁰ Leskov *et al.* 2013, 47–48, № 110, рис. 29, 1.

- Baitinger, H. 2015: In weiter Ferne, so nah! Einheimisches und Fremdes im Spiegel der Metallfunde von Selinunt. In: E. Kistler, B. Öhlinger, M. Mohr, M. Hoernes (eds.), *Sanctuaries and the Power of Consumption. Networking and the Formation of Elites in the Archaic Western Mediterranean World. Proceedings of the International Conference in Innsbruck, 20th–23rd March 2012*. (Philippika, 92). Wiesbaden, 137–151.
- Baitinger, H. 2016: *Selinus V. Die Metallfunde aus Selinunt: der Fundstoff aus den Grabungen des Deutschen Archäologischen Instituts auf der Agora*. (Sonderschriften. Deutsches Archäologisches Institut, Römische Abteilung, 19). Wiesbaden.
- Barra Bagnasco, M. (ed.) 1989: *Locri Epizefiri III. Cultura materiale e vita quotidiana*. Firenze.
- Bereti, V. 2011: Onjnoheja e Amantias, kullea dhe qepshe prej bronzi / L'oinochoë d'Amantia, passoirs et luches en bronze. *Iliria* 35, 175–206.
- Bereti, V., Dimo, V. 2011: Quatre tombes du tumulus VI d'Apollonia d'Illyrie. In: S. Drougou, H. Zepboudaki, A. Dougeri-Intzesiloglou, M. Petropoulos, I. Touratsoglou (eds.), *Ζ' Επιστημονική Συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική: Αργίο, 4–9 Απριλίου 2005: πρακτικά* [Academic Conference on the Hellenistic Pottery: Aigio, 4–9 April. Proceedings]. Athens, 483–496.
- Bilimovich, Z.A. 1979: [Etruscan Bronze Strainers found in the North Pontic Region]. In: K.S. Gorbunova (ed.), *Iz istorii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [From the History of the North Pontic Area in Antiquity]. Leningrad, 26–36.
- Билимович, З.А. Этруские бронзовые ситечки, найденные в Северном Причерноморье. В сб.: К.С. Горбунова (ред.), *Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху*. Л., 26–36.
- Blinkenberg, C. 1931: *Lindos: fouilles de l'acropole 1902–1914, 1: les petits objets*. Berlin.
- Bottini, A. 2022: Vasi di bronzo per gli Italici. Rinvenimenti e proposte di inquadramento. *Thiasos: Rivista di archeologia e architettura antica* 11, 19–50.
- Brugnone, A., Calascibetta, A.M.G., Vassallo, S. 2020: Laminette plumbee iscritte da Himera. *Aristonothos. Rivista di studi sul Mediterraneo Antico* 16, 47–108.
- Buchner, G., Ridgway, D. 1993: *Pithekoussai I. La necropoli: Tombe 1–723: scavate dal 1952 al 1961*. Roma.
- Carapanos, C. 1878: *Dodone et ses ruines*. Paris.
- Cat. Bergen 2017: *Legends in Gold. Thracian Treasures from Bulgaria*. Bryggens Museum, Bergen City Museum. Bergen.
- Cat. Bucharest 2003: L. Petculescu (ed.), *Antique Bronzes in Romania: Exhibition Catalogue*. Bucharest.
- Cat. Malibu 1994: J. Harris (ed.), *A Passion for Antiquities. Ancient Art from the Collection of Barbara and Lawrence Fleischman*. Malibu.
- Cat. Melbourne 1988: L. Braggiotti (ed.), *Archaia Makedonia = Ancient Macedonia*. Athens.
- Cat. New York 1990: D. von Bothmer (ed.), *Glories of the Past. Ancient Art from the Shelby White and Leon Levy Collection. The Metropolitan Museum of Art*. New York.
- Cat. Paris 2015: J.-L. Martinez, A. Baralis, N. Mathieux, T. Stoyanov, M. Tonkova (ed.), *L'épopée des rois thraces. Des guerres médiques aux invasions celtes, 479–278 avant J.-C.* Paris.
- Cat. Targovishte 2023: M. Stamberova, K. Petkova (eds.), *Trakiyskiyat voyn ot Ruets. Katalog kam izlozhba v Regionalen istoricheski muzey – Targovishte, 31 may – 30 septemvri 2023 g.* [The Thracian Warrior from Ruets. Exhibition Catalogue in Regional Historical Museum – Targovishte, 31 May – 30 September 2023]. Sofia.
- М. Стамберова, К. Петкова (ред.), *Тракийският воин от Руец. Каталог към изложба в Регионален исторически музей – Търговище. 31 май – 30 септември 2023 г.* (Национален археологически музей. Каталог, XXVIII). София.
- Cat. Thessaloniki 1979: K. Ninou (ed.), *Treasures of Ancient Macedonia: Catalogue*. Thessaloniki.
- Cat. Trieste 2002: A. Giumlia-Mair, M. Rubinich (a cura di), *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Trieste.
- Comstock, M., Vermeule, C.C. 1971: *Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston*. Boston.
- D'Agostino, B. 2006: The First Greeks in Italy. In: G.R. Tsatsikhaladze (ed.), *Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. 1. Leiden–Boston, 201–237.
- Deonna, W. 1908: Vases à surprise et vases à puiser le vin. *Bulletin de l'Institut Genevois* 38, 3–29.
- De Ridder, A. 1894: *Catalogue des bronzes de la Société archéologique d'Athènes*. Paris.
- Donder, H. 2016: Die Metallfunde vom Kalabaktepe in Milet: Siedlungsniederschlag oder thesauriertes Altmittel? In: H. Baitinger (Hrsg.), *Materielle Kultur und Identität im Spannungsfeld zwischen*

- mediterranean Welt und Mitteleuropa: Akten der internationalen Tagung am Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz, 22.–24. Oktober 2014: Abschlusstagung des DFG-Projekts "Metallfunde als Zeugnis für die Interaktion zwischen Griechen und Indigenen auf Sizilien zwischen dem 8. und 5. Jahrhundert v. Chr."* (RGZM Tagungen, 27). Mainz, 175–184.
- Drougou, S. 1979: Ein neuer Krater aus Athen. Die Gruppe „Falaieff“. *Archäologischer Anzeiger*, 265–282.
- Fedorova, O.B. 2010: ["The Playing Child", or Empedocles' Fragment about Breathing in the Light of Philological Analysis]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya [Journal of the Moscow State University. Series 7. Philosophy]* 2, 3–34.
- Федорова, О.Б. «Играющее дитя», или фрагмент Эмпедокла о дыхании в свете филологического анализа. *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия* 2, 3–34.
- Friederichs, C. 1871: *Berlins Antike Bildwerke*. Bd. 2. *Geräthe und Bronzen im Alten Museum*. Düsseldorf.
- Furtwängler, A. 1890: *Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia*. (Olympia, IV). Berlin.
- Hermann, W. 1966: Archäologische Grabungen und Funde im Bereich der Superintendenzen von Apulien, Lucanien, Calabrien und Salerno von 1956 bis 1965. *Archäologischer Anzeiger* 3, 255–367.
- Jacobsthal, P. 1932: Λέαινα ἐπὶ τυροκνήστιδος [The Lioness on a Cheese-scraper]. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* 57, 1–7.
- Kat. Hannover 1994: I. Vokotopoulou (Hrsg.), *Makedonen die Griechen des Nordens*. Athen.
- Kat. Hildesheim 1988: A. Eggebrecht (Hrsg.), *Albanien. Schätze aus dem Land der Skipetaren*. Mainz.
- Kefalidou, E. 2003: Τις ἐστίν; Οὐχὶ κλεψύδρα; (Αριστοφάνης, *Σφήκες*, 858): Μία ομάδα ιδιόμορφων αγγείων της αρχαϊκής εποχής ["What Is This Then – Not a Clepsydra?"] (Aristophanes, *Vespai*, 858): A Group of Peculiar Archaic Vases]. *Egnatia* 7 (2002–2003), 61–107.
- Kefalidou, E. 2009: Suction Dippers: Many Shapes, Many Names and a Few Tricks. In: A. Tsingarida (ed.), *Shapes and Uses of Greek Vases (7th–4th Centuries B.C.)*. *Proceedings of the Symposium held at the Université libre de Bruxelles, 27–29 April 2006*. Brussels, 173–184.
- Kistler, E. 2009: Connected: cultura simposiale intermediterranea e i gruppi elitari nella Sicilia arcaica. In: C. Ampolo (a cura di), *Immagine e immagini della Sicilia e di altre isole del Mediterraneo antico. Atti delle seste Giornate internazionali di Studi sull'area elima e la Sicilia occidentale nel contesto mediterraneo*. *Erice, 12–16 ottobre 2006*. Vol. II. (Seminari e convegni, 22). Pisa, 743–761.
- Kistler, E. 2012: Global Responses from Archaic Sicily. *Ancient West & East* 11, 219–233.
- Kistler, E. 2014: Die Mediterranée im 6. und frühen 5. Jh. v. Chr. – eine Welt in Bewegung. *Archäologischer Anzeiger* 1, 181–204.
- Kisiov, K. 2005: *Thrace and Greece in Ancient Times*. Pt. 1. *Classical Age Tumuli in the Municipality of Kaloyanovo*. Plovdiv.
- Kisiov, K. 2014: [In the Issue of the Origin and Purpose of the Silver Vessel "Clepsydra" from Mound No. 1 near the Chernozem Village, Kaloyanovo Municipality]. *Godishnik na regionalen arheologicheski muzej – Plovdiv [Annual of the Regional Archaeological Museum – Plovdiv]* 12, 134–144.
- Кисъов, К. Към въпроса за произхода и предназначението на сребърния съд "Клепсида" от могила № 1 край Чернозем, община Калояново. *Годишник на Регионален археологически музей – Пловдив* 12, 134–144.
- Kleibinder-Gauß, G. 2007: *Bronzefunde aus dem Artemision von Ephesos*. (Forschungen in Ephesos XII/3). Wien.
- Knauf, F. 2017: Faszination des Fremden. Darstellung von Schwarzafricanern in der Kunst des antiken Griechenland. In: *AVISO. Zeitschrift für Wissenschaft und Kunst in Bayern* 2, 16–17.
- Krapf, M. 2009: Eisenzeitliche (Käse-)Reiben in Gräbern, Heiligtümern und Siedlungen. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 39, 509–526.
- Ksenofontova, I.V. 2015: [Greek Imports]. In: A.I. Ivantchik, A.M. Leskov (eds.), *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze [Ul'skaya Burial Mounds. Cult-Funerary Complex of the Scythian Period in the North Caucasus]*. Moscow–Berlin–Bordeaux, 58–63.
- Ксенофонтowa, И.В. Античные импорты. В: А.И. Иванчик, А.М. Лесков (ред.), *Ульские курганы. Культново-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе*. (Corpus tumulorum scythorum et sarmaticorum, 2). Москва–Берлин–Бордо, 58–63.
- Last, H. 1924: Empedokles and His Klepsydra Again. *Classical Quarterly* 3–4 (18), 169–173.

- Leskov, A.M., Beglova, E.A., Ksenofontova, I.V., Erlikh, V.R. 2013: *Meoty Zakuban'ya IV–III vv. do n.e. Nekropoli u aula Ulyap. Svyatilishcha i ritual'nye komplekсы* [The Maiotians of the Trans-Kuban Region in the 4th–3rd Centuries BC. The Necropoleis near the aul of Ulyap. Shrines and Ritual Places]. Moscow.
- Лесков, А.М., Беглова, Е.А., Ксенофонтowa, И.В., Эрлих, В.Р. *Меоты Закубанья IV–III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы*. М.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2001: [The Burials of the 6th–5th Centuries BC from the Burial Grounds of the Maiotian Fortified Sites of the Right Bank of the Kuban River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Studies in the Archaeology of the Kuban] 1, 32–123.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани. *Материалы и исследования по археологии Кубани* 1, 32–123.
- Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2012: *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e. (po materialam gruntovyykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani)* [Maiotian Antiquities of the 6th–5th Centuries BC (on the Materials from the Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban River)]. Krasnodar.
- Лимберис, Н.Ю., Марченко, И.И. *Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани)*. Краснодар.
- Lissarague, F. 1987: *The Aesthetics of the Greek Banquet. Images of Wine and Ritual (Un Flot d'Images)*. Princeton (NJ).
- Maass, M., Kilian-Dirlmeier, I. 1998: Aegina – Aphaiatempel: Bronzefunde außer Waffen. *Archäologischer Anzeiger* 1, 57–104.
- Mitro, R. 2015: *Kálamos*. A proposito del cosiddetto Aspergillo di Melfi/Chiuchiari. *Ocnus* 23, 55–64.
- Mitro, R. 2020: Servizi bronzei e coppie funzionali dalle necropoli del “Melfese” in età arcaica. *Ocnus* 28, 179–198.
- Mitro, R., Notarangelo, Fr. 2016: *Melfi. Le necropoli di Pisciole e Chiuchiari*. Venosa.
- Montanaro, A.C. 2015: I vasi di bronzo della «Collezione Sansone» di Mattinata (FG). *Mélanges de l'École française de Rome – Antiquité* 127/1, URL: <https://journals.openedition.org/mefra/2681>; date of access: 01.09.2024.
- Montanaro, A.C. 2020: Su alcune tombe aristocratiche femminili dalla necropoli peucezia di contrada Purgatorio (scavi 1976–1977) a Rutigliano (Bari). Considerazioni sui contesti. *Mediterranea* 17, 9–48.
- Montanaro, A.C. 2021: Rutigliano (Bari): la necropoli di contrada Purgatorio. Le tombe del settore settentrionale (scavi 1976–77). Riflessioni preliminari. *BABESCH: Annual Papers on Mediterranean Archaeology* 96, 1–44.
- Mutafchieva, Ya. 2023: [Bronze Vessels from the Tomb at Ruets]. In: M. Stamberova, K. Petkova (eds.), *Trakiyskiyat voin ot Ruets. Katalog kam izlozhba v Regionalen istoricheski muzey – Targovishte, 31 may – 30 septemvri 2023 g.* [The Thracian Warrior from Ruets. Exhibition Catalogue in Regional Historical Museum – Targovishte, 31 May – 30 September 2023]. Sofia, 37–44.
- Мутафчиева, Я. Бронзови съдове от гробницата при Руец. В кат.: М. Стамберова, К. Петкова (ред.), *Тракийският воин от Руец. Каталог към изложба в Регионален исторически музей – Търговище. 31 май – 30 септември 2023 г.* (Национален археологически музей. Каталогиз, XXVIII). София, 37–44.
- Nowotnik, U. 2016: Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan). In: S. Japp, P. Kögler, (eds.), *Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7th–10th*. Wien, 399–414.
- Orsi, P. 1917: Locri Epiz. Campagne di scavo nella necropoli Lucifero negli anni 1914 e 1915. *Notizie degli Scavi di Antichità* 14, 101–167.
- Osanna, M., Pilo, C., Trombetti, C. 2007: Brevi note in margine al “margine”. Vasi attici dalla necropoli di Guardia Perticara. In: S. Angiolillo, M. Giuman (a cura di), *Il vasaio e le sue storie. Giornata di Studi sulla ceramica attica in onore di Mario Torelli per i suoi settanta anni* (Cagliari, Cittadella dei Musei, 20 giugno 2007). Cagliari, 154–170.
- Panteleon, N. 2018: Metallsiebe in mitteleuropäischen Fundkontexten der Eisenzeit. In: M. Trefný (ed.), *The Early Iron Age in Central Europe. Proceedings of the Conference held on the 2nd–4th of July 2015 in Hradec Králové, Czech Republic*. Hradec Králové, 294–327.

- Pautasso, A., Rizza, S. 2023: *Priniàs I. Il complesso protoarcaico sul versante meridionale della Patela*. (Monografie della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente, 34). Atene.
- Pfisterer-Haas, S. 2019: *Die Bronzegefäße der Staatlichen Antikensammlungen München*. (Staatliche Antikensammlungen München. Katalog der Bronzen, 2). München.
- Pharmakowsky, B. 1912: Archäologische Funde im Jahre 1911. Südrubland. *Archäologischer Anzeiger* 27, 323–381.
- Popham, M.R., Lemos, I.S. 1996: *Lefkandi*. Vol. III. *The Toumba Cemetery. The Excavations of 1981, 1984, 1986 and 1992–4*. Athens.
- Prêtre, Cl. 2016: *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. (Études Thasiennes, 23). Athènes.
- Prohászka, M. 1995: *Reflections from the Dead. The Metal Finds from the Pantanello Necropolis at Metaponto. A Comprehensive Study of Grave Goods from the 5th to the 3rd Century B.C.* (Studies in Mediterranean Archaeology, CX). Jonsered.
- Prohászka, M. 1998: Metal Objects and Coins. In: J.C. Carter, J. Morter, A.P. Toxey (ed.), *The Chora of Metaponto. The Necropoleis*. Vol. II. Austin, 787–834.
- Rashed, M. 2008: De qui la clepsydre est-elle le nom? Une interprétation du fragment 100 d'Empédocle. *Revue des Études Grecques* 121/2, 443–468.
- Rhomiopoulou, K. 1989: [Closed Burial Complexes of the Late Classical Period from Thessaloniki]. In: [*Epos of Friendship: to Georgios E. Milonas*]. Vol. III. Athens, 194–218.
- Ρωμιοπούλου, Κ. Κλειστά ταφικά σύνολα ύστεροκλασικών χρόνων από τη Θεσσαλονίκη. *Φιλια Έπη εις Γεώργιον Ε. Μυλωνάν*. Τόμος Γ'. Αθήναι, 194–218.
- Ridgway, D. 1997: Nestor's Cup and the Etruscans. *Oxford Journal of Archaeology* 16/3, 325–344.
- Rizzo, D. 2006: Recenti rinvenimenti nel territorio di Nepi: un sepolcro aristocratico. In: M. Pandolfini Angeletti (a cura di), *Archeologia in Etruria Meridionale. Atti delle giornate di studio in ricordo di Mario Moretti*. Roma, 107–120.
- Robinson, D.M. 1941: *Metal and Minor Miscellaneous Finds: An Original Contribution to Greek Life*. (Excavations at Olynthus, X). Baltimore.
- Sampaolo, V. 2005: L'attività archeologica a Napoli e Caserta nel 2004. In: *Tramonto della Magna Grecia: atti del quarantaquattresimo Convegno di studi sulla Magna Grecia. Taranto 24–28 settembre 2004*. Taranto, 663–705.
- Saripanidi, V. 2017: Constructing Continuities with a 'Heroic' Past: Death, Feasting and Political Ideology in the Archaic Macedonian Kingdom. In: A. Tsingarida, I.S. Lemos (eds.), *Constructing Social Identities in Early Iron Age and Archaic Greece*. (Études d'Archéologie, 12). Brussels, 73–134.
- Schindler, M.P. 1998: *Der Depotfund von Arbedo TI und die Bronzedeptfun des Alpenraums vom 6. bis zum Beginn des 4. Jhs. v. Chr.* (Antiqua, 30). Basel.
- Schöne-Denking, A. 2021: Die Berliner Kolchoskanne. Bild, Form und Funktion. In: C. Lang-Auinger, E. Trinkl (Hrsg.), *Griechische Vasen als Medium für Kommunikation. Ausgewählte Aspekte. Akten des internationalen Symposiums im Kunsthistorischen Museum Wien, 5.–7. Oktober 2017*. (Corpus Vasorum Antiquorum Österreich, Beiheft 3). Wien, 147–156.
- Selivant'ev, O.A., Tsokur, I.V. 2017: [Bronzeware from the Burials of the Burial Ground Volna 1 (Temryuk District, Krasnodar Region)]. In: T.G. Pis'mennaya, A.N. Ryabikov, E.N. Manuzin (eds.), *Severnnyy Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya etnokonfessional'nykh otnosheniy* [*North Caucasus: Problems and Perspectives for the Development of Ethno-confessional Relations*]. Slavyansk-on-Kuban, 259–265.
- Селивантьев, О.А., Цокур, И.В. Бронзовая посуда в погребениях некрополя «Грунтовой могильник Волна 1» (Темрюкский район, Краснодарский край). В сб.: Т.Г. Письменная, А.Н. Рябиков, Е.В. Манузин (ред.), *Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития этноконфессиональных отношений*. Славянск-на-Кубани, 259–265.
- Sherratt, S. 2004: Feasting in Homeric Epic. *Hesperia* 73/2, 301–337.
- Sirano, F. 2005: Appunti su una tomba da Teanum Sidicinum con bronzi etruschi e un'anfora di Mende. In: D. Caiazza (a cura di), *Italica ars. Studi in onore di Giovanni Colonna per il premio I Sanniti*. (Libri Campano Sannitici, IV). Piedimonte Matese, 413–449.
- Sirano, F. 2007: *Il Museo di Teanum Sidicinum*. Napoli.
- Skudnova, V.M. 1988: *Arkhaicheskij nekropol' Ol'vii* [*The Archaic Necropolis of Olbia*]. Leningrad.
- Скуднова, В.М. *Архаический некрополь Ольвии*. Ленинград.

- Stoyanov, T. 2023: The Silver in the Banquet Sets from Thrace. In: H. Popov, K. Pramatarov, N. Ivanova, Y. Dimitrova, N. Sharankov, M. Stamberova (eds.), *Silver Thrace: Exhibition Catalogue, Archaeological Museum of the Republic of North Macedonia, Skopje (14.11.2023–7.04.2024)*. Sofia, 146–163.
- Sztetyńo, Z. 1976: *Mirmeki: Wykopalska odcinka Polskiego w r. 1957*. Warszawa.
- Tarditi, C. 1996: *Vasi di bronzo in area Apula: Produzioni greche ed italiane di età arcaica e classica*. Lecce.
- Tarditi, C. 2007: Vasellame e utensili metallici. In: E.M. De Juliis (a cura di), *Catalogo del Museo Nazionale Archeologico di Taranto*. Vol. II/2. *Rutigliano I: La necropoli di contrada Purgatorio, Scavo 1978*. Taranto, 561–571.
- Teleaga, E. 2008: *Griechische Importe in den Nekropolen an der unteren Donau. 6. Jh. – Anfang des 3. Jhs. v. Chr.* (Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte, 23). Rahden.
- Tiverios, M., 2009: [Strainer-kyathos]. In: G. Pikoulas (ed.), [I Ask about the Wine VIII. *The Mistress of Wine. International Symposium in Honour of S. Kourakou-Dragona*]. Volos, 95–116.
- Τιβεριος, Μ. Ηθμοειδής κύαθος. Στο: Γ. Πίκουλας (επιμ.), *Οἶνον ἱστορῶ VIII. Πότνια Οἶνου. Διεθνὲς ἐπιστημονικὸ συνέδριο πρὸς τιμὴν τῆς Σ. Κουράκου-Δραγώνα*. Βόλος, 95–116.
- Touloumtzidou, A. 2011: [Metal Vases of the 4th–2nd Centuries B.C. from Greece]. PhD thesis. Thessaloniki.
- Τουλουμετζίδου, Α. *Μετάλλινα αγγεία του 4ου–2ου αι. π.Χ. από τον ελληνικό χώρο*. Διδακτορική διατριβή. Θεσσαλονίκη.
- Teister, M.Yu. 2021a: [Greek Bronze Vessels of the Second Half of the 6th–5th Centuries BC and their Fragments from Olbia, Berezan and the Scythian Burials Mounds of the Bug and Dnieper Basins]. *Scripta antiqua* IX, 211–263.
- Трейстер, М.Ю. Греческие бронзовые сосуды второй половины VI–V вв. до н.э. и их фрагменты из Ольвии, Березани и скифских курганов Побужья и Приднепровья. *Scripta antiqua* IX, 211–263.
- Teister, M. 2021b: Greek, Italic and Etruscan Bronze Vessels and Their Fragments of the Late 6th–5th Century BCE from Olbia, Berezan and Scythian Burial Mounds of the Bug and Dnieper Basins. In: J. Fornasier, A.V. Bujskich (Hrsg.), *An den Ufern des Bug*. (Frankfurter Archäologische Schriften, 42). Bonn, 329–362.
- Trivigno, L., Mazzoli, M. 2014: Metal Objects. In: E. Lanza Catti, K. Swift (eds.), *The Chora of Metaponto 5: A Greek Farmhouse at Ponte Fabrizio*. Austin, 361–366.
- Tsokur, I.V. 2022: [Appendix 2. Bronzeware]. In: I.V. Tsokur, N.I. Sudarev, O.V. Sharov, *Volna 1. Nekropol' arkhaiskogo – ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* [Volna 1. Necropolis of the Archaic to Hellenistic Periods on the Taman Peninsula]. Pt. 2. Moscow, 143–145.
- Цокур, И.В. Приложение 2. Бронзовая посуда. В кн.: И.В. Цокур, Н.И. Сударев, О.В. Шаров, *Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове*. Ч. 2. (Материалы спасательных археологических исследований, 30). М., 143–145.
- Tsokur, I.V., Sudarev, N.I., Sharov, O.V. 2022: *Volna 1. Nekropol' arkhaiskogo – ellinisticheskogo periodov na Tamanskom poluostrove* [Volna 1. Necropolis of the Archaic to Hellenistic Periods on the Taman Peninsula]. Pt. 1–2. Moscow.
- Цокур, И.В., Сударев, Н.И., Шаров, О.В. *Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове*. Ч. 1–2. (Материалы спасательных археологических исследований, 30). М.
- Velkov, I. 1928–1929: [New Tomb Finds]. *Izvestiya na Arkheologicheskiya Institut* [Bulletin de l'Institut archéologique] V, 37–53.
- Велков, И. Нови могилини находки. *Известия на Археологическия Институт* V, 37–53.
- Villing, A. 2021: Spicing Wine at the *Symposion*: Fact or Fiction? Some Critical Thoughts on Material Aspects of Commensality in the Early Iron Age and Archaic Mediterranean World. *Journal of Hellenic Studies* 141, 1–30.
- Warden, G. 1990: The Small Finds. In: D. White (ed.), *The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Reports*. Vol. IV. (University Museum Monograph, 67). Philadelphia, 1–86.
- Weber, T. 1983: *Bronzekannen. Studien zu ausgewählten archaischen und klassischen Oinochoenformen aus Metall in Griechenland und Etrurien*. (Archäologische Studien, 5). Frankfurt am Main–Bern.
- West, M.L. 1998: Grated Cheese Fit for Heroes. *Journal of Hellenic Studies* 118, 190–191.

-
- Zahn, R. 1899: Zur Midasvase aus Eleusis. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* XXIV, 339–344.
- Zimi, E., Sideris, A. 2003: [Bronze Vessels from Galaxidi: First Approach]. In: P. Themelis, R. Stataki-Koumarou (eds.), [*Galaxidi from Antiquity to Modern Days*]. Athens, 35–60.
- Ζυμή, Ε., Σίδερης, Α. Χάλκινα σκεύη από το Γαλαξειδί: πρώτη προσέγγιση. Στο: Π. Θέμελης, Ρ. Σταθάκη-Κούμαρη (επιμ.), *Το Γαλαξειδί από την Αρχαιότητα έως σήμερα*. Αθηνά, 35–60.

DOI: 10.31857/S0321039124030056

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МНОЖЕСТВЕННОСТИ ДУШ В ПОЭТИКО-АНТИКВАРНОЙ ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Т. А. Бобровникова

Специализированный учебно-научный центр МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: scipio202@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9750-7064

Статья посвящена реконструкции представлений о душе у римлян Республики и Ранней империи. Она основана на сравнительно-историческом анализе стихов Энния, а также поэтов-антикваров Вергилия и Овидия. Вторым важнейшим источником, помогающим реконструировать их фрагментарные сведения, служит материал сравнительного религиоведения. Диахронный анализ этих нарративов позволяет предположить, что по первоначальным римским представлениям человек имел несколько душ. Одна из них после похорон оставалась в могиле вместе с земными останками покойного, другая отправлялась в загробный мир и обожествлялась в качестве *di manes*. Очевидно, у римлян были и другие типы душ, но их природа и количество не вполне ясны из-за отсутствия источников, особенно по более раннему периоду.

Ключевые слова: культ мертвых, множественность душ, маны, тени (*umbrae*), поэты-антиквары, сравнительное религиоведение

MULTIPLICITY OF SOULS IN THE POETIC ANTIQUARIAN TRADITION OF ANCIENT ROME

Tatiana A. Bobrovnikova

Advanced Educational Scientific Center of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: scipio202@mail.ru

The paper investigates how the Romans imagined human soul in the Republican and early Imperial times. It is based on the comparative historical study of Ennius' poetical narrative compared to the works of antiquarian poets Virgil and Ovid. The second important source shedding light on the fragmentary evidence includes material of comparative religious studies.

Данные об авторе. Татьяна Андреевна Бобровникова — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин СУНЦ МГУ, заслуженный преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова.

Relying on the diachronic analysis the author argues that initially the Romans ascribed to any human being multiple souls. After the funeral one of them was believed to remain in the grave with the earthly remains. The other one moved on to the Afterlife and was deified as *di manes*. Obviously, the Romans distinguished other kinds of souls as well, but their nature and number are not completely clear due to the lack of sources dating to the pre-Republican period.

Keywords: cult of the dead, multiplicity of human souls, *manes*, shadows/*umbrae*, antiquarian poets, comparative religious studies

Рассказывая о происхождении обряда Лемурий, Овидий пишет: *Romulus ut tumulo fraternas condidit umbras* (*Fast.* V. 451). Эта загадочная фраза как будто полна несуразностей. Во-первых, разве душу хоронят? Разве она, по воззрениям древних народов, после смерти человека не уходит в мир иной? Во-вторых, почему слово *umbra* употреблено во множественном числе? Ведь у Рема, убитого и похороненного братом, очевидно, была лишь одна душа или тень. При сопоставлении отрывка из «Фаст» с другими древнеримскими свидетельствами эти вопросы выводят нас на более общие проблемы римских верований, не раз обсуждавшиеся в антиковедении, как мы увидим ниже. Не заключено ли в этой знаменитой цитате логическое противоречие, происходящее из-за смешения верований, относящихся к разным эпохам? Где душа пребывает после смерти? Насколько универсальны взгляды римлян на это? Наша статья¹ представляет попытку найти ответы на эти вопросы. Ее предметом являются представления римлян о душе. При этом сам загробный мир и его космогония остаются за рамками нашего исследования. Равным образом мы не затрагиваем сакрально-правовую традицию, требующую специального исследования.

Многое здесь зависит от источниковой базы и методики изучения. На первый взгляд кажется, что о культе смерти в древнем Риме есть множество свидетельств. Ведь в отличие от современного западного общества смерть в Риме не была табуирована², благодаря чему сохранилось огромное количество источников, относящихся к *mos Romana*. Логично было бы предположить, что главным источником должна быть эпитафика. Но тут исследователя ждет разочарование. Во-первых, эпитафии в большинстве своем крайне лаконичны, содержат только обращение к манам и имя покойного³. Во-вторых, их почти невозможно точно датировать. Р. МакМаллен считает даже, что основная их часть относится к II–III вв. н.э.⁴ Во всяком случае, те немногие надписи, которые доносят до нас хоть какую-то информацию о посмертном существовании души, в большинстве

¹ В основу статьи положены доклады, сделанные в 2021 г. на Международной конференции памяти Б.Л. Рифтина и в 2023 г. на Сергеевских чтениях.

² Edwards 2007, 1–19. Ср. Toynbee 1971; Hinard 1987; Hinard, Lambert 1995; Erasmo 2008; Hope 2011, XI–XXIV.

³ King 1998, 108–109; 2020, XX, XXIV, 1. Э. Чемплин на этом основании вывел даже заключение о безверии римлян. См. Champlin 1991, 180–181.

⁴ MacMullen 1982, 233–246.

случаев поздние и неримские по происхождению; они испытали огромное влияние философии, особенно платонизма, и восточных культов⁵⁵.

Главным образом мы опираемся на римскую поэтико-антикварную традицию. Ясно, что она может заметно отличаться от народных представлений. Но, с другой стороны, нельзя забывать, что поэты не выдумывали описываемые ритуалы, а лишь интерпретировали их, поэтому за поэтической формой и философским объяснением всегда скрывается живой ритуал⁶, представленный в исторической традиции. Это относится особенно к обрядам, связанным с культом мертвых, как наглядно продемонстрировал в своем исследовании МакМаллен, который показывает, что данные археологии подтверждают описания Варрона и Овидия и расширяют их⁷. Стоит подчеркнуть, что источниками Овидия были не только наблюдения живого ритуала, но и труды антикваров: описывая майский обряд ар-геев, поэт использует сведения Варрона и Эпикада, ученого вольноотпущенника Суллы, закончившего мемуары патрона (Varr. V. 639–660; Macrobian. Sat. I. 2. 47; Suet. Gramm. 12)⁸. Авторитет Варрона так велик, что это придает дополнительную ценность описанию Овидия.

Вторым главным источником нашей статьи являются материалы сравнительного религиоведения, которые помогают реконструировать фрагментарно дошедшие до нас римские верования о душе. Этот метод, в свое время успешно примененный к античности Фрезером, сейчас вновь возродился в ряде работ. М. Фор-тес сравнивал культ мертвых в Риме с китайскими и африканскими материалами, Д. Фини и Дж. Дэйвис – с синтоистскими⁹, Дж. Эванс – с древнекитайскими, Ч. Кинг – с мусульманскими, православными христианскими и китайскими¹⁰.

За последние десятилетия вышло большое число новых работ, посвященных *mors Romana*¹¹, но проблемы души и последующего бытия не получили достаточного освещения. Характерно утверждение британской исследовательницы К. Эдвардс, что римляне не интересовались подобными темами, с чем в целом согласна и британский археолог М. Кэрролл¹². Исключением являются работы американского исследователя Ч. Кинга, который не только исследует проблему души,

⁵⁵ Borg 2019, 274–277.

⁶ А. Фулон в свое время отметил огромную важность лирической поэзии, которая, по его словам, может дать нам больше, чем подробное описание погребальной процессии (Foulon 1995). Ему возражает Л.Б.Т. Хотэн, отмечая, что в лирике главную роль играет не передача действительности, но поэтическая фантазия (Houghton 2011). Однако со столь категоричным суждением трудно согласиться. Конечно, перед нами сложный источник, и нельзя забывать его специфику (например, большое влияние на поэтов оказала греческая мифология), но в то же время поэты очень точно описывают детали погребального культа.

⁷ MacMullen 2014, 493; ср. King 2020, 149; Phillips 1983, 780–817. Хороший обзор литературы об Овидии как поэте-антикваре см. в Herbert-Brown 2003.

⁸ Frazer 1929, V, 80–81.

⁹ Feeney 1998, 32; Davies 2004, 8.

¹⁰ Evans 1985, 119–151.

¹¹ Особо следует отметить Edwards 2007; Erasmo 2008; Hope, Huskinson 2011; Borg 2019; King 2020.

¹² Edwards 2007, 13; Carroll 2006, 275.

но и привлекает сравнительные материалы. Однако приведенные им примеры из других эпох и культур представляются весьма спорными, есть прямые фактические ошибки¹³. Настоящая работа стремится до некоторой степени восполнить этот пробел. После этих предварительных замечаний перейдем к анализу источников.

Историк, обращающийся к творчеству поэтов-антикваров, сталкивается со странными противоречиями. Не только разные авторы противоречат друг другу — это еще возможно объяснить, — но один и тот же автор иногда в одном и том же, причем весьма продуманном, сочинении допускает необъяснимые противоречия. С одной стороны, нам сообщают, что душа соединена с прахом (для римлян, у которых господствовал обряд кремации — с пеплом, cinis), и по смерти живет замурованная в могиле; с другой стороны — что она отправляется в иной мир, причем становится божеством, манами. У Вергилия в III песни «Энеиды» читаем: «Мы схоронили душу в могиле» (Verg. *Aen.* III. 67–68)¹⁴. В VI же песни подробно описана переправа душ мертвых через подземную реку; Эней обходит круги подземного мира и видит там души умерших друзей и врагов. Это противоречит тому, что душа остается в могиле. У Овидия: «Ромул похоронил тени брата под могильным холмом» (*Fast.* V. 451). Оплакивая в трогательных стихах поэта Тибулла, он обращается к его праху: «Тихие кости, молю, покойтесь в мире в урне, и пусть земля не будет тяжела твоему пеплу» (*Am.* III. 9. 67–68)¹⁵. То есть пепел предстает живым существом, испытывающим боль и тяжесть; последние слова значат, по-видимому, что душа Тибулла будет жить в могиле в этих костях. Это вполне согласуется со словами о похороненной тени. Однако в том же стихотворении двумя строками выше выражается надежда, что душа Тибулла находится в Элизии (*Am.* III. 9. 65–66).

В надписях встречаются такие же противоречия. С одной стороны, гробница постоянно называется *domus aeterna* и в качестве пожелания мертвому фигурируют слова: *sit tibi terra levis!* Все это позволило Р. Латтимору утверждать, что бессмертие мыслилось как жизнь в могиле¹⁶. С другой стороны, в тех же надписях выражена вера в богов манов, которые не могли быть заперты в урне. Между тем боги маны были одними из самых почитаемых божеств в Риме¹⁷.

На это противоречие впервые обратил внимание Ф. Кюмон, который исследовал большой эпиграфический материал. Для объяснения этой странности он предложил эволюционную концепцию, согласно которой сначала верили, что душа живет в могиле; значительно позже сложилось представление о

¹³ На с. XX последней книги Кинга содержатся грубые ошибки в определении культа святых в христианстве и исламе, особенно в суфийских интерпретациях исламской догматики. Здесь он транслирует давно отвергнутые в науке ошибочные представления востоковедов-миссионеров XIX — начала XX в. Несмотря на существование культа мусульманских святых, обожествления умерших и «мистического союза» суфийских наставников с Богом в исламе не было и нет. См. подробнее Knysh 2018.

¹⁴ *Animamque sepulcro condimus.*

¹⁵ *Ossa quieta, precor, tuta requiescite in urna, et sit humus cineri non onerosa tuo.*

¹⁶ Lattimore 1962, 167.

¹⁷ См., например, MacMullen 2014, 483–513.

специальном мире теней, причем первоначально он мыслился только под землей, а затем возникло представление о мире на небе, и тогда мертвых стали обожествлять¹⁸. Кинг справедливо отвергает эволюционную концепцию, поскольку она имеет внутреннюю проблему: материал берется из одних и тех же источников, а значит, вся хронология является лишь умозрительной гипотезой, не подкрепленной фактами¹⁹. Сам Кинг считает, что нет никаких оснований утверждать, что души находились в могиле подле своих останков, а надписи не дают однозначного толкования. Но как же быть с цитатами, где поэты-антиквары недвусмысленно говорят об этом? Кинг выходит из затруднения следующим образом: он приводит другие места из тех же поэтов, говорящие о путешествиях души в загробный мир²⁰. Однако это и есть то противоречие, которое необходимо разрешить. Если Кюмон его видит, то Кинг игнорирует.

Прежде всего, на мой взгляд, необходимо выяснить, на чем основывается в своей эволюционной теории Кюмон. Во-первых, на общих представлениях о том, что верования людей эволюционировали от примитивных к более сложным и возвышенным. Во-вторых, на материалах сравнительного религиоведения. Он пишет: «Этнология доказала, что среди всех народов господствовало, а у некоторых и сейчас господствует представление, что мертвые продолжают жить в могиле». Оно распространено у всех «примитивных» народов и было в древних цивилизациях; классический пример такой веры — древний Египет, где душа, соединенная с мертвым телом, поселялась в могиле как в вечном доме²¹. Это рассуждение представляется чрезвычайно убедительным. Если такова была общая вера, зафиксированная в египетских текстах и уже в новое и новейшее время отмеченная этнографами у разных народов, неудивительно, что веру эту разделяли и древние римляне. Однако эти выводы строятся на данных науки времени Кюмона, которые сейчас пересмотрены.

В Египте (именно египетские верования являются главным аргументом исследователя) зафиксировано представление о том, что у человека несколько душ, причем одна из них остается в гробнице с мертвым прахом, а другая отправляется на небо или в поля блаженства и обожествляется²². Подобные же представления встречаются и в другой древнейшей цивилизации — в Китае. Там человека наделяли двумя душами: *хунь*, которая соединяется с божественными предками, и *по*, остающейся с прахом в могиле. Последняя считалась вредоносной²³. Корейцы до сих пор признают наличие у человека трех душ: после смерти одна душа переселяется в ритуальную табличку, перед которой совершаются священнодействия, вторая — в могилу, а третья — в неведомый мир к 10 судьям. Мир этот,

¹⁸ Cumont 1922, 44–99; 1949, 13–28, 55–77, 142–170. См. также Reid 1921, 838–841; Lattimore 1962, 167; Janssen 1981, 359–360; Dupont 1989, 401–402. Эту же концепцию раньше полностью принял Г. Буассье (Boissier 1914, 249–280).

¹⁹ King 1998, 151.

²⁰ King 1998, 151.

²¹ Cumont 1922, 45–46.

²² Turaev 1935, 185; Perepelkin 2000, 167.

²³ Yuan Mei 1977, 405.

по-видимому, располагается на небе²⁴. Точно такие же наблюдения сделаны на сибирских материалах²⁵. Особенно важны наблюдения этнографа В.Н. Чернецова о множественности душ у обских угров²⁶. У человека, по верованию угров, 4 души. Первая — это душа-тень, которая живет в мертвом прахе и называется «могильной душой». Она продолжает жить, пока существует тело, и умирает с его гибелью. Она вредоносна, и из этого рождается страх перед местами захоронения. Вторая душа называется «уходящая вниз (по реке)». Она переселяется в другой мир. Еще о двух душах, выходящих за рамки нашего исследования, мы говорить не будем.

Очень интересны выводы современного фольклориста Е.Е. Левкиевской, которая исследовала народные представления о душе русского населения Полесья. Автор отмечает в них многочисленные противоречия. Во-первых, любой труп, даже если над ним совершили соответствующие обряды, — существо вредоносное, стремящееся погубить живых. Во-вторых, душа после смерти обращается в птицу, ужа, жабу, зверя и только после гибели этих существ улетает на небо. Ученая с удивлением отмечает веру в метемпсихоз, чуждую христианству. В-третьих, улетев на небо, душа соединяется с сонмом праведных и теряет индивидуальность. В-четвертых, мертвые живут на кладбище, образуя общину²⁷. Все эти представления никак не складываются в единое целое. Если душа покидает тело после смерти, почему тогда труп — зловредное существо? Если душа переселяется в птицу или пресмыкающееся, а потом улетает на небо, как могут мертвые жить своей общиной на кладбище? Между тем множественность душ объясняет все противоречия. Мы видим, во-первых, могильную душу, одушевляющую трупы. Во-вторых, встречаем душу, уходящую в мир небесный. Замечательно, что автор не читала статью В.Н. Чернецова, но на других материалах фактически приходит к тем же результатам.

В индоевропейском фольклоре также есть образ второй, внешней, души (так называемой *external soul*)²⁸, от которой зависит жизнь человека (ср. сюжет о смерти Кощея). Но перед нами явно более широкое явление. Крупный этнограф и историк религии Л.Я. Штернберг считал, что вера во множественность душ была исконной верой человечества, которая была распространена по всей Евразии. Того же мнения держался М.П. Нельсон, который считал представление о множественности душ человека закономерным на определенном уровне сознания²⁹. Об этой же вере применительно к героям Гомера говорит А.И. Зайцев. Однако он ошибочно полагает, что несколькими душами могли быть наделены лишь герои и полубоги³⁰. При этом одна душа всегда остается в могиле и связана с останками, другая отправляется в особый мир, который мог локализоваться и на небе, и под

²⁴ Ionova 1969, 168; Underwood 1908, 78.

²⁵ Shternberg 1936, 314.

²⁶ Chernetsov 1959, 114–156.

²⁷ Levkievskaya 2013, 179–180, 184, 187.

²⁸ Ivanov, Toporov 1990, 278.

²⁹ Nilsson 1930, 97.

³⁰ Zaytsev 1976, 97–102.

землей, и где-то в очень далеком месте³¹. Это наводит на мысль, что, быть может, мы и в древнем Риме встречаем реликты именно этой веры и этим вызваны противоречия в тексте. Рассмотрим эту гипотезу.

Прежде всего, чрезвычайный интерес представляют фрагменты стихов «отца римской поэзии» Квинта Энния. Он описывает видение, разъяснившее ему план мироздания. К несчастью, текст сохранился во фрагментах, так что многое приходится восстанавливать из других источников. Лукреций говорит, что, по мнению Энния, души людей переселяются в животных (Lucr. I. 116), а Гораций называет видение Энния «*somnia Pythagorea*». По всей видимости, Энний, полугрек, родом из Великой Греции, был пифагорейцем и верил в метемпсихоз (Hor. Ep. II. 1. 52; ср. Pers. IV. 10; Enn. Ann. I. 9 Scrutsch). Поэт описывает загробный мир, *Acherusia templa*, «где пребывают не наши тела и не души, а некие образы (*simulacra*)...»³². Далее, по его словам, «перед ним явился облик (*facies*) вечно цветущего Гомера. Он обливался солеными слезами и открыл перед ним всю природу вещей» (Lucr. I. 121–127). Энний узнал, что в него самого переселилась душа Гомера, а кроме того, он был павлином (Enn. Ann. fr. Ann. I. 3–4 Scrutsch; Pers. VI. 10; Tertull. De An. 33)³³. Но как же Энний мог видеть душу Гомера и даже беседовать с ней, когда она, эта душа, вошла в его собственное тело и, значит, никак не могла находиться в Ахерузии?

Объяснение, на наш взгляд, может быть только одно: Энний подчеркивает, что в Ахерузии живут не души — души переселяются, — а *образы* (*simulacra*). Но эти образы наделены чувствами (Гомер плакал) и разумом (Гомер же объяснял устройство вселенной Эннию). Кюмон первый связал это с делением человека не на две части, как мы привыкли: тело и душу, — а на три: тело, душу и тень. Кюмон, правда, считал эту концепцию изобретением Энния³⁴, но нет никаких оснований для такого вывода. Итак, из слов Энния явствует, что человек имел не одну душу, а, по крайней мере, две.

Исключительно важные сведения мы находим у Вергилия: пассаж, где Эней приходит на могилу отца, чтобы совершить обряд. Как убедительно показал У. Фаулер, Вергилий здесь перелагает стихами ритуальную формулу призыва мертвого на могиле³⁵. Он обращается к нему: *Salve, sancte parens... salve... ciperes animaeque umbraeque paterni*, «здравствуй, святой родитель... здравствуйте, пепел, души и тени отца» (Verg. Aen. V. 80–81). Когда он завершает обряд, происходит знамение, и он снова зовет Анхиза: его *manes* и *animam* (V. 98–99). Здесь уникально то, что, во-первых, Эней призывает не отца и не его маны, как можно было бы ожидать, а четыре вида душ: *manes* (или *sanctus pater* — судя по всему, это

³¹ Shternberg 1936, 314.

³² *Etsi praeterea tamen esse Acherusia templa
Ennius aeternis exponit versibus edens,
Quo neque permanent animae neque corpora nostra,
Sed quaedam simulacra modis pallentia miris* (Lucr. I. 112–117).

³³ См. об этом Warmington 1979, 7; Bobrovnikova 1997.

³⁴ Cumont 1922, 79.

³⁵ Fowler 1899, 308.

синонимы), *animae*, *umbrae*, *cineres*. Во-вторых, все эти виды душ поставлены во множественном числе³⁶.

Трудность эта осталась почти без внимания исследователей. Кинг утверждает, что Вергилий добавляет лишние слова, чтобы вписаться в стихотворный размер и для этого же употребляет множественное число вместо единственного. Ведь если бы мы приняли текст всерьез, следовало бы предположить, что одно существо, Анхиз, распалось по крайней мере на 6 субстанций³⁷. Однако подобное объяснение невозможно назвать удовлетворительным. Во-первых, трудно представить себе, что такой крупный поэт, как Вергилий, не справился с гекзаметром. Во-вторых, мы имеем дело с ритуальной формулой, священной для римлянина. Мог ли поэт произвольно поставить важнейшие слова, адресаты молитвы, во множественном числе? В-третьих, множественное число встречается не только здесь. У Овидия в приведенном выше месте Ромул хоронит тени брата: «*fraternas condidit umbras*» (*Fast.* V. 451). Причем здесь мы имеем дело с последней, усеченной, стопой гексаметра, где длина последнего слога для метрики безразлична. Множественное число видим и в прозе у Светония, где призрак Калигулы называется *umbrae* (*Suet. Calig.* 39). Наконец, к этому месту имеется комментарий Сервия (*Serv. Aen.* V. 81). Он пишет, что не следует удивляться множественному числу, ибо, по мнению древних мудрецов, у человека не одна душа, а четыре (*animae*): «*Animaeque umbraeque paternae vocativus pluralis est: nam Plato et Aristoteles et omnes periti dicunt in homine quattuor sunt animae*». По-видимому, каждая *anima* по смерти становится тенью (*umbra*): «*de umbris autem facilis probatio: nam si quattuor sunt animae, sequitur ut tot sint umbrae*». Кинг игнорирует это важнейшее место. Правда, Сервий сам не очень хорошо понимал древнюю молитву. Для объяснения он привлекает философию. Кроме того, согласно его объяснению, у мертвого может быть только душа-*umbra*, как отражение души-*anima*. Между тем Эней зовет и *animae*, и *umbrae* умершего. Но хотя позднему автору Сервию уже не вполне ясен смысл древней молитвы, он определенно утверждает, что душ у человека несколько (четыре). С этим, по его словам, согласны *omnes periti*. Возможно, под этим обозначением надо понимать антикваров, которые и сами могли для объяснения привлечь философию.

Эней, как мы видели, призывает *три* вида душ — *manes*, *umbrae*, *animae*, а также сам пепел. Доказательство неслучайности этого ритуального словоупотребления можно видеть в параллельном месте из Овидия. Оплакивая умерших братьев, женщина обращается к их *manes* и *animae*, а затем к *cineres* и *umbrae* (*Ovid. Met.* VIII. 488, 496). Кинг не замечает параллели с Вергилием, а потому видит в словах Овидия полное смешение понятий или опять-таки поэтическую вольность,

³⁶ Мы не будем здесь затрагивать тему манов, которые всегда употребляются во множественном числе, даже если речь идет о манах одного лица. Она столь обширна, что могла бы послужить темой специальной работы. См. Fowler 1899, 341; Toynbee 1971, 35; Scullard 1981, 18; Flower 2006, 18; Lindsay 2000, 168; Bodel 2004, 492; Thomas 2005, 290; King 2020, 1–29. Причем Бодел считает, что лишь в позднюю эпоху термин стал применяться к индивидуальному мертвому.

³⁷ King 2020, 19–20.

чтобы заполнить текст³⁸. Такая постоянная апелляция к *licentia poetica* кажется нам попыткой уйти от объяснения. Напротив, совпадение текстов позволяет прийти к иному выводу: это четыре разные сущности, которых призывают при обращении к умершему.

Однотипные представления о множественности душ можно обнаружить у других народов, в иных культурах различных эпох, от античности до нового времени. В Египте у человека было не только несколько типов душ, но «у одного и того же лица могло быть по нескольку душ одного и того же рода». То есть каждый человек имел несколько душ *ка*, несколько душ *ба*³⁹. Точно так же в Китае человек имел несколько душ *но* и несколько душ *хунь*⁴⁰. Это проясняет нам молитву Энея: *animae, umbrae* и *cineres* поставлены во множественном числе. Овидий говорит, что Ромул похоронил под холмом *umbras* брата (*Fast.* V. 451). То же находим у Светония (*Suet. Calig.* 39).

Обращает на себя внимание, что и Эней, и женщина из поэмы Овидия вызывают не только к душам, теням и манам, но еще и к пеплу, как к живому существу. Это подтверждает Катулл. Он подчеркивает, что обращение к пеплу и его призывание — необходимая часть ритуала, завещанного предками (*Catull.* 101. 4. 7–8. Ср. Verg. *Aen.* III. 303). Вспомним слова Овидия, где он особенно озабочен костями и прахом Тибулла и относится к ним как к живому существу. Все это позволяет выдвинуть гипотезу, что одна из душ остается в прахе. Это «могильная душа», которую зарывают и хоронят. Причем Овидий называет ее *umbrae* во множественном числе, а Вергилий — *anima* в единственном. Это показывает нечеткость терминологии, так как сама вера была, по-видимому, уже в реликтовом состоянии, и для одного и того же понятия употребляются разные термины. Тем не менее несомненно, что, по верованиям римлян, в могиле жили не божественные сущности маны, а тени. Вероятно, прав Овидий, который дважды связывает с прахом именно *umbrae*.

Вспомним, что практически у всех народов могильная душа считалась вредоносной, поэтому места захоронения и сами останки внушали ужас, хотя души предков и пребывают в каком-то ином блаженном мире. Схожее представление можно наблюдать и в Риме: на это указывает магическая практика колдовских табличек, которые исследованы в недавно вышедшем фундаментальном исследовании Дж. Редклифа. Вредоносные таблички имели явную связь с мертвыми телами и могилами, куда их часто помещали⁴¹. Кроме табличек огромной вредоносной силой обладали останки мертвых и прах. С их помощью погублен был, как считалось, Германик (*Ovid. Met.* III. 17; Тас. *Ann.* II. 69; Dio Cass. 57. 18)⁴². Очевидно, губительность связана здесь именно с могильной душой.

Возникает вопрос: если большая часть душ улетает в мир иной, а в гробнице остаются только могильные души, почему Эней зовет все виды душ у могилы

³⁸ King 2020, 17. Ср. King 1998, 118.

³⁹ Perepelkin 2000, 167.

⁴⁰ De Groot 1964, 70–76.

⁴¹ Radcliffe 2019, 63–65.

⁴² Radcliffe 2019, 55–65.

отца? Видимо, могилы мыслились как некие святилища, где происходит встреча живых и мертвых. Этой же точки зрения придерживается Кинг, который даже уподобляет могилу «иностранным консульству», через которое живые могли связаться с мертвыми⁴³. Подобные ситуации встречаются в «Энеиде» два раза. Андромаха в Эпире воздвигла кенотаф Гектору, поставила алтарь и, совершая возлияние, звала *manes* Гектора (Verg. *Aen.* III. 301–305). Хотя Гектор был похоронен далеко за морем, его маны пришли на призывы жены к алтарю. Обстоятельное объяснение этому находится в пятой песни поэмы (V. 98–99). Эней молится у могилы отца. Завершив обряд, он собирается уходить, когда происходит некое знамение. Встревоженный герой снова зовет душу отца, хотя она уже успела вернуться в мир мертвых (*animamque vocabant / Anchisae magni manesque Acheronte remissos*)⁴⁴.

Подведем итоги. Весь изученный материал позволяет разрешить противоречие, которое существует в литературе со времен Кюмона до наших дней: с одной стороны, душу хоронят, с другой стороны, она уходит в загробный мир. Объясняется это кажущееся противоречие тем, что, согласно первоначальным верованиям римлян, у человека было несколько душ. Одна из них оставалась в могиле вместе с земными останками. Другая отправлялась в загробный мир и обожествлялась в качестве *manes*. Очевидно, у римлян были и другие типы душ, но их природа не вполне ясна из-за отсутствия источников. У каждого человека могло быть по несколько душ одного и того же типа: несколько *umbrae*, *manes* и *animae*. Наше объяснение позволяет отказаться от эволюционной теории Кюмона. Множественность душ обнаруживает неправомерность многочисленных апелляций к *licentia poetica* для объяснения загадочных пассажей из древних поэтов. Понять особенности *mos Romani* помогают данные сравнительного религиоведения. Пусть они нередко и относятся к другим эпохам и культурам, но касаются однотипных явлений из области религиозных верований, отразившихся также в фольклоре.

Литература / References

- Bobrovnikova, T.A. 1997: [Religious, Legal and Philosophic Beliefs of Quintus Ennius]. *Drevnee pravo [Ius antiquum]* 2, 40–44.
Бобровникова, Т.А. Сакрально-правовые и философские взгляды Квинта Энния. *Древнее право / Ius antiquum* 2, 40–44.
Bodel, J. 2004: Death, the Afterlife, and Other Last Things: Rome. In: S.I. Johnston (ed.), *Religions of the Ancient World: A Guide*. Cambridge (MA), 489–492.
Boissier, G. 1914: *Rimskaya religiya ot vremen Avgusta do Antoninov* [Roman Religion from the Reign of August to the Antonins]. Transl. by M. Korsak. Moscow.
Буассье, Г. *Римская религия от времен Августа до Антонинов*. Пер. М. Корсак. М.
Borg, B.E. 2019: *Roman Tombs and the Art of Commemoration. Contextual Approaches to Funerary Customs in the Second Century CE*. Cambridge.
Carroll, M. 2006: *Spirits of the Dead: Roman Funerary Commemoration in Western Europe*. Oxford.
Champlin, E. 1991: *Final Judgments: Duty and Emotion in Roman Wills, 200 B.C. – A.D. 250*. Berkeley–Los Angeles.

⁴³ King 1998, 162–163.

⁴⁴ По мнению Сервия, душа Анхиза из Ахеронта поднялась на небо (*remissos Acheronte*).

- Chernetsov, V.N. 1959: [The Soul in the Religious Beliefs of the Ob-Ugrians]. In: *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh verovaniy. Trudy Instituta etnografii AN SSSR* [Studies and Materials on the Questions of Beliefs in Primitive Societies. Works of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR]. Vol. 52. Moscow, 114–156.
- Чернецов, В.Н. Представления о душе у обских угров. В сб.: *Исследования и материалы по вопросам первобытных верований. Труды Института этнографии АН СССР*. Т. 52. М., 114–156.
- Cumont, F.V.M. 1922: *After Life in Roman Paganism. Lectures Delivered at Yale University of the Silliman Foundation*. New Haven.
- Cumont, F.V.M. 1949: *Lux perpetua*. Paris.
- Davies, J.P. 2004: *Rome's Religious History: Livy, Tacitus and Ammianus on Their Gods*. Cambridge.
- Dupont, F. 1989: The Emperor-God's Other Body. In: M. Feher (ed.), *Fragments for a History of the Human Body*. Pt. 3. 2nd ed. New York, 396–419.
- Edwards, C. 2007: *Death in Ancient Rome*. New Haven–London.
- Erasmio, M. 2008: *Reading Death in Ancient Rome*. Columbus.
- Evans, J.K. 1985: The Cult of the Dead in Ancient Rome and Modern China: A Comparative Analysis. *Journal of the Hong Kong Branch of Royal Asiatic Society* 25, 119–151.
- Feeney, D. 1998: *Literature and Religion at Rome: Cultures, Contexts, and Beliefs*. Cambridge.
- Flower, H.I. 2006: *The Art of Forgetting: Disgrace and Oblivion in Roman Political Culture*. Chapel Hill (NC).
- Foulon, A. 1995: La mort dans la poésie augustéenne. In: F. Hinard, M.-Fr. Lambert (éds.), *La mort au quotidien dans le monde romain. Actes du colloque organisé par l'Université de Paris IV (Paris–Sorbonne 7–9 octobre 1993)*. Paris, 351–363.
- Fowler, W.W. 1899: *The Roman Festivals of the Period of the Republic. An Introduction to the Study of the Religion of the Romans*. London.
- Frazer, J.G. 1929: *Publii Ovidii Nasonis Fastorum libri sex. The 'Fasti' of Ovid*. Vol. IV. *Commentary on Books V and VI*. London.
- Groot, J.J.M. de. 1964: *The Religious System of China, its Ancient Forms, Evolution, History and Present Aspect. Manners, Customs and Social Institutions*. Vol. IV. Book II. *On the Soul and Ancestral Worship*. Pt. 1. *The Soul in Philosophy and Folk-Conception*. Reprint. Taipei.
- Herbert-Brown, G. (ed.) 2003: *Ovid's 'Fasti': Historical Readings at Its Bimillennium*. Oxford.
- Hinard, F. (éd.), 1987: *La mort, les morts et l'au-delà dans le monde romain. Actes du colloque de Caen, 20–22 Novembre 1985*. Caen.
- Hinard, F., Lambert, M.-Fr. (éds.), 1995: *La mort au quotidien dans le monde romain. Actes du colloque organisé per l'Université de Paris IV (Paris–Sorbonne 7–9 octobre 1993)*. Paris.
- Hope, V.M. 2011: Introduction. In: V.M. Hope, J. Huskinson (eds.), *Memory and Mourning. Studies on Roman Death*. Oxford–Oakville, XI–XXIV.
- Hope, V.M., Huskinson, J. (eds.) 2011: *Memory and Mourning. Studies on Roman Death*. Oxford–Oakville.
- Houghton, L.B.T. 2011: Death Ritual and Burial Practice in the Latin Love Elegists. In: V.M. Hope, J. Huskinson (eds.), *Memory and Mourning: Studies on Roman Death*. Oxford–Oakville, 61–77.
- Ionova, Yu.V. 1969: [Religious Views of the Koreans after the Collections of the Museum of Anthropology and Ethnography]. In: R.F. Its (ed.), *Kul'tura narodov zarubezhnoy Azii i Okeanii* [Culture of the Peoples of Foreign Asia and Oceania]. Leningrad, 158–187.
- Ионова, Ю.В. Религиозные воззрения корейцев (по материалам МАЭ). В сб.: Р.Ф. Итс (отв. ред.), *Культура народов зарубежной Азии и Океании*. (Сборник МАЭ, 25). Л., 158–187.
- Ivanov, V.V., Toporov, V.N. 1990: [Kaschey the Immortal]. In: E.M. Meletinskiy (ed.), *Mifologicheskii slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow, 278.
- Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Кашей Бессмертный. В сб.: Е.М. Мелетинский (ред.), *Мифологический словарь*. М., 278.
- Janssen, L.F. 1981: Some Unexplored Aspects of Devotio Deciana. *Mnemosyne* 34, 3/4, 357–381.
- King, Ch.W. 1998: *The Living and the Dead: Ancient Roman Conceptions of the Afterlife*. PhD thesis. Chicago.
- King, Ch.W. 2020: *The Ancient Roman Afterlife: Di manes, Belief, and the Cult of the Dead*. Austin.
- Knysh, A. 2018: *Sufism: A New History of Islamic Mysticism*. Princeton.
- Lattimore, R. 1962: *Themes in Greek and Latin Epitaphs*. Urbana.

- Levkievskaya, E.E. 2013: [The Dichotomy Soul/Dead in the Polesie's Beliefs in Posthumous Human Fate]. In: D.I. Antonov, O.B. Khristoforova (eds.), *In Umbra. Demonologiya kak semioticheskaya sistema. Al'manakh [In Umbra: Demonology as a Semiotic System. Anthology]*. Vol. 2. Moscow, 177–194.
- Левкиевская, Е.Е. Дихотомия душа/покойник в полесских представлениях о посмертной природе человека. В сб.: Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова (ред.), *In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах*. Вып. 2. М., 177–194.
- Lindsay, H. 2000: Death-Pollution and Funerals in the City of Rome. In: V.M. Hope, E. Marshall (eds.), *Death and Disease in the Ancient City*. London, 152–173.
- MacMullen, R. 1982: The Epigraphic Habit in the Roman Empire. *American Journal of Philology* 103/3, 233–246.
- MacMullen, R. 2014: The End of Ancestor Worship: Affect and Class. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 63/4, 487–513.
- Nilsson, M.P. 1930: Existiert ein primitiver Seelenbegriff? In: *Actes du Ve Congrès international d'histoire des religions à Lund, 27–29 août 1929*. Lund, 90–99.
- Perepelkin, Yu.Ya. 2000: *Istoriya drevnego Egipta [History of Ancient Egypt]*. Saint Petersburg.
- Перепелкин, Ю.Я. *История древнего Египта*. СПб.
- Phillips, C.R. 1983: Rethinking Augustan Poetry. *Latomus* 42, 780–817.
- Radcliffe, G.E. III 2019: *Drowning down the Moon. Magic in Ancient Greco-Roman World*. Princeton.
- Reid, J.S. 1921: State of the Dead (Greek and Roman). In: J. Hastings (ed.), *Encyclopedia of Religion and Ethics*. Vol. XI. New York, 838–841.
- Scullard, H.H. 1981: *Festivals and Ceremonies of the Roman Republic*. Ithaca–New York.
- Shternberg, L.Ya. 1936: *Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive Religion in the Light of Ethnography]*. Leningrad.
- Штернберг, Л.Я. *Первобытная религия в свете этнографии*. Л.
- Thomas, C.M. 2005: Placing the Dead: Funerary Practice and Social Stratification in the Early Roman Period at Corinth and Ephesos. In: D.N. Schowalter, S.J. Friesen (eds.), *Urban Religion in Roman Corinth: Interdisciplinary Approaches*. Cambridge (MA), 281–304.
- Toynbee, J.M.C. 1971: *Death and Burial in the Roman World: Aspects of Greek and Roman Life*. London.
- Turaev, B.A. 1935: *Istoriya drevnego Vostoka [History of Ancient East]*. Vol. I. Leningrad.
- Тураев, Б.А. *История древнего Востока*. Т. I. Л.
- Underwood, H.G. 1908: *The Call of Korea: Political, Social, Religious*. New York–Chicago.
- Warmington, E.H. (ed.) 1979: *Remains of Old Latin*. Vol. I. *Ennius and Caecilius*. Cambridge (MA).
- Yuan Mei 1977: *Novye zapisi Tsi Se, ili o chem ne govoril Konfutsiy [New Wonder Tales of Qi or What the Master Would Not Discuss]*. Transl. by O.L. Fishman. Moscow.
- Юань Мэй. *Новые записи Ци Се, или о чем не говорил Конфуций*. Пер. О.Л. Фишман. М.
- Zaytsev, A.I. 1976: Ἰα ψυχῇ (II. XXI, 569). *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 97–102.
- Зайцев, А.И. Ἰα ψυχῇ (II. XXI, 569). *ВДИ* 1, 97–102.

DOI: 10.31857/S0321039124030069

ЧИСЛЕННОСТЬ ШТАТА ПРЕТОРИАНСКИХ КОГОРТ в I–II вв. н.э.

Е. А. Гуськов

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: GuskovEA@mgpu.ru

ORCID: 0000-0002-0841-6938

Данная статья посвящена проблеме определения численности штата преторианских когорт в I–II вв. н.э. Вопреки античной нарративной традиции, сообщающей о том, что в штат каждой когорты императорской гвардии входило по 1000 человек, французский историк М. Дюрри привел археологические и статистические аргументы в пользу того, что их размер был вдвое меньше. Его версия получила широкое распространение и поддержку в научной среде. Однако у Дюрри имеется немало оппонентов, настаивающих на достоверности сведений античных авторов и отмечающих неоднозначность выводов, основанных на анализе археологических данных и статистических расчетов, опирающихся на материал преторианских латеркулов. Несмотря на возможность неоднозначных интерпретаций, наиболее простым способом согласовать показания имеющихся источников является признание тысячного статуса преторианских когорт. Единственное существующее препятствие для этого заключается в том, что структура преторианской когорты была характерна для пятисотенных частей, но эта особенность является результатом создания корпуса императорских телохранителей из легионных воинов в эпоху второго триумвирата.

Ключевые слова: *cohors praetoria, laterculus praetorianorum, dilectus, missio honesta, cohors quingenaria, cohors milliaria*

Данные об авторе. Евгений Александрович Гуськов — кандидат исторических наук, доцент департамента истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

THE SIZE OF THE PRAETORIAN COHORTS
IN THE FIRST AND SECOND CENTURIES CE

Evgeniy A. Guskov

Moscow City University, Moscow, Russia

E-mail: GuskovEA@mgpu.ru

The paper is devoted to the problem of determining the size of praetorian cohorts in the first and second centuries CE. Contrary to the ancient narrative tradition, which reports that the staff of each cohort of the Imperial Guard consisted of 1000 people, French historian M. Durry offered a number of arguments in favour of the view that their size was half as large. His hypothesis has been widely accepted in scholarship, but also had its critics who defend the reliability of ancient authors and point out the ambiguity of the conclusions that are obtained from the analysis of archaeological data and statistical calculations based on the material of the praetorian *laterculi*. Despite the possibility of ambiguous interpretations, the easiest way to account for the testimony of available sources is to accept the military status of the praetorian cohorts. The only existing obstacle is that the structure of the praetorian cohort was typical for quingenary units, but this feature is the result of the creation of the corps of imperial bodyguards from legionary soldiers in the period of the Second Triumvirate.

Keywords: cohors praetoria, laterculus praetorianorum, dilectus, missio honesta, cohors quingenaria, cohors milliaria

На протяжении уже почти 90 лет дискуссионным остается вопрос о размере штата преторианской когорты. Необычный характер этой ситуации придает то обстоятельство, что в античных источниках содержатся как прямые, так и косвенные данные на этот счет. Так, в нашем распоряжении сегодня имеются конкретные указания, сделанные Тацитом (*Hist.* II. 93. 2) и Дионом Кассием (LV. 24. 6), которые, если не вдаваться в детали и контекст, в один голос причисляют когорты императорского претория к тысячному типу (*cohors milliaria*). Их дополняют сведения из сочинения Псевдо-Гигина (*De mun. castr.* 6. 26–28) и расчеты численности преторианской гвардии, сделанные на основе материалов археологических раскопок и преторианских латеркулов.

Казалось бы, сравнительное обилие источников должно было раз и навсегда закрыть вопрос или даже не поднимать его. Собственно, в самых ранних работах, где так или иначе затрагивался вопрос о численности гвардии, никаких затруднений и не возникало, поскольку исследователи обращались исключительно к прямым свидетельствам античных сочинений. Как результат, в исследованиях XIX – первой трети XX в. милиарный характер когорт гвардии считался очевидным¹, однако ради справедливости следует отметить, что данная проблема не была в них предметом специального рассмотрения.

¹ Например, Groneman 1832, 66–67; Mommsen 1879; Domaszewski 1908; Stein 1922.

Ситуация изменилась, когда в 1938 г. Марсель Дюрри первым выразил сомнения в том, что сообщаемую древними авторами информацию можно считать релевантной для всей истории преторианских когорт. Сопоставив нарративную традицию с эпиграфическим материалом, Дюрри пришел к выводу, что на протяжении большей части своего существования преторианские когорты относились к пятисотенному типу (*cohors quingenaria*), и только Септимий Север, принимая во внимание свежий для Италии опыт военной угрозы — варварское вторжение при Марке Аврелии — удвоил их штат и кардинально изменил принцип комплектования². Свое мнение, идущее вразрез с наиболее достоверными нарративными источниками, М. Дюрри обосновывал следующим образом:

1) информацию античного нарратива следует воспринимать с осторожностью, поскольку сообщение Кассия Диона (LV. 24. 6) представляет собой анахронизм, вызванный экстраполяцией милиарного состава современной ему северовской гвардии на эпоху Августа, а сведения Тацита (*Hist.* II. 93. 2) относятся лишь к экстраординарным условиям гражданской войны 68–69 гг. и не отражают «нормальный» состав гвардии;

2) преторианский лагерь (*castra praetoria*), в котором помимо преторианцев размещались и другие части, имеет площадь, сопоставимую с большинством легионных лагерей, и следовательно рассчитан на примерно такую же, как у них, «аудиторию», а легионные когорты были, как известно, пятисотенными;

3) среднестатистический показатель увольнения преторианцев, вычисленный на основе латеркулов антониновского времени, приблизительно равен 5 единицам на одну центурию в расчете на ежегодную демобилизацию, что соответствует, по мнению Дюрри, пятисотенному составу когорт.

Таким образом, дезавуировав нарративную античную традицию, французский историк отдал предпочтение статистическим расчетам на основе латеркулов. Его аргументы породили долгую дискуссию, продолжающуюся и поныне.

В следующем году Альфредо Пассерини опубликовал монографию о преторианцах, которая отчасти стала ответом на работу Дюрри³. Считая, что вычисленный последним уровень потерь гвардейцев неправдоподобно низок, Пассерини попытался рассчитать среднюю продолжительность службы императорских телохранителей на основе их индивидуальных дедикаций, и в результате сделал вывод, что гвардейские когорты были милиарными. Хотя работа итальянского историка в целом заслужила признание в научном мире, его аргументация конкретно в этом вопросе, местами расплывчатая и невнятная, обычно не используется в споре⁴.

Поскольку данные античного нарратива были поставлены под сомнение, последующие историки в основном ориентировались на эпиграфические материалы. В 1970-х годах Мария Габриэлла Бертинелли Анжели, воспользовавшись преторианскими латеркулами, пересчитала показатели выхода

² Durry 1938, 81–89, 247–251.

³ Passerini 1939.

⁴ Passerini 1939, 59–62.

преторианцев в отставку и высказала мысль, что штат преторианских когорт значительно превышал нормальный пятисотенный⁵. Затем, независимо от нее, Дэвид Лоуренс Кеннеди, сделав повторные расчеты на иной методологической основе, получил чуть более высокие цифры, что дало основание снова говорить о милиарных когортах⁶. По мнению Кеннеди, Септимий Север действительно увеличил штат, но не с 500 до 1000 человек, как полагал Дюрри, а с 1000 до 1500 человек⁷. Впрочем, отношение к полученным в этих работах выводам неоднозначное⁸, и они не всегда учитываются другими исследователями⁹. В 2002 г. этой проблемы коснулся Росс Коуэн¹⁰. Основательно разобрав аргументацию предшественников, он признал данные Тацита и Псевдо-Гигина наиболее весомым аргументом в пользу милиарного штата в I в.¹¹

Никаких иных специальных исследований по данной проблеме нет. В современных работах, целиком сосредоточенных на гвардии, этот вопрос, разумеется, также поднимается, однако сводится, как правило, к пересказу представленных выше точек зрения. Таким образом, в современной историографии существуют два «генеральных» направления. В рамках первого преторианские когорты относят к квингенарному типу в I–II вв. с последующей их милиаризацией в ходе военных реформ Септимия Севера (М. Дюрри¹², Р. Сайм¹³, Э. Бирли¹⁴, Р. Смит¹⁵, Я. Ле Боэк¹⁶, Л. Кеппи¹⁷, Г. Уэбстер¹⁸, П. Сазерн¹⁹, А.Р. Менендес Аргуин²⁰, В. Эк²¹, А.В. Банников²², А.С. Санс²³ и др.). В рамках второго направления их причисляют к милиарному типу – либо на протяжении всей истории корпуса, либо только в досеверовскую эпоху с последующим увеличением штата в полтора раза (Т. Моммзен²⁴,

⁵ Bertinelli Angeli 1974.

⁶ Kennedy 1978.

⁷ Kennedy 1978, 284–286.

⁸ Scheidel 1996.

⁹ Например, Le Bohec 2001, 26.

¹⁰ Cowan 2002, 55–67.

¹¹ Cowan 2002, 56.

¹² Durry 1938, 77–89; 1954, 1613–1614.

¹³ Syme 1939, 243.

¹⁴ Birley 1969, 64.

¹⁵ Smith 1972, 487–488.

¹⁶ Le Bohec 2001, 26.

¹⁷ Kerpie 1998, 187. Лоуренс Кеппи, впрочем, допускал, что когорты претория могли стать тысячными и до Северов.

¹⁸ Webster 1998, 97.

¹⁹ Southern 2006, 117.

²⁰ Menéndez Argüín 2006, 23–25.

²¹ Eck 2012, 324.

²² Bannikov 2013, 11; 2020, 50.

²³ Sánchez Sanz 2017.

²⁴ Mommsen 1879, 30.

А. фон Домашевский²⁵, И. Ричмонд²⁶, А. Пассерини²⁷, Д.Л. Кеннеди²⁸, Г. де ла Бедойер²⁹ и др.³⁰). Кроме того, есть несколько гипотез, которые занимают условно промежуточное положение между ними, чьи авторы в основном принимают выводы Дюрри, но дату милиаризации сдвигают с северовского времени на более ранний период³¹.

Как видим, одни и те же сведения интерпретируются неоднозначно, порой даже противоположным образом. В целом проблема остается неразрешенной и, по мнению некоторых историков, является нерешаемой при современном состоянии источниковой базы³².

Хотя и в самом деле затруднительно дать такой ответ, который удовлетворил бы всех исследователей, все не так безнадежно. При более внимательном рассмотрении можно заметить, что предлагаемые аргументы скроены из фактов и предположений разной степени обоснованности и потому обладают неодинаковой ценностью; одни из них требуют меньшего «насилия» над нашими источниками, другие — большего. Попробуем оценить «квингенарную» и «милиарную» концепции с данного ракурса.

1. НАРРАТИВНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Тас. *Hist.* II. 93. 2

Как уже говорилось, античные авторы по крайней мере дважды прямо сообщают, что когорты преторианской гвардии имели милиарный штат³³, но

²⁵ Domaszewski 1908, 20. По-видимому, Домашевский соединил данные Тацита и Диона Кассия со свидетельствами преторианских лагерных когорт III в., которые дают более длинные списки демобилизованных по сравнению с антониновскими, а это привело его к выводу о том, что когорты были усилены; цифру же в 1500 человек, скорее всего, он вывел из представленной у Диона информации о полуторатысячных городских когортах (Dio Cass. LV. 24. 6).

²⁶ Richmond 1927, 13.

²⁷ Passerini 1939, 60–61.

²⁸ Kennedy 1978.

²⁹ Bédoyère 2017, 42.

³⁰ Bingham 2013, 55. Данная точка зрения широко распространена в отечественной историографии: Ushakov 1984, 118; 1986, 93, п. 2; Parfenov 1990, 68; 2001, 17.

³¹ Здесь можно упомянуть, во-первых, версию о том, что тысячный штат когорты приобрели лишь в период гражданской войны 68–69 гг. с последующим его сохранением, по крайней мере до начала монархии Северов (Cowan 2002, 55–56; Guskov 2007; 2008); во-вторых, иногда удвоение штата относят к мероприятиям Домициана (Gilliver 2007, 196). К этим версиям примыкает гипотеза Бориса Ранкова о том, что состав когорты в гвардии был численно равен штату первой легионной когорты (примерно 800 человек), т.е. увеличение штата соотносено с реформой первой когорты, которая произошла при Флавиях, если не раньше (Rankov 1994, 4, 8). В этом случае размер когорты максимально приближен к тем цифрам, которые получились у М.Г. Бертинелли Анжели.

³² Ricci 2019, 412.

³³ Помимо Тацита и Диона Кассия, рассказывающих о когортах императорского периода, имеется несколько упоминаний об отрядах охраны республиканских

из этих двух свидетельств только одно не вызывает серьезных подозрений. По словам Тацита, современника Флавиев и первых Антонинов, после битвы при Бедриаке (14 апреля 69 г.) Вителлий, желая отблагодарить как можно больше своих сторонников, стал сверх меры зачислять в столичный гарнизон воинов из поддержавших его рейнских легионов, из-за чего в Риме имели место следующие события: *insuper confusus pravitae vel ambitu ordo militiae: sedecim praetoriae, quattuor urbanae cohortes scribebantur, quis singula milia inessent* (*Hist.* II. 93. 2). Контекст можно истолковать по-разному, но главная мысль все-таки отчетливо ясна: Вителлий набрал 16 преторианских и 4 городские когорты, каждая из которых насчитывала по 1000 человек, что привело к нарушению привычного порядка службы. Как раз последнее обстоятельство Дюрри и считал свидетельством экстраординарности милиарного штата. По его мнению, античный историк только потому обратил внимание своих читателей на тысячный состав гвардейских структурных единиц, что это было вопиющим фактом для его времени, а значит, как минимум при Траяне, когда Тацит писал эти строки, когорты претория были пятисотенными; в то же время историк вряд ли бы удивился милиарным когортам Вителлия, если бы они имели такой же размер в предшествующую эпоху, а значит, продолжает Дюрри, когорты Вителлия были новацией, от которой впоследствии отказались Флавиусы. В подтверждение своей правоты французский историк даже заново перевел весь пассаж, усилив внимание на экстраординарности тысячного штата³⁴. Однако, как резонно заметил Кеннеди, предложенная Дюрри расстановка акцентов отсутствует в латинском оригинале³⁵.

Строго говоря, у нас нет уверенности в том, что именно заставило Тацита заострить внимание на данном мероприятии Вителлия: количество когорт, их размер или и то, и другое сразу. Да и действительно ли есть какой-то особый акцент на этом фрагменте? По крайней мере, с формально-грамматической точки зрения ничто не свидетельствует о его эмфатическом характере, кроме самого факта наличия этого уточнения. Не подлежит сомнению, что информация о *количестве* когорт уникальна и не могла быть результатом бездумного переноса антониновских реалий в дофлавианский период, поскольку, во-первых, 16-когортный состав не был стандартом для гвардии, а во-вторых, эти цифры косвенно подтверждаются эпиграфическими данными (*AE* 1933. 128)³⁶. А вот с размером штата вителлиевых когорт возможны варианты. Дело в том, что в источнике, которым пользовался Тацит³⁷, эти сведения могли и вовсе отсутствовать:

полководцев, но они не могут быть применимы ко времени после военных реформ Августа, сильно повлиявших на организацию гвардии. Специально о них см. Guskov 2014.

³⁴ Dury 1938, 82. С некоторыми нюансами с ним согласен и Р. Коуэн (Cowan 2002, 56).

³⁵ Kennedy 1978, 276. Также см. Bingham 2013, 163, n. 28; Chilver 1979, 16–18.

³⁶ Правда, с одной оговоркой: Guskov 2022, 114, n. 2. Еще одним косвенным доказательством правдивости и аутентичности данных Тацита является указание на одинаковый размер штата преторианских и городских когорт, подтверждаемое латеркулами II в.

³⁷ Современные исследователи выдвигают разные версии о том, на какие источники опирался Тацит при написании «*Historiae*»: сочинения Клувия Руфа (по крайней

ориентируясь на свое собственное время, древний автор мог внести уточнение *quis singula milia inessent* автоматически, ничего на самом деле не зная об их размере при Вителлии.

Таким образом, здесь есть только один бесспорный факт: в какой-то момент времени преторианские когорты были миллиарными, но когда именно — при Вителлии или при Траяне? Самый очевидный и логичный ответ — как минимум в 69 г. Любые попытки распространить данный факт на более раннее или более позднее время являются всего-навсего интерпретациями. Чуть позже мы увидим, что эту информацию можно дополнить другими фрагментами, на которые обычно не обращают внимание.

Dio Cass. LV. 24. 6

Со вторым свидетельством труднее. Оно принадлежит Кассию Диону, историку северовской эпохи, но посвящено более раннему времени — принципату Августа. В военно-стратегическом обзоре, помещенном в рассказ о событиях 5 г. н.э., Дион среди всех прочих перечисленных войск упоминает преторианцев и урбаникианцев: οἱ τε σωματοφύλακες μύριοι ὄντες καὶ δεκάχῃ τεταγμένοι, καὶ οἱ τῆς πόλεως φρουροὶ ἑξακισχίλιοι τε ὄντες καὶ τετραχῇ νενεμημένοι (LV. 24. 6)³⁸. Как и в предыдущем случае, здесь целесообразно выделить и рассмотреть по отдельности два аспекта: Дион, во-первых, называет число когорт — их было десять, а во-вторых, фиксирует размер их штата, равный, согласно его данным, 1000 человек на каждую когорту. Что касается первого утверждения, то оно давно вызывает подозрения и обычно не принимается в расчет, поскольку противоречит не только прямому указанию обычно более скрупулезного Тацита³⁹, но и косвенным

мере, для событий 68–69 гг., см. Wardle 1992, 475–478), Плиния Старшего (Townend 1964), Фабия Рустика и Випстана Мессалы (Syme 1958, 176–190, 271–303) и т.д. Все, что сегодня известно о структуре и содержании их работ, не позволяет надежно установить, кто из перечисленных авторов послужил информатором для данного пассажа. Однако почти наверняка историк здесь ориентировался на тот же источник, что и Иосиф Флавий (Ios. *BI*. IV. 586–587).

Что касается контекста, в котором эта информация подавалась, то наиболее очевидными представляются два варианта: 1) эта информация могла всплыть в связи с реорганизацией гвардии в самом конце 69 — начале 70 г.; 2) количество когорт (и их размер?) было прямо упомянуто в контексте произведенных Вителлием преобразований. Вторая версия, наверное, ближе к истине, так как схожее, но менее подробное сообщение у Иосифа Флавия, позаимствованное, надо думать, оттуда же (Briessmann 1955, 19), находится почти в идентичном контексте. Разница в детализации описаний обоих авторов может быть вызвана либо тем, что дополнительные детали, которые есть у Тацита, но отсутствуют у Иосифа, являются оригинальным изысканием самого антониновского историка, либо же Иосиф сократил текст более подробного источника, который, в свою очередь, аккуратнее воспроизведен Тацитом. Какой бы вариант мы ни предпочли, это все равно мало что дает для верификации пассажа.

³⁸ «Преторианская же гвардия насчитывала десять тысяч воинов, поделенных на десять отрядов, и, кроме того, в строю находились шесть тысяч городских стражей, поделенных на четыре когорты» (пер. А.В. Махлаюка; пунктуация исправлена).

³⁹ В пассаже, посвященном 23 г. н.э., Тацит упоминает всего девять преторианских и три городские когорты и уточняет, что набирались они главным образом

намекам в эпиграфике⁴⁰. Для десятой преторианской когорты Диона просто нет места⁴¹. Вдобавок северовский историк дает здесь разную численность штата преторианских и городских когорт, что не согласуется с латеркулами II в., где мы видим примерно похожие среднегодовые цифры для обоих корпусов. Так что в эпоху Антонинов преторианские и городские когорты номинально имели одинаковый по численности штат⁴². Поскольку рассматриваемые цифры — вообще единственное в своем роде у Диона замечание о численности гвардии, нет полной уверенности в том, что он вообще что-либо знал об изменениях

в центральной Италии (*Ann.* IV. 5. 5: *insideret urbem proprius miles, tres urbanae, novem praetoriae cohortes, Etruria ferme Umbriaque delectae aut vetere Latio et coloniis antiquitus Romanis*). Последнее обстоятельство находит свое подтверждение в надписях: изучение ономастики по памятникам известных преторианцев и урбаникианцев этого периода и географическое размещение самих памятников действительно указывают на италийское происхождение оставивших их воинов, и в современной науке эта информация не подвергается сомнению (Šašel 1972; Durry 1938, 240–247; Passerini 1939, 146; Bingham 1997, 28–29). Диону, впрочем, она тоже известна (*Dio Cass.* LXXV. 2. 4–6). Относительно урбаникианцев: Pagnoni 1942; Freis 1967, 50–62; Crimi 2010; Ricci 2011, 487. Получившие гражданство перегрины и их потомки тоже были представлены в гвардии, но их было относительно немного. См. подробнее Passerini 1939, 156–159.

А вот что касается числа когорт, то напрямую проверить Тацита нечем. Тем не менее приведенные им цифры заслуживают доверия, поскольку он демонстрирует неплохое знакомство с военными отчетами. В сохранившихся частях «Истории» и «Анналов» он дважды, включая рассматриваемый эпизод, сообщает конкретные цифры и еще один раз без числовых уточнений сообщает об изменениях численности в гвардии. Наличие подобных сведений должно было умерить его желание экстраполировать имеющиеся у него данные для отдельных событий на другие случаи. Сомнения могут быть, пожалуй, лишь в том, что приведенная здесь информация о количестве когорт актуальна именно для 23 г. Очевидно, что Тацит в каком-то виде располагал отчетом о состоянии вооруженных сил Империи, но вот был ли это тот самый отчет Тиберия, о котором он говорит здесь, или же историк использовал, руководствуясь скорее художественным, чем научным замыслом, какой-то иной документ (например, один из упоминаемых Светонием свитков (*Aug.* 101. 4), которые Август составил незадолго до своей смерти), сказать трудно.

⁴⁰ В надписях первой половины I в. н.э. нет ни одного упоминания о суммарном числе когорт, какие имеются в военных дипломах второй половины того же века и позднее. В нашем распоряжении только номера отдельных батальонов, и все они, за исключением одного случая, о котором пойдет речь ниже, укладываются в обозначенные Тацитом рамки. Для времени Августа и Тиберия зафиксировано существование II (*CIL* V. 924), VI (*CIL* V. 912; 8274; Suppl. 186), VII (*CIL* V. 925; 931; 8283), VIII (*CIL* V. 886; 904) и VIII (*CIL* V. 918) когорт. Городские отряды, как показывают латеркулы и дипломы, продолжали эту нумерацию. Известны X, XI и XII *cohortes urbanae* (Freis 1967, 37; Ricci 2011, 486).

⁴¹ Правда, эпиграфика и дипломы II–III вв. фиксируют одновременное существование X преторианской и X городской когорт. Эта параллельность восходит ко времени, когда городская «гвардия» окончательно отделилась от преторианской, а нумерация ее отрядов успела укорениться. Уже при Клавдии и Нероне, вероятно, сосуществовали XII преторианская и XII городская когорты (см. Mommsen 1879, 33–35).

⁴² Гельмут Фрайс, ориентируясь на аргументы М. Дюрри (!), склонялся к тому, что и они были так же пятисотенными (Freis 1967, 38–42).

числа преторианских когорт⁴³. Даже те исследователи, которые принимают информацию северовского историка о миллиарном составе преторианских когорт, обычно соглашались с тем, что тот допустил ошибку с их числом⁴⁴. Некоторые исследователи, пытаясь примирить его данные с цифрами Тацита, допускают, что Дион мог посчитать в качестве десятой когорты либо германских телохранителей⁴⁵, либо спекуляторов⁴⁶. Возможно, им был зафиксирован какой-то реальный, но краткий момент в длительном процессе формирования гвардии⁴⁷.

Еще сильнее запутала ситуацию стела с посвящением некоему Авлу Виргию Марсу, сыну Луция, который служил трибуном *in praet(orio) divi Aug(usti) et Ti. Caesaris Aug., cohort(ium) XI et III praetoriar(um)* (*AE* 1978. 286, l. 4–6). Порядок перечисления трибунатов наводит на мысль, что XI когорту Марс возглавлял еще при Августе, а IV — при Тиберии. Однако это противоречит традиционной версии о том, что состав гвардии был увеличен с 9 до 12 когорт где-то в конце правления Тиберия, при Гае или даже в начале принципата Клавдия. Так как еще раньше выбор между Тацитом и Кассием Дионом был сделан не в пользу последнего, задача свелась к тому, как согласовать свидетельства *Tac. Ann.* IV. 5. 5 и *AE* 1978. 286. В научной литературе существует несколько решений этой проблемы. Некоторые считают, что в части столичных назначений Виргия Марса мы имеем дело с банальной небрежностью резчика или составителя надписи: Марс вполне мог быть трибуном IV когорты при Августе, а XI — после 23 г. при Тиберии⁴⁸. Другие высказывали предположение, что слово *PRAETORIAM* может относиться не к обеим когортам, а только к последней, т.е. IV, а XI вполне могла быть и городской⁴⁹, но этот аргумент едва ли является удовлетворительным⁵⁰. Все большую популярность приобретает высказанная еще

⁴³ Дион пользовался многими из тех источников, что были у Тацита, поэтому, наверное, тоже был осведомлен об аномальном размере гвардии Вителлия и Веспасиана, но учитывал ли он эту информацию в дальнейшем? Может быть, для него 16 когорт виделись случайной и ни на что не влияющей причудой Вителлия на фоне стабильного состава в 10 когорт от Августа до Севера.

⁴⁴ Например, Mommsen 1879, 30; Kennedy 1978, 275–276; Pollard 2006, 209.

⁴⁵ Echols 1958, 381.

⁴⁶ Passerini 1939, 48.

⁴⁷ Passerini 1939, 44–53. См. также Kerrie 1996, 107. Наверное, в распоряжении Кассия Диона была какая-то информация относительно эпохи второго триумvirата или ранних годах принципата, которую он механически перенес на несколько десятилетий вперед. См., например, App. *BC*. III. 40. 165 — речь идет о 10 тыс. телохранителей Октавиана. Возможно, Диона сбилось с толку совпадение с цифрами в его собственное время.

⁴⁸ Dobson 1982, 328 (с примерами инверсии в других надписях); Letta 1978, 11; Bingham 2013, 52–53. См. также обширный комментарий к этой надписи в *L'Année épigraphique* (p. 77–78).

⁴⁹ Об этом см. Bingham 1997, 46. К слову, Луций Овиний Руф примерно в то же время был трибуном именно в *cohors XI urbana* (*ILS* 2021).

⁵⁰ По замечанию Л. Кеппи, стела в интересующем нас месте обломана как раз на слове *PRAETORIAI*, которое завершается вертикальной чертой, служившей частью ныне утраченной литеры, *R* или *E*, исходя из контекста (Kerrie 1996, 108, n. 66). Последний вариант не подходит по грамматическим соображениям. Если XI когорты не

в 1950-е годы (т.е. до открытия дедикации Виргию Марсу) гипотеза о том, что на протяжении большей части принципата Августа не существовало разделения между преторианскими и городскими когортами⁵¹. В узком смысле все они были преторианскими, т.е. принадлежащими преторию⁵². При Августе в столице и ее окрестностях вполне могло быть 11 или даже 12 когорт, часть из которых как минимум в самом конце его правления⁵³ были «перепрофилированы» в *cohortes urbanae*: по крайней мере связывающая оба столичных корпуса общая нумерация подразделений недвусмысленно указывает на их единое происхождение.

Слова самого Диона о том, что ему не удалось установить численность корпуса эвокатов в начале эпохи империи, — это прямой намек на то, что он целенаправленно собирал информацию для этого обзора, но не во всем достиг успеха⁵⁴. И заметим, что вместо того, чтобы просто переписать сюда современные ему цифры, как он якобы сделал с преторианцами, он честно предупредил своих читателей об отсутствии у него сведений. В то же время не стоит впадать в другую крайность, признавая каждую приведенную им цифру за непреложную истину. Задача, которую себе поставил Дион, была не в том, чтобы дать обстоятельный и по-научному точный экскурс в военную политику Августа, а в том, чтобы подвести итоги сделанных Августом преобразований, даже если для этого надо было выйти за период его правления. Поэтому автора эпохи Северов мало интересовали такие «мелочи», как время создания отдельных легионов и уж тем более отдельных когорт в составе претория. Можно бесконечно спорить, достоверно или нет сообщение о преторианских когортах, но не вызывает сомнений, что Дион ошибся с городскими когортами: при Августе и Тиберии их было три, а не четыре. Один только этот факт бросает тень на все приводимые исследователями «оправдания» Диона по части преторианской гвардии.

Существует несколько объяснений, почему возникла эта ошибка. По мнению М. Дюрри, отсутствующий в Риме в момент проведения реформы Кассий Дион не знал о том, что Север удвоил штат своей охраны, и для пассажа о телохранителях Августа воспользовался актуальными на момент написания своего сочинения, т.е. обновленными, цифрами⁵⁵. С ним не согласился Д. Кеннеди, который предложил иное объяснение этой ошибки: Дион в любом случае был в курсе предпринятой Севером реформы, но полагал, будто штат преторианских когорт в том виде, в каком они существовали при Антонинах, был изначально утвержден

была преторианской, тогда теряет смысл ее объединение с IV когортой. Следовательно, остается только PRAETORIAN(UM).

⁵¹ Echols 1958, 379–380; Keppie 1996, 108–110; Sablayrolles 2001, 134–135.

⁵² Август, избегая открытой концентрации своих личных телохранителей в столице, дабы не вызвать раздражения римлян, рассеял их по окрестным городам, а в самом Риме, по словам Светония, никогда не держал более трех когорт (Suet. Aug. 49. 1).

⁵³ Keppie 1996, 109. В завещании первого принцепса от 13 г. н.э. видно, что дифференциация внутри его претория уже свершилась (Suet. Aug. 101. 2: praetorianis militibus singula milia nummorum, cohortibus urbanis quingenos).

⁵⁴ Parfenov 1990, 69.

⁵⁵ Durry 1938, 82.

самим Августом⁵⁶. Это значит, что тысячные преторианские и полуторатысячные городские когорты должны были бы существовать уже как минимум при Марке Аврелии или Коммод⁵⁷. Скорее всего, это означает, что Дион был не в курсе или не заострял внимание на том, что размер преторианского корпуса периодически менялся, и поэтому использовал доступные ему цифры для раннего принципата.

Присутствие спорных моментов, таким образом, не позволяет в полной мере использовать этот пассаж Диона в данной дискуссии, но, как бы то ни было, важен сам факт, что северовский историк относит когорты претория к миллиарному типу. Вопрос только в том, из документа какой эпохи он выудил эту информацию?

Косвенные нарративные свидетельства

Herod. III. 13. 4

По мнению некоторых исследователей, факт возрастания штата преторианских и городских когорт все же отмечен в нарративе — в одной краткой сентенции у Геродиана, современника Кассия Диона⁵⁸. В пассаже о зарождающемся соперничестве сыновей Септимия Севера Геродиан вкладывает в уста императора наставительную речь, в которой среди прочего говорит об увеличении вчетверо сил в Риме (III. 13. 4: ...τῆς τε ἐν Ῥώμῃ δυνάμεως αὐτῆς τετραπλασιασθείσης, καὶ στρατοπέδου τοσούτου πρὸ τῆς πόλεως ἰδρυθέντος, ὥς μηδεμίαν εἶναι δύναμιν ἔξωθεν ἐχέγγυον μὴδ' ἀντίπαλον πλήθει στρατοῦ μήτε μεγέθει σωμάτων μήτε χρημάτων περισσίστα⁵⁹). Эту информацию не передает гораздо более осведомленный Дион (LXXV. 2. 3—6)⁶⁰, да и сам Геродиан, рассказывая о реформах Севера, отчего-то промолчал о такой немаловажной детали (Herod. II. 14. 5; III. 8. 4—5)⁶¹.

⁵⁶ Kennedy 1978, 275—276; см. также Bédoyère 2017, 42—43.

⁵⁷ Против данного подхода выступил Р. Коуэн, отметивший, что доводы Кеннеди не объясняют ошибку с урбаникианцами: если Дион знал об изменении числа городских когорт и о возрастании их штата с 1000 до 1500 человек в каждой, мы увидели бы сообщение о трех тысячах урбаникианцев в трех когортах (Cowan 2002, 66). Однако это возражение не имеет силы, так как при Антонинах (а на самом деле уже как минимум со времени Клавдия или Нерона) в Риме было четыре городских когорты.

⁵⁸ Durrig 1938, 88, 385; Syme 1939, 243.

⁵⁹ «В Риме их силы увеличились вчетверо, а перед городом размещено столько лагерей, что никакие внешние враги не могут равняться или противостоять им ни численностью войска, ни ростом воинов, ни количеством денег» (пер. Н.М. Ботвинника).

⁶⁰ Разумеется, с поправкой на современное состояние текста «Римской истории». Правда, Дион в одном месте упрекает Севера в том, что тот наводнил столицу множеством воинов (LXXV. 2. 3; ср. XLVI. 46. 7; SHA. Sept. Sev. 7. 6—7), но отсюда невозможно понять, идет ли речь о разовом случае (в эпизоде описывается первое посещение Рима Севером после победы на Дидием Юлианом) или о постоянной системе, введенной Севером. Если принять второе, то под эти слова вполне подходит и размещение II Парфянского легиона вблизи столицы.

⁶¹ Однако делает это в отношении других правителей — Коммода (Herod. I. 11. 5) и Клодия Альбина (III. 5. 7). И в том, и в другом случае почти наверняка подразумевается элементарное усиление дежурного отряда и ужесточение процедуры допуска к «царственной» особе.

К сожалению, мы не знаем, откуда Геродиан получил эти сведения и, соответственно, как к ним относиться. По подсчетам М. Дюрри, произведенные Севером мероприятия привели к без малого трехкратному приросту гарнизона Италии⁶², но если принять, что дореформенные преторианские когорты, а вместе с ними и городские являлись милиарными, то приращение все равно было внушительным — примерно двукратным⁶³. Как видим, ни одна из цифр не соответствует информации Геродиана, и если вспомнить, что этот автор не так часто приводит конкретные данные, то невольно возникает вопрос: а не имеем ли мы и здесь дело с риторическим приемом (тем более что контекст располагает как раз к такому восприятию)? Если допустить, что Геродиан обладал точными данными обо всех итальянских военных частях, в том числе и по которым у нас есть сомнения, и далее допустить, что получающуюся разницу можно списать на них, тогда мы неизбежно приходим к выводу, что или Север кардинально увеличил штат разведывательных служб (в частности, фрументариев), численность статоров и эквитов (причем совокупно более чем в шесть раз), или остальные части перестали адекватно отражаться в эпиграфических материалах. Ни одна из этих альтернатив не кажется приемлемой⁶⁴. Д. Кеннеди предположил, что Геродиан воспользовался для этого сюжета более поздними данными из эпохи Бальбина и Пупиена, которые вынужденно усилили столичный гарнизон за счет привлечения дополнительных частей для борьбы с надвигавшимся на Рим Максиминем Фракийцем⁶⁵. С учетом общего характера сочинения Геродиана гораздо проще и логичнее считать, что приведенная цифра — банальная ошибка, домысел или обыкновенная условность.

Ps.-Hyg.

Важное место в системе доказательств Дюрри занимают данные трактата неизвестного автора «*De munitionibus castrorum*», сохранившегося в корпусе сочинений Гигина Громатика и поэтому условно названного Псевдо-Гигином⁶⁶.

⁶² Durry 1938, 88. До Севера было: 5000 (10×500) преторианцев, 2000 (4×500) урбаникианцев, 3500 (7×500) вигилов, 1000 equites singulares Augusti. Всего — 11 500 человек. После реформ стало: 10 000 (10×1 000) преторианцев, 6000 (4×1500) урбаникианцев, 7000 (7×1000) вигилов, 1000 эквитов и 6000 солдат II Парфянского легиона, т.е. 30 000 человек.

⁶³ Было: 10 000 (10×1000) преторианцев, 4 000 (4×1000) урбаникианцев, 3500 (7×500) вигилов, 1000 equites singulares Augusti. Всего — 18 500 человек. Стало: 15 000 (10×1500) преторианцев, 8000 (4×2000) урбаникианцев, 7000 (7×1000) вигилов, 1000 эквитов и 6000 солдат II Парфянского легиона, т.е. 37 000 человек. Возможно, впрочем, что когорты вигилов имели и вовсе нестандартную численность, поскольку состояли из семи центурий (Sablayrolles 1996, 27–29).

⁶⁴ О численности equites singulares Augusti и speculatores при Севере и о трудностях с фиксацией изменений в источниках см. Dana, Zagreanu 2017, 140; Cowan 2002, 67–77. Судя по учреждению должности второго трибуна, при Севере произошло удвоение численности equites singulares Augusti: Speidel 1994, 57–59; Bannikov 2013, 50. О фрументариях см. Rankov 1990.

⁶⁵ Kennedy 1978, 299. Против: Cowan 2002, 67.

⁶⁶ Вопреки трудностям с датировкой и авторством трактата Псевдо-Гигина, исследователи не подвергают сомнению достоверность его сведений: Frere 1980; Birley

Автор упомянутого трактата, не делая исключений, говорит о том, что пятисотенная когорта состоит из шести центурий (*De mun. castr.* 27: *cohors equitata quingenaria habet centurias VI*). К счастью, число центурий в гвардейских когортах — то небольшое, что мы знаем наверняка: *cohors praetoria* состояла из шести (но не десяти!) центурий⁶⁷, т.е. из трех манипулов, и, следовательно, структурно не отличалась от легионной когорты⁶⁸. Думается, именно это обстоятельство и послужило главным толчком для «квингенарной концепции» Дюрри.

В то же время характерная для квингенарных единиц структура совсем не обязательно подразумевает соответствующий размер штата. Не стоит забывать, что преторианские когорты возникли в бурные времена II триумvirата, когда соперничающим друг с другом императорам приходилось решать вопросы организации собственной безопасности буквально на ходу. Пытаясь хоть как-то упорядочить резко возросшее число своих преторианцев, набравшихся из наиболее опытных и проверенных легионеров (*App. BC.* III. 5. 14; V. 3. 13), Октавиан и Антоний ожидаемо придали их отрядам типично легионную структуру. Именно тогда преторианские отряды приобрели, по крайней мере, в общих чертах, тот вид, в котором наши источники застают их во времена империи⁶⁹.

О том, что структура и численность штата не строго зависели друг от друга, говорит то, что структура преторианских когорт ни разу не менялась за всю их историю. В лагерях северовского времени (*CIL* VI. 32533, 32536), в которых количество ветеранов практически удвоилось по сравнению с предшествующей эпохой, мы наблюдаем ту же структуру, что и антониновских (*CIL* VI. 32515, 32520), вопреки закономерному ожиданию увидеть возрастание числа центурий в каждой когорте с шести, характерных для квингенарного типа, до десяти, свойственных милиарному типу.

Чтобы согласовать ожидания и реальность, М. Дюрри предположил, что удвоение штата когорт произошло за счет двукратного увеличения состава контуберний⁷⁰. Кажется, так и было в действительности⁷¹, но тем самым Дюрри нейтрализовал главный катализатор всей своей концепции, поскольку наличие шести центурий перестало быть обязательным атрибутом квингенарной когорты.

1982; Grillone 1987; Roth 1994, 351. Предлагаемые в историографии датировки обычно укладываются в рамки I—III вв. н.э.

⁶⁷ Durry 1938, 93–94; 1954, 1614; Passerini 1939, 68. Структура когорт прекрасно видна по наиболее полно сохранившимся лагерям. К сожалению, в отечественной историографии распространена ошибочная версия о 10-центурном составе преторианских подразделений, восходящая, судя по всему, к М.Е. Сергеенко, которая перепутала центурии с когортами: Sergeenko 1964, 41; Machlayuk, Negin 2018, 17. Также см. Southern 2006, 117.

⁶⁸ Ю.А. Ушаков ошибается, говоря, что преторианская когорта числом центурий отличалась от когорты в легионе (Ushakov 1984, 120).

⁶⁹ Специально об этом см. Guskov 2014, 147–151.

⁷⁰ Durry 1954, 1614.

⁷¹ Помимо того что имеются конкретные примеры, когда тысячная когорта состояла из шести центурий, известны случаи, когда некоторые когорты меняли свой тип с пятисотенного на тысячный без трансформации внутренней структуры: Bowman, Thomas 1991, 67.

Вместо эпохи Северов точкой милиаризации может быть любой другой момент. С учетом сказанного, единственное, что заставляет привязывать эту реформу к Септимию Северу, — это изменения в латеркулах, которые с начала III в. дают более длинные списки преторианских ветеранов, чем прежде, однако об этом пойдет речь позднее.

Сейчас обратим внимание на другое замечание Псевдо-Гигина — о том, что для преторианских палаток в военных лагерях выделяли в два раза больше места, чем для легионных, поскольку преторианцы пользовались более крупными палатками (Ps.-Hyg. *De mun. castr.* 6: *cohortes praetoriae lateribus praetorii tendere debent et duplam pedaturam recipere, quod tentoriis maioribus utantur*). Эти слова можно истолковать двояко: как показатель привилегированного статуса преторианцев или как свидетельство о вдвое превосходящей численности штата контуберния в гвардии по отношению к легионному контубернию⁷². Поскольку у Псевдо-Гигина речь идет о спешном устройении походного лагеря, имевшего временный характер и возводимого порой на вражеской или соседней с ней территории, логичнее предпочесть второй вариант. Скорее всего, перед нами единственный в античном нарративе намек на специфическую структуру преторианского контуберния.

Тас. *Hist.* IV. 46

В нашем распоряжении имеется еще одно потенциально многообещающее свидетельство о численности преторианских когорт, сохраненное Тацитом (*Hist.* IV. 46). Интересующий нас пассаж относится к декабрю 69 г., когда после окончания гражданской войны возник острый вопрос о формировании новой императорской гвардии. На зачисление в новый преторий претендовали бывшие преторианцы Отона, оказавшие Веспасиану помощь в борьбе с Вителлием, сложившие оружие действующие преторианцы Вителлия, а также легионеры войск самого Веспасиана, которым был обещан перевод в преторий. Чтобы не спровоцировать беспорядки, на службу приняли всех (Тас. *Hist.* IV. 46. 4: *igitur in praetorium accepi*). Этот момент особенно важен для нас, поскольку именно на период гражданской войны 69 г. и первые годы принципата Веспасиана приходится наиболее значительные колебания в численности штата гвардии за всю ее историю, поэтому теоретически их легче зафиксировать по косвенным признакам.

Чтобы оценить масштаб этих колебаний, достаточно посмотреть на то, как изменялось количество когорт. При Августе, как уже говорилось, их число, вероятно, вообще не было постоянным⁷³. В конце его принципата и в начале правления Тиберия в императорской гвардии было 9 когорт (Тас. *Ann.* IV. 5. 5). Затем — неизвестно, когда и при каких обстоятельствах — их общее количество было доведено до 12 (*CIL* V. 7003 = *ILS* 2701; *CIL* V. 7258 = *ILS* 2031; *CIL* V. 7162). В апреле 69 г. германские легионы Вителлия разгромили ставленника преторианцев Отона, после чего преторианский корпус был демобилизован в полном составе (Suet. *Vit.* 10. 1; Тас. *Hist.* II. 67. 1), а в преторианские когорты нового императора были набраны рейнские легионеры и, возможно, даже

⁷² Cowan 2002, 56.

⁷³ Passerini 1939, 44–50; Echols 1958; Keppie 1996, 107.

ауксилиарии (*CIL* VIII. 9391 = *ILS* 2046), сведенные в 16 милиарных когорт (Тас. *Hist.* II. 93. 2).

Победив в гражданской войне, Веспасиан оставил в своей гвардии не менее 19 когорт (*AE* 1995. 227)⁷⁴, в состав которых были зачислены, помимо его собственных легионеров, телохранители Отона и Вителлия. К декабрю 76 г. их снова стало 9 — как при Тиберии (*CIL* XVI. 21 = *ILS* 1993), а затем при Домициане⁷⁵ или Траяне⁷⁶ к ним добавилась еще одна когорта (*RMD* III. 139; *CIL* XI. 7093a = *ILS* 9189; *CIL* XVI. 81). В таком составе преторианский корпус просуществовал до самого конца своей истории⁷⁷. Даже Септимий Север, распустивший преторианцев в 193 г. и воссоздавший гвардию заново из своих легионов (*Dio Cass.* LXXV. 1. 1–2; *Herod.* II. 13. 1–9; 14. 5; *SHA. Sept. Sev.* 17. 5), не изменил общего числа когорт, как показывают многочисленные дипломы II–III вв. По словам Аврелия Виктора (*De Caes.* XXXIX. 47), Диоклетиан якобы сократил число преторианских когорт (... quasi truncatae vires urbis imminuto praetoriarum cohortium atque in armis vulgi numero), но эта информация не имеет независимого подтверждения: по крайней мере, в 306 г. их было по-прежнему 10 (*AE* 1961. 240 = *RMD* I. 78)⁷⁸.

Как видно, по числу когорт самой большой была гвардия Веспасиана. Если считать, что он демонстративно отказался от предполагаемого Вителлиевого эксперимента по набору тысячных когорт и возвратился к привычному, как считал Дюрри, квингенарному составу, то получается, что размер гвардии, учитывая наличие в ней как минимум 19 когорт, составлял где-то 9500–10 000 человек. Если же никакого «эксперимента» в действительности не было и преторианские когорты и раньше были милиарными, то совокупная численность первоначальной флавианской гвардии составляла едва ли меньше 19–20 тыс. человек.

Для того чтобы выбрать, какой из двух вариантов предпочесть, надо выяснить, из чего складывалась эта сумма. Гвардия активно участвовала как в ходе столкновений весной 69 г. между Отоном и Вителлием, так и в октябре–декабре между Вителлием и Веспасианом, однако величина понесенных ею потерь не может быть определена в абсолютных цифрах. Несомненно, среди всех событий весны 69 г. наиболее масштабный урон гвардия Отона должна была понести в битве при Бедриаке (14 апреля 69 г.), где в той или иной степени пострадали воины пяти принимавших в ней участие преторианских когорт (Тас. *Hist.* II. 11. 2)⁷⁹.

⁷⁴ О различных вариантах чтения надписи см. Panciera 1995; о карьере упомянутого в ней воина — Guskov 2022.

⁷⁵ Durry 1938, 80–81.

⁷⁶ Eck 2012, 324.

⁷⁷ Это подтверждается обширным материалом дипломов. См. Eck 2012, 333–336.

⁷⁸ См. также *CIL* XVI. 156 (298 г.). Вероятно, слова позднеантичного историка следует понимать иначе — Диоклетиан сократил гвардию, но не число когорт, а их состав, часть которого перевел в свой *comitatus* (Cowan 2002, 14; Menéndez Argüín 2006, 23, 167).

⁷⁹ Во всяком случае, в это же время три когорты находились в Плаценции под командой Вестриция Спурины (Тас. *Hist.* II. 18. 1), а остальные четыре — с Отоном, вместе с которым потом оказались в Брикселле (*Hist.* II. 33. 3). Впрочем, некоторые реконструкции Бедриакской битвы (Morgan 2006) даже не предполагают непосредственного активного участия гвардии в боевых действиях, что существенно бы

К этому надо добавить незначительные потери, понесенные в сражениях при Плаценции и Касторах (Тас. *Hist.* II. 22; 24–26). Таким образом, после победы Вителлия дееспособными оставалось не менее семи когорт, которые были им кассированы, а затем опять мобилизованы Веспасианом (Тас. *Hist.* II. 82. 3). Они приняли участие в битве при Кремоне как самостоятельная единица — *praetorianum vexillum* (Тас. *Hist.* III. 21–23). О размере их вексиляции можно только гадать⁸⁰.

Что касается вителлианских преторианцев, то с ними ситуация гораздо проще. В ноябре из Рима выступили 14 когорт, из которых шесть под командованием Луция Вителлия, брата императора, были отправлены в охваченную волнениями Кампанию (Тас. *Hist.* III. 58. 1; Dio Cass. LXIV (LXV). 16. 2), и вскоре они сдались на милость победителя (Тас. *Hist.* IV. 2. 2). Восемь когорт, переброшенные в Нарнию (совр. Нарни), после непродолжительных стычек с противником признали поражение (*Hist.* III. 63. 1), хотя одна из них еще до капитуляции вернулась в столицу вместе с префектами Альфеном Варом и Юлием Приском (*Hist.* III. 61. 3). В боях на улицах Рима и при штурме преторианского лагеря, как уверяет Тацит, погибли в полном составе три когорты — две оставшиеся и одна, пришедшая с префектами (*Hist.* III. 84. 1–3).

Из этих трех неравных групп (отонианских и вителлианских преторианцев, а также флавианских легионеров) в декабре 69 — январе 70 г. была укомплектована гвардия самого Веспасиана. Какое количество воинов из преторианских когорт предшественников и соперников могло быть оставлено в новой гвардии? Несомненно, сюда должны быть отнесены все оставшиеся в строю преторианцы Отона (т.е. не более семи когорт с учетом их потерь в сражениях на стороне Веспасиана). Думается, из вителлиевых преторианцев кого-то не стали брать на службу под разными предлогами, но основная масса все же осталась в строю. О численности воинов из армий Востока, претендовавших на перевод в гвардию, известно лишь то, что служба в столице была обещана «многим легионерам» (Тас. *Hist.* IV. 46. 1). Следовательно, в нее входили не более 13 тыс. человек из корпуса Вителлия, от 3500 до 7000 человек из претория Отона и не поддающееся точному подсчету число легионеров Веспасиана.

Сама возможность сведения всех этих сил в 19–20 когорт пятисотенного состава (т.е. 9500–10 000 человек) представляется маловероятной, хотя бы потому, что одних только вителлианцев было больше названной численности. А значит, новая гвардия состояла из когорт тысячного состава, причем полностью укомплектованных, иначе воинов просто равномерно распределили бы между меньшим числом неполноразмерных когорт, приведя их в соответствие друг с другом.

снизило потери. Но чтобы получить минимальные цифры оставшейся к концу войны гвардии, возьмем за основу максимальные потери.

⁸⁰ Максимальный размер, если исключить из числа тех, кто перешел к Веспасиану, пять «бедриакских» когорт, можно определить условно на уровне 3500 человек при пятисотенном составе и 7000 при тысячном, но в действительности, судя по всему, меньше.

Но был ли Вителлий новатором в том, что касается набора тысячных когорт или же он лишь воспроизвел уже существовавшую к его времени традицию? К сожалению, и тут не может быть твердого ответа. Но обратим внимание вот на что. По выражению Тацита, содержание новой гвардии, сформированной Лицинием Муцианом, стоило «немыслимых денег» (Тас. *Hist.* IV. 46. 1: *immensa pecunia*). Это замечание историка о финансовой стороне содержания преторианского корпуса при Веспасиане особенно интересно, ведь он не отмечает данную проблему для несильно менее дорогостоящей гвардии Вителлия. Очевидно, считая принципат последнего кратким и, может быть, случайным эпизодом истории, Тацит сравнивал первоначальный флавианский преторий (минимум 19 когорт) с тем, который функционировал при последних Юлиях-Клавдиях, насчитывал 12 когорт и, в свою очередь, лишь немногим превосходил знакомый Тациту по его собственному опыту 10-когортный состав гвардии при Траяне. Поскольку Веспасиан не повышал жалование воинам (Тас. *Hist.* II. 82. 2), увеличение затрат на содержание его охраны было связано исключительно с ростом штата. Что заставило Тацита говорить об *immensa pecunia*: разница в 67% (если когорты Нерона—Оттона были тысячного состава) или в 233% (если они состояли из 500 воинов)? Несмотря на очевидную разницу между показателями, они все-таки оба внушительны. Если до открытия стелы Метилия Пудента (*AE* 1995. 227), служившего в первые годы принципата Веспасиана в XIX когорте, можно было с большей уверенностью говорить о пятисотенных когортах при Нероне⁸¹, то теперь получается, что нет никаких препятствий считать подразделения претория тысячными и в эпоху первой императорской династии. Более того, меньший из этих двух показателей выглядит более реалистичным.

II. ВМЕСТИМОСТЬ ПРЕТОРИАНСКОГО ЛАГЕРЯ

Еще одним доводом, который привел М. Дюрри в поддержку «квингенарной» гипотезы, является отсылка к результатам археологических исследований на территории преторианского лагеря, бывшего местом дислокации воинов всех преторианских и городских когорт, *numerus statorum Augusti* и, возможно, *regrini* (до постройки отдельного лагеря на Целии). Преторианский лагерь, как известно, возвели при Тиберии к 23 г., чтобы собрать воедино императорских телохранителей, которые при Августе были расквартированы по постоям в Риме и окрестных городах. Главным аргументом для дискуссии, о которой идет речь, считаются его размеры: площадь *castra praetoria* составляла 16,72 га (440×380 м), что примерно сопоставимо со средним легионным лагерем (18–20 га), рассчитанным на 5500–6000 человек⁸². Все это якобы делает версию о миллиардном составе преторианских когорт неубедительной⁸³. Я. Ле Боэк даже назвал это обстоятельство «решающим аргументом», который закрывает всю дискуссию⁸⁴.

⁸¹ Guskov 2007.

⁸² Подробное описание см. Durry 1938, 45–59; Bingham 1997, 269–275. У некоторых легионов лагерь был даже территориально внушительнее — порядка 25–29 га (Richmond 1927, 12; Johnson 1983, 31; Cosme 2007, 240).

⁸³ Durry 1938, 47.

⁸⁴ Le Bohec 2001, 26. См. также Bannikov 2013, 11.

Однако это слишком поспешное утверждение, поскольку преторианцы и после северовской реформы размещались там же⁸⁵. Соответственно если приращение штата имело место, необходимо допустить, что либо лагерь изначально проектировался и строился «с запасом», либо он расширялся и достраивался позднее.

Первый вариант — а priori наименее вероятный: хотя некоторый запас площади, наверное, закладывался при строительстве, но явно не в размере 100%. Поэтому рассмотрим чуть подробнее второй вариант. Следов масштабной перестройки лагеря нет. В свое время Д. Кеннеди, оспаривая мнение М. Дюрри, предположил, что казармы в лагере, располагавшиеся вдоль стен по всему периметру, были расширены за счет постройки третьего этажа при Северах, чтобы вместить возросший штат⁸⁶. Несомненно, в его отдельных строениях происходила реконструкция коммуникаций (*CIL* XV. 7237–7244)⁸⁷, напольного покрытия⁸⁸, была наращена высота стен и усилена их защита⁸⁹, однако о расширении казарм пока ничто не свидетельствует. За все время своего существования внутренние постройки лагеря претерпели незначительные изменения⁹⁰. Благодаря отсутствию некоторых характерных для обычных лагерей признаков (например, бань), недостаток которых компенсировался близостью к столице, экономилось пространство для размещения непосредственно штата⁹¹. Новейшие расчеты показывают, что казармы лагеря могли вместить порядка 15 тыс. человек⁹². Конечно, условия размещения штата при максимальной загруженности на такой площади были далеки от идеальных, однако таковые для военного лагеря, пусть и для самого элитного корпуса во всей Империи, и не предполагались.

Проблему расселения «постояльцев» в *castra praetoria* можно решить благодаря археологическим данным. *Urbaniciani* получили собственный лагерь (*Castra nova*) в *Regio VII*, севернее *campus Agrippae*, уже в начале правления Коммода⁹³, а не при Аврелиане, как считалось ранее⁹⁴. К эпохе поздних Антонинов возрастает концентрация эпиграфических памятников, связанных с городскими когортами, в районе северо-центрального Рима, что также может указывать на их отдельное

⁸⁵ Menéndez Argüín 2006, 23; Guskov 2007, 186.

⁸⁶ Kennedy 1978, 287. Правда, по его подсчетам, когорта тогда увеличилась не в два раза, как думал Дюрри, а в полтора — с 1000 до 1500 человек в когорте.

⁸⁷ Platner, Ashby 1929, 107.

⁸⁸ Vincenti 2006, 282.

⁸⁹ Ottley 2009, 235–236.

⁹⁰ Richmond 1927, 13; Bingham 1997, 270.

⁹¹ Bingham 1997, 272. Рядом с лагерем не обнаружены здания, которые можно было бы идентифицировать как бани (Durry 1938, 53).

⁹² Bingham 1997, 275; Bédoyère 2017, 43.

⁹³ Sablayrolles 2001, 140.

⁹⁴ Ставшая традиционной датировка временем Аврелиана (Platner, Ashby 1929, 108) опирается на данные Хронографа 354 года, который утверждает, что именно этот император *templum Solis et castra in campo Agrippae dedicavit* (*Chron.* 354. 148). С учетом археологических данных в этом сообщении следует видеть скорее повторное освящение лагеря после серьезной реконструкции.

от преторианцев размещение уже в это время⁹⁵. Вдобавок надо иметь в виду, что плотность населения в лагере была в реальности ниже, чем она представляется на основе механического суммирования цифр. В полном составе, и то с оговорками, гвардия собиралась в лагере, скорее всего, только в моменты посещения его императором, а также во время наиболее важных церемоний. Как минимум одна когорта постоянно отсутствовала в лагере, пребывая с императором во дворце или во время его перемещений по столице (Тас. *Hist.* I. 24. 1; Плут. *Galba.* 20). Кроме того, сразу несколько когорт составляли императорский эскорт во время путешествий по империи. Четвертая часть штата каждого манипула находились в отпусках продолжительностью около месяца, а в свободное от службы время некоторые преторианцы могли наниматься поденщиками, чтобы заработать на отпуск, т.е. даже не будучи в отпуске часто отсутствовали в лагере (Тас. *Hist.* I. 46. 2). Часть солдат городских когорт была разбросана по отдельным постам в самом Городе⁹⁶. Кроме того, по городу были размещены посты (*stationes*) для дежурных когорт, на помощь которым отправляли преторианцев⁹⁷.

В течение I в. для воинов, прибывавших в столицу с какими-либо поручениями, которых сначала размещали вместе с преторианцами, был построен специальный лагерь (*Castra peregrinorum*) на Целии⁹⁸. Он еще функционировал в 357 г. (Амм. Марс. XVI. 12. 66). Здесь, помимо собственно *peregrini*, размещались вместе со своим офицерским составом *фрументарии* и спекуляторы⁹⁹.

Таким образом, археологические данные не являются однозначным аргументом: преторианский лагерь потенциально мог вместить порядка 15 когорт тысячного состава, а это с лихвой покрывает потребность гвардии в жилплощади. Свидетельство Тацита (*Hist.* II. 93. 1) и Иосифа Флавия (*BJ.* IV. 586–587) о том, что в 69 г. в *castra praetoria* не смог разместиться весь состав преторианских и городских когорт общей численностью 20 тыс. человек не доказывает того, что казармы строились с расчетом на полутысячный штат: все-таки гвардия Вителлия была аномально большой. Аналогичные сложности возникли и у Веспасиана, но созданный им огромный корпус, видимо, никогда и не мыслился как окончательная форма, и с самого начала предполагалось его дальнейшее сокращение.

⁹⁵ Ricci 2011, 488.

⁹⁶ Le Bohec 2001, 27.

⁹⁷ Их расположение см. Pavón Torrejón 2003, 126–127. Некоторые из таких постов могли создаваться в домах, выкупленных у частных лиц, как это, например, было сделано для *вексилляции* *вигилов* в Остии (Baillie Reynolds, Ashby 1923, 162).

⁹⁸ Точная дата постройки дискуссионна. Обычно ее помещают в промежуток от Августа до Траяна: Baillie Reynolds, Ashby 1923, 162; Homo 1951, 162; Sinnigen 1962, 218–224. Здание, идентифицируемое сегодня как лагерь *перегринов*, изначально представляло собой частный дом, в какой-то момент превращенный в *castra*, и поэтому не похоже на типичный римский фортификационный комплекс.

⁹⁹ Baillie Reynolds 1923; Sinnigen 1962, 213; Rankov 1990, 180.

III. ЛАТЕРКУЛЫ

Как мы уже видели, особое место в аргументации исследователей занимает анализ латеркулов. В строгом смысле, преторианские латеркулы – это списки штата, которыми ведал *laterculensis praefectorum praetorii* (AE 1949. 108), составлявший их на основе подаваемых трибунами рапортов.

Они достаточно четко делятся на две хронологические группы. Нас в первую очередь интересуют десять латеркулов, относящихся ко времени Антонинов (табл. 1).

Таблица 1

Латеркулы II в.

№	Латеркул	Дата (г. н.э.)
1.	<i>CIL</i> VI. 32515	136
2.	<i>CIL</i> VI. 32516	142
3.	<i>CIL</i> VI. 32517	144/148
4.	<i>AE</i> 1930. 57	152
5.	<i>CIL</i> VI. 32518	154
6.	<i>CIL</i> VI. 32519	158
7.	<i>CIL</i> VI. 32520	160
8.	<i>AE</i> 1940. 82	164
9.	<i>CIL</i> VI. 32521	168
10.	<i>CIL</i> VI. 32522	172

При работе с ними надо учитывать, что мы имеем дело с итоговым вариантом, в котором перечислены только те, кто добросовестно прошли всю рядовую службу и вышли в отставку. Соответственно эти длинные перечни имен в действительности мало что дают, пока мы не выясним, в каком соотношении находились воины, закончившие рядовую выслугу почетной отставкой (*missio honesta*), и те, которые выбыли со службы в конкретном подразделении преждевременно в связи:

- 1) со смертью;
- 2) с досрочной отставкой из-за травм и ранений (*missio causaria*);
- 3) с позорной отставкой (*missio ignominiosa*);
- 4) с переводом в другое подразделение гвардии?

Решение этих вопросов сопряжено со множеством теоретических и методологических трудностей. О том, что воины императорской охраны гибли от болезней, травм, непривычных условий во время сопровождения императора в инспекционных поездках по провинциям, участия в боевых действиях, имеется несколько свидетельств у античных авторов¹⁰⁰. Известны надгробные памятники преторианцев, воздвигнутые в провинциях в I–II вв.¹⁰¹ Необычная локализация этих дедикаций, без сомнений, связана с неожиданной смертью воинов во время

¹⁰⁰ Tac. *Hist.* I. 80. 2; II. 93. 1; *Ann.* I. 77. 1; Suet. *Dom.* 6; Dio Cass. LXXI (LXXII). 3. 5; SHA. *M. Ant.* 14. 5; 17. 2; *ILS* 9494 (погиб при тушении пожара в Остии) и т.д.

¹⁰¹ Примеры см. Kennedy 1978, 283. Недавняя находка: Redaelli 2018, 241; 2019, 272.

следования за императорским кортежем, во время служебных командировок, участия в боевых действиях во внутренних или внешних кампаниях. Но каков был масштаб этих потерь?

Ни об одной из перечисленных категорий нельзя сказать что-либо определенное. Те, кого уволили с позором, вполне ожидаемо не торопились афишировать сей факт на своих памятниках, если вообще их ставили. Аналогичная ситуация и с *causarii*, которые предпочитали указывать почетную отставку без уточнения ее досрочного характера¹⁰², так как на практике они, видимо, имели более низкий статус¹⁰³, хотя в I–II вв. юридически не отличались от тех, кто был отправлен в почетную отставку после полной выслуги лет (*Dig.* 27. 1. 8. 4). Если причиной раннего увольнения была травма, полученная в бою, то воины все равно могли получить почетную отставку по милости императора (*ex indulgentia*): данное обстоятельство дедиканты изредка акцентируют в надписях, поскольку оно указывало и на ратные подвиги воина, и на особое расположение императора к нему¹⁰⁴. Однако у преторианцев подобные уточнения обычно не встречались; в основном их выдает подозрительно короткий для почетной отставки срок службы¹⁰⁵. Логично предполагать, что в размещенной в столице гвардии индивидуальные досрочные увольнения, сколь бы частыми они ни были, в нормальном режиме преобладали над массовыми досрочными.

Из более 600 известных сегодня дедикаций, оставленных преторианцами, факт перемещения по службе внутри самой гвардии (между когортами или центуриями) отмечен у немногих¹⁰⁶. Редкость таких памятников создает

¹⁰² Lommel 2013, 68–70.

¹⁰³ См., например, *CIL* VI. 31143.

¹⁰⁴ Пример с легионером: *CIL* VIII. 4594: ... *missus ante tempus ex indulgentia eius honesta missione*.

¹⁰⁵ Для примера: *CIL* VI. 2646 (I/II в., Рим); *AE* 2008. 258 (II в., Рим) и др. В качестве редкого случая, где досрочный характер отставки обозначен четко и прямо, можно привести посмертное посвящение Публию Квинцию Нигрину из Медиолана, сделанное его *conchortales*, отметившими, что Нигрин был *missus a causis ex coh(orte) V pr(aetoria)* (*AE* 1916. 48). Он умер, видимо, вскоре после отставки от травмы, которая и привела к досрочному увольнению.

¹⁰⁶ Чаще всего, наверное, они были связаны с повышением пехотинцев до кавалеристов в рамках самой когорты или корпуса. Кроме того, намек на переводы, возможно, содержится в следующих надписях: *CIL* VI. 2486; *AE* 1916. 47; 1993. 1575. В этих трех случаях дедиканты называют контуберналами тех, кто явно не находился с ними в одной «палатке». Обычно считается, что такие декларации не стоит понимать буквально, поскольку слово *contubernalis* могло использоваться более широко и эмоционально, по сравнению с его прямым значением (Lendon 2006, 271). Но допустимо и другое объяснение: быть может, мы имеем дело со свидетельством того, что карьеры посвятивших и адресатов указанных памятников пересекались на каком-то этапе, а на момент воздвижения дедикации они уже находились в разных структурах и, соответственно, названы контуберналами по старой памяти.

В двух надписях из Рима — *CIL* VI. 32550 (между 238 и 244 гг.) и 32551 (246 г.) — один из посвятивших (Юлий Юст из I преторианской когорты) упоминается сначала как воин центурии Вал[...], а затем — как воин центурии Альбана. Но здесь, скорее всего, произошла смена центуриона, а не перевод рядового между центуриями.

впечатление, что подавляющее большинство преторианских грегариев ожидала служба в той части, куда они были зачислены с самого начала, на протяжении всего периода выслуги, а переводы в другие части не оказывали существенного влияния на масштаб дилекта. Некоторые воины, зарекомендовавшие себя, после завершения рядовой службы продолжали служить в качестве эвокатов, что позволяло смягчить возможные проблемы с набором и благотворно сказывалось на уровне подготовки¹⁰⁷.

Эта неопределенность не позволяет вычислить суммарные потери. М. Дюрри полагал, что для гвардии, удаленной от основных театров военных действий, потери состава были незначительными, поэтому список преторианских ветеранов, представленный в латеркулах, по его мнению, практически соответствует тому составу, который набирали 16 годами ранее. Формула, которая позволяет вычислить штат когорты, в общем, очевидна и проста:

$$n = xy,$$

где n — численность штата когорты; x — количество центурий; y — число людей в каждой центурии.

Поскольку в этом уравнении известен только один показатель (количество центурий в когорте), то оно в принципе нерешаемо, поэтому Дюрри модифицировал его, заменив штат центурии на количество увольняемых из центурии *из расчета на один год*, полагая его примерно равным числу набранных на службу, и умножив его на срок службы: 5 человек (в центурии) $\times$ 6 центурий (в когорте) = 30 человек, т.е. за полный срок службы (16 лет) состав когорты обновлялся на 480 (16 $\times$ 30) человек¹⁰⁸. Следовательно, речь идет о пятисотенных когортах.

Однако Д. Кеннеди, отделив центурии с полностью сохранившимся составом от неполных центурий, включение которых в расчет заведомо занижало результат, считает, что цифры, которые французский историк соотносил с квингенарным штатом, больше подходят миллиарному, поскольку «формула» Дюрри не учитывает потери состава за долгие годы службы. Поставив под сомнение низкие потери штата и сделав поправку на реальный (17 лет), а не на номинальный срок службы, Кеннеди поднял среднегодовой показатель по увольнениям. Итоговая цифра, полученная им, — 5,3 ветерана на центурию в год — по его мнению, является всего-навсего остатком от более значительного числа тиронов, которых набирали 17 годами ранее. Соответственно когорты гвардии были тысячными, а потери состава огромными — порядка 46%¹⁰⁹. То есть для поддержания стабильного состава корпуса, необходимо было ежегодно вербовать *tirones* почти вдвое больше против числа тех, кто покидал его ряды. Методика Кеннеди была впоследствии раскритикована¹¹⁰, но сделанный им вывод об огромных потерях не был оспорен¹¹¹.

¹⁰⁷ О карьерной перспективе преторианских ветеранов см. Breeze, Dobson 1969; Dobson 1970; Smith 1972, 494–495.

¹⁰⁸ Durry 1938, 84–87.

¹⁰⁹ Kennedy 1978.

¹¹⁰ Scheidel 1996, 126; Cowan 2002, 60–63.

¹¹¹ Насколько мне известно, высокая смертность населения в Римской империи в современных исследованиях является по-прежнему аксиомой (Killgrove 2010; Scheidel 2001).

Начнем с общих рассуждений. Состав когорты равнялся тому количеству человек, которое обновлялось в ее структурах за период полной рядовой выслуги. Для преторианцев нормативным сроком считались 16 лет, по истечении которых, т.е. на 17-й год, они выходили в отставку или по желанию могли остаться, чтобы путем эвокатуры продвинуться по службе (например, к заветной должности центуриона). Однако истинное положение было иным. Необходимо учесть, что количество наборов и увольнений не совпадало. При Антонинах преторианский дилект был ежегодным, однако отставки производились раз в два года, а начиная со 168 г. — раз в четыре года (табл. 2, 3).

Таким образом, кто-то служил 16 полных лет, а кто-то — 19, а другая номинальная половина воинов укладывалась в этот промежуток. Отказ от демобилизации в 170 г. был спровоцирован огромной убылью трех предыдущих лет, и римская администрация, видимо, не рассчитывала на то, что набор позволит восполнить потери. Реальный нормативный срок службы в гвардии при Антонинах, судя по латеркулам, в нормальном режиме составлял в среднем 16—17 лет, а в годы войн и эпидемий при Марке Аврелии и почти наверняка при Коммодe — примерно 17—18 лет.

Для поддержания преемственности поколений набора и порядка службы внутрикогортные единицы должны были в идеале обновляться пропорционально сроку службы и равномерно между собой. В реальности, где потери не всегда укладывались в прогнозируемые рамки, конечно, происходили отклонения от идеальной схемы, и набор в отдельные контубернии время от времени был неодинаковым. По подсчетам Д. Кеннеди, в целом по всем досеверовским латеркулам, сохранившим списки хотя бы нескольких полных центурий, колебания такого рода составляют от 0 до 13 человек¹¹². Это означает, что набор в преторианские когорты был весьма дифференцированным, поскольку тиронов «добирали» в штат центурий по остаточному принципу — в зависимости от того, сколько воинов выбыло со службы.

Во многом такой показатель связан с зашкаливающим уровнем детской смертности (Killgrove 2010, 79). Однако в нашем случае речь идет о категории населения, которая выходила за указанные возрастные рамки, и теоретически мы должны ожидать более низкий показатель, поскольку те, кто отличался слабым здоровьем, либо умерли до наступления «призывного возраста», либо, не пройдя отбор, отправились в лучшем случае в менее престижные части. Как справедливо заметил Кеннеди, обитатели преторианского лагеря были избавлены от многих проблем и трудностей, которые могли негативно сказаться на здоровье и в конечном счете на качестве и продолжительности жизни — недоедания, отсутствия крыши над головой, плохой гигиены, недостатка одежды. Правда, в то же время Рим нельзя было назвать местом, благоприятным для долгой и здоровой жизни (Woods 2007). Вдобавок в силу своих основных обязанностей преторианцы повсюду следовали за императором, и на них негативным образом сказывались необычные климатические условия, трудности переходов и т.п. В этом они были не одиноки. Чуть ли не по всей территории империи находят надгробные памятники *equites singulares Augusti*, которые вместе с преторианцами делили аналогичные тяготы (Speidel 1987, 376).

¹¹² Kennedy 1978, 284.

Таблица 2

Расписание зачислений и увольнений в период с 119 по 172 г. по данным латеркулов

Источник	Зачисление	Димиссия	Продолжительность службы
CIL VI. 32515	119	136	17
	120		16
CIL VI. 32516	125	142	17
	126		16
CIL VI. 32517	127/131	144/148	17
	128/132		16
CIL VI. 209	133	150	17
	134		16
AE 1930. 57	135	152	17
	136		16
CIL VI. 32518	137	154	17
	138		16
CIL VI. 32519	141	158	17
	142		16
CIL VI. 32520	143	160	17
	144		16
AE 1940. 82	147	164	17
	148		16
CIL VI. 32521	151	168	17
	152		16
CIL VI. 32522	153	172	19
	154		18
	155		17
	156		16

Таблица 3

Расписание увольнений в период с 72 по 192 г. по данным дипломов

Источник	Димиссия	pr. / urb.
<i>CIL</i> XVI. 25	30.12.72	pr.
<i>CIL</i> XVI. 21	02.12.76	pr.
<i>RMD</i> III. 139	22.02.85	urb.
<i>CIL</i> XVI. 18; <i>RMD</i> IV. 213	30.05.85	urb.
<i>CIL</i> XVI. 81	18.11.122	pr.
<i>CIL</i> XVI. 95	148	pr.
<i>CIL</i> XVI. 98	18.02.150	pr.
<i>RGZM</i> 33	01.03.152	pr.
<i>CIL</i> XVI. 124	161/166	urb.
<i>RMD</i> IV. 288	164	urb.
<i>RMD</i> III. 179	17.04.166	pr.
<i>RMD</i> III. 124	180/184	urb.
<i>RMD</i> IV. 297	182/184	urb.
<i>CIL</i> XVI. 133	192	urb.

Самыми полными из «антониновской» группы являются латеркулы *CIL* VI. 32515 и *CIL* VI. 32520, охватывающие несколько сотен преторианцев, включая эвокатов¹¹³. В первом из них максимальное значение демобилизуемых — 14 или 15 человек (скорее всего, в шестой центурии IV когорты)¹¹⁴, однако колебания значительны: например, в наиболее хорошо сохранившейся VII когорте они находятся на уровне от 1 до 7 человек. Такая неравномерность может быть объяснена тем, что она, в отличие от IV и V, видимо, активно участвовала в поездках Адриана по провинциям.

¹¹³ К сожалению, сохранность даже этих списков оставляет желать лучшего. Имена некоторых рядовых сильно повреждены или совсем утрачены, но благодаря консульским датировкам, структурирующим весь текст, восстановить статистически значимые данные в некоторых частях не представляет большой сложности, пусть даже мы не всегда можем уверенно соотнести реконструированные строки с конкретными когортами или центуриями.

¹¹⁴ Представляется, что обломок плиты слева содержал имена воинов двух центурий (сейчас остались только города, откуда они были родом): имена трех воинов пятой центурии IV когорты, зачисленных в 120 г., и 14 или 15 человек из шестой центурии, зачисленных годом ранее. Во всяком случае, их перечень не содержит никаких видимых разрывов. Это число — самое большое во всем списке, но близкие цифры, видимо, давала и вторая центурия V когорты, от которой сохранилось в нынешнем виде 11 имен 119 г. зачисления, а также шестая центурия этой же когорты, где были перечислены не менее десяти имен от 120 г.

Таблица 4

Демобилизация во II в. (для когорт с неизвестным номером распределение воинов по номерам центурий чаще всего дано условно; в этом случае соответствующая ячейка заполнена курсивом)

laterculus	cohors	Дата зачисления	Число увольняемых по центуриям					
			1	2	3	4	5	6
CIL VI. 32515	IV	119	—	—	—	—	—	n+3
		120	—	—	—	—	—	14/15
	V	119	—	n+11	6	n+7	—	—
		120	—	9	7	—	—	n+10
	VI	119	4	n+5	—	—	—	—
		120	8	—	—	—	—	—
	VII	119	1	1	1	4	2	—
		120	7	5	3	0	n+4	—
	X	119	—	—	—	—	—	—
		120	—	—	—	—	—	n+2
	N ¹	119	—	2	4	—	—	—
		120	n+1	5	9	—	—	—
	Y	119	—	—	—	—	—	6
		120	—	—	—	—	n+3	10
	Y+1	119	4	—	—	—	—	—
		120	3	—	—	—	—	—
	Y+1 / Y+2	119	n+4	8	—	—	—	—
		120	13	n+2	—	—	—	—
CIL VI. 32516	?	125	0	4	n+3	—	—	—
		126	7	4	—	—	—	—
CIL VI. 32518	VI	137	—	—	—	—	—	—
		138	—	—	—	—	—	n+6
	VII	137	n+2	—	—	—	—	—
		138	—	—	—	—	—	—
	?	137	—	n+4	—	—	—	—
		138	5	—	—	—	—	—
	?	137	—	3	—	—	—	—
		138	n+4	n+4	—	—	—	—
CIL VI. 32519	VIII/IX	141	—	—	—	—	—	7
		142	—	—	—	—	—	7
	IX/X	141	—	—	4	5	—	—
		142	—	n+4	5	n+7	—	—
	X	141	—	—	—	—	n+2	4
		142	—	—	—	—	2	0

Таблица 4. Окончание

laterculus	cohors	Дата зачисления	Число увольняемых по центуриям					
			1	2	3	4	5	6
CIL VI. 32520	I	143	—	—	—	n+1	12	3
		144	—	—	—	9	8	7
	II	143	2	—	—	—	4	6
		144	n+7	—	—	n+4	5	11
	III	143	2	4	—	—	—	7
		144	6	n+6	—	—	n+3	5
	IV	143	4	4	8	—	—	—
		144	5	8	n+5	—	—	—
	V	143	2	5	3	0	8	3
		144	2	3	0	4	3	9
	VI	143	0	—	n+3	8	4	6
		144	n+1	—	9	8	4	5
	VII	143	n+1	—	—	5	7	4
		144	—	—	—	8	6	n+9 ²
CIL VI. 32522	IV/V	153	n+2	2	—	—	—	—
		154	1	5	—	—	—	—
		155	1	1	—	—	—	—
		156	1	n+1	—	—	—	—
	V	153	—	—	—	—	—	—
		154	—	—	—	—	—	—
		155	—	—	—	—	—	2
		156	—	—	—	—	—	2
	VI	153	4	—	—	—	—	—
		154	6	—	—	—	—	—
		155	n+2	—	—	—	—	—
		156	—	—	—	—	—	—
	VII	153	1	2	—	—	—	—
		154	3	n+1	—	—	—	—
		155	1	—	—	—	—	—
		156	2	—	—	—	—	—
	VIII/VIII	153	2	0	1	1	—	—
		154	2	0	0	1	—	—
		155	2	1	4	n+2	—	—
		156	0	0	2	—	—	—
	?	153	—	2	—	—	—	—
		154	—	5	—	—	—	—
		155	—	0	—	—	—	—
		156	n+1	n+2	—	—	—	—

Примечания.

1. Судя по всему, IX или, более вероятно, X когорта. Вне всяких сомнений, фрагмент CIL VI. 32515c = 2404b в общей структуре латеркула занимал место, близкое к окончанию преторианской части списка, так как в следующем столбце идут урбаникианцы. Перечисленным во фрагменте *d* воинам XI городской когорты предшествовала X городская, а ей, в свою очередь, X преторианская.

2. Интервал между именами здесь становится больше, поскольку резчик, очевидно, не хотел начинать список VIII когорты в данной колонке, посвятив ей целиком следующую. Поэтому 9 человек — это почти наверняка все живые на момент увольнения воины, зачисленные в 6-ю центурию в 144 г. (т.е. $n = 0$).

Вдобавок у нас имеется небольшой фрагмент латеркула с именами воинов, зачисленных на службу в 125 и 126 гг. (*CIL* VI. 32516). Здесь сохранились лишь две полные центурии неизвестной когорты, причем у одной из них отсутствуют те, кого должны были набрать в 125 г.; в то же время число набранных в 126 г. — 7 человек — почти равно совокупному составу другой центурии за оба года набора. Тот факт, что получаемые цифры почти не отличаются от предыдущего списка, позволяет предполагать, что и в других центуриях были сопоставимые показатели. Эти воины вышли в отставку в 142 г. и, значит, ни разу не участвовали в боевых действиях.

Самым полным преторианским латеркулом остается *CIL* VI. 32520. В нынешнем состоянии он охватывает состав семи когорт. Служба перечисленных в данном латеркуле воинов целиком пришлась на правление Антонина Пия, который, как известно, ни разу не покидал Италии (*SHA. Ant. Pius.* 7. 11–12). Наверное, именно поэтому данный список демонстрирует самый высокий сравнительный показатель увольняемых в антониновскую эпоху¹¹⁵.

Особенно интересны латеркулы рубежа 160–170-х годов (*CIL* VI. 32521 и 32522), отражающие, помимо естественной смертности, потери, понесенные гвардейцами в ходе войн с парфянами и германцами, а также из-за обострившейся эпидемиологической обстановки. Цифры, наблюдаемые здесь, — самые низкие по всем антониновским латеркулам. Налицо результат действия как раз этих двух дополнительных факторов. Жаль, что плохая сохранность последних двух списков не позволяет проанализировать их в должной мере.

Подобного рода колебания — это прямое свидетельство того, как естественная смертность и боевые потери влияли на движение штата. Самые высокие цифры увольняемых в расчете на центурию, видимо, наиболее приближены к показателю, какой имел бы место при «идеальных условиях» (у всех воинов отменное здоровье и при этом нет войны, эпидемий, несчастных случаев, бытовых и профессиональных травм, наказаний, влекущих смертную казнь, и т.д.). Большинство из перечисленного, само собой, неустранимо в принципе и уже учтено в латеркулах 130–150-х годов, а боевые потери, если распределить их по всей истории преторианского корпуса за первые два столетия, играли второстепенную роль, выходя в число важных факторов только на очень коротких отрезках времени.

После стабилизации ситуации в 180-х годах дилектно-димиссионный цикл, скорее всего, был оставлен в обновленном виде, т.е. четыре дилекта на одну димиссию, что при устранении экстраординарных факторов смертности дало некоторый прирост штата, приблизительно равный разнице между минимальным и средним показателями увольнений.

После 193 г. воинов индивидуально и по не вполне ясным критериям переводили в преторий из провинциальных гарнизонов. Такие переводы были массовыми, но, по всей видимости, не групповыми. Поскольку отныне димиссия стала ежегодной, то состав новых центурий фактически равнялся

¹¹⁵ Цифры, содержащиеся в этом латеркуле, можно сопоставить со сведениями другого хронологически близкого списка (*AE* 1940. 82).

прежним с той лишь разницей, что комплектование их штата происходило не за два или четыре годичных дилекта, а за один. Синхронизация расписаний дилектов и димиссий наряду с обновлением принципа рекрутирования привели к возможности оперативнее пополнять штат. Благодаря этой реформе Септимий Север получил возможность поддерживать численность штата в своей гвардии на стабильном уровне, независимо от военно-политических и эпидемиологических обстоятельств. Таким образом, удлинившийся список воинов в северовских центуриях в сопоставлении с антониновскими сам по себе не доказывает роста численности штата; он лишь подтверждает слова Кассия Диона и Геродиана о реформе преторианского дилекта — и не более того.

Итак, суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что в первые два столетия Римской империи преторианские когорты почти наверняка принадлежали к милиарному типу. Эта версия прекрасно согласуется как с прямыми, так и с косвенными свидетельствами источников — нарративных, эпиграфических и археологических. Тацит надежно регистрирует тысячный состав в 69 г. Его дополняет Кассий Дион, который, хоть и допустил анахронизм, взял свои данные не с потолка, а из какого-то вполне конкретного источника. Нет сомнений в том, что при Флавиях гвардия также имела когорты тысячного состава. Что касается эпохи Юлиев-Клавдиев, то тут можно допустить, что какое-то время штат состоял из 500 человек. Созданные по образу и подобию легионов в тяжелые годы гражданской войны, которая ознаменовала крах республики, преторианские когорты имели идентичную с ними структуру и даже состав, однако превосходили их размером. Может быть, в мирное время Август в какой-то момент и сокращал штат своей охраны, доводя его до «классической» когорты пятисотенного состава, но вряд ли это длилось долго. Помня о том, в какой опасности он находился, когда разразилась Перузинская война, наследник Цезаря как никто другой понимал необходимость держать значительные силы в Италии, где в соответствии с республиканской традицией было запрещено находиться войскам. Панноно-далматское восстание, неожиданно вспыхнувшее под конец его долгого принципата, должно было еще сильнее укрепить его в этой мысли. Такой расклад делал тысячные преторианские когорты оптимальным решением. В любом случае к моменту постройки лагеря, учитывая относительную неизменность его параметров, преторианские и городские когорты уже должны были иметь тысячный состав.

Литература / References

- Baillie Reynolds, P.K. 1923: The Troops Quartered in the Castra Peregrinorum. *Journal of Roman Studies* 13, 168–189.
- Baillie Reynolds, P.K., Ashby, T. 1923: The Castra Peregrinorum. *Journal of Roman Studies* 13, 152–167.
- Bannikov, A.V. 2013: *Evolyutsiya rimskoy voyennoy sistemy v I–III vv. (ot Avgusta do Diokletiana)* [Evolution of the Roman Military System in the I–III Centuries (from Augustus to Diocletian)]. Saint Petersburg.
- Банников, А.В. *Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана)*. СПб.

- Bannikov, A.V. 2020: *Rimskaya armiya epokhi printsipata. Organizatsiya, vooruzhenie, taktika* [The Roman Army of the Principate Era. Organization, Weapons, Tactics]. Saint Petersburg.
- БАННИКОВ, А.В. Римская армия эпохи принципата. Организация, вооружение, тактика. СПб.
- Bédoyère, G. de la 2017: *Praetorian: The Rise and Fall of Rome's Imperial Bodyguard*. New Haven.
- Bertinelli Angeli, M.G. 1974: Gli effettivi della legione e della coorte pretoria e i latercoli dei soldati 'missi honesta missione'. *Rendiconti dell' Istituto Lombardo. Classe di Lettere* 108, 3–12.
- Bingham, S.J. 1997: *The Praetorian Guard in the Political and Social Life of Julio-Claudian Rome*. PhD thesis. Ottawa.
- Bingham, S.J. 2013: *The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces*. Waco.
- Birley, E. 1969: Septimius Severus and the Roman Army. *Epigraphische Studien* 8, 63–82.
- Birley, E. 1982: The Dating and Character of the Tract 'De munitionibus castrorum'. In: G. Wirth (ed.), *Romanitas—Christianitas: Untersuchungen zur Geschichte und Literatur der römischen Kaiserzeit. Johannes Straub zum 70. Geburtstag am 18. Oktober 1982 gewidmet*. Berlin—Boston, 277–281.
- Bowman, A.K., Thomas, J.D. 1991: A Military Strength Report from Vindolanda. *Journal of Roman Studies* 81, 62–73.
- Breeze, D.J., Dobson, B. 1969: The Rome Cohorts and the Legionary Centurionate. *Epigraphische Studien* 8, 100–124.
- Briessmann, A. 1955: *Tacitus und das Flavische Geschichtsbild*. Wiesbaden.
- Chilver, G.E.F. 1979: *A Historical Commentary on Tacitus' Histories I and II*. (Hermes, Einzelschriften, 10). Oxford.
- Cosme, P. 2007: *L'armée romaine VIIIe s. av. J.-C. — Ve s. ap. J.-C.* Paris.
- Cowan, R.H. 2002: *Aspects of the Roman Field Army. The Praetorian Guard, Legio II Parthica and Legionary Vexillations, AD 193–238*. PhD thesis. Glasgow.
- Crimi, G. 2010: Tribù e origo nelle iscrizioni di pretoriani e urbaniciani arruolati in Italia: tre nuove attestazioni epigrafiche. In: M. Silvestrini (ed.), *Le Tribù Romane. Atti della XVIe Rencontre sur l'épigraphie (Bari 8–10 ottobre 2009)*. Bari, 329–336.
- Dana, D., Zagreanu, R. 2017: Equites singulares Augusti originaires de la province de Dacie: épigraphie, onomastique, iconographie. *Studia Antiqua et Archaeologica* 23/1, 139–171.
- Dobson, B. 1970: The Centurionate and Social Mobility during the Principate. In: *Recherches sur les structures sociales dans l'Antiquité classique. Caen 25–26 avril 1969*. Paris, 99–116.
- Dobson, B. 1982: Praefectus Castrorum Aegypti — a Reconsideration. *Chronique d'Égypte* 57/114, 322–337.
- Domaszewski, A. von 1908: *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn.
- Durry, M. 1938: *Les cohortes prétoriennes*. Paris.
- Durry, M. 1954: Praetoriae cohortes. In: *RE*. Bd. 22/2, 1607–1634.
- Echols, E. 1958: The Roman City Police: Origin and Development. *Classical Journal* 53/8, 377–385.
- Eck, W. 2012: Diplomata militaria für Prätorianer, vor und seit Septimius Severus. *Athenaeum* 100, 321–336.
- Freis, H. 1967: *Die Cohortes Urbanae*. Köln—Graz.
- Frere, S.S. 1980: Hyginus and the First Cohort. *Britannia* 11, 51–60.
- Gilliver, K. 2007: The Augustan Reform and the Structure of the Imperial Army. In: P. Erdkamp (ed.), *A Companion to the Roman Army*. Oxford, 183–200.
- Grillone, A. 1987: Problemi tecnici e datazione del 'De metatione castrorum' dello ps.-Igino. *Latomus* 46/2, 399–412.
- Groneman, S.A.J. 1832: *Commentatio de militum praetorianorum apud Romanos historia*. Utrecht.
- Guskov, E.A. 2007: [On the Quingenary and Miliary Type of the Praetorian Cohorts]. *Antiquitas iuventae* 3, 181–190.
- Гуськов, Е.А. К вопросу о квингенарном и милиарном типе преторианских когорт. *Antiquitas iuventae* 3, 181–190.
- Guskov, E.A. 2008: [The Praetorians of Otho and Vitellius in the Guard of Vespasian: Some Remarks]. *Antiquitas iuventae* 4, 113–119.
- Гуськов, Е.А. Преторианцы Оттона и Вителлия в гвардии Веспасиана: несколько замечаний. *Antiquitas iuventae* 4, 113–119.
- Guskov, E.A. 2014: [Praetorian Cohorts of the II Triumvirate Period]. *Antiquitas iuventae* 8–9, 138–151.
- Гуськов, Е.А. Преторианские когорты периода II триумвирата. *Antiquitas iuventae* 8–9, 138–151.

- Guskov, E.A. 2022: [The Praetorian Metilius Pudens and the Civil War in Rome]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Herald of Saint Petersburg University. History] 67/1, 113–127.
- Гуськов, Е.А. Преторианец Метилий Пудент и гражданская война в Риме. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 67/1, 113–127.
- Homo, L.P. 1951: *Rome impériale et l'urbanisme dans l'antiquité*. Paris.
- Johnson, A. 1983: *Roman Forts*. London.
- Kennedy, D.L. 1978: Some Observations on the Praetorian Guard. *Ancient Society* 9, 275–301.
- Keppie, L. 1996: The Praetorian Guard before Sejanus. *Athenaeum* 84, 101–124.
- Keppie, L. 1998: *The Making of Roman Army: from Republic to Empire*. London.
- Killgrove, K. 2010: *Migration and Mobility in Imperial Rome*. PhD thesis. Chapel Hill.
- Le Bohec, Y. 2001: *Rimskaya armiya epokhi Ranney Imperii* [The Roman Army of the Times of Early Empire]. Moscow.
- Ле Боэк, Я. *Римская армия эпохи Ранней Империи*. М.
- London, J.E. 2006: Contubernalis, Commanipularis, and Commilito in Roman Soldiers' Epigraphy: Drawing the Distinction. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 157, 270–276.
- Letta, C. 1978: Le imagines Caesarum di un praefectus castrorum Aegypti e l'XI coorte pretoria. *Athenaeum* 56, 3–19.
- Lommel van, K. 2013: The Terminology of the Medical Discharge and an Identity Shift among the Roman Disabled Veterans. *Ancient History Bulletin* 27, 65–74.
- Machlayuk, A.V., Negin, A.E. 2018: *Rimskie legiony. Samaya polnaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Roman Legions. The Most Complete Illustrated Encyclopedia]. Moscow.
- Махлаюк, А.В., Негин, А.Е. *Римские легионы. Самая полная иллюстрированная энциклопедия*. М.
- Menéndez Argüín, A.R. 2006: *Pretorianos: la guardia imperial de la Antigua Roma*. Madrid.
- Mommsen, Th. 1879: Die Gardetruppen der römischen Republik und der Kaiserzeit. *Hermes* 14/1, 25–35.
- Morgan, G. 2006: *69 A.D.: The Year of Four Emperors*. Oxford.
- Ottley, S. 2009: *The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his Historiae*. PhD thesis. Perth.
- Pagnoni, A. 1942: Sul reclutamento degli 'urbaniciani'. *Epigraphica* 4, 23–40.
- Panciera, S. 1995: Una diciannovesima coorte pretoria? In: R. Frei-Stolba, M.A. Speidel (Hrsg.), *Römische Inschriften. Neufunde, Neulesungen und Neuinterpretationen. Festschrift für Hans Lieb*. (Arbeiten zur römischen Epigraphik und Altertumskunde, 2). Bâle, 113–121.
- Parfenov, V.N. 1990: [On the Evaluation of Augustus' Military Reforms]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [Ancient World and Archaeology] 7, 65–76.
- Парфенов, В.Н. К оценке военных реформ Августа. *Античный мир и археология* 7, 65–76.
- Parfenov, V.N. 2001: *Imperator Tsezar' Avgust: Armiya. Voyna. Politika* [Imperator Caesar Augustus: The Army. War. Politics]. Saint Petersburg.
- Парфенов, В.Н. *Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика*. СПб.
- Passerini, A. 1939: *Le coorti pretorie*. Roma.
- Pavón Torrejón, P. 2003: *La cárcel y el encarcelamiento en el mundo romano*. Madrid.
- Platner, S.B., Ashby, Th. 1929: *A Topographical Dictionary of Ancient Rome*. London.
- Pollard, N. 2006: The Roman Army. In: D.S. Potter (ed.), *A Companion to the Roman Empire*. Malden, 206–227.
- Rankov, N.B. 1990: Frumentarii, the Castra Peregrina and the Provincial Officia. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 80, 176–182.
- Rankov, N.B. 1994: *The Praetorian Guard*. London.
- Redaelli, D. 2018: Militari ad Aquileia. Nuove note sull'epigrafe di C. Manlio Valeriano. *Epigraphica* 80/1–2, 223–246.
- Redaelli, D. 2019: Nuove evidenze sui laterculi praetorianorum. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 209, 270–272.
- Ricci, C. 2011: In custodiam Urbis: Notes on the Cohortes Urbanae (1968–2010). *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 60/4, 484–508.
- Ricci, C. 2019: Caracalla e i pretoriani. *Studi Classici e Orientali* 65/1, 411–427.
- Richmond, I.A. 1927: The Relation of the Praetorian Camp to Aurelian's Wall of Rome. *Papers of the British School at Rome* 10, 12–22.

- Roth, J. 1994: The Size and Organization of the Roman Imperial Legion. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 43/3, 346–362.
- Sablayrolles, R. 1996: *Libertinus miles. Les cohortes de vigiles*. Rome.
- Sablayrolles, R. 2001: La rue, le pouvoir et le soldat: la garnison urbaine à Rome de César à Pertinax. In: *La ville de Rome sous le Haut-Empire: nouvelles connaissances, nouvelles réflexions: colloque*. (Pallas: Revue d'études antiques, 55). Rome, 127–154.
- Sánchez Sanz, A. 2017: *Pretorianos. La Elite del Ejército Romano*. Madrid.
- Šašel, J. 1972: Zur Rekrutierung der Prätorianer. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 21/3, 474–480.
- Scheidel, W. 1996: *Measuring Sex, Age and Death in the Roman Empire: Explorations in Ancient Demography*. Ann Arbor.
- Scheidel, W. 2001: Roman Age Structure: Evidence and Models. *Journal of Roman Studies* 91, 1–26.
- Sergeenko, M.E. 1964: *Zhizn' Drevnego Rima. Oчерки byta [Life of Ancient Rome. Essays on Everyday Life]*. Moscow–Leningrad.
- Сергеенко, М.Е. *Жизнь Древнего Рима. Очерки быта*. М.–Л.
- Sinnigen, W.G. 1962: The Origins of the Frumentarii. *Memoirs of the American Academy in Rome* 27, 213–224.
- Smith, R.E. 1972: The Army Reforms of Septimius Severus. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 21/3, 481–500.
- Southern, P. 2006: *The Roman Army: A Social and Institutional History*. Santa Barbara–Denver–Oxford.
- Speidel, M.P. 1987: The Later Roman Field Army and the Guard of the High Empire. *Latomus* 46/2, 375–379.
- Speidel, M.P. 1994: *Riding for Caesar: The Horse Guards of the Roman Emperors*. London.
- Stein, E. 1922: *Untersuchungen über das Officium der Prätorianerpräfektur seit Diokletian*. Wien.
- Syme, R. 1939: Les Cohortes Prétoiriennes by Marcel Durry. *Journal of Roman Studies* 29/2, 242–248.
- Syme, R. 1958: *Tacitus*. Vol. 1. Oxford.
- Townend, G.B. 1964: Cluvius Rufus in the Histories of Tacitus. *American Journal of Philology* 85/4, 337–377.
- Ushakov, Y.A. 1984: [The Role of the Praetorian Guard in the Internal Political Life of the Roman State under the First Emperors]. In: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina [The Ancient Civil Community]*. Moscow, 115–131.
- Ушаков, Ю.А. Роль преторианской гвардии во внутривполитической жизни Римского государства при первых императорах. В сб.: *Античная гражданская община: Возникновение, структура, основные этапы*. М., 115–131.
- Ushakov, Y.A. 1986: [Praetorian Guard during the Civil War of 68–69 A.D.]. In: *Antichnaya grazhdanskaya obshchina [The Ancient Civil Community]*. Moscow, 78–93.
- Ушаков, Ю.А. Преторианская гвардия в период гражданской войны 68–69 гг. н.э. В сб.: *Античная гражданская община*. М., 78–93.
- Vincenti, V. 2006: Mosaici rinvenuti nei castra praetoria nel XIX secolo. In: C. Angelelli (ed.), *Atti dell' XI colloquio dell' associazione italiana per lo studio e la conservazione del mosaico (Ancona, 16–19 febbraio 2005)*. Tivoli, 277–286.
- Wardle, D. 1992: Cluvius Rufus and Suetonius. *Hermes* 120/4, 466–482.
- Webster, G. 1998: *The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D.* 3rd ed. Norman.
- Woods, R. 2007: Ancient and Early Modern Mortality: Experience and Understanding. *The Economic History Review, New Series* 60/2, 373–399.

DOI: 10.31857/S0321039124030073

УТРАЧЕННЫЙ ИСТОЧНИК О ПЕРСИДСКОМ ПОХОДЕ ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА

М. А. Ведешкин

*Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Институт общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия*

E-mail: balatar@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7844-5742

Статья посвящена проблеме источников так называемого «Сирийского Романа о Юлиане». В ней рассматривается ряд ранее не замеченных сообщений, которые свидетельствуют о том, что по крайней мере часть представленной в «Романе» информации взята из некоего неизвестного сочинения, написанного хорошо осведомленным автором IV в., вероятно являвшимся современником и очевидцем правления Юлиана и ветераном Персидского похода 363 г.

Ключевые слова: поздняя античность, ранняя Византия, «Сирийский роман о Юлиане», Юлиан Отступник, Персидский поход 363 г.

A LOST SOURCE ON THE PERSIAN CAMPAIGN OF JULIAN THE APOSTATE

Mikhail A. Vedeshkin

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

E-mail: balatar@mail.ru

Данные об авторе. Михаил Александрович Ведешкин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН, доцент кафедры международной политики и зарубежного регионоведения ИОН РАНХиГС.

Автор выражает благодарность за ценные комментарии и замечания А.В. Муравьеву, взявшему на себя труд прочитать черновой вариант статьи.

The article covers the problem of sources of the so-called *Syriac Julian Romance*. It deals with a few previously overlooked testimonies which suggest that at least some of the information presented in the *Romance* is derived from a work written by a well-informed author of the fourth century, who was probably a contemporary and eyewitness of the reign of Julian and a veteran of the Persian campaign of 363.

Keywords: Late Antiquity, Early Byzantium, the *Syriac Julian Romance*, Julian the Apostate, Persian campaign of 363

Памятник позднеантичной¹ сирийской литературы, известный как «Роман о Юлиане» (далее «Роман»), традиционно воспринимается как художественное произведение², «псевдоистория»³, которая едва ли содержит сколь-либо достоверные сведения о религиозно-политической жизни империи в IV в. н.э.⁴ Несмотря на это, в последнее время предпринимались попытки сличения данных «Романа» с реальными обстоятельствами царствования Юлиана и выявления аутентичных источников, которыми мог пользоваться его автор⁵. Настоящая статья посвящена анализу ряда ранее не привлекавших внимание исследователей свидетельств, которые, думается, подкрепляют гипотезу о том, что в основе по крайней мере некоторых из известий «Романа» лежит источник, написанный хорошо осведомленным автором IV в., вероятно современником и очевидцем правления Юлиана.

¹ О времени создания «Романа» в историографии нет единого мнения. На основании представленного в тексте пророчества Т. Нёльдеке датировал его 502–532 гг. (Nöldeke 1874, 281–284). М. ван Эсбрук полагал, что «Роман» является выполненным в VI в. переводом изначально написанного на греческом языке произведения конца IV в. (van Esbroeck 1987); Х.Дж. Драйверс считал, что это сочинение было составлено в Эдессе в конце IV в. с целью оправдать уступку Нисибиса персам (Drijvers 1994); Дж.У. Драйверс высказывал мнение, что «Роман» был написан в первой половине V в. как часть развязанной епископом Раббулой Эдесским антииудейской кампании (Drijvers 1999). Совсем недавно М. Маззола и П. ван Нуффелен предложили аргументы в пользу того, что рассматриваемый текст был составлен в середине VII в. (Mazzola, van Nuffelen 2023).

² См. Nöldeke 1874.

³ См., например, Wood 2018, 407; Drijvers 2022, 183: «The *Jovian Narrative* should be considered a work of historical fiction or pseudo-history, along with the *Julian Romance* as a whole»; Blömer 2023, 332: «...the *Julian Romance*, a fictional and polemical account...».

⁴ Обзор истории исследований этого сочинения см. в Muraviev 2020; Drijvers 2022, 130–141.

⁵ А.В. Муравьев высказал предположение, что одним из источников заключительной части «Романа» могла быть упомянутая у Мовсеса Хоренаци хроника «Хоробута» — персидского мобеда, плененного римлянами во время кампании 363 г. Этот «Хоробут» якобы ушел из Персии вместе с римскими войсками, крестился, взял новое имя Элеазар и впоследствии написал на греческом историю войны Юлиана и Шапура II. Читавший ее армянский историк, впрочем, достаточно низко оценивал качество этого источника и заявлял, что сочинение «Хоробута» «наполнено бредовыми легендами» (Mos. Chor. II. 70), что в целом представляется достаточно адекватной оценкой для значительной части сюжетов «Романа». По мнению Муравьева, под именем Хоробута-Элеазара скрывается один из героев самого «Романа» — персидский мобед Аримихр. См. Muraviev 1999, 205–206; 2021.

Композиционно «Роман» делится на три неравные части. В первой кратко повествуется о царствовании сыновей Константина, отпадении Юлиана от христианства и захвате им власти. Во второй части Юлиан приезжает в город Рим, где вступает в противостояние с папой Евсевием и едва ли не со всей христианской знатью Вечного города, возглавляемой неким Волузианом. Получив отказ сената и народа Рима признать его императором, раздосадованный Юлиан переезжает на восток, о чем повествует третья часть «Романа». Сначала он посещает Константинополь, где ему противостоит сенатор-христианин Максим, затем едет в Антиохию, и, наконец, в Карры-Харран. После этого император отправляется в поход на Персию, где и находит свою смерть. На престол вступает христианин Иовиан, который заключает мир с шахиншахом Шапуром и вместе с римским войском возвращается на родину.

«Роман», особенно его вторая часть, переполнен очевидными выдумками и анахронизмами. К примеру, Юлиан никогда в жизни не посещал Рим, а его антагонист — папа Евсевий — скончался за полвека (ок. 310 г.)⁶ до того, как Отступник вступил на престол. Более того, в середине IV в. староримская сенаторская аристократия преимущественно сохраняла приверженность язычеству и едва ли стала бы выступать против религиозной политики нового Августа⁷. Таким образом, рассказ о противостоянии императора-язычника и папы является чистым вымыслом⁸. То же самое можно сказать и о сюжете о сенаторе-христианине Максиме, который выступил против Юлиана в Константинополе. Несмотря на то что в нем действует дядя и тезка Отступника — фигура несомненно реальная⁹, — в источниках IV–V вв. нет никого, кто мог бы быть идентифицирован как пр надлежавший к «царскому роду» константинопольский аристократ-христианин Максим (*Syr. Jul. Rom.* 163–164¹⁰). Иными словами, содержащиеся в «Романе» рассказы о пребывании Юлиана в столицах являются продуктом позднейшего мифотворчества, псевдоисторическим конструктором, по-видимому вышедшим из-под пера агиографа, имевшего лишь самые туманные представления о религиозно-политической обстановке в Риме и Константинополе середины IV в.¹¹

⁶ См. Zaytsev 2008.

⁷ О приверженности сенаторской знати Рима язычеству на протяжении большей части IV в. написано очень много. См., например, Alföldi 1948; Brown 1961; Barnes 1995; Salzman 1990; 2004; Curran 2000; Cameron 2011; Machado 2011; Vedeshkin 2018, 81–177; Gassman 2020; Lizzi Testa 2022.

⁸ Об образе «папы Евсевия» в «Романе», см. Muraviev, Vedeshkin 2024.

⁹ В христианской традиции за ним закрепилась недобрая репутация свирепого гонителя, который, в отличие от племянника, без колебаний шел на кровавые расправы над последователями новой веры (Theod. *HE.* III. 11 (7); Soz. V. 7–8; *Pass. Artem.*; *Pass. Bonos.*; *Pass. Theodoret.*). О Юлиане-старшем см. PLRE I, 470 (Iulianus 12); von Haehling 1978, 181 (11. Iulianus); Petit 1994, 138 (156 Julianus II). Об его образе в агиографии см. Teitler 2017, 85–89, 114–117.

¹⁰ Здесь и далее использовано издание Sokoloff, M. 2017: *The “Julian Romance”: A New English Translation.* Piscataway (NJ).

¹¹ Возможно, предание о противостоянии Юлиана и Евсевия составляло единый агиографический цикл с повестью об обретении Креста и мученичестве Иуды Кириака. См. Kryukova *et al.* 2014, 142.

Иное дело — заключительная часть «Романа», описывающая восточный поход императора Юлиана, его гибель и избрание Иовиана. В ней приводится ряд сюжетов, обнаруживающих удивительную осведомленность автора о событиях 362–363 гг. В частности, в ней говорится о том, что по пути в Антиохию Юлиан останавливался в Тарсе, где он принял делегацию палестинских иудеев¹², прибывших просить императора о восстановлении Иерусалимского Храма (*Syr. Jul. Rom.* 221–238; 273–274). Ни один из восточных историков Церкви, хронистов и агиографов IV–V вв., которые гипотетически могли быть известны автору «Романа», об этой остановке не сообщает. Вместе с тем рассказы о пребывании императора в Тарсе сохранились в светской традиции и зависимых от нее хрониках. В частности, согласно Аммиану Марцеллину, «правителя провинции, по имени Цельс, он [Юлиан] встретил поцелуем, — он знал его со времени своего обучения в Афинах, — и, усадив его в свой экипаж, приехал вместе с ним в Тарс»¹³ (*Amm. XXII. 9. 13*, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). О визите императора в столицу Киликии в начале VII в. писал Иоанн Антиохийский, автор фрагментарно сохранившейся «Хроники», которая в том числе основывалась на полностью или частично утраченных исторических сочинениях IV–V вв.¹⁴ (*Iohn. Ant. Fr. Mū178 [FHG IV 605] = Fr. R268*¹⁵). Рассказ о пребывании Юлиана в Тарсе также сохранился у Иоанна Зонары — византийского хрониста XII в., который также активно использовал данные светских историков IV–VI столетий¹⁶ (*Zon. Chron. XIII. 12. 30–34*). Таким образом, сообщение о визите Юлиана в Тарс свидетельствует о том, что автор «Романа» был осведомлен об итинерарии императора куда лучше христианских историков IV–V вв.¹⁷ Вместе с тем Тарс лежал на столбовой дороге из Константинополя в Сирию, следовательно, за этим известием едва ли можно признать особую ценность.

Гораздо более примечательным является сообщение «Романа» о прибытии Юлиана в Антиохию. Повествуя о восьми месяцах, которые Отступник провел в этом городе, христианские авторы IV в. и последующих столетий акцентировали свое внимание исключительно на противостоянии императора и жителей столицы Сирии, среди эпизодов которого: продовольственный кризис, сожжение храма Аполлона в Дафне, закрытие Великой церкви и публикация Юлианом трактата «Мисопогон», представлявшего собой едкую сатиру на антиохийское общество¹⁸. Совершенно иначе представлены взаимоотношения императора

¹² Традиционно считается, что Юлиан принимал делегацию иудеев в Антиохии. См. Kraeling 1932, 158; Downey 1961, 382; Avi-Yonah 1984, 191–192. Впрочем, «Роман» — единственный источник, напрямую локализирующий это событие (см. Levenson 2004).

¹³ ...osculo susceptum rectorem provinciae nomine Celsum, iam inde a studiis cognitum Atticis, adscitumque in consessum vehiculi Tarsum secum induxit. См. Boeft *et al.* 1995, 174–176.

¹⁴ Patzig 1904; DiMaio 1980; 1981; Treadgold 2007; 2019.

¹⁵ Нумерация отрывков из Иоанна Антиохийского приводится по изд. К. Мюллера (Mū) и У. Роберто (R).

¹⁶ Patzig 1897; DiMaio 1980; 1981; 1988; Frakes 1997; Treadgold 2019.

¹⁷ Косвенные упоминания о посещении Юлианом Тарса см. в *Lib. Or. XVIII. 159; Ep. F736/N88*.

¹⁸ См., например, *John. Chrys. In Bab. I–II; In Iuvent.; Ruf. HE. I (X). 35–36; Soc. III. 17–19; Soz. V. 19–20; Theod. HE. 10–13; Philost. VII. 8, 12; Malal. XIII. 19; Theoph. Chron.*

с Антиохией на страницах «Романа». Автор вовсе не говорит о том, что между ее жителями и императором имел место какой-либо конфликт. Напротив, он отмечает чрезвычайно теплый прием, который оказала Отступнику столица Востока: «Услышав весть о его приходе, Антиохия возликовала. Ее улицы украсились всеми видами великолепных убранств <...> Когда же он добрался до Антиохии Сирийской и вошел в нее, все население города — мужчины и женщины, дети и старики, юноши и девушки, [люди] всех возрастов, какие только были в городе, — впали в неистовство и помешательство. Мужчины стали позорно плясать с женщинами. Город сошел с ума. Тайно укрылось у них зло. Порочные выходили приветствовать столь же порочных, как они сами, мужчины лишались рассудка и безумствовали вместе с женщинами» (*Syr. Jul. Rom.* 239–240). Это сообщение созвучно известию Аммиана, рассказывавшего о пышном приеме, оказанном Юлиану антиохийцами: «Спеша увидеть Антиохию, изящный венец Востока, он направился туда по обычному пути. При приближении к городу он был принят с общественными обетами, словно какое-нибудь божество, и был поражен криком огромной толпы, вопившей, что воссияло Солнце над восточными областями» (*Amm.* XXII. 9. 14, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни)¹⁹. Сам Аммиан на тот момент скорее всего находился в Антиохии²⁰ и, вероятно, был свидетелем прибытия императора в город. О том, что антиохийцы поначалу были рады прибытию Августа, сообщал и языческий историк конца V в. Зосим, говоря о теплом приеме, который был оказан императору жителями Антиохии (ἐπιδημήσαντα δὲ αὐτὸν τῇ Ἀντιοχείᾳ δέχεται μὲν φιλοφρόνως ὁ δῆμος — *Zos.* III. 11. 4). Как известно, эта часть труда Зосима является пересказом исторического сочинения Евнапия Сардского²¹, который в свою очередь опирался на записки Орибасия²² — личного врача и близкого друга Отступника, сопровождавшего императора в поездке на Восток и в последовавшем Персидском походе²³.

«Роман» продолжается обширной цитатой из приветственной речи, с которой Юлиан обратился к делегации встречавших его антиохийцев. Император обещал столице Сирии всевозможные блага и свое покровительство: «Когда боги дадут Нам отдохновение и Мы закончим навязанную нам войну, Я помяну ваш город и более никогда не забуду его. Мой взор всегда будет устремлен на его благо, он обретет Наше расположение и милость, а императорский трон никогда его не покинет. Я выстрою и укреплю его стены, обновлю и усилю его крепости, украшу

AM 5854. О конфликте августа с жителями Антиохии писали едва ли не все исследователи, так или иначе рассматривавшие биографию Юлиана или судьбы столицы Сирии в поздней античности. Позволим себе ограничиться упоминанием лишь некоторых основных работ: Petit 1955, 105–122; Downey 1961, 380–396; Bowersock 1978, 94–105; Pack 1986, 77–86; Matthews 1989, 409–414; Muraviev 2004; Hunt 2008, 67–73.

¹⁹ At hinc videre properans Antiochiam, orientis apicem pulcrum, usus itineribus solitis venit, urbiue propinquans in speciem alicuius numinis votis excipitur publicis, mi raturus voces multitudinis magnae, salutare sidus inluxisse eis partibus adclamantis.

²⁰ Kelly 2008, 115.

²¹ См. Phot. *Bibl.* cod. 98.

²² Chalmers 1960, 155–156; Fornara 1991; Janiszewski 2006, 382–390.

²³ См. Philost. VII. 15; John. Lyd. *De mens.* IV. 75.

и приукрашу его. Я сделаю его подобным убранной невесте, так что ему будут завидовать все города Нашего царства» (*Syr. Jul. Rom.* 239–242). Явная аллюзия на приветственное слово Юлиана сохранилась у антиохийского ритора Либания. В своей речи, прочитанной весной 363 г.²⁴, он вспоминал, что, прибыв в столицу Сирии, август поначалу планировал превратить ее в мраморный город²⁵ (*Lib. Or.* XV. 52). Во время торжественного въезда Юлиана в Антиохию 18 июля 362 г.²⁶ Либаний входил в состав встречавшей императора делегации именитых горожан и, несомненно, слышал речь своего государя (*Lib. Ep.* F736/N88²⁷; *Or.* I. 120). Представляется вероятным, что сохранившееся в «Романе» известие о первоначальном желании Юлиана облагодетельствовать будущие поколения антиохийцев является указанием на эту запланированную, но так и не реализованную строительную программу. Иными словами, противоречащее данным христианской традиции сообщение автора «Романа» о прибытии Юлиана в Антиохию перекликается со свидетельствами трех очевидцев въезда императорского кортежа в город.

После описания пребывания Юлиана в Антиохии действие «Романа» переносится в Северную Месопотамию, где в ожидании похода на Персию собирались войска императора. Сам Юлиан сделал остановку в населенном преимущественно язычниками городе Карры²⁸. Рассказы автора «Романа» о пребывании Юлиана в Каррах обнаруживают ряд примечательных параллелей с иными источниками. Во-первых, он сообщает о том, что в это время христиане Эдессы учинили избивание местных иудеев (*Syr. Jul. Rom.* 279–282), о чем не говорится ни в одном из источников IV–VI вв.²⁹ При этом те же данные приводятся в составленной на исходе XII в. «Хронике» Михаила Сирийца (*Mich. Syr. Chron.* VII. 5³⁰). Далее и в «Романе», и у Михаила рассказывается о том, что, когда Юлиан кланялся изображению харранского бога Луны Сина, с головы императора слетела диадема (*Syr. Jul. Rom.* 297–298; *Mich. Syr. Chron.* VII. 5). Наконец, в «Романе» сообщается, что в Каррах римское воинство разделилось: по мнению автора, император отделил от своей армии 22 тыс. нелояльных ему христианских воинов, которые были отправлены в Эдессу (*Syr. Jul. Rom.* 299–300). Сведения о разделении армии также содержатся в сочинениях Аммиана (XXIII. 3. 5), Либания (*Or.* XVIII. 214), Зосима (III. 12. 3), Созомена (VI. 1) и опиравшегося на труд Магна Каррского Иоанна

²⁴ О дате см. Norman 1969, 149, n. d.

²⁵ Вероятно, аллюзия на *Suet. Caes. II (Aug.)*. 28. 3.

²⁶ О дате см. *Amm.* XXII. 9. 15.

²⁷ Нумерация писем Либания приводится по изд. Р. Фёрстера (F), А.Ф. Нормана (N) и С. Брэдбери (B).

²⁸ Ср. *Amm.* XXIII. 3. 1; *Lib. Or.* XVIII. 214; *Zos.* III. 12. 2; *Malal.* XIII. 21; *Theod. HE.* V. 26; *Soz.* VI. 1.

²⁹ Сам Юлиан в одном из своих писем сообщал о религиозных беспорядках в Эдессе. Однако там речь шла о погроме последователей гностика Валентина, учиненном арианами, за который эдесская Церковь поплатилась конфискацией имущества (*Jul. Ep.* Ф58/B115/W40; нумерация писем императора приведена по изд. Ж. Биде и Ф. Кюмона [B], У.К. Райт [W] и Д.Е. Фурмана [Ф]). Впрочем, это письмо скорее всего датируется 362 г. (см. Bidez, Cumont 1922, 179).

³⁰ Здесь и далее — по изданию Chabot, J.-B. 1899: *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche, 1166–1199*. Vol. I. Paris.

Малалы (XIII. 21). Тем не менее вышеперечисленные авторы объясняют причины разделения воинства не приверженностью части воинов христианской религии, но стратегическими соображениями (меньшая часть армии, возглавляемая Прокопием и Себастианом, направилась в сторону Кордуэны для нанесения отвлекающего удара по персам). Более того, все они приводят иную численность второй армии³¹. Единственным источником, который согласен с данными «Романа» и в отношении численности отделенного от главной армии воинства, и в вопросе о причинах разделения сил римлян, является все та же «Хроника» Михаила (Mich. Syr. Chron. VII. 5). Можно было бы предположить, что летописец напрямую основывался на данных «Романа», однако он более нигде не демонстрирует знакомство с этим текстом. В частности, в труде Михаила отсутствуют многочисленные анахронизмы и легенды о царствовании Юлиана, которыми переполнен «Роман»: ему не было известно ни о противоборстве Отступника с папой Евсевием и константинопольским сенатором Максимом, ни о конфронтации августа с жителями Эдессы и Нисибиса. За исключением заметки о Каррах, приведенное в «Хронике» Михаила описание правления Юлиана составлено на основе всего лишь трех источников: церковных историй Сократа Схоластика и Феодорита Киррского, а также летописи Феодана Исповедника³². Иными словами, скорее всего Михаил ссылаясь не на «Роман», но на некий несохранившийся текст, повествовавший о правлении Юлиана, которым также пользовался анонимный автор исследуемого произведения.

Еще более примечательная параллель между «Романом» и светской историографией обнаруживается в рассказе о гибели коня Отступника. В «Романе» это описывается следующим образом: «Юлиан... схватил уздечку коня, чтобы силой заставить его сдвинуться с места. Конь его, вцепившись зубами в его пурпурную тунику, разорвал ее от края до края, задрожал под ним, повергся оземь и издох. Страх и трепет охватил всех его воинов, ибо они были удручены войной». Далее император пытается разгадать смысл этого предзнаменования, который ему раскрывает жрица Афины по имени Диониса (Syr. Jul. Rom. 299–300). По мнению П. Вуда, рассказ об отказе животного повиноваться императору-грешнику является агиографическим топосом³³. Однако сообщение о гибели императорского скакуна и последующих гаданиях приводится и у участника Персидского похода Аммиана Марцеллина, хотя и сопровождается совершенно иной интерпретацией: «Проведя ночь спокойно, он потребовал наутро коня, на котором обычно ездил. Когда этот конь по имени Вавилонец был подведен, у него сделались колики: он упал на землю от боли и выпачкал чепрак, расшитый золотом и драгоценными камнями. Обрадованный этим предзнаменованием, Юлиан воскликнул при одобрительных криках, близко стоявших: “Пал во прах Вавилон, растеряв все свои украшения”. Задержавшись на некоторое время, чтобы упрочить это знамение

³¹ Aмм. XXIII. 3. 5 – 30 тыс.; Lib. Or. XVIII. 214 – 20 тыс.; Soz. VI. 1 – 20 тыс.; Zos. III. 12. 3 – 18 тыс.; Malal. XIII. 21 – 16 тыс.

³² Moosa 2014, 171–178, n. 680–734.

³³ Wood 2010, 139.

гаданием на жертвенных животных, он прибыл в укрепленный лагерь Давану»³⁴ (Amm. XXIII. 3. 6–7, пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни). Скорее всего, находившийся в войске Юлиана Аммиан Марцеллин лично видел смерть императорского коня. Можно предположить, что при этом событии присутствовал и аноним, к которому восходят сведения «Романа». Представляется вероятным, что он также сопровождал императора в Персидском походе.

Несомненное сходство в описаниях последней воли Юлиана наблюдается между «Романом» и сочинением Иоанна Лида “*De mensibus*”. В «Романе» рассказывается о том, что, умирая, Юлиан завещал свой престол Иовиану (Syr. Jul. Rom. 377–378). Лид также сообщал, что перед смертью император назвал Иовиана своим преемником (John. Lyd. *De mens.* IV. 118)³⁵. Несмотря на то что Иоанн Лид скорее всего владел сирийским³⁶, ему едва ли был известен текст «Романа» — за исключением ремарки о последней воле Юлиана он более нигде не демонстрирует знакомства с этим произведением. Остальная часть приведенного Лидом описания персидского похода восходит к «Церковной истории» Филосторгия (Philost. VII. 15). Они оба говорят о том, что римское воинство было заведено вглубь державы Сасанидов неким персом-перебежчиком, сообщают, что Юлиан пал от руки воина-сарацина, и упоминают, что жизнь Отступника пытался спасти его личный врач Орибасий³⁷. При этом ни Филосторгий, ни какой-либо иной автор IV–V вв. не сообщал о том, что Юлиан назвал Иовиана своим преемником. Церковный историк вполне традиционно заявлял, что Иовиан был возведен на престол войском (Philost. VIII. 1). Следовательно, информацию о последней воле Юлиана Иоанн Лид почерпнул не из Филосторгия, но из некоего неизвестного сочинения, которое было знакомо и автору «Романа».

Наконец, явные параллели прослеживаются между приведенными в «Романе» и у Аммиана Марцеллина описаниями интронизации Иовиана. Согласно рассказу Аммиана, сразу после смерти Юлиана его чиновники и высшие полководцы собрались на экстренное заседание консистории. Они попытались выбрать нового императора, но так и не смогли прийти к соглашению — западные и восточные полководцы имели разное мнение о будущем правителе, а префект Востока Сатурниний Секунд Салютий, единственный кандидат, устраивавший обе «партии», наотрез отказался от предложенного ему венца (Amm. XXV. 5. 1). В этот момент какая-то «возбужденная кучка [людей]» (*tumultuantibus paucis* — XXV. 5. 4), которую Аммиан далее называет «обозниками» (*calones* — XXV. 5. 8), «выкрикнула» в

³⁴ ...quieta nocte emensa, mane iumentum quo veheretur ex usu poposcit, oblatusque ei equus Babylonius nomine, ictu torminum consternatus, dum dolorum impatiens volvitur, auro lapillisque ornamenta distincta conspersit. Quo ostento laetior exclamavit, plaudentibus proximis, Babylona humi procidisse ornamentis omnibus spoliata. Et paulisper detentus, ut omen per hostias litando firmaret, Davanam venit castra praesidiaria...

³⁵ Ἰουβιανὸν μὲν αὐτὸς ψηφισάμενος βασιλεῦειν ἐτελεύτα.

³⁶ Ср. John. Lyd. *De Mens.* IV. 76; Greatrex, Watt 1999, 11, n. 37.

³⁷ Судя по всему, эти сведения Филосторгий почерпнул из фрагментарно сохранившейся «Истории» Евнапия Сардского, который, как уже было сказано выше, опирался на записки Орибасия: см. Jeep 1884, 56–64; Bidez 1913, cxiii–cxxi, cxxxvii–cxxxix; Blockley 1981, 99; Janiszewski 2006, 329–390; Bleckmann, Stein 2015, 73–79.

императоры примикирия домашних Иовиана, что было поддержано и остальной армией.

Автор «Романа» также достаточно подробно рассказывает об избрании Иовиана. По его словам, после смерти Юлиана «собрались полководцы и командиры, тысяченачальники, сотники и знатные люди, которые были с войском» (*Syr. Jul. Rom.* 393–394). Автор полагал, что они вынашивали планы по возведению Иовиана на престол, но тот не желал принимать порфиру и спрятался³⁸. Это событие якобы вызывало возмущение войска, которое ошибочно посчитало, что их начальники плетут заговор против Иовиана. Далее рассказывается о том, что армия взбунтовалась и, обнаружив скрывавшегося Иовиана, умолила его принять порфиру (*Syr. Jul. Rom.* 395–408). Несмотря на то что эти сообщения отличаются в деталях, сходство общей канвы рассказов Аммиана и автора «Романа» несомненно. Только в этих источниках напрямую говорится о закрытом заседании консистории, на котором обсуждалась кандидатура нового императора³⁹. Кроме того, только они сообщают о том, что провозглашение Иовиана августом было следствием солдатского возмущения, а высшие командиры оказались поставлены перед свершившимся фактом аккламации нового августа.

«Роман» является единственным источником, называющим имя одного из лидеров мятежа, который вел переговоры с Иовианом от имени римской армии — В(П)ителий (𐤅𐤓𐤁𐤀𐤓 или 𐤅𐤓𐤁𐤀𐤓) (*Syr. Jul. Rom.* 395–398). Нигде более этот Вителий не упоминается. Вместе с тем Аммиан сообщал о Виталиане, воине из подразделения герулов, которого Иовиан сделал своим домашним. Далее он рассказывал о том, что этот Виталиан впоследствии дослужился до звания комита (*Amm.* XXV. 10. 9)⁴⁰. Это сообщение уже привлекало внимание исследователей⁴¹. Во-первых, его расположение в тексте представляется совершенно неуместным — сообщение о повышении рядового бойца приводится сразу после упоминания о том, что Иовиан назначил будущего императора Валентиниана командиром II школы skutarii. Во-вторых, Аммиан не пояснял причин возвышения Виталиана. В-третьих, непонятно, почему историка вообще заинтересовало возведение кого-то на в целом невеликий пост домашнего-протектора? Однако, если

³⁸ Отказ от короны и бегство претендента на престол — тоpos позднеантичной историографии. Та же схема просматривается и в рассказах об узурпациях Константина I (*Pan. Lat.* VI. 8. 3–5) и Юлиана Отступника (*Amm.* XX. 8. 8–10): солдаты требуют, чтобы Константин/Юлиан принял верховную власть, он пытается скрыться и обдумать свое положение, но, взвесив все pro et contra, в конце концов соглашается принять корону.

³⁹ Подробнее см. Heather 1999, 93–94; Lenski 2000; Boeft *et al.* 2005, 180–185.

⁴⁰ *Vitalianus domesticorum consortio iungitur, Herulorum e numero miles, qui multo postea auctus comitis dignitate male rem per Illyricum ges.* Cp. Zos. IV. 34. 1. Авторы PLRE I высказывают гипотезу, согласно которой Виталиан был одним из воинов, служивших в Галлии под началом магистра Иовина (PLRE I, 969), что не находит подтверждения в тексте Аммиана.

⁴¹ Cp. Boeft *et al.* 2005, 327: «Whereas it is immediately clear that Valentinian's appointment as *tribunus* of the *scutarii* fully deserved to be reported, the importance of the enrolment of a soldier belonging to one of the auxiliary units in a *schola domesticorum* is less obvious».

предположить, что Вителий «Романа» идентичен Виталиану из «Res Gestae», эти вопросы отпадают сами собой. Вителий-Виталиан сыграл ключевую роль в событиях, сделавших Иовиана императором, и по этой причине был достоин упоминания⁴². Пост протектора-доместика он получил в благодарность за участие в интронизации нового августа. Аммиан негативно относился к Иовиану, на которого он возлагал вину за позорный для империи Нисибисский мир⁴³. К тем, кто возвел его на престол, историк теплых чувств тоже не питал — достаточно вспомнить о том, что он называл их *tumultuantes pauci* и *calones*. Можно предположить, что, описывая участников этого неприятного для него события, Аммиан отказывался увековечить их имена в своем труде. Тем не менее историк все же посчитал необходимым упомянуть о Виталиане в ином контексте. Незначительные расхождения в транскрипции имени воина едва ли могут служить аргументом в пользу нетождественности Вителия «Романа» и аммианова Виталиана — существенное искажение греко-римской ономастики в целом типично для сирийской традиции. К примеру, сам император Юлиан в «Романе» именуется Лулианом.

Таким образом, многие сведения «Романа» об избрании Иовиана находят подтверждение в труде участника событий Аммиана Марцеллина. «Роман» — единственный помимо «Res Gestae» источник, рассказывающий о существовании неких противоречий (якобы мнимых) между высшими офицерами и армией в период *interregnum*. Более того, его автор называет имя одного из зачинщиков солдатского мятежа, которое, как представляется, было известно и Аммиану. Из этого следует, что «Роман» в числе прочего опирался на источник, составленный очевидцем событий, произошедших в римском лагере на следующий день после смерти Юлиана.

Резюмируя вышесказанное, мы имеем весомые основания полагать, что одним из источников «Романа» было сочинение, написанное неким участником Персидского похода 363 г. Он присоединился к императору не позднее его прибытия в Тарс в конце июня — начале июля 362 г., присутствовал при встрече Юлиана антиохийцами 18 июля. Далее он проследовал с Августом в Карры, где стал очевидцем разделения армии и смерти коня Юлиана. Он находился с воинством на протяжении всего похода и засвидетельствовал избрание Иовиана на царство возглавляемыми Вителием-Виталианом воинами. Несмотря на то что автор слышал об отдельных консультациях, которые проходили в консистории, он не имел никакого понятия об их содержании, а следовательно, едва ли был приближен ко двору или же имел сколь-либо значимый воинский чин. Представляется, что он был либо рядовым солдатом, либо младшим офицером. Судя по тому, что он передавал слух о том, что новый Август был призван на царствие самим Юлианом, тем самым подчеркивая права Иовиана на престол, аноним был сторонником нового государя⁴⁴. Вышедший из-под его пера текст (или, возможно, его эпито-

⁴² Ср. рассказ о карьере гастата петуланов Мавра, который возложил свою цепь на голову Юлиана во время узурпации 360 г. (Amm. XX. 4. 18).

⁴³ Heather 1999; Drijvers 2011, 282–287. Кроме того, есть основания считать, что именно Иовиан отправил Аммиана в отставку. См. Woods 2000, 704–705.

⁴⁴ Источники IV–VI вв. передают множество свидетельств о существовании ряда несохранившихся описаний Персидского похода, составленных очевидцами событий. Среди

ма) получил сравнительно широкое распространение на территории Восточной Римской империи. Он был известен не только автору «Романа», использовавшему сведения этого источника в качестве реперных точек своего повествования, но также Михаилу Сирийцу и Иоанну Лиду.

Литература / References

- Alföldi, A. 1948: *The Conversion of Constantine and Pagan Rome*. Transl. by H. Mattingly. Oxford.
- Avi-Yonah, M. 1984: *The Jews under Roman and Byzantine Rule: A Political History of Palestine from the Bar Kokhba War to the Arab Conquest*. New York.
- Baldwin, B. 1975: The Career of Oribasius. *Acta Classica* 18, 85–97.
- Barnes, T.D. 1995: Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy. *Journal of Roman Studies* 85, 135–147.
- Bidez, J. (ed.) 1913: *Philostorgius. Kirchengeschichte, mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines Arianischen Historiographen*. Leipzig.
- Bidez, J., Cumont, F. (eds.) 1922: *Imp. Caesaris Flavii Claudii Iuliani epistulae, leges, poematia, fragmenta varia*. Paris–London.
- Bleckmann, B., Stein, M. 2015: *Philostorgius Kirchengeschichte*. Bd. 1. *Einleitung, Text, Übersetzung*. Bd. 2. *Kommentar*. (Kleine und fragmentarische Historiker der Spätantike, E7). Paderborn.
- Blockley, R.C. 1981: *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus*. Liverpool.
- Blömer, M. 2023: Sîn City: Notes on the Moon God of arrān/Carrhae in the Partho-Roman Period. *Electrum* 30, 307–338.
- Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H.C. 1995: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXII*. Groningen.
- Boeft, J. den, Drijvers, J.W., Hengst, D. den, Teitler, H. 2005: *Philological and Historical Commentary on Ammianus Marcellinus XXV*. Leiden–Boston–Köln.
- Bowersock, G. 1978: *Julian the Apostate*. Cambridge (MA).
- Brown, P.R.L. 1961: Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy. *Journal of Roman Studies* 51/1–2, 1–11.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford–New York.
- Chalmers, W.R. 1960: Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition. *Classical Quarterly* 10/2, 152–160.
- Curran, J.R. 2000: *Pagan City and Christian Capital: Rome in the Fourth Century*. Oxford–New York.
- DiMaio, M. 1980: The Antiochene Connection: Zonaras, Ammianus Marcellinus, and John of Antioch on the Reigns of the Emperors Constantius II and Julian. *Byzantion* 50/1, 158–185.
- DiMaio, M. 1981: “Infaustus Ductoribus Praeviis”: Antiochene Connection, Part II. *Byzantion* 51/2, 502–510.
- DiMaio, M. 1988: Smoke in the Wind: Zonaras' Use of Philostorgius, Zosimus, John of Antioch, and John of Rhodes in his Narrative on the Neo-Flavian Emperors. *Byzantion* 58/1, 230–255.
- Downey, G. 1961: *A History of Antioch in Syria: From Seleucus to the Arab Conquest*. Princeton (NJ).

них труды хрониста Магна Карпского (PLRE I, 534 [Magnus 3]; Janiszewski 2006, 123–130), воина легиона Армениаков Евтихиана Каппадокийского (PLRE I, 319 [Eutychianus 3]; Janiszewski 2006, 130–132), императорского нотариа Филагрия (PLRE I, 693 [Philagrius 2]; Janiszewski 2006, 121–123), друга Юлиана комита Селевка (PLRE I, 818–819 [Seleucus 1]; Janiszewski 2006, 136–144; Vedeshkin 2022), личного врача Отступника – Орибасия Пергамского (PLRE I, 653–654 [Oribasius 1]; Baldwin 1975; Janiszewski 2006, 382–390) и доместика Каллиста (PLRE I, 176 [Callistus 1]; Janiszewski 2006, 390–393). Однако проблема идентификации автора источника «Романа», равно как и вопросы о языке (латинский, греческий либо сирийский) и жанровой принадлежности этого сочинения (было ли оно классическим историческим трудом, хроникой, личным дневником или поэтическим произведением?), выходят за рамки нашего исследования.

- Drijvers, H.J.W. 1994: The Syriac Romance of Julian. Its Function, Place of Origin and Original Language. In: R. Lavenant (ed.), *VI Symposium Syriacum 1992*. (Orientalia Christiana Analecta, 247). Rome, 201–214.
- Drijvers, J.W. 1999: The Syriac Julian Romance: Aspects of the Jewish–Christian Controversy in Late Antiquity. In: H.L.J. Vanstiphout, W.J. van Beekum, G.J.H. van Gelder, G.J. Reinink (eds.), *All Those Nations: Cultural Encounters within and with the Near East*. Groningen, 31–42.
- Drijvers, J.W. 2011: Ammianus, Jovian, and the Syriac ‘Julian Romance’. *Journal of Late Antiquity* 4/2, 280–297.
- Drijvers, J.W. 2022: *The Forgotten Reign of the Emperor Jovian (363–364): History and Fiction*. New York.
- Fornara, Ch.W. 1991: Julian’s Persian Expedition in Ammianus and Zosimus. *Journal of Hellenic Studies* 111, 1–15.
- Frakes, R.M. 1997: Ammianus Marcellinus and Zonaras on a Late Roman Assassination Plot. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 46/1, 121–128.
- Gassman, M.P. 2020: *Worshippers of the Gods: Debating Paganism in the Fourth-Century Roman West*. Oxford–New York.
- Greatrex, G., Watt, J.W. 1999: One, Two or Three Feasts? The Brytae, the Maiuma and the May Festival at Edessa. *Oriens Christianus* 83, 1–21.
- Haehling, R. von 1978: *Die Religionszugehörigkeit der hohen Amtsträger des Römischen Reiches seit Constantins I. Alleinherrschaft bis zum Ende der Theodosianischen Dynastie (324–450 BZW. 455 N. CHR.)*. Bonn.
- Heather, P.J. 1999: Ammianus on Jovian: History and Literature. In: J.W. Drijvers, D. Hunt (eds.), *The Late Roman World and Its Historian. Interpreting Ammianus Marcellinus*. London–New York, 105–116.
- Hunt, D. 2008: Julian. In: Av. Cameron, P. Garnsey (eds.), *Cambridge Ancient History*. Vol. XIII. *The Late Empire, AD 337–425*. Cambridge, 44–77.
- Janiszewski, P. 2006: *The Missing Link: Greek Pagan Historiography in the Second Half of the Third Century and in the Fourth Century AD*. Warsaw.
- Jeep, L. 1884: *Quellenuntersuchungen zu den griechischen Kirchenhistorikern*. Leipzig.
- Kelly, G. 2008: *Ammianus Marcellinus: The Allusive Historian*. Cambridge–New York.
- Kraeling, C.H. 1932: The Jewish Community at Antioch. *Journal of Biblical Literature* 51, 130–160.
- Kryukova, A.N., Korolev, A.A., Muraviev, A.V., Moiseeva, S.A., Turilov, A.A. 2014: [Cyriacus, St. Mrt.]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]*. Vol. XXXIV. Moscow, 140–145.
- Крюкова, А.Н., Королев, А.А., Муравьев, А.В., Моисеева, С.А., Турилов, А.А. Кириак, сщмч. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. 34. М., 140–145.
- Lenski, N. 2000: The Election of Jovian and the Role of the Late Imperial Guards. *Klio* 82/2, 492–515.
- Levenson, D.B. 2004: The Ancient and Medieval Sources for the Emperor Julian’s Attempt to Rebuild the Jerusalem Temple. *Journal for the Study of Judaism in the Persian, Hellenistic, and Roman Period* 35/4, 409–460.
- Lizzi Testa, R. 2022: *Christian Emperors and Roman Elites in Late Antiquity*. London.
- Machado, C. 2011: Roman Aristocrats and the Christianization of Rome. In: P. Brown, R. Lizzi Testa (eds.), *Pagans and Christians in the Roman Empire: The Breaking of a Dialogue (IVth–VIth Century A.D.)*. *Proceedings of the International Conference at the Monastery of Bose (October 2008)*. Berlin, 493–516.
- Matthews, J. 1989: *Roman Empire of Ammianus*. London.
- Mazzola, M., van Nuffelen, P. 2023: The Julian Romance: A Full Text and a New Date. *Journal of Late Antiquity* 16/2, 324–377.
- Moosa, M. (ed.) 2014: *The Syriac Chronicle of Michael Rabo (The Great): A Universal History from the Creation*. Teaneck (NJ).
- Muraviev, A.V. 1999: The Syriac Julian Romance and Its Place in the Literary History. *Khristianskiy Vostok [Christian Orient]* 1 (7), 194–206.
- Muraviev, A.V. 2004: [Flavius Cl. Iulianus in Antioch before the Persian Campaign Year 363]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4, 179–190.
- Муравьев, А.В. Флавий Клавдий Юлиан в Антиохии в преддверии Персидской кампании 363 г. *ВДИ* 4, 179–190.

- Muraviev, A.V. 2020: [The Julian Romance]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. LIX. Moscow, 138–139.
- Муравьев, А.В. «Роман о Юлиане». В кн.: *Православная Энциклопедия*. Т. 59. М., 138–139.
- Muraviev, A.V. 2021: In Search of the Lost Memoirs of the Persian Mobed Converted to Christianity in the 4th Century. In: C. Barbati, V. Berti (eds.), *Iranianate and Syriac Christianity in Late Antiquity and Early Islamic Period*. Wien, 105–122.
- Muraviev, A.V., Vedeshkin, M.A. 2024: Eusebius Pope of Rome, a Legendary Figure of the Hagiographical Tradition. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 64, 634–653.
- Nöldeke, Th. 1874: Über den syrischen Roman von Kaiser Julian. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 28, 263–292.
- Norman, A.F. (ed.) 1969: *Libanius. Selected Orations*. Vol. I. *Julianic Orations*. (Loeb Classical Library, 451). Cambridge (MA)–London.
- Pack, E. 1986: *Städte und Steuern in der Politik Julians: Untersuchungen zu den Quellen eines Kaiserbildes*. (Collection Latomus, 194). Brussels.
- Patzig, E. 1897: Über Einige Quellen des Zonaras. *Byzantinische Zeitschrift* 6/2, 322–356.
- Patzig, E. 1904: Die römischen Quellen des salmasischen Johannes Antiochenus. *Byzantinische Zeitschrift* 13/1, 13–50.
- Petit, P. 1955: *Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle après J.-C.* Paris.
- Petit, P. 1994: *Les fonctionnaires dans l'œuvre de Libanius. Analyse prosopographique*. Paris.
- Salzman, M.R. 1990: *On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity*. Berkeley–Los Angeles–Oxford.
- Salzman, M.R. 2004: *The Making of a Christian Aristocracy: Social and Religious Change in the Western Roman Empire*. Cambridge–London.
- Teitler, H.C. 2017: *The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War against Christianity*. New York.
- Treadgold, W. 2007: The Byzantine World Histories of John Malalas and Eustathius of Epiphania. *International History Review* 29/4, 709–745.
- Treadgold, W. 2019: Byzantine Historiography and the Supposedly Lost Books of Ammianus Marcellinus. In: B. Outtier, C.B. Horn, B. Lourié, A. Ostrovsky (eds.), *Armenia between Byzantium and the Orient. Celebrating the Memory of Karen Yuzbashyan (1927–2009)*. Leiden–Boston, 530–579.
- Van Esbroeck, M. 1987: Le soi-disant roman de Julien l'Apostat. In: H.J.W. Drijvers, R. Lavenant, C. Molenberg, G.J. Reinink (eds.), *Symposium Syriacum 1984, Literary Genres in Syriac Literature (Groningen-Oosterhesselen, 10–12 September)*. Rome, 191–202.
- Vedeshkin, M.A. 2018: *Yazycheskaya oppositsiya khristianizatsii Rimskoy imperii IV–VI vv.* [Pagan Opposition to Christianization of the Roman Empire in the Fourth–Sixth Centuries]. Saint Petersburg.
- Ведешкин, М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб.
- Vedeshkin, M.A. 2022: The Pagan Father for Olympias the Deaconess. *Scrinium: Journal of Patrology and Critical Hagiography* 18/1, 407–419.
- Wood, Ph. 2010: *'We Have No King but Christ': Christian Political Thought in Greater Syria on the Eve of the Arab Conquest (c. 400–585)*. Oxford–New York.
- Wood, Ph. 2018: Historiography in the Syriac-Speaking World, 300–1000. In: D. King (ed.), *The Syriac World*. London–New York, 405–421.
- Woods, D. 2000: Ammianus Marcellinus and the 'Rex Alamannorum' Vadomarius. *Mnemosyne* 53, 690–710.
- Zaytsev, D.V. 2008: [Eusebius]. In: *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XVII. Moscow, 237–238.
- Зайцев, Д.В. Евсевий. В кн.: *Православная Энциклопедия*. Т. 17. М., 237–238.

DOI: 10.31857/S0321039124030088

ДРАКОНЦИЙ О ГОМЕРЕ И ВЕРГИЛИИ В ПРОЛОГЕ К «ПОХИЩЕНИЮ ЕЛЕНЫ»

И. М. Никольский

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия*

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6428-5357

Статья посвящена проблеме оценки позднеримским поэтом Драконцием своих литературных предшественников, Гомера и Вергилия. Хотя их влияние на этого автора неоспоримо, прямых указаний на его личное отношение к мэтрам эпического жанра крайне мало. Практически единственный такой пример встречается в прологе к поэме «Похищение Елены». Небольшое рассуждение, уместившееся в 20 строчек, обычно интерпретируется исследователями как похвала или, во всяком случае, дань памяти поэтам прошлого. В то же время анализ некоторых особенностей стилистики и образного ряда, использованного Драконцием, дает основания увидеть за панегирической внешней стороной иронию.

Ключевые слова: Драконций, эпиллий, Троя, Гомер, Вергилий, эпос, латинская поэзия, поздняя античность, вандалская Африка

DRACONTIUS ON HOMER AND VIRGIL IN THE PROLOGUE TO *THE ABDUCTION OF HELEN*

Ivan M. Nikolsky

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: ivan.nikolsky@mail.ru

Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
grant no. 075-15-2022-326

Данные об авторе. Иван Михайлович Никольский – кандидат исторических наук, доцент Института общественных наук РАНХиГС.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

The paper deals with the problem of the late Roman poet Dracontius' assessment of his literary predecessors, Homer and Virgil. Although their influence on this author is indisputable, there are very few direct indications of his personal attitude to the masters of the epic genre. In fact, the only such example is found in the prologue to the poem *The Abduction of Helen*. The small discourse, which fits into 20 lines, is usually interpreted by researchers as a praise of, or at least as a tribute to the poets of the past. At the same time, a closer analysis of some of its stylistic features and imagery used by Dracontius gives grounds for seeing irony behind the panegyric.

Keywords: Dracontius, epyllion, Troy, Homer, Virgil, Epics, Latin poetry, Late antiquity, Vandal Africa

Основное место в творчестве Драконция, карфагенского поэта второй половины V — начала VI в., принадлежит сюжетам античной мифологии и истории. Они обыгрываются как в цикле «светских», т.е. нехристианской тематики, поэм *carmina profana*, так и в богословской «Хвале Господу» (*De Laudibus Dei*, далее *LD*). От того, как интерпретировать их появление, специфику изображения у этого автора, а тем более его собственную оценку античного наследия, зависит многое. В частности, ответ на вопрос, ощущал ли поэт свою принадлежность к предшествующей литературной традиции или дистанцировался от нее; а в более широком смысле — наши представления об основных культурных и политических тенденциях его времени в целом.

Имя Драконция связано с так называемым «вандалским Ренессансом», периодом феноменального расцвета литературы и искусства в северной Африке эпохи ее оккупации вандалами. Обычно с ним ассоциируются имена Фульгенция, Флорентина, Луксория, Флора, Катона. Однако жанровое и тематическое разнообразие произведений, обилие риторических приемов и автобиографических зарисовок позволяет не просто поставить Драконция в этот ряд, но оценить его поэзию как самодостаточное, достойное отдельного изучения явление.

Основные вехи жизненного пути этого автора связаны с противоборством римской и вандальской элит. Представитель древнего сенаторского рода, он был заточен в темницу королем Гунтамундом (484—496 гг.) и посвятил тому поэму «Искупление» (*Satisfactio*, далее *Sat.*). В ней он взывал к милости правителя, даром что варвара, и просил о снисхождении, приводя тому в пример библейских и античных персонажей. Немедленного практического результата это не принесло, хотя впоследствии поэта и освободили.

Герои текстов Священного Писания и греко-римской мифологии точно так же идут рука об руку и на страницах «Хвалы Господу». В свою очередь «светский» цикл *carmina profana*, включающий сборник из десяти поэм под названием *Romulea* (далее *Rom.*) и «Трагедию Ореста» (*OT*), посвящен сюжетам уже исключительно античной тематики. Порой они предстают в самой причудливой форме. Так, действие «Медеи» (*Rom. X*) разворачивается в Фивах, в «Трагедии Ореста» те же Фивы называются «соседними Микенам» (*OT. 486—493*). Геркулес в «Гиле» (*Rom. II*) изображается не героическим, а беспрестанно жалующимся, и т.д.

Первый вопрос, которым задаются исследователи, замечая подобные вариации: насколько сознательными они были¹? Если оставить в стороне тезис о недостаточной эрудированности Драконция², то наиболее напрашивающейся, лежащей на поверхности версией станет христианское переосмысление языческой традиции.

Критическое, если не сказать высокомерное, отношение к античному прошлому из-за его языческого наполнения не было чем-то уникальным для современников Драконция, не говоря об известных писателях предыдущего поколения, вроде Орозия с его «Историей против язычников» (Oros. I. Pr. 9–16; I. 1. 1–4). Ярчайший пример такого отношения можно встретить у Фульгенция Мифографа, автора рубежа V–VI вв., задавшегося целью очистить классическую мифологию от «сказочных выдумок лживой Греции» (Fulg. *Myth.* Pr. 1: *sepulto mendacis Graeciae fabuloso commento*), отыскав ее истинный, христианский смысл.

У самого Драконция антиязыческую риторику находят в первую очередь в «Хвале Господу», особенно в третьей книге этой поэмы, где дебатировалась проблема жертвенности³. Манипулируя примерами из Ветхого и Нового Завета, а также римской и греческой истории и мифологии, поэт компрометирует жертвы именно античных персонажей, принесенные «ради собственной славы, ради чужого владычества», *pro laude sua, pro regno alieno* (LD III. 258). Попытки рассматривать в таком же ключе мифологические поэмы, вроде упомянутых «Медеи», «Трагедии Ореста» или «Гила», и изображать Драконция воинствующим христианином предпринимались в научной литературе неоднократно⁴.

Ранее я уже приводил доводы в пользу того, что выстроенная им иерархия носила иной характер. Главное место занимало противопоставление не христианского языческому, а римского — греческому. Именно эллинам отводилась роль абсолютного зла, хотя и древние римляне не были этическим идеалом⁵. Подобная картина служила целям не религиозной, а политической, проримской пропаганды в условиях вандальского завоевания⁶. В пейоративном изображении греков можно увидеть и следы эллинофобии Катона Старшего, Цицерона и Вергилия⁷, и отголоски почти современных Драконцию, еще свежих в памяти событий Гильдоновой войны⁸.

¹ Simons 2005, 191–192; Wasyl 2011, 47–49; Malamud 2012.

² См., например, рассуждения В.Н. Ярхо об образе Геркулеса (Yarkho 2001, 14) или о топографических неувязках (*ibid.*, 75 — о Микенах); аналогично Х. Кауфман (Kaufmann 2006) — о Мее.

³ Romano 1959, 53–73; Simons 2005, 115–155; Tommasi Morescini 2010, 308.

⁴ Bright 1987, 42; van Zyl Smit 2010; Bisanti 2017.

⁵ Nikolsky 2020b; 2021.

⁶ Подобные мотивы в поэмах Драконция, например, о Геркулесе находит также А. Стоер-Монжу. См. Stoehr-Monjou 2016.

⁷ См. об этом Henrichs 1995.

⁸ Мятеж, поднятый Гильдоном в северной Африке в конце 390-х годов, после разделения империи, нашел поддержку в Константинополе, что нанесло удар по репутации Востока в глазах прозападно настроенной части римлян. Эта тенденция отразилась и в литературе, например, у Клавдиана — подробнее см. Christiansen 1970.

Фрагмент, о котором пойдет речь в настоящей статье, как ни парадоксально, могли бы взять на вооружение как раз сторонники идеи о религиозном фундаментализме Драконция — но обычно они его не замечают, вероятно, как противоречащий их построениям. Речь идет о прологе к поэме «Похищение Елены» (*De Raptu Helenae*), вернее той его части, где упоминаются Гомер и Вергилий, виднейшие представители античной классической, а значит, и языческой традиции.

Поэма, восьмая по счету среди *Romulea*, представляет собой эпиллий, т.е. маленький эпос. В ней 655 гекзаметрических строк, описывающих предысторию Троянской войны. Драконций преподносит этот сюжет, как и многое другое, в радикально новом виде. Троянцы собираются на переговоры с саламинским царем Теламоном о возвращении Гесионы, сестры Приама, которую Теламон насильно удерживает, но на которой при этом женат. Миссия заканчивается провалом, цели они не достигают, зато в качестве «компенсации» представитель троянской делегации Парис увозит влюбившуюся в него Елену. Произведение заканчивается сценой их незаконной свадьбы и комментариями Драконция, что ничего хорошего от нее ни троянцам, ни грекам ждать не приходится.

Антигреческий и проримский пафос замечен и здесь: даже осуждая поступок Париса, Драконций откровенно сочувствует троянцам — предкам римлян — в целом и изображает дело таким образом, будто в Троянской войне виноват Теламон, отказавшийся вернуть Приаму сестру Гесиону (*Rom. VIII. 51–52: quod... reddita non est / Hesione Priamo; sic est data causa rapinae*). Дескать, это спровоцировало похищение Елены и сам конфликт ничуть не меньше злополучной свадьбы Пелея и Фетиды (*Rom. VIII. 45–50*).

Пролог занимает первые 30 строк поэмы. Строки 1–3 содержат анонс дальнейшего повествования: автор от первого лица обещает пройти «путь Троянского вора... лучшей дорогой» (*Troiani praedonis iter... Aggrediar meliore via*). В строках 4–10 осуждается прелюбодеяние, а дальше, с 11 по 30 строчку, следует как раз посвящение Гомеру и Вергилию, на первый взгляд миниатюрный панегирик самым известным предшественникам Драконция, когда-либо писавшим о Троянской войне.

Классики сравниваются со львами, за которыми «жалкий» карфагенский поэт (*vilis vates*) вынужден, подобно лисице, подъедать остатки добычи (*Rom. VIII. 24–27*). Они же, в частности Гомер с его «сладоточивыми устами», *blandifluo palato*, способны вдохновлять не хуже Камены (*Rom. VIII. 15–16*) и даже композиционно занимают в поэме место, по законам эпического жанра обычно отводимое музам. Именно как «оммаж» классической традиции этот фрагмент зачастую и оценивается исследователями⁹, хотя некоторые наблюдения заставляют усомниться в серьезности его комплиментарного характера.

Прежде всего, вызывает вопросы, что Драконций имел в виду под «лучшей дорогой», *melior via*, которой он собирался «пройти» путь Париса. Комментаторы обычно затрудняются с трактовкой этого места. В.Н. Ярхо, переведивший поэму на русский язык, ограничивается констатацией, что это «загадочное, неясное

⁹Stoehr-Monjou 2015, 172; Pohl 2019a, 143, n. 17; Díaz de Bustamante 1978, 187.

выражение»¹⁰. К. Поль приходит к такому же заключению, выделяя, впрочем, три ключевые гипотезы, вокруг которых строится дискуссия в литературе: 1) словосочетание относится к технике изложения, каким-то новациям по сравнению с существующей эпической традицией; 2) оно относится к новому, «рационализованному» представлению мифа опять же по сравнению с ней; 3) за ним кроется этическая интенция, прежде всего осуждение прелюбодеяния¹¹.

Французский издатель Драконция Э. Вольф, считающий наименее вероятной версию о моральном подтексте, высказал альтернативное предположение: поэт отдает предпочтение новому сюжету по сравнению с изложенными в собственных прошлых трудах¹².

Именно эта идея, что Драконций как автор сравнивает себя нынешнего с собой же предыдущим, была подхвачена немецким комментатором О. Цвирлайном, понявшим это место примерно как «расскажу-ка я лучше о похищении Елены, [чем о каком-нибудь Гиле]»¹³. В обоснование он приводит параллель с началом третьей книги «Георгик» Вергилия, где тот обещает пройти «неторным путем», отказавшись от пересказа всем известных мифов, включая историю того же Гиля¹⁴ (Verg. *Georg.* III. 8: *via temptanda est* — перевод С. Шервинского). Но если доводить аналогию до конца и усматривать у Драконция осознанно переделанную цитату, получится, что его путь как раз вполне «торный», связанный не с новыми, а со старыми сюжетами. И проходя его «лучше», конкурировать приходится не с кем иным, как с Гомером и все тем же Вергилием.

Увидеть в них объекты для сравнения при *melior* мешает не столько дистанция в десять строчек, сколько нарочитая лесть «жалкого поэта». Тем более что он говорит и о других, неназванных, поэтах, черпающих вдохновение от того же Гомера (*Rom.* VIII. 14–15), давая повод отнести сравнение к ним. В научной литературе можно встретить лишь очень осторожные и обтекаемые предположения, что Драконций все же состязался и с авторами «Илиады» с «Энеидой», тем не менее относясь к ним с пиететом¹⁵. Я сторонник более радикальной трактовки: что за нарочитостью и гипертрофированным самоуничтожением *vilis vates* стоял сарказм¹⁶, объектами

¹⁰ Yarkho 2001, 172, n. 176.

¹¹ Pohl 2019a, 142, 147–149.

¹² Wolff 1996, 115.

¹³ Zwierlein 2017, 95.

¹⁴ Zwierlein 2017, 94.

¹⁵ См., например, Weber 1995, 234–235, Bretzigheimer 2010, 366; Wasyl 2011, 32–33. Н. Цихонь в свое время задалась вопросом, не может ли *melior via* относиться к Гомеру и Вергилию, и дала на него довольно дипломатичный ответ, что под словосочетанием в таком случае стоило бы понимать просто «иной путь» (Cichoń 2016, 160–161, n. 14). Отмеченная Л. Босхофом (Boshoff 2017, 59) параллель с раннехристианскими центонами, авторы которых также стремились «улучшить» исходный материал, интересна, но не очень убедительна хотя бы потому, что «Похищение» — другой жанр.

¹⁶ Интересно, что К. Поль также обнаруживает саркастические нотки в произведении, но совершенно иного толка. По ее мнению, автор высмеивает отношения главных героев, Париса и Елены, выставляя рокового похитителя мямлей-подкаблучников. См. Pohl 2019b.

которого была не абстрактная поэтическая традиция, современная или предшествующая¹⁷, а именно Вергилий и Гомер.

В первую очередь, обращают на себя внимание другие случаи употребления прилагательного *vilis* в «Похищении». Драконций называет так Париса, явного антигероя. Однако читательские антипатии призвана разбудить не сама эта характеристика, а попытки персонажа преодолеть свой «жалкий» статус в глазах окружающих. «И звание пастуха пусть не будет позорным, фригийцы: я унял раздоры богов», — обращается Парис к семейству Приама в момент первого же своего появления (*Rom.* VIII. 98–99: *Nec pastor sit vile, Phryges: ego iurgia divum compressi*). Но даже несмотря на успех в достижении царских амбиций, эпитет преследует его и дальше, звуча даже из уст влюбленной Елены. Приглашая Париса в гости, она удивляется: что же он сидит на берегу, будто «жалкий матрос», *seu navita vilis* (*Rom.* VIII. 447)¹⁸.

Презрение ко всякого рода «жалкому» становится проявлением гордыни — тот же Парис считает «жалким» все после суда над богинями (*Rom.* VIII. 214–215: *post caeleste tribunal / Totum vile putat*), включая даже власть, к которой он так стремился. В свою очередь, Теламон в споре с троянским посольством о возвращении Приаму Гесионы не то хвастает, не то грозит оппонентам сыном Аяксом, который тоже — не из «жалких» (*Rom.* VIII. 319: *Est mihi bellipotens non vilis pignoris Aiax*). Чем кончится упорство саламинского царя, ясно из пролога: «нежалкому» Аяксу суждено погибнуть, как и многим другим греческим героям.

Таким образом, *vilis* по отношению к себе самому становится не уничижительной, а едва ли не хвалебной характеристикой. Автор чужд самолюбования и скромнен — видимо, так стоит понимать возникшее в первых строках поэмы самоопределение.

С другой стороны, то, что Драконций был не чужд двусмысленных похвал в чужой адрес, даже при самых драматических обстоятельствах, видно по «Искуплению»¹⁹. Ни крайне уязвимое положение, ни показная самокритика («я сделался хуже собаки», *factus sum peior cane*, *Sat.* 42) не препятствуют сравнению вандальского короля, главного объекта просьб о помиловании (*dominus noster rex, rex dominusque pius*), с вавилонским царем Навуходоносором — в контексте замечаний, что гордыня довела того до скотского состояния и превратила в быка (*Sat.* 31–38). Или тому, чтобы привести ему в пример императора Коммода (*Sat.* 187–190), одного из записных тиранов в римской традиции, в качестве образца милосердия (!).

Присутствующая там же аналогия короля со львом, на первый взгляд комплиментарная (*Sat.* 137–150, 265–270), лишь продолжает этот ряд. Благородный образ хищника как милосерднейшего из диких зверей, известный по Плинию Старшему, полностью нивелируется рядом прочих сравнений в сочинениях карфагенского поэта, для творчества которого этот образ является сквозным²⁰.

¹⁷ Например, Galli Milic 2016, 195, n. 9.

¹⁸ Ср. Pohl 2019a, 410.

¹⁹ Nikolsky 2018.

²⁰ Nikolsky 2020a.

Львам, наравне с другими плотоядными, уподобляются варвары, враги римлян в посвящении Фелициану Грамматику (*Rom.* I. 1–14). Затем в «Контroversии о статусе храброго мужа» точно таким же объектом для сравнения становится тот самый «муж», *vir fortis*, вымогатель и убийца согласно авторскому замыслу (*Rom.* V. 306–308). В «Трагедии Ореста» со львами сравниваются Орест и Пилад в момент убийства Клитемнестры (*OT* 796–797). Наконец, в том же «Похищении» львы возникают в связи не только с Гомером и Вергилием, но и с Теламоном (*Rom.* VIII. 350), во гневе отказавшимся возвращать Гесиону Приаму. Это лишь самые яркие примеры, не считая львов во рву с пророком Даниилом в «Хвале Господу» (*LD* 3. 188–192) или льва, побежденного Геркулесом (*Rom.* II. 154–156; IV. 28), но и за ними уже угадывается тенденция: лев появляется в стихах карфагенского поэта не случайно, а системно, и раз за разом служит воплощением зла, дикости и варварства. Гомер и Вергилий кажутся необъяснимыми исключениями — если только не видеть в рассуждении о них скрытую инвективу²¹.

Главная мишень для критики кроется в содержательной стороне, изображении Троянской войны. И Гомер, и Вергилий показаны обидчиками троянцев — симптоматично, учитывая проримский характер и «Похищения», и творчества Драконция в целом. Гомер «привел к оружию пеласгов», а Вергилий «ночью напал на троянцев», «обрушил стены Трои» и «убил Приама руками разящего Пирра» (*Rom.* VIII. 17–21: *Qui post fata viget, qui duxit ad arma Pelasgos / Pergama Dardanium vindex in bella lacesens* — о Гомере; / *Et qui Troianos invasit nocte poeta, / Armatus dum clausit equo, qui moenia Troiae / Perculit et Priamum Pyrrho feriente pesavit* — о Вергилии). Сам же Драконций берет на себя миссию восстановить историческую справедливость и рассказать о Троянской войне как надо — пройдя той самой *melior via*.

Если выпад против Гомера, даже завуалированный, с учетом прочей антигреческой риторики Драконция выглядит по-своему логичным, остается вопрос, за что так же досталось вполне проримскому Вергилию, оказавшему огромное литературное и идейное влияние на карфагенского поэта.

Драконций не просто хорошо знал этого автора, а активно цитировал. В одних только «Искуплении» и «Хвале Господу» насчитывается не менее 137 отсылок к Вергилию²². Без труда таковые можно обнаружить и в «Похищении». Не говоря о переключке *via temptanda/melior via*, описание в том же «Похищении» шторма, в который попадает флот троянцев, отправляет к шторму в первой книге «Энеиды» (cf. *Rom.* VIII. 385–429; *Verg. Aen.* I. 81–123). Аполлон, пророчащий троянцам безграничную власть, *imperium sine fine*, передает слова Вергилиева Юпитера (cf. *Rom.* VIII. 188–199; *Verg. Aen.* I. 279). Наконец, любимый львиный атрибут Драконция, «кровавая пасть», *os cguens*, взят оттуда же (*Verg. Aen.* I. 296)²³.

²¹ К. Поль, в свою очередь, хоть и отмечает связь между львиными метафорами в разных произведениях Драконция, в данном случае смотрит на нее скептически: Pohl 2019a, 343–344, Anm. 298–300.

²² Tizzoni 2012, 280–291.

²³ Подробнее об этой параллели см. Fielding 2017, 113–114.

Впрочем, впечатление, что поэты древности здесь — фигуры одного порядка, ложное. О Гомере сказано больше, обсуждается его стилистика: «Ты точишь нежные слова сладоточивыми устами», — говорит Драконций в 13-й строчке²⁴. Вергилий не то что не удостаивается подобной характеристики, а даже не называется по имени. Читатель может лишь догадываться, о ком речь, поскольку кратко пересказанные в прологе события напоминают изложенное во второй книге «Энеиды»²⁵. Будто Драконций стесняется этой преемственности и в духе «хонтологии» Ж. Деррида безуспешно пытается уйти от призраков прошлого²⁶.

Нужно учесть, что в логике эпиграммы все работает наоборот: чем меньше о ком-то сказано, тем в лучшем он положении. «Сладоточивые уста», *blandifluum palatum*, могут быть направлены против Гомера гораздо больше, чем молчание Драконция против Вергилия²⁷. Гомер с его «нежными словами» — это та самая *Graecia mendax* Фульгенция, или *Graecia sollers*, «хитроумная Греция», выражаясь словами самого Драконция²⁸. Особый колорит пересахаренной тавтологии *mollia verba / blandifluum palatum* придают эротические коннотации, которые нашел и собрал, но никак не прокомментировал Э. Вольф²⁹. Строчка о Гомере перекликается с язвительной характеристикой незадачливого своим косноязычием любовника у Горация³⁰. В 55-м стихотворении Катулл *palatum* наравне с *lingua* — орган, нужный и чтобы говорить о любви, и для самих плотских утех³¹. Неологизм *blandifluus*, выдуманный Драконцием, параллельно встречающийся в его же эпитафии как определение вожжей колесницы Венеры (*Rom. VI. 76: et rosa blandifluas rutilans nectebat habenas*), только усиливает аналогию. И все эти отсылки возникают в контексте монолога о прелюбодеянии, поступке, однозначно достойном осуждения. Сладкоголосость Гомера таким образом уподобляется лукавству Париса.

Здесь как раз и пригодилась бы версия об антиязыческом радикализме карфагенского поэта. Однако он совершенно необязательно собирался представить своей *melior via* принципиально новый, христианский взгляд на историю с соблазнением Елены. Объяснение может крыться в историософской доктрине Драконция, не оставлявшей места идее деградации или заката, ухода от идеалов прекрасных *mores maiorum*. Скорее наоборот: если судить по «Контроверсии», где возникает образ «Карфагена — Феникса», история была для него цепочкой циклических возрождений, в которой прошлое могло оказаться и похуже настоящего. Так, древний и дикий Карфаген под властью пунийцев, с кровавым культом Ваала, точно не сравнится с Карфагеном римским

²⁴ *Rom. VIII. 13: mollia blandifluo delimas verba palato.*

²⁵ Wolff 1996, 118–119.

²⁶ Пример применения теории Ж. Деррида к позднеантичному материалу см., например, в работе Pleshak 2021.

²⁷ Вопреки мнению К. Поль, которая считает, что Гомера Драконций ставил выше Вергилия: Pohl 2019a, 156.

²⁸ *Rom. VIII. 45: damnatur Graecia sollers.*

²⁹ Wolff 1996, 13, n. 10.

³⁰ *Hor. Sat. II. 3. 274: balba feris annoso verba palato.*

³¹ Catull. LV. 18–22. Об игре слов здесь см., например, Akbar Khan 1967, 128.

(*Rom.* V. 115–117, 147–151)³². И – видимо, по этой же логике прогресса – римляне-христиане лучше римлян-язычников в «Хвале Господу».

Вполне возможно, что Драконций примерял подобную модель и к литературе, представляя себя более «продвинутым», в силу времени, и поэтом, и пропагандистом, чем Вергилий, не говоря о более древнем и чуждом Гомере. Ведь при всех протроянских симпатиях автор «Энеиды» даже представить себе не мог, что виновными в развязывании Троянской войны можно назначить эллинов.

Ответ на поставленный в первом абзаце статьи вопрос, пытался ли карфагенский поэт отделить себя от античной традиции, при всем том будет скорее отрицательным. Драконций лишь хотел предстать лучшей версией этой традиции, активно используя ее риторический и сюжетный арсенал и скрывая свои амбиции за сарказмом. «Остатками», которые он вынужден «подъедать» вслед за «львами» классической традиции, оказывается предыстория Троянской войны. Гомер сообщает о ее ходе, Вергилий больше повествует о произошедшем после, но никто из них не задается целью изобразить главное: завязку и первопричины. И оба в созданной Драконцием эклектической матрице становятся невольными оппонентами проторимлян-троянцев: Гомер просто в силу принадлежности к противоположному лагерю, Вергилий, хоть он и «свой», из-за «политической близорукости» и недостаточного усердия в разоблачении вражеских козней.

Литература / References

- Akbar Khan, H. 1967: An Interpretational Crux: Catullus LV and LVIIIa. *L'antiquité classique* 36/1, 116–131.
- Bisanti, A. 2017: Responsabilità e (de)merito negli epilli di Draconzio. *Hormos. Ricerche di Storia Antica* 9, 649–663.
- Boshoff, L.A. 2017: *The Mythological Epics of Dracontius in their Socio-Political Context*. PhD thesis. Oxford.
- Bretzigheimer, G. 2010: Dracontius' Konzeption des Kleinepos, De raptu Helenae' (Romul. 8). *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge* 153/3–4, 361–400.
- Bright, D.F. 1987: *The Miniature Epic in Vandal Africa*. Norman—London.
- Christiansen, P.G. 1970: Claudian and the East. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 19/1, 113–120.
- Cichoń, N. 2016: The Judgement of Paris as Examined by a Lawyer and a Christian Moralist: Dracontius' *De raptu Helenae*. *Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae* 26/1, 157–170.
- Díaz de Bustamante, J.M. 1978: *Draconcio y sus Carmina profana, estudio biográfico, introducción y edición crítica*. Santiago de Compostela.
- Galli Milic, L. 2016. Pâris, Hélène et les autres. Quelques considérations sur les personnages du Romul. 8 de Dracontius. *Vita Latina* 193–194, 193–217.
- Fielding, I. 2017: *Transformations of Ovid in Late Antiquity*. Cambridge.
- Henrichs, A. 1995: Graecia Capta: Roman Views of Greek Culture. *Harvard Studies in Classical Philology* 97, 243–261.
- Kaufmann, H. 2006: Intertextualität in Dracontius' 'Medea (Romul. 10)'. *Museum Helveticum* 63/2, 104–114.
- Malamud, M. 2012: Double, Double: Two African Medeas. *Ramus. Critical Studies in Greek and Roman Literature* 41/1–2, 161–189.

³² Подробнее см. Nikolsky 2019, 107.

- Nikolsky, I.M. 2018: [Panegyric or Trolling? How Images of Animals Could Change the Main Message of Blossius Aemilius Dracontius' 'Satisfaction']. *Indoeuropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 22/2, 967–974.
- Никольский, И.М. Панегирик или тонкая издевка? Как образы животных могли поменять смысл «Искупления» Блоссия Эмилия Драконция. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 22/2, 967–974.
- Nikolsky, I.M. 2019: [The Image of Carthage in Political Ideology of the Vandal Kingdom. 'The Homeland of Asdingui' or a 'Phoenix Risen']. *Aristey* [Aristeas] 20, 104–113.
- Никольский, И.М. Образ Карфагена в политической идеологии вандалского королевства: «мать Асдингам» или «возрождающийся Феникс»? *Арусмей* 20, 104–113.
- Nikolsky, I.M. 2020a: Images of Animals from *Historia Naturalis* in Political Rhetoric of Late Antiquity: Blossius Aemilius Dracontius' Lion. *SHAGI* [STEPS] 6/1, 158–167.
- Nikolsky, I.M. 2020b: [Dracontius' Mythological Poems and the Conflict of Political Elites in Vandal Africa]. *SHAGI* [STEPS] 6/2, 102–117.
- Никольский, И.М. Мифологические поэмы Драконция и конфликт политических элит в вандалской Африке. *ШАГИ* 6/2, 102–117.
- Nikolsky, I.M. 2021: [Christian Apologist or Roman Patriot? Dracontius and the *Exempla virorum* in His *De laudibus Dei* (LD III. 250–467)]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 81/3, 649–658.
- Никольский, И.М. Христианский апологет или римский патриот? Драконций и *Exempla virorum* в его «Хвале Господу» (LD III. 250–467). *ВДИ* 81/3, 649–658.
- Pleshak, D.G. 2021: Christianity, Polytheism and Memory in George of Pisidia. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages] 33, 220–223.
- Плешак, Д.Г. Христианство, язычество и память у Георгия Писиды. *Восточная Европа в древности и Средневековье* 33, 220–223.
- Pohl, K. 2019a: *Dracontius: De raptu Helenae: Einleitung, Edition, Übersetzung und Kommentar*. Stuttgart.
- Pohl, K. 2019b: Komik in den Dichtungen des Dracontius. In: K. Pohl (Hrsg.), *Dichtung zwischen Römern und Vandalen. Tradition, Transformation und Innovation in den Werken des Dracontius*. Stuttgart, 231–249.
- Romano, D. 1959: *Studi Draconziani*. Palermo.
- Simons, R. 2005: *Dracontius und der Mythos. Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. (Beiträge zur Altertumskunde, 186). Leipzig.
- Stoehr-Monjou, A. 2015: L'âme et le corps dans la suasoire de Dracontius: *Rom. IX*, un hommage à Homère. *Vita Latina* 191–192, 154–175.
- Stoehr-Monjou, A. 2016: Die Götter in der Ethopoiie des Dracontius (Romul. 4). Ein Versuch doppelbödiger Rede in der „Sprache des Romulus“. In: K. Pohl (Hrsg.), *Colloque international sur Dracontius: "Reddere urbi litteras": Wandel und Bewahrung in den Dichtungen des Dracontius*. Wuppertal.
- Tizzoni, M.L. 2012: *The Poems of Dracontius in Their Vandalic and Visigothic Context*. PhD thesis. Leeds.
- Tommasi Morescini, Ch.O. 2010: Roman and Christian History in Dracontius' *De Laudibus Dei*. In: J. Baun, A. Cameron, M.J. Edwards, M. Vinzent (eds.), *Papers Presented at the Fifteenth International Conference on Patristic Studies held Oxford, 2007*. (Studia Patristica, XLIV–XLIX). Leuven–Paris–Walpole, 303–308.
- van Zyl Smit, B. 2010: The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' *Orestis tragoedia*. *Akroterion* 55, 25–36.
- Wasył, A.M. 2011: *Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age*. Krakow.
- Weber, B. 1995. *Der Hylas des Dracontius: Romulea 2*. Berlin–Boston.
- Wolff, É. 1996 (éd.): *Dracontius. Œuvres*. T. IV. *Poèmes profanes VI–X. Fragments*. Paris.
- Yarkho, V.N. 2001 (ed.): *Emiliy Blossiy Dracontsiy. Mifologicheskie poemu* [Blossius Aemilius Dracontius. Mythological Poems]. Moscow.
- Ярхо, В.Н. Эмилий Блоссий Драконций. Мифологические поэмы. М.
- Zwierlein, O. 2017: *Die 'Carmina profana' des Dracontius. Prolegomena und kritischer Kommentar zur Editio Teubneriana. Mit einem Anhang. Dracontius und die 'Aegritudo Perdicae'*. (Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte, 127). Berlin–Boston.

DOI: 10.31857/S0321039124030097

THREE NEW FUNERARY INSCRIPTIONS FROM TENEDOS

Hüseyin Yaman

Çanakkale Onsekiz Mart University, Çanakkale, Turkey

E-mail: huseyinyaman@comu.edu.tr

ORCID: 0000-0003-1693-6500

This paper introduces three previously unpublished grave inscriptions from Tenedos, two of which belong to the Hellenistic period. Recent surveys on the island led to the discovery of inscriptions no. 2 and 3, while inscription no. 1 was found during rescue excavations carried out in 2002. It is worth noting that inscription no. 1 is a cenotaph of a foreigner from Byzantion, which sets it apart from the other two. Based on its stylistic features, the stele with the inscription no. 2 ought to be of Mysian origin. Furthermore, two of the inscriptions (1 and 2) are of particular interest for featuring traits of the Lesbian dialect.

Keywords: Tenedos, Bozcaada, Lesbian dialect, cenotaph, Byzantion, stele, funerary inscription

ТРИ НОВЫЕ НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ С ТЕНЕДОСА

Хусейн Яман

Университет 18 Марта Чанаккале, Чанаккале, Турция

E-mail: huseyinyaman@comu.edu.tr

В статье представлены три неизданные надгробные надписи с Тенедоса, две из которых относятся к эпохе эллинизма. Надписи № 2 и № 3 были обнаружены в ходе недавних археологических разведок на острове, а надпись № 1 была найдена во время спасательных раскопок 2002 г. Стоит отметить, что надпись № 1 от двух других отличает и то, что она относится к кенотафу уроженца Византии. Для стелы с надписью № 2 можно предположить мисийское происхождение, основываясь на ее стилистических особенностях. Кроме того, надписи № 1 и № 2 интересны тем, что в них встречаются характерные черты лесбосского диалекта.

Ключевые слова: Тенедос, Бозджаада, лесбосский диалект, Византий, кенотаф, стела, надгробные надписи

The author. Hüseyin Yaman – PhD, Asst. Professor at the Department of Archaeology at the Faculty of Humanities and Social Sciences at the Çanakkale Onsekiz Mart University.

Systematic and methodical excavations on Tenedos (today Bozcaada) were initiated for the first time in 2021, under the directorship of Turan Takaoğlu, following various rescue excavations that were first conducted in the late 1950s and continued sporadically since then¹. These recent excavations and surveys carried out on the island led to numerous new discoveries, including the two new funerary inscriptions presented in this paper, no. 2 and 3. In this article, in addition to these two recently discovered inscriptions on the island, I have taken the opportunity to introduce another funerary inscription, which was discovered during the rescue excavations on the island in 2002. Not only do these inscriptions considerably enrich the number of inscriptions from Tenedos, which remains extremely poor, but inscriptions no. 1 and 2 also contribute to the inscriptions in the dialect of Lesbos². It is unsurprising to find inscriptions in the Lesbian dialect on the island of Tenedos; in addition to two early coins and a dedication of a Tenedian named Eurylochos, the use of the Lesbian dialect on the island is well known through three decrees of the Tenedians inscribed in the Lesbian dialect³.

1. CENOTAPH OF ATHANAION OF BYZANTION

According to the inventory report, the stele was found in the upper level of grave no. 18 during the rescue excavations required for the construction of the Bozcaada government mansion in 2002⁴. It is made of fine-grained white marble and has a plain pediment decorated with three acroteria. The lower part of the stele is missing. With the pediment height of 11 cm, the stele has a total height of 26 cm, and a width of 31 cm. The shaft measures 28.9 cm in width, while the thickness of the stele ranges from 5 cm to 6.7 cm. The letter height varies between 0.6 cm (*omega*) and 1.3 cm (*phi*). Inventory number: 9601, fig. 1.

Ἀθανάϊωνος Λεοντίσκω
2 Βυζαντίω κενοτάφιον

Λεοντίσκω (l. 1) is the genitive singular of the personal name Λεοντίσκος and Βυζαντίω (L. 2) is the genitive singular of the adjective Βυζάντιος. The genitive singular of nouns in o-stem terminates in -ω in the Lesbian dialect⁵.

¹ For the report of the field season of 2021, see Takaoğlu 2023. For recent publications introducing archaeological finds from Tenedos, see Yaman 2022; Ayaz 2022; Yıldırım, Yavşan 2022. I am very grateful to Turan Takaoğlu, the director of the Tenedos archaeological project, for granting me permission to publish these finds. I would like to express my gratitude to Tolga Özhan for his support, suggestions, and kind help during this study. I am also thankful to Christopher S. Lightfoot for polishing my English. In addition, I would like to thank the directorship and staff of the Çanakkale Troia Museum, especially Osman Çapalov, for their assistance during museum visits. I would also like to thank all the *VDI* reviewers and the *VDI* editors.

² For the published inscriptions from the island, see *IG* XII.2 639–644 and *IG* XII Suppl. 144–148.

³ See Hodot 1990, 303–304.

⁴ Unfortunately, as the report on this rescue excavation has not yet been published, I do not know whether the stele is related to the grave mentioned above (no. 18), nor do I have any information about the type of the grave or grave goods, if any, it contained. Based on the verbal information provided by R. Körpe, who carried out the rescue excavations on behalf of the museum in 2002, this stele was found to have been reused as the lid of a cist grave.

⁵ See Blümel 1982, 72, 238; Hodot 1990, 93.

Fig. 1. Cenotaph of Athanaion. Photo: *H. Yaman*

Translation: ‘*Cenotaph of Athanaion, son of Leontiskos, of Byzantion*’.

In addition to Athanaion recorded in the current inscription, there are another five entries for this name from Byzantion in the *LGN*⁶. With the exception of one dating from the Roman Imperial period, the others date between the fourth and first centuries BC. Another person named Leontiskos from Byzantion is also known in an honorary decree from Delos, dated to the middle of the third century BC⁷.

The word *κενοτάφιον* in this inscription does not refer to an empty grave reserved for one’s future burial, as is often the case in Asia Minor⁸. Here it literally refers to an empty grave containing no human remains⁹. Athanaion was a foreigner on the island of Tenedos and probably passed away there. The inscription does not reveal what occurred to his remains after his death. Considering his origins, it is possible that after his demise on the island they were moved to his homeland, Byzantion. Then, a cenotaph was erected on the island in his memory probably by his Tenedian friends or companions because the inscription is in the Lesbian dialect. If this is the case, he may have been also commemorated with a grave and an inscription in his homeland¹⁰.

⁶ *LGN* 4 s.v. Ἀθανάϊων (6–10).

⁷ On the suffix *-ισκος* forming a diminutive, see Chantraine 1968, 406; Masson 1995, 709 = *OGS* III 228.

⁸ For this type of *κενοτάφιον*, see Kubinska 1968, 40, 45, 89–90. On cenotaphs in general, see Kurtz, Boardman 1971, 257–259.

⁹ For funerary inscriptions in verse in which the word *κενοτάφιον* and parallel phrases are used in the strict meaning of the word, see Tybout 2016, 395–397. Referring to Ricci 2006, 20–23 (Tybout 2016, 396, n. 17) also noted that ‘*κενοτάφιον* occasionally occurs in this sense in prose inscriptions from Asia Minor’.

¹⁰ On double commemoration, see Tybout 2016, 396–397, 405, whose survey of the evidence for the movement of the remains of deceased individuals is very helpful in this respect.

In addition to Athanaion, another individual from Byzantion has also been documented epigraphically on Tenedos. A funerary inscription, dating to the Roman Imperial period, found on the island records the memory of a sophist named Quintus Lollius Charidemus of Byzantion, who passed away at the age of twenty¹¹. Furthermore, it is evident from the inscriptions that Tenedos Island hosted other foreigners as well, probably due to its location; one intriguing example from the island is a dedication made to the Dioscuroi by Eunomos of Rhodos and his companions, *synskanoi* (tent-mates), which reports that Philiskos of Rhodos, son of Hagesandros, served as a priest for the cult of the Dioskouroi¹². Another gravestone found on Tenedos commemorates an Athenian named Pamphilos¹³.

Date: 3rd century BC.

2. GRAVE STELE OF APOLLONIS AND KALLIGENES

The stele, possibly originating from the necropolis, lacks information regarding its original find spot on the island and was transferred from Bozcaada to the Çanakkale Troia Museum in 2023. Made of fine-grained white marble with bluish veins, the stele shows abrasions on all sides, with a crack in the upper left corner, and some parts with spallings. The recessed depiction space is framed on either side by columns with capitals, supporting a narrow architrave. There are two small holes in the architrave at spots near the corners and another one in the middle¹⁴. To fix the stele to the ground, two rectangular holes were carved at the bottom of it. According to M. Şahin's typology, it belongs to the architraved stelae that are classified as those 'with a single depiction area'¹⁵. The stele features a symposium scene depicted in high relief. The facial features of the figures in the scene are damaged. In the centre, with their left arms supported by high cushions, two men wearing *chiton* and himation lie on a high, draped *kline*. They each hold a deep chalice in their left hand. A woman is depicted seated in the Pudicitia¹⁶ pose on a *diphros* at the feet of the man on the left. The woman's right hand, extended towards her lap, touches the right hand of the man next to her. At the neckline, the himation is supported by her left arm, which is bent at the elbow. Her feet rest on a footstool. A *chiton*-clad maid, portrayed as a small figure, stands beside the *diphros* while holding out a *kalathos* with both hands. Supported by two legs crafted in the form of a

¹¹ *IG XII.2* 643. Cf. Puech 2002, 174, no. 64. See also *LGPN* 4 s.v. Χαρίδημος (3, 2nd–3rd century AD).

¹² *IG XII.2* 640. B. Boyxen (2018, 293–294) suggests that the Eunomos of Rhodos and his companions may have been *polis*-slaves serving on Rhodian ships and that the priesthood of Philiskos to the Dioscuroi was not an official position and he may have been chosen from among the companions.

¹³ *IG XII.2* 642. Cf. *LGPN* 2 s.v. Πάμφιλος (19, 2nd–1st century BC).

¹⁴ On the possible function of these holes, see Şahin 2000, 16–17; Kennedy 1998, 43, fig. 3.15; Gökay 2012, 297. Cf. Özhan, Yaman 2018, 701–702.

¹⁵ Şahin 2000, 10–11, 159–184.

¹⁶ For the iconography of the seated Pudicitia type appearing on the grave stelae found in and around Kyzikos, see Cremer 1991, 81–90, fig. 10–14. For a comprehensive discussion on the types of figures depicted on stelae from Miletropolis, see Şahin 2000, 59–69. In addition, for Pudicitia types depicted on the Smyranean stelae, see Yaylalı 1979, 36–40.

lion's leg and paw, a tall rectangular table is placed at the front of the *kline*. On the right side of the *kline* stands a servant with a crater behind him, ready to serve drinks to his masters. Despite the damage, he seems to be holding a *kyathos*, *oinochoe*, or a similar type of serving vessel. A large undetailed *kylikeion* is squeezed in between the *kline* and column on the right.

Symposium scenes are a commonly depicted theme in funerary stelae in Asia Minor, particularly in the Hellenistic period. Architraved stelae, featuring a single depiction area and a symposium scene accompanied by various numbers of figures, were prevalent in neighbouring Mysia in the Hellenistic period but there are also examples known from the Roman Imperial period¹⁷. In addition to some types of stelae from the Çanakkale Troia Museum with a symposium scene, parallel examples to the Tenedos stele, depicting two reclining men on a *kline* with a woman seated at their feet and diminutive figures at either end are known, but they are not very prevalent¹⁸. Due to the posture of the figures, the carving of the folds of the dress, and the appearance of the serving figures on both sides of the scene, the Tenedos stele can be dated to the second century BC.

The current stele is 75 cm in height, 79.5 cm in width, and 28.5 cm in thickness. The height of the letters varies between 2.4 cm (*rho*) and 2.8 cm (*nu*). Inventory number: 16707. Fig. 2 and 3.

¹⁷ For the stelae of Mysia, in general, see Pfuhl, Möbius 1979; Cremer 1991; Şahin 2000. For stelae of similar type and composition to the Tenedos stele, see Şahin 2000, 163, no. TB 8, pl. XXII (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 467, no. 1942; Cremer 1991, 159, no. KSt 43), 174, no. TB 27, pl. XXXIII (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 464, no. 1928; Cremer 1991, 150, no. Kst 17), 174–175, no. TB 28, pl. XXXIII (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 464, no. 1926), 175–176, no. TB 30, pl. XXXIII (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 465, no. 1931; Cremer 1991, 158, no. KSt 40), Pfuhl, Möbius 1979, 464, no. 1929, 466, no. 1938, 466–467, no. 1939. Some architraved stelae featuring an alternative subject, such as a rider, positioned below the symposium scene similar to the Tenedos stele in terms of the composition are also known, see Şahin 2000, 213–214, no. KB 3, pl. LXIV, 214 no. KB 4, pl. LXV (cf. Cremer 1991, 126, no. KN 3), 215–216, no. KB 6, pl. LXVI (cf. Cremer 1991, 139, no. KH 13), 216, no. KB 7, pl. LXVI (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 317, no. 1299; Cremer 1991, 138, no. KH 12), Cremer 1991, 128, no. KN 7, pl. 4 (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 287, no. 1170). A comparable depiction can also be observed on stelae featuring pediments and arches, see Şahin 2000, 201–202, no. KA 18, pl. LV (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 465, no. 1930; Cremer 1991, 137, no. KH 8), 147–148, no. TA 12, pl. VI (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 465, no. 1933; Cremer 1991, 178, no. MiSt 26); Pfuhl, Möbius 1979, 467, no. 1940.

¹⁸ For stelae of a comparable type and composition to the Tenedos stele kept in the Çanakkale Troia Museum, see Yıldırım 2014, 80–81, no. K22 (Parion), pl. XXII, a–e (cf. Özhan, Yıldırım 2017, 161, no. 1), 82–83, K23 (Bandırma), pl. XXIII a–i (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 462, no. 1919). For the stelae from the Çanakkale Troia Museum, depicting a symposium scene, in general, see Yıldırım 2014, 56, no. K5, pl. V a–c, K15 (Çanakkale), pl. XV a–b (cf. Özhan, Yıldırım 2017, 164, no. 6), 72–73, no. K16 (Sigeion), pl. XVI a–h (cf. Özhan, Yıldırım 2017, 163, no. 4), 74, no. K17, pl. XVII a–d, 75, no. K18, pl. XVIII a–b (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 371, no. 1504), 76, no. K19 (Biga), pl. a–c, 77, no. K20, pl. XX a–e, 78–79, no. K21 (Kyzikos), pl. XXI a–e (cf. Özhan, Yıldırım 2017, 164 No. 5), 84, no. K24, pl. XXIV a–g (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 450, no. 1871), 85–86, no. K25 (Kyzikos), pl. XXV a–h (cf. Pfuhl, Möbius 1979, 481, no. 2001), 87–88, no. K26 (Parion), pl. XXVI a–m, 89–90, no. K27 (Lapseki), pl. XXVII a–i, 91, no. K28 (Ilion), pl. XXVIII a–d.

Fig. 2. Grave stele of Apollonis and Kalligenes. Photo: *H. Yaman*

Fig. 3. A detail of a grave stele of Apollonis and Kalligenes. Photo: *H. Yaman*

The inscription reads:

	Ἀπολλώνις	Καλλιγένη
2	Μηνοθέμεως	χαῖρε
	χαῖρε	

Translation: ‘*Apollonis, son of Menothemis, farewell.*’

‘*Of Kalligenes, farewell.*’

Apollonis can be either male or female name, Ἀπολλώνις or Ἀπολλωνίς. However, based on the depiction of two men reclining on a *kline* on the stele, we can presume that Apollonis (Ἀπολλώνις) in this instance is a male name. Ἀπολλώνις is a hypocoristic of a compound name composed of Ἀπόλλων¹⁹. Other hypocoristic male names terminating in -ις are also recorded in the Aeolic region of Asia; for instance, a well-known example is Κλεό(μ)μυς, the hypocoristic of Κλεομένης, the tyrant of Methymna²⁰. A citizen of Alexandria Troas named Κλεόμμυς is also epigraphically attested in an inscription from Ilion dating from 77 BC²¹. Another theophoric name from the island, pertaining to Apollo is Ἀπολλώνιος which is documented in an inscription dating to the Hellenistic period²². At Alexandria Troas on the mainland just across the island, we also encounter the names Ἀπολλόδωρος and Ἀπολλωνοφάης²³.

Μηνοθέμεως is the genitive of Μηνόθεμις. Further evidence for the genitive case of Μηνόθεμις, ending in -εως is found in a funerary inscription from Athens, dated to the third century BC²⁴. It should be noted that Menothemis, father of Menothea, recorded in this inscription, was not a native of Athens but was probably from Apollonia Pontica²⁵. L. Threatte noted that the genitive in -εως of the personal names in -ις occasionally appeared in the Hellenistic period²⁶. Prior to this inscription, there was no known occurrence of the genitive -εως for personal male names in -ις in the Aeolic region of Asia; instead, examples ending in -ιδος and -ιος are recorded²⁷. Moreover, the documented compound names in -θεμις found in the inscriptions in the Lesbian dialect form their genitive singular in -θεμιδος²⁸. This is the first inscription attesting to a personal name

¹⁹ On -ις suffix composing hypocoristic male names, in general, see *OGS* I–II 634.

²⁰ For the hypocoristic male names in -ις in the Aeolic region of Asia, see Hodot 1990, 64, n. 77, 78, 89, and 113. On the name Κλεό(μ)μυς, see also Masson 1986, 224–225 = *OGS* I–II 556–557.

²¹ *I. Ilion* 10, line 11; cf. *LGP*N 5A s.v. Κλεόμμυς.

²² See *LGP*N 1 s.v. Ἀπολλώνιος (1030, Hellenistic). For the cult of Apollo Sminthios on the island, see Fiehn 1934, 496.

²³ *LGP*N 5A s.v. Ἀπολλόδωρος (304, 2nd–1st century BC); *LGP*N 5A s.v. Ἀπολλωνοφάης (69 BC). On another attestation of the name Ἀπολλωνοφάης in Alexandria Troas, see Özhan, Kaplan 2023, 85, no. 1.

²⁴ *IG* II² 8352. Cf. Threatte 1996, 103 and 109.

²⁵ See Osborne, Bryne 1996, 48, no. 1171; *I. Byzance funéraires* 173. Cf. Avram 2010, 370.

²⁶ Threatte 1996, 103.

²⁷ See Hodot 1990, 112.

²⁸ See Hodot 1990, 106, n. 87.

derived from Θέμις/θέμις on the island. However, the names Θέμιστος and Θεμίστης are found in the Hellenistic period in Alexandria Troas²⁹.

Καλλιγένη is the genitive singular of Καλλιγένης. This is a trait of the Lesbian dialect, in which personal names in -ης end in -η or -εως in the genitive singular³⁰. It is also worth mentioning that in a grave inscription from Mytilene in the Lesbian dialect, bearing the name of the deceased followed by the word χαῖρε, observing the vocative terminating in -η of a personal name ending in -ης, i.e. Μεγιστόκλη Καϊκίδα, χαῖρε³¹. R. Hodot, on the other hand, highlighted that this is a unique occurrence from the Roman imperial period in terms of the Lesbian dialect³². In our inscription, it is more reasonable to take Καλλιγένη as the genitive singular, instead of the vocative.

The name Καλλιγένης is given in the genitive case, unlike Ἀπολλώνιος, which is in the nominative. However, this is not unexpected; grave inscriptions on the same gravestone belonging to different individuals from the same family did not always use the same formula to indicate the authorized ownership of the grave³³. It is likely that Kalligenes died after Apollonis, and his name was added to the *stele* at a later time. The inscription does not specify the familial tie between Apollonis and Kalligenes, but it is not impossible that they were brothers. Kalligenes may have omitted his patronymic from the inscription, as Apollonis had already recorded it.

Date: 2nd century BC (lettering and stylistics).

3. GRAVESTONE OF TRYPHON

This gravestone was found on Tenedos as a result of a field survey carried out by archaeologists from the Çanakkale Troia Museum. It was then transferred to the museum. The monument consists of a base with dimensions of a width of 56.5 cm, a thickness of 56.5 cm, and a height of 12.5 cm. It also includes a cylindrical shaft with a height of 13 cm and a diameter of 12.5 cm. It is made of fine-grained marble. Upon initial observation, the monument may resemble a columnar capital or base. However, similar examples discovered in the excavations on the island indicate that these monuments are not actually capitals or bases; they were used in connection with the graves, serving as grave markers. On the necropolis, a comparable example was found during the rescue excavations conducted in the early 1990s. This find was located in the upper layers of a trench that contains cist and pithos graves from the Classical period. Additionally, two monuments were recently discovered during the field season of 2023, located *in situ* in the upper levels of one pithos grave. These examples illustrate the usage of these stones in connection with the graves. The monuments were discovered on a low quadrangular base,

²⁹ LGPN 5A s.v. Θέμιστος (7); LGPN 5A s.v. Θεμίστης (1). In the Troad, apart from these, the names Θεμίστα (LGPN 5A s.v. Θεμίστα) and Θεμισταγόρας (LGPN 5A s.v. Θεμισταγόρας 8) are known from Lampsakos and Μητρόθεμις from Dardanos (LGPN 5A s.v. Μητρόθεμις 2). On the theophoric names derived from Μῆν, see Sittig 1911, 153–157; Bechtel 1917, 316; Masson 1980, 1485 = OGS I–II 327; LGPN-Ling, Mēnothemis, (URL: <https://LGPN-ling.huma-num.fr/Mēnothemis>; accessed on: 01.04.2024).

³⁰ See Thumb 1959, 99; Hodot 1990, 120–121.

³¹ IG XII.2 353.

³² Hodot 1990, 121.

³³ Cf. e.g. I. Kyzikos 80, 164, 241, 313.

with a slender, elongated rectangular block standing vertically behind them (fig. 4). It is reasonable to infer that these monuments functioned not only as grave markers but also as altars, given their flat tops. None of these early examples (probably fifth or fourth century BC) bears an inscription. The present example, dated to the second/third century AD on the basis of its lettering (see below), suggests that these early monuments were repurposed as gravestones during the Roman imperial period. Above the inscription, there is a symbol that is 3.2 cm in high and resembles a horizontally flipped *kappa* or star. I refrain from providing any comments regarding the symbol. The height of the letters varies between 1.7 cm and 5 cm (*phi*). Inventory number: 16712. Fig. 5 and 6.

2 Τρύφων Ἀκέσω-
νος, χρηστέ,
χαῖρε

Translation: ‘*Tryphon, son of Akeson, farewell o good man!*’

Fig. 4. Grave marker discovered during the excavation season of 2023. Excavation photo archive, courtesy of T. Takaoglu

There are 15 entries in the *LGPN* for the name Ἀκέσων³⁴. Of these, only one comes from Asia Minor, a funerary inscription from Tralles-Seleukeia that dates to the Roman Imperial period³⁵. The rest are found in Cyrenaica and especially on Rhodes; they predominantly belong to the Hellenistic period³⁶. The appearance of the personal name

³⁴ On this name, see Bechtel 1917, 31; Reynolds, Masson 1976, 91 = *OGS* I–II 247; Dobias-Lalou 2017, 487; *LGPN-Ling*, Akesōn (URL: <https://LGPN-ling.huma-num.fr/Akesōn>; accessed on: 01.04.2024).

³⁵ *LGPN* 5B s.v. Ἀκέσων.

³⁶ *LGPN* 1 s.v. Ἀκέσων.

Fig. 5. Gravestone of Tryphon. Photo: *H. Yaman*

Fig. 6. Gravestone of Tryphon from a different angle. Photo: *H. Yaman*

Ἀλέσσων in the northern Aegean could be accounted for by the possibility that this name was embraced by the community of Tenedos as a result of cultural exchanges between Rhodes and Tenedos³⁷.

Although there are no other examples of this type of short grave inscription that ends with χαῖρε on the island, examples can be found in Alexandria Troas³⁸. M. Riel highlighted that grave inscriptions of this type were common during the Late Hellenistic/

³⁷ For the presence of the Rhodians on the island of Tenedos, see n. 12 above.

³⁸ *I. Alexandria Troas* 81, 81a, 82.

Early Roman period³⁹. Nevertheless, based on the letter form of the current inscription, it is conceivable that the current one may belong to a later period.

Date: 2nd–3rd century AD (lettering).

References

- Avram, A. 2010: Sur quelques noms d'Apollonia du Pont. In: R.W.V. Catling, F. Marchand (eds.), *Onomatologos. Studies in Greek Personal Names Presented to Elaine Matthews*. Oxford, 368–380.
- Ayaz, M. 2022: Tenedos Buluntusu Miken Tipi Arkaik G 2–3 Alabastronları. *Seramik Araştırmaları Dergisi* 4, 36–50.
- Bechtel, F. 1917: *Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit*. Halle.
- Blümel, W. 1982: *Die aiolischen Dialekte. Phonologie und Morphologie der inschriftlichen Texte aus generativer Sicht*. Göttingen.
- Boyxen, B. 2018: *Fremde in der hellenistischen Polis Rhodos*. Berlin–Boston.
- Chantraine, P. 1968: *La formation des noms en grec ancien*. Paris.
- Cremer, M. 1991: *Hellenistisch-römische Grabstelen im nordwestlichen Kleinasien*. Bd. 1. *Mysien*. Bonn.
- Dobias-Lalou, C. 2017: La suffixation des anthroponymes en Cyrénaïque pré-romaine. In: A. Alonso Déniz, L. Dubois, C. Le Feuvre, S. Minon (eds.), *La suffixation des anthroponymes grecs antiques (SAGA). Actes du colloque international de Lyon, 17–19 septembre 2015 Université Jean-Moulin-Lyon 3*. Genève, 469–492.
- Fiehn, K. 1934: Tenedos I. In: *RE*. Bd. 5A.1, 494–498.
- Görkay, K. 2012: Zeugma in Light of New Research. In: K. Konuk (ed.), *Stephanèphorus de l'économie antique à l'Asie Mineure: Hommages à Raymond Descat*. Bordeaux, 275–300.
- Hodot, R. 1990: *Le dialecte éolien d'Asie. La langue des inscriptions VIIe s. a.C.–IVe s. p.C.* Paris.
- Kennedy, D. 1998: The Twin Towns and the Region. In: D. Kennedy (ed.), *The Twin Towns of Zeugma on the Euphrates. Rescue Work and Historical Studies*. Portsmouth, 30–60.
- Kubinska, J. 1968: *Les monuments funéraires dans les inscriptions grecques de l'Asie Mineure*. Warsaw.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs*. London.
- Masson, O. 1980: Quelques anthroponymes rares chez Thucydide. In: *Φιλίας χάριν. Miscellanea di studi classici in onore di Eugenio Manni*. T. IV. Rome, 1479–1488.
- Masson, O. 1986: Géminations expressives dans l'anthroponymie grecque. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 81/1, 217–229.
- Masson, O. 1995: Les noms propres d'homme en grec ancien. In: E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (eds.), *Namenforschung. Name Studies. Les noms propres*. Vol. 1. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft, 11). Berlin–New York, 706–710.
- Osborne, M.J., Byrne, S.G. 1996: *The Foreign Residents of Athens. An Annex to the Lexicon of Greek Personal Names: Attica*. (Studia Hellenistica, 33). Leuven.
- Özhan, T., Kaplan, D. 2023: New Inscriptions from the Smintheion. *Gephyra* 25, 85–102.
- Özhan, T., Yaman, H. 2018: Çanakkale Arkeoloji Müzesi'nden Girland'lı Bir Lahit. In: M. Arslan, F. Baz (eds.), *Arkeoloji, Tarih ve Epigrafi'nin Arasında: Prof. Dr. Vedat Çelgin'in 68. Doğum Günü Onuruna Makaleler*. İstanbul, 699–707.
- Özhan, T., Yıldırım, Ö.C. 2017: Funerary Inscriptions from Çanakkale Archaeological Museum. *Philia* 3, 161–166.
- Pfuhl, E., Möbius, H. 1979: *Die ostgriechischen Grabreliefs*. Bd. 2. Mainz am Rhein.
- Puech, B. 2022: *Orateurs et sophistes grecs dans les inscriptions d'époque impériale*. Paris.
- Reynolds, J., Masson, O. 1976: Une inscription éphébique de Ptolémaïs (Cyrénaïque). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 20, 87–100.
- Ricci, C. 2006: *Qui non riposa. Cenotafi antichi e moderni fra memoria e rappresentazione*. Rome.
- Sittig, E. 1911: *De Graecorum nominibus theophris*. Halle.
- Şahin, M. 2000: *Miletropolis Kökenli Figürlü Mezar Stelleri ve Adak Levhaları*. Ankara.
- Takaoglu, T. 2023: Tenedos (Bozcaada) 2021 Yılı Kazısı. *Kazı Sonuçları Toplantısı* 42/5, 305–316.
- Threatte, L. 1996: *The Grammar of Attic Inscriptions*. Vol. 2: *Morphology*. Berlin–New York.

³⁹ See commentary on *I.Alexandrea* Troas 81.

-
- Thumb, A. 1959: *Handbuch der griechischen Dialekte. Zweiter Teil. Zweite erweiterte Auflage von A. Scherer*. Heidelberg.
- Tybout, R.A. 2016: Dead Men Walking. Repatriation of Mortal Remains. In: L. de Ligt, L.E. Tacoma (eds.), *Migration and Mobility in the Early Roman Empire*. Leiden—Boston, 390—437.
- Yaman, H. 2022: Tenedos Nekropolis Buluntusu Fenike Kökenli Cam Pendant. *Çanakkale Araştırmaları Türk Yıllığı* 33, 59—73.
- Yaylalı, A. 1979: *Hellenistik Devir İzmir Kökenli Figürlü Mezar Stelleri*. Associate Professor thesis. Erzurum.
- Yıldırım, Ö.C. 2014: *Çanakkale Müzesindeki Antik Çağ Mezar Stelleri*. Master thesis. İstanbul.
- Yıldırım, Ö.C., Yavşan, Ç. 2022: Tenedos Nekropolis’inden Seramik Askos’lar. *Phaselis* 8, 73—82.

DOI: 10.31857/S0321039124030106

A STONE BLOCK FROM OLD SMYRNA: *PENTE GRAMMAI*? ABACUS?

Serhat Foça¹, Cumhuri Tanrıver², Duygu Akar Tanrıver³

¹*Tekirdağ Namık Kemal University, Tekirdağ, Türkiye*

²*Ege University, İzmir, Türkiye*

³*Dokuz Eylül University, İzmir, Türkiye*

¹*E-mail: sfoca@nku.edu.tr*

²*E-mail: cumhur.tanriver@ege.edu.tr*

³*E-mail: duygu.akar@deu.edu.tr*

¹*ORCID: 0000-0002-9735-8126*

²*ORCID: 0000-0002-3207-275X*

³*ORCID: 0000-0003-2711-2363*

The study examines, a stone block of unknown provenance preserved in a warehouse in Old Smyrna. On the flat surface of the stone, there are five parallel lines with round holes at the ends of each line, and a half-arc-shaped line on the top of one of the straight lines. The suggestions that stone blocks with different versions of this pattern, including five, seven, and eleven lines, were used for different purposes are controversial. While such stone blocks have been found in sanctuaries and settlements in the Greek mainland and on the islands, this specific Old Smyrna find provides an important contribution to Anatolian history. First researchers who worked on the subject defined these stones as a board for the *Pente Grammai* game, one of the lesser-known ancient games; later researchers described stone blocks with letters as *abaci*. In recent studies, it has been suggested on the basis of archaeological evidence that such stones functioned as a means of teaching mathematics in Greek educational system. The Old Smyrna find with its simple design is interpreted by us to be both a game board (*Pente Grammai*) and a simple calculating tool (*abacus*). The closest parallels to the design of the Old Smyrna example can be found at Stagira and at Eretria.

Keywords: Anatolia, Old Smyrna, *Pente Grammai*, Board Game, Abacus

The authors. Serhat Foça – PhD, Assistant Professor at the Department of Archaeology at the Tekirdağ Namık Kemal University; Cumhuri Tanrıver – PhD, Professor at the Ancient Languages and Cultures Department at the Ege University; Duygu Akar Tanrıver – PhD, Professor at the Department of Archaeology at the Dokuz Eylül University.

КАМЕННЫЙ БЛОК ИЗ СТАРОЙ СМИРНЫ: PENTE GRAMMAI? СЧЕТЫ?

Серхат Фоча¹, Джумхур Танрывер², Дуйгу Акар Танрывер³

¹*Текирдагский университет Намыка Кемаля, Текирдаг, Турция*

²*Эгейский университет, Измир, Турция*

³*Университет Докуз Эйюль, Измир, Турция*

¹*E-mail: sfoca@nku.edu.tr*

²*E-mail: cumhur.tanriver@ege.edu.tr*

³*E-mail: duygu.akar@deu.edu.tr*

В данной статье представлены результаты изучения каменного блока неясного происхождения, обнаруженного в Старой Смирне в одном из хранилищ. На плоской поверхности этого камня можно увидеть пять параллельных линий, оканчивающихся круглыми отверстиями, и линию в форме арки над одной из прямых. Вопрос об использовании подобных блоков с различным количеством линий (пять, семь или одиннадцать) остается дискуссионным. До сих пор камни с таким изображением встречались на территории святилищ и поселений на территории материковой Греции и островов, поэтому находка из Старой Смирны представляется особо значимой для истории Анатолии. Первые исследователи, работавшие с подобными находками, определили их как доски для игры pente grammai, «пять линий», которая является одной из наименее исследованных настольных игр античности, но в дальнейшем такие блоки стали интерпретировать как счеты. В последних исследованиях на основе археологических данных было сделано предположение, что такие камни могли использоваться для обучения арифметике. Находка из Старой Смирны, содержащая весьма простой рисунок, по нашему мнению, могла совмещать функции доски для pente grammai и счетов. Ближайшие аналогии подобных многофункциональных блоков с простым рисунком происходят из Стагиры и Эретрии.

Ключевые слова: Анатолия, Старая Смирна, Pente Grammai, настольные игры, счеты

INTRODUCTION

Board games, an important part of ancient game culture, are an educational and informative activity tool played by both children and adults. The board and the playing pieces of the game have survived to the present day in settlement layers, sanctuary areas, and burial contexts in tombs. Many scholars have analysed basic information for ancient board games in ancient literary sources and in archaeological data, which make particularly significant contribution. Hans Lamer, who compiled the archaeological literature and data on ancient games in a meticulous study, provided detailed information about game equipment and rules¹. Among these games is *Pente Grammai* (πέντε γραμμαί / Five Lines), a game whose details are not well known, and

¹Lamer 1927, 1900–2029.

information about which comes mainly through literary texts². For this game, a game board was created on a material such as stone with a flat surface by carving five parallel lines with slightly deepened round holes at their ends. On top of these line blocks, a semi-circular addition in the form of a half-arc was made, whose function is controversial. In the game played by two players facing each other, the basic equipment consisted of five stones (total of ten stones) placed in the holes for each player and a shared die. In recent research, new perspectives have been proposed for objects identified as *Pente Grammai* game boards based on the interpretation of iconographic representations and ancient sources, as well as of excavated game boards. In particular, suggestions have been made that they were used as a calculation tool (abacus) based on written findings carved with five or eleven lines, found in sanctuary areas. This study provides a publication of a limestone block with five parallel lines and an arc carved on it, with opposite holes close to circles at the end of the lines, which is preserved in the excavation depot of Old Smyrna³ but the context of which is unknown⁴, and a new contribution to the wider discussions on the subject⁵ (fig. 1). It adds new evidence for the type of stone blocks with this pattern, already recorded in mainland Greece and the Aegean islands, specifically in Anatolia.

STONE OBJECT WITH FIVE STRIPES AND HALF AN ARC FROM OLD SMYRNA

The stone block was rediscovered in 2016, during the classification studies carried out in the stone depot of Old Smyrna. It is made of white limestone; no information had been recorded about its find place and context by the original excavators. The find is approximately 52.5 cm tall, 32 cm long, and 12 cm wide, with dimensions close to a rectangle. The stone block has five parallel lines carved horizontally into its surface. The lines are shallow and 0.4 cm wide. The length of the lines varies from 20 cm to 21 cm. The distances between the lines from the first to the fourth are 6 cm in each case, and the distance between the fourth and fifth lines is 5 cm. At the end of these lines, there are shallow holes drilled in a circular shape with a diameter of 1.5 cm, opposite each other

² Becq de Fouquières 1873, 396–405; Lamer 1927, 1973; Austin 1940, 267–271; Murray 1978, 28–29; Kurke 1999, 256.

³ At the Old Smyrna site in the Bayraklı district of İzmir province, settlement is observed from the Early Bronze Age to the beginning of the Hellenistic Period. For the history and chronology of Old Smyrna, see Akurgal 1997; Tanriver 2023, 77–109. On the recent excavations, see also Erdem, Tanriver 2016, 1–9; Tanriver *et al.* 2017, 95–114; 2023, 53–68; Cevizoglu, Tanriver 2023, 73–88.

⁴ The excavations at Old Smyrna have been ongoing since 2014 under the director of Prof. Dr. Cumhur Tanriver. However, the records and documentation of earlier years are incomplete in the excavation depots. This is one of the challenges faced by team members who make arrangements in warehouse studies and researchers working on find groups. The fact that the find that we examine in this study was not recorded constitutes an obstacle in understanding its context. The possibility that this stone block was brought from any point in and around Bayraklı, delivered to the excavation, and placed in the storehouse, should be considered.

⁵ Traces of game culture in Old Smyrna are known in parallel with archaeological findings. For bone astragals, fish vertebrae and a game object used as playing counters unearthed in various areas, see Akar Tanriver, Foça 2022, 138–141, pl. 1–3.

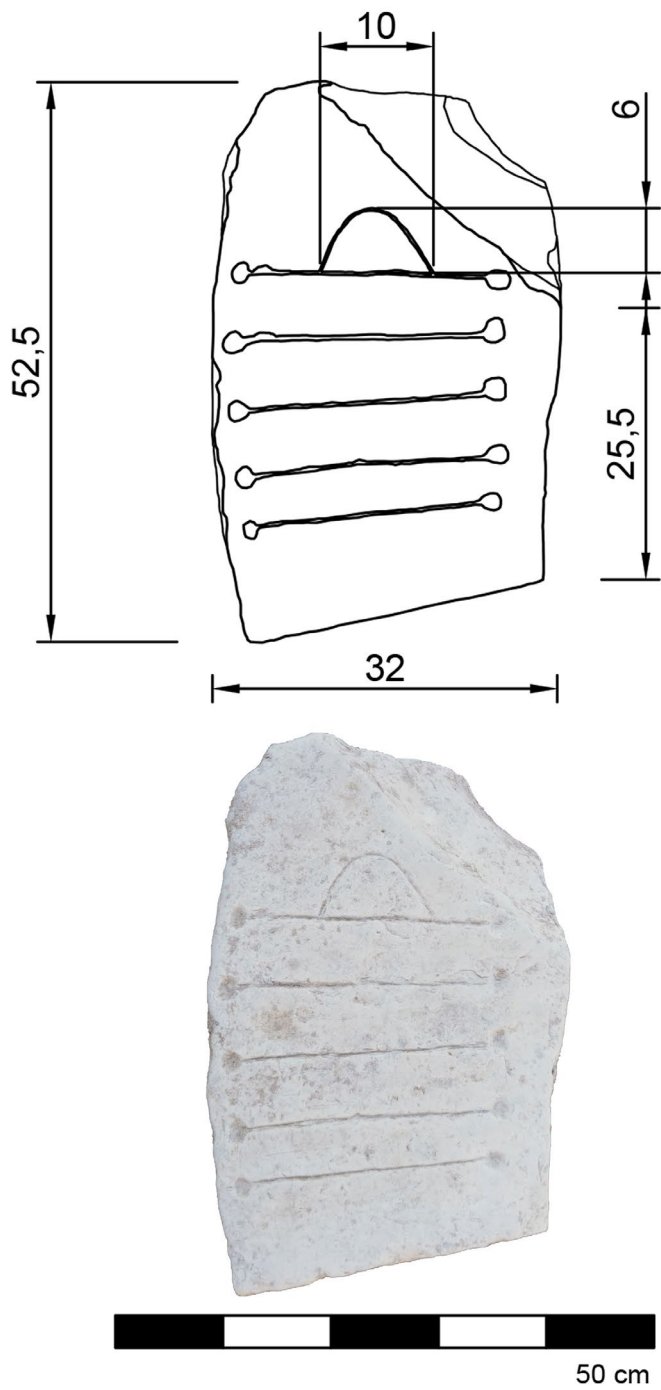

Fig. 1. A stone block from Old Smyrna © The authors

at both ends. An arc-shaped form with a width of 10 cm and a height of 6 cm is carved shallowly from the middle of the first line on top of it. There are some cracks alongside the margins of the stone block.

THE *PENTE GRAMMAI* GAME

Pente Grammai, in its basic description, can be defined as a game in which two players, each with five pieces, took turns rolling dice to move their pieces on a game board and assemble their pieces on the middle line. The first player to reach this line and assemble all of their pieces on their side would win⁶. Information obtained from the descriptions in ancient sources helps to make inferences about how the game is played and its rules. Based on the lost work of Suetonius, the second-century AD lexicographer Pollux, identifies three board games⁷. The first of these is the *Ludus Latrunculorum*⁸, the second is the *Diagrammismos*⁹, and the third is a game that was left unnamed by the ancient author but labelled by modern scientists as the Pente Grammai (Five Lines)¹⁰. In describing the setup of the game, Pollux states that each player had a total of five pieces on five lines; the middle line of the five was called the sacred¹¹ or holy line¹². Based on Suetonius's lost book, the Byzantine writer Eustathios of Thessalonica provided descriptions of Greek games, including the Pente Grammai¹³.

Another source of information about the Pente Grammai game is its representations on archaeological finds. One of the earliest examples of it is a small terracotta game board found in a tomb in Anagyros (Vari), Attica, dated to the mid-seventh century BC¹⁴. Five lines are made on this board with hollows on both sides of the lines. The dice that belong to the board are decorated with geometric shapes, a horse, and a female figure¹⁵. On all four sides of the board, there are figures of women mourning with their hands on their heads. Another miniature game board made of terracotta was found in Kerameikos, the cemetery area of Athens¹⁶. The surface of the board is not preserved, and it was found with a pierced die. The board, dating to the beginning of the sixth century BC, has figures of women mourning with their hands on their heads, as in the Anagyros find. The verses of the poet Pindar, who lived in the fifth century BC, are a noteworthy source about the burial of board games, especially those composed of mourning women. The poet mentions that in the afterlife, everyone will spend time with different activities,

⁶ For suggestions about the gameplay and rules of the game, see Schädler 2009, 195–196.

⁷ Poll. *Onom.* IX. 97.

⁸ For detailed information about the *ludus latrunculorum*, a strategy game, see Ersoy, Erdin 2015, 143–147.

⁹ For details about the game, see Selvi Bener 2013, 19–20.

¹⁰ Schädler 2009, 174. Pollux considers this game to be among the games of chance: Poll. *Onom.* VII. 206.

¹¹ For details about the sacred line, see Kidd 2017, 86–96.

¹² Poll. *Onom.* IX. 97; Becq de Fouquières 1873, 395.

¹³ The author mentions that the game is played with a dice. For details, see Schädler 2009, 173–174.

¹⁴ Kallipolitis 1963, 123–124, pl. 53–55.

¹⁵ U. Schädler says that this female figure could be Athena. Schädler 2009, 175.

¹⁶ Kübler 1970, 394–395, 512, floor no. 129, pl. 102.

and among these activities, he lists playing games¹⁷. In this context, game boards left as tomb gifts are provided to the deceased individuals to play games in the afterlife¹⁸. In addition, Attica-found miniature terracotta game boards associated with funeral traditions have been recorded in museum inventories¹⁹.

The most important iconographic source for the representation of board games in ceramic groups is the game played by Aias and Achilles²⁰. These two warriors depicted playing a board game on an amphora painted by Exekias, one of the representatives of Attic black-figure vase painting, dated to ca. 540 BC, bear their names²¹. This composition, which forms the main scene of the amphora, depicts Aias and Achilles standing opposite each other at the heads of a game board, wearing cloaks and weapons, during the Trojan War, during a break in the fighting. The striking detail on the amphora is that the numbers 4 (tesara) and 3 are written next to the mouths of Achilles and Aias, respectively²². No details are shown about what game is being played on the table²³. A crucial piece of evidence pertaining to the game played by two Homeric figures is depicted on a kyathos housed in the Royal Museums of Fine Arts and History in Brussels, Belgium²⁴. On the vessel dated to the early fifth century BC, Aias and Achilles are depicted playing a game opposite each other, with the figure of Athena in the middle. The depiction of the board used for the game is shown from above in detail. On the board, five parallel lines are depicted, with gaming pieces in the form of astragal at the ends of the lines²⁵.

In addition to ceramics, images of the game are also known on other materials. The first of these is a scene on an Etruscan mirror dated to the fourth century BC, depicting two warrior figures (possibly Achilles and Aias)²⁶. What makes this representation different is the presence of seven parallel lines and two dice on the board.

¹⁷ Pind. *Fr.* 129.

¹⁸ For views on the symbolic interpretation of games for death and life based on game boards found in burial contexts, see Kurtz, Boardman 1971, 77 etc.; Vermeule 1979, 77–82; Garland 1985, 70; Whittaker 2004, 279–297.

¹⁹ Chidiroglou *et al.* 2022, fig. 4–16.

²⁰ H.G. Bucholz has listed the 168 vases in which this scene is depicted (Bucholz 1987, 126–184).

²¹ Boardman 2003, fig. 100.

²² For some ceramic vessels showing Aias and Achilles pronouncing numbers, see 2 and 4, a lekkythos in the Boston Museum. The number 2 on one of the two container fragments painted by Epictetus, and 4 on the other (Woodford 1982, 182–184).

²³ In games played with astragals, the number system is in the form of 1, 3, 4, 6, and there is no equivalent for the numbers 2 and 5 (Aktaş 2018, 3). The number 2 is written on the scene of Aias-Achilleus on an olpe preserved in the Oxford Ashmolean Museum. Based on this, researchers suggest that the game was played with a single die rather than an astragal (Woodford 1982, 185).

²⁴ Brommer 1974, 84; Dasen 2015, 85, fig. 3.

²⁵ The game played in this scene is suggested to be the Pente Grammai (Schädler 1999, 41).

²⁶ Gerhard 1884, 144–146, pl. 109.

ABACUS?

Inscribed boards with parallel lines have been identified by twentieth-century researchers as equipment used in games. For instance, W.K. Pritchett evaluated thirteen findings as game boards after comprehensive examination²⁷. However, A. Schärli, in his study in which he catalogues twenty-nine findings, including new data, suggests that stone blocks with this type of parallel lines are a calculating tool/abacus²⁸. In his study of the Pente Grammai game based on archaeological evidence and ancient sources, U. Schädler partially addressed the debate over whether these were abaci or game boards²⁹. V. Dasen and J. Gavin's study, 'Game Board or Abacus? Greek Counter Culture Revisited', provides a detailed overview of this topic and presents noteworthy hypotheses³⁰. The composition carved on the marble altar found in the Krannon Necropolis in Northern Greece, dated to the end of the fifth century BC, that we examine in this study, provides new data for parallel-line stone blocks³¹. A bearded male figure on the right of the scene is seated in a chair, with his right hand on a square block carved with five lines and a semicircle. On the left is a child depicted standing behind the stone with his left hand in the air, and a dog trying to grab something from his hand. Based on this scene on the altar, V. Dasen and J. Gavin say that the adult man is an arithmetician and the child is a student, and that it is a representation of the new calculating system that changed in the fifth century BC³². This interpretation is important because it shows that five-line game boards were used for a different purpose as an educational tool³³.

The basic criterion for distinguishing whether stone blocks carved with parallel lines were used as a game board or a calculation tool is the letter systems applied on the sides or tops of the lines, as seen in the written examples that we will present below³⁴. In Ancient Greece, the Greeks used two different numeral systems, alphabetical and acrophonic, from the Archaic period onwards³⁵. The alphabetic numeral system used a total of 27 signs with 3 different symbols in addition to the 24 letters in the Greek alphabet³⁶. The acrophonic system is a calculation index that is arranged in a decimal system with a base of 5. It is a system that is preferred for the value of money, weight,

²⁷ Pritchett 1968.

²⁸ Schärli 2001.

²⁹ Schädler 2009.

³⁰ Dasen, Gavin 2022.

³¹ Dasen, Gavin 2022, 254, fig. 1.

³² Dasen, Gavin 2022, 266.

³³ The Krannon gravestone stands as a groundbreaking new piece of evidence for the teaching of basic arithmetic, specifically showcasing the utilization of a half-arched parallel five-line abacus.

³⁴ Dasen, Gavin 2022, 266.

³⁵ Blok 2021, 21.

³⁶ The monograms Ϝ (digamma) for 6, ϙ (qoppa) for 90 and ϗ (Phoenician sampi) for 900 were used. The recalculation of four-digit numbers with the number thousand begins with alpha combined with the acritic sign.

and measurement units³⁷. In ancient Greece, calculation on the board and taking notes of calculation were used simultaneously³⁸. Small stones, seashells, and pieces made of glass were tools used in the calculation process³⁹.

It is quite difficult to determine the purpose of five, seven, or eleven-lined tablets without numerical values. The functions of these objects are mostly associated with games and calculation tools. The words *abax* and *abakion*, which terminologically define counting/calculation, also refer to gambling games⁴⁰. Pollux defines the term *abax* as a board, one of the objects used by gamblers⁴¹. In addition to these, there is evidence that game boards were used as divination tools⁴².

ARCHAEOLOGICAL FINDS DESIGNED WITH PARALLEL LINES

In line with textual and visual representations discussed above, many pieces of archaeological evidence, with or without inscriptions, have been recorded on stones and roof tiles in the Aegean region. The stone find, which is the first of three examples found in the Epidaurus Asklepios Sanctuary, is dated to the fourth century BC⁴³. On the top, there are four parallel lines carved on one side and five on the other side, while votive inscriptions are seen in the middle of the two blocks of lines and on the side of the stone board⁴⁴. The letters M X H-O I are engraved on each of the five lines⁴⁵. The other stone board, which was found right next to the first find, has two different sets of five lines⁴⁶. The third find was recorded with five parallel lines with hollows and three indistinct lines next to them⁴⁷.

On the other hand, the six stone finds from the Amphiareion at Oropos provide important data on the subject⁴⁸. One of the stones that were found in many pieces and reassembled has eleven lines, and the top of the first line is carved in the form of a half-arc⁴⁹. At the bottom is an eleven-letter X Ϝ H Ϝ Δ Γ Ϝ I C T X inscription of monograms.

³⁷ It goes Γ, πέντε for 5, Δ, δέκα for 10, H, ἑκατόν for 100, X, χίλιοι for 1000, M, μυριοί for 10000.

³⁸ One of the pieces of archaeological evidence for this practice is the scene seen on a ring stone dated to the third quarter of the fourth century BC. A male figure seated in a chair is extending his left hand towards three stones placed on a tripod table. With his other hand, he is holding a plate with numbers carved on it, checking the calculations (Dasen, Gavin 2022, 269, fig. 12; Zazoff 1968, 193, no. 1199).

³⁹ Herodotus states that pebbles were used for writing and counting: Hdt. II. 36. 4.

⁴⁰ Dasen, Gavin 2022, 277.

⁴¹ Poll. *Onom.* X.150.

⁴² Dasen, Gavin 2022, 282.

⁴³ Pritchett 1968, 189.

⁴⁴ Blinkenberg 1898, 2, fig. 1–2.

⁴⁵ M corresponds to 10,000 drachmas; X to 1000 drachmas; H to 100 drachmas; O to 1 drachma; and I to 1 obol.

⁴⁶ Blinkenberg 1898, 3–4, fig. 3–4.

⁴⁷ A stone block with a votive inscription is dated to the fourth century BC. For the image, see Blinkenberg 1898, 4, fig. 5–6.

⁴⁸ Leonardos 1925–1926, 44–45; Lang 1957, 275–276; Pritchett 1968, 191–193; Schärli 2001, 67–68.

⁴⁹ Dasen, Gavin 2022, 267, fig. 11; Schärli 2001, 67–68, fig. 3.3.

The upper part of the stone is made up of a second block with five lines and an arch carving. The other stone block is preserved with four parallel carved lines, while the half-bow on it is barely visible, and a nine-letter inscription of ΜΤΦΧΦΗΦΔΓ is located in the place of these lines⁵⁰. These numbers correspond to drachma, obol and half obol⁵¹. In addition to these two sacred areas, another stone block found in a well in the Corinth South Stoa has been identified as the Pente Grammai game with five parallel lines carved into it⁵². In this context, the letters Δ, T, X, H, and A carved in different places have been interpreted as elements related to the game that are helpful to the players⁵³. At the bottom left of the stone, there's the inscription ιός Βουλέος, and on the bottom right Δαμ is written with ην underneath it. These expressions are associated with the cult of Zeus Bouleus, Demeter, and Kore⁵⁴. The surface of a stone block found in Salamis is made up of two different groups of lines⁵⁵. On one of the short sides, there are five parallel lines and a half-arc. The other side has the same half-circular arc but there are eleven larger lines instead⁵⁶. The long sides of the stone bear number marks on both sides, ranging from 1000 drachmas to 1/8 of an obolus. In addition, there are numbers representing 5000 drachmas and 1 talent (6000 drachmas)⁵⁷. A stone recorded in Delos was found in a theater with eleven parallel lines like those in Salamis, had the third, sixth, and ninth lines marked with an X⁵⁸. Two other stones carved with this pattern were recorded at Abdera⁵⁹ and Eretria⁶⁰. The stone block found in the Temple of Apollo at Delphi is also carved with parallel lines, and there's the votive inscription Η - - Ν Υ Ι Ο / Σ - - located at the bottom⁶¹. As a secondary use, it is suggested that it was used as an abacus⁶². This stone block found in pieces has five parallel lines with triangular-shaped ends and half-arc-shaped carvings. Right next to these five lines are two lines, one of which is indistinct, and an arc⁶³. Based on the preserved lines, V. Mathé suggested

⁵⁰ Pritchett 1968, pl. 3.1.

⁵¹ Pritchett 1968, 192.

⁵² Broneer 1933, 563, fig. 8; 1954, 64, pl. 15.1; Kent 1966, 13–14, no. 42, pl. 6.42.

⁵³ Kent 1966, 13.

⁵⁴ J.H. Kent argues that the use of stone as a game object came several centuries after the writings dating back to the 2nd century BC. He cites the crudeness of the lines and the individual letters associated with the stone as evidence (Kent 1966, 13–14). Pritchett, on the other hand, disagrees with this view (Pritchett 1968, 193, n. 8).

⁵⁵ Pritchett 1968, 193–195, no. 11, pl. 4.1; Schärli 2001, 66–67, fig. 1.

⁵⁶ The single vertical line equally divides these horizontal lines, while the third, sixth, and ninth horizontal lines are marked with an X.

⁵⁷ Pritchett 1968, 195. For another stone find in Salamis, divided into two by eleven horizontal lines and a single vertical line, see Chavane 1975, 197, no. 576, pl. 53.

⁵⁸ Déonna 1938, 336, pl. XCV, 831.

⁵⁹ Ignatiadou 2019, 146, fig. 1.

⁶⁰ For the find with only two pieces preserved along with a proposition for reconstruction, see Knoepfler 2001, 79, fig. 11–12.

⁶¹ A proposal has been made that the first use of the block was as a pedestal for a statue dedicated as an offering in the Archaic period (Mathé 2009, 173).

⁶² Mathé 2009, 175.

⁶³ Mathé 2009, 174, fig. 6–7.

that there may be nine more lines in the continuation of the existing lines, and, as in the examples of Salamis and Oropos, there are eleven parallel lines in total⁶⁴.

In addition to stone-carved game boards, there is also archaeological evidence of game boards carved on terracotta roof tiles. Two roof tiles found in Pydna, Macedonia, are thought to be game boards for Pente Grammai⁶⁵. Another notable find identified as the Pente Grammai game is the game set found in a tomb context in Corinth/Derveni⁶⁶. The wooden set that has gaming pieces with iron-reinforced edges found alongside it in its context, has been evaluated as a foldable Pente Grammai game board⁶⁷.

In addition to the examples mentioned above, the findings in Stageira⁶⁸ in the North Aegean and Eretria⁶⁹ on the island of Euboea are the closest matches to the stone block we examined in this study.

EVALUATION

Blocks and plates carved with parallel lines are often associated with the Pente Grammai game and are defined as game boards, one of the basic tools of this game. Archaeological data from mainland Greece and the Aegean islands have led recent researchers to identify stone blocks with five, seven, and eleven parallel lines on the same surface as abacus. These blocks are characterized by monograms on their sides that correspond to numerical values. Given that sacred areas in ancient Greece served as financial centres, it is likely that these types of inscribed artifacts found especially in sacred areas were used for large-scale calculations⁷⁰. It's hard to say whether the five-line examples with no numerical values are a calculating tool or a game board for the Pente Grammai game. In this context, the Old Smyrna stone block we are examining corresponds to the simple and plain designs found in Stageira and Eretria. The iconographic narrative on the Krannon grave stele provides new data on the use of simple-designed boards as an abacus. This finding contributes to the view that board games were used as teaching tools in the Greek education system⁷¹. Due to the lack of recorded information about the context of the Old Smyrna find that we have introduced in this study, no hypotheses about the intended use of the find will lead to an accurate identification. We can generally state that the example we examined was used as a multi-purpose object that included both an abacus and the Pente Grammai game. The Old Smyrna find we examined in this study provides important new evidence for research

⁶⁴ Mathé 2009, 174, fig. 8.

⁶⁵ One of these examples is a Corinthian-style roof tile with six lines on it dated to the first half of the fourth century BC, which was found in a settlement area. Another Lakonian-style roof tile, on the other hand, has nine lines with a triangular motif carved over one of the lines. For details, see Ignatiadou 2019, 151, fig. 9–10.

⁶⁶ Ignatiadou 2016, 111–112, fig. 13.

⁶⁷ Ignatiadou 2019, 151. For foldable digital animation of the game table, see Kotoula, Ignatiadou 2019, 91, fig. 5–6.

⁶⁸ Ignatiadou 2019, 150, fig. 7.

⁶⁹ Knoepfler 2001, 81, fig. 13.

⁷⁰ In ancient times, sanctuary areas took on a banking role by collecting taxes, protecting the treasury, and exchanging money values (Immerwahr 1986, 199).

⁷¹ Netz 2002, 342.

on this topic, particularly in Anatolia, and on the Graeco-Roman game culture in the Smyrna region.

References

- Akar Tanrıver, D., Foça, S. 2022: Eski Smyrna'da ele geçen kemik ve fildişi objeler. *TÜBA-KED: Türkiye Bilimler Akademisi Kültür Envanteri Dergisi* 26, 135–156.
- Aktaş, R. 2018: Aşık kemiğinin (astragalos) antik dönemde kullanımı. In: O. Zunal, Y. Polat, H. Cevizoglu, G.G. Demir, G. Polat, G. Günata, E. Doğan Gürbüz, C. Pişkin Ayvazoglu (eds.), *Prof. Dr. Nuran Şahin'e Armağan Kitabı: EPIPHANEIA*. İzmir, 1–8.
- Akurgal, E. 1997: *Eski İzmir*. Cilt I. *Yerleşme Katları ve Athena Tapınağı*. Ankara.
- Austin, R.G. 1940: Greek Board-games. *Antiquity* 14, 257–271.
- Becq de Fouquières, L. 1873: *Les jeux des anciens: leur description, leur origine, leurs rapports avec la religion, l'histoire, les arts et les mœurs*. 2e ed. Paris.
- Blinkenberg, Chr. 1898: Epidaurische Weihgeschenke. *Mitteilungen des Kaiserlich Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung* XXIII, 1–23.
- Blok, J. 2021: Greek Numerals and Numeracy. In: Y. Suto (ed.), *Transmission and Organization of Knowledge in the Ancient Mediterranean World*. Vienna, 21–40.
- Boardman, J. 2003: *Siyah Figürlü Atina Vazoları*. İstanbul.
- Brommer, F. 1974: *Denkmälerlisten zur griechischen Heldensage*. II. Bd. *Theseus—Bellerophon—Achill*. Marburg.
- Broneer, O. 1933: Excavations in the Agora at Corinth, 1933. *American Journal of Archaeology* 37/4, 554–572.
- Broneer, O. 1954: *The South Stoa and Its Roman Successors*. (Corinth, I/4). Princeton (NJ).
- Bucholz, H.G. 1987: Brettspielende Helden. In: S. Laser (Hrsg.), *Sport und Spiel*. (Archaeologia Homerica, 3). Göttingen, 126–184.
- Cevizoglu, H., Tanrıver, C. 2023: Eski Smyrna savunma duvarları. *Höyük* 11, 73–88.
- Chavane, M.-J. 1975: *Les Petits Objets*. (Salamine de Chypre, VI). Paris.
- Chidioglou, M., Schädler, U., Schierup, S. 2022: Les plateaux de jeu grecs archaïques en terre cuite reconsidérés. *Pallas* 119, 19–41.
- Dasen, V. 2015: Achille et Ajax: quand l'agôn s'allie à l'alea. *Revue du MAUSS* 2 (46), 81–98.
- Dasen, V., Gavin, J. 2022: Game Board or Abacus? Greek Counter Culture Revisited. *Board Game Studies Journal* 16/1, 251–307.
- Déonna, W. 1938: *Le mobilier délien*. (Exploration Archéologique de Délos, XVIII). Paris.
- Erdem, A.Ü., Tanrıver, C. 2016: 2015 yılı Bayraklı Höyük kazıları: Tunç Çağı çalışmalarına dair ön rapor. *ADerg (Arkeoloji dergisi)* XXI, 1–9.
- Ersoy, A., Erdin, Ö. 2015: Antik Dönem Smyrna Agorası'nda bulunan Roma Dönemi Ludus Latrunculorum ve Mankala oyun tablaları üzerine inceleme. In: E. Okan, C. Atilla (eds.), *Prof. Dr. Ömer Özyiğit'e Armağan / Studies in Honour of Ömer Özyiğit*. İstanbul, 141–156.
- Garland, R. 1985: *The Greek Way of Death*. London.
- Gerhard, E. (ed.) 1884: *Etruskische Spiegel*. 5. Bd. Berlin.
- Ignatiadou, D. 2016: The Warrior Priest in Derveni Grave B Was a Healer Too. *Histoire, médecine et santé* 8, 89–113.
- Ignatiadou, D. 2019: Luxury Board Games for the Northern Greek Elite. *Archimède: archéologie et histoire ancienne* 6, 144–159.
- Immerwahr, H.R. 1986: Aegina, Aphaia-Tempel, 9. An Archaic Abacus from the Sanctuary of Aphaia. *Archäologischer Anzeiger* 1986, 195–204.
- Kallipolitis, V.G. 1963: [The Anagyrountos' Tomb Excavations]. *Archaiologikon Deltion* 18/A', 115–132. Καλλιπολίτης, Β.Γ. Ανασκαφή τάφων Αναγυρούντος. *Αρχαιολογικόν Δελτίον* 18/A', 115–132.
- Kent, J.H. 1966: *The Inscriptions, 1926–1950*. (Corinth, VIII/3). Princeton (NJ).
- Kidd, S. 2017: Pente Grammai and the 'Holy Line'. *Board Game Studies Journal* 11, 83–99.
- Knoepfler, D. 2001: *Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté*. (Eretria, Fouilles et recherches, XI). Lausanne.
- Kotoula, E., Ignatiadou, D. 2019: A Sketch and Image-based 3D Representation of the Derveni Board Game Using the CHER-ish Software. In: P. Kyriakidis, A. Agapiou, V. Lysandrou (eds.),

- Spreading Excellence in Computer Applications for Archaeology and Cultural Heritage. Proceedings of the 3rd Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology, Greek Chapter (CAA-GR). Limassol, Cyprus, 18–20 June 2018.* Limassol, 85–93.
- Kühler, K. 1970: *Die Nekropole des späten 8. bis frühen 6. Jahrhunderts.* (Kerameikos, VI/2). Berlin.
- Kurke, L. 1999: Ancient Greek Board Games and How to Play Them. *Classical Philology* 94/3, 247–267.
- Kurtz, D.C., Boardman, J. 1971: *Greek Burial Customs.* London.
- Lamer, H. 1927: Lusoria tabula. In: *RE.* Bd. XIII/2, 1900–2029.
- Lang, M. 1957: Herodotos and the Abacus. *Hesperia* 26/3, 271–288.
- Leonardos, V. 1925–1926: [The Inscriptions of Amfiareios]. *Archaiologike Ephemeris* 1925–1926, 9–45.
- Λεονάρδος, Β. Αμφιαρείου επιγραφαί. *Αρχαιολογική Εφημερίς* 1925–1926, 9–45.
- Mathé, V. 2009: Un abaque à Delphes. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 133/1, 169–178.
- Murray, H.J.R. 1978: *A History of Board-Games Other Than Chess.* New York.
- Netz, R. 2002: Counter Culture: Towards a History of Greek Numeracy. *History of Science* XL, 321–352.
- Pritchett, W.K. 1968: ‘Five Lines’ and IG I² 324. *California Studies in Classical Antiquity* 1, 187–215.
- Schädler, U. 1999: *Damnosa alea* – Würfelspiel in Griechenland und Rom. In: G. Bauer (Hrsg.), *5000 Jahre Würfelspiel. Katalog der Ausstellung.* (Homo Ludens, 9). Salzburg, 39–58.
- Schädler, U. 2009: *Pente grammai* – The Ancient Greek Board Game Five Lines. In: J.N. Silva (ed.), *Board Game Studies. Colloquium XI, April 23rd to April 26th 2008.* Lisboa, 173–196.
- Schärlig, A. 2001: *Compter avec des cailloux: le calcul élémentaire chez les anciens Grecs.* Lausanne.
- Selvi Bener, S. 2013: *Antikçağda Oyun ve Oyuncaklar.* İstanbul.
- Tanriver, C. 2023: İzmir’e adını veren kent: Eski Smyrna. In: A. Ersoy (ed.), *Geçmişten Günümüze Kurtuluşun 100. Yılında İzmir – Arkeoloji.* İzmir, 77–109.
- Tanriver, C., Akat Özenir, S., Akar Tanriver, D.S., Erdem Otman, A.Ü., Erdoğan A. 2017: Eski Smyrna (Bayraklı Örenyeri/Tepekule) Kazısı 2014–2015. In: A. Özme (ed.), *38. Kazı Sonuçları Toplantısı.* 3. Cilt. Ankara, 95–114.
- Tanriver, C., Ertüzün, B., Erdem Otman, A.Ü., Akar Tanriver, D.S. 2023: Eski Smyrna (Bayraklı Ören Yeri) Kazısı 2021 yılı çalışmaları. In: A. Özme (ed.), *42. Kazı Sonuçları Toplantısı.* 2. Cilt. Ankara, 53–68.
- Vermeule, E. 1979: *Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry.* Berkeley–Los Angeles–London.
- Whittaker, H. 2004: Board Games and Funerary Symbolism in Greek and Roman Contexts. In: S. Des Bouvrie (ed.), *Myth and Symbol. Vol. II. Symbolic Phenomena in Ancient Greek Culture. Papers from the Second and Third International Symposia on Symbolism at the Norwegian Institute at Athens, September 21–24, 2000 and September 19–22, 2002.* (Papers from the Norwegian Institute at Athens, 7). Bergen, 279–302.
- Woodford, S. 1982: Ajax and Achilles Playing a Game on an Olpe in Oxford. *Journal of Hellenic Studies* 102, 173–185.
- Zazoff, P. 1968: *Etruskische Skarabäen.* Mainz am Rhein.

DOI: 10.31857/S0321039124030111

EROTICA. К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И БЫТОВАНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФАЛЛИЧЕСКИХ ТЕРРАКОТ В ГРЕКО-РИМСКОМ ЕГИПТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОБРАНИЯ ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА)

О. А. Васильева¹, О. В. Томашевич²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия
²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹E-mail: olga.vassilieva@arts-museum.ru

²E-mail: olgotomas@mail.ru

¹ORCID: 0000-0002-5101-458X

²ORCID: 0000-0003-1462-6699

В статье публикуются 12 предметов терракотовой пластики (большинство — впервые), относящихся к так называемым «эротическим/фаллическим/обценным изображениям»: гротескные фигурки участников фаллических процессий и пигмеев, фрагменты рельефных сосудов с любовными сценами, отдельные изображения фаллосов, две уникальные плакетки с изображением симплегмы. Тематически и функционально к указанным предметам примыкают глиняные светильники, изображающие мужчин с огромным фаллосом, а также фаянсовые и известняковые «фаллические» статуэтки, относящиеся к Позднему и Греко-римскому периодам (в том числе так называемые Naukratic figures). Исследование показывает, что фаллические статуэтки Птолемеевского периода восходят к египетской традиции и были распространены в разных областях Египта. В рамках данной статьи сделан один из первых шагов на пути научного изучения в отечественной историографии подобных изображений как специфического пласта древнеегипетской культуры. Авторы попытались определить первоначальный контекст и назначение данных

Данные об авторах. Ольга Александровна Васильева — кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369 исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. отделом Древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина; Ольга Владимировна Томашевич — кандидат исторических наук, участник научного коллектива по проекту РНФ 19-18-00369, доцент исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 19-18-00369 «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А.С. Пушкина и архивных источников)».

памятников, представляющих собой вотивные приношения либо предметы, находившиеся в домах и служившие в качестве оберегов от дурного глаза и, вероятно, амулетов для обеспечения мужской потенции и женской фертильности.

Ключевые слова: греко-римский Египет, греко-египетские терракоты, «эротические» статуэтки, фаллические статуэтки, Бэс, Харпократ, Навкратис, Саккара, Бубастис, Атрибис, статуэтки обнаженных женщин, симплеγμα, еготика, древнеегипетская религия, коллекция В.С. Голенищева, ГМИИ им. А.С. Пушкина

EROTICA. TOWARDS THE PROBLEM OF PROVENANCE AND USE OF THE SO-CALLED PHALLIC TERRACOTTA FIGURINES IN GRAECO-ROMAN EGYPT (FROM THE COLLECTION OF THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, MOSCOW)

Olga A. Vasilyeva¹, Olga V. Tomashevich²

¹*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹*E-mail: olga.vassilieva@arts-museum.ru*

²*E-mail: olgotomas@mail.ru*

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 19-18-00369

The paper presents the publication (mainly for the first time) of 12 terracotta objects, with the so-called 'erotic' or 'phallic' depictions. These are grotesque attendants of phallophori, and a pygmy attacked by a cockerel, fragments of Greek vessels with erotic scenes, the statuettes of *phalli*, and two unique plaques with the depiction of *symplegma*. Thematically and functionally close to these items are pottery oil lamps in the shape of a man with an enormous *phalli*. Moreover, as a precursor to the Graeco-Roman terracotta there is a complex of faience and limestone 'phallic' figurines from the Late and Graeco-Roman periods (including so called *Naukratic figures*). The origins of such phallic statuettes, as shown in the paper, can be traced back to the Late Egyptian tradition and even earlier. The 'erotic' depictions were widespread in different regions of Egypt. This paper makes one of the first steps in the research into the previously 'obscene' or 'prohibited'/'restricted' theme of Ancient Egyptian erotic depictions from the collection of the Pushkin Museum. To understand these objects as a specific phenomenon of Egyptian culture, one is looking for their provenance, which, as is often the case, is missing. We can only speculate about the initial context of such items, being in greater part the 'ex-votos' or apotropaic objects kept in houses and serving as amulets for male potency and female fertility.

Keywords: Graeco-Roman Egypt, Graeco-Egyptian terracottas, 'erotic' figurines, 'Naukratic figures', the god Bes, Harpocrates, Naukratis, Saqqara, Bubastis, Athribis, naked female statuettes, *symplegma*, ancient Egyptian religion, V.S. Golenischev' collection, Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow)

В отделе древнего Востока ГМИИ им. А.С. Пушкина насчитывается 224 предмета терракотовой пластики: статуэтки разных типов, фигурные сосуды, светильники и фрагментарные вещи. Большая часть памятников происходит из коллекции В.С. Голенищева (1911 г.), а также из других частных собраний — А.В. Живаго (1940 г.), Н.Г. Тер-Микаэляна, И.Г. Арутюняна, О.В. Ковтуновича (1980-е годы).

К сожалению, сведения о провенансе большинства терракот отсутствуют. Предположительно в 1908 г., в связи с подготовкой коллекции к продаже, В.С. Голенищев создал ее машинописный Инвентарь, экземпляры которого хранятся в ГМИИ (6149 предметов, включая 87 гипсовых слепков) и в Эрмитаже (5437 предметов). Московский Инвентарь значительно точнее, так как многие вещи у Голенищева хранились неразобранными в ящиках, и он не вносил их в Инвентарь. При приемке собрания в Москве в июне 1911 г. был составлен «Протокол о разночтении в списках принятой коллекции»¹. Именно тогда и появилась рукописная часть Инвентаря коллекции В.С. Голенищева, отсутствующая в петербургском экземпляре. Чернилами от руки были вписаны мелкие фрагменты папирусов, остраконы и небольшие статуэтки, в числе которых упоминается «немалое количество не совсем приличных предметов, римской эпохи»². Далее в Инвентаре они названы общепринятым тогда термином «обсценные сцены». К этой категории относятся публикуемые в статье 12 терракотовых изделий Позднего и Греко-римского периодов. В качестве аналогий привлекаются еще около 50 предметов из глины, фаянса и известняка, хранящиеся в отделе древнего Востока ГМИИ³.

КАТАЛОГ

1. Плакетка с эротической сценой (рис. 1)

Инв. № I, 1а 3218. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Поздний период/Птолемеевский период.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: почти целая, отбиты нижние части ножек ложа, небольшие сколы и потертости, загрязнения поверхности⁴.

Размеры: максимальная высота 9,9 см, максимальная ширина 6,6 см, толщина 5,6 см.

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме низкого качества; ложе долеплено вручную; при формовке задней стороны предмета (ложа) была подсыпана измельченная солома.

¹ Demskaya *et al.* 1987, 117.

² ГМИИ им. А.С. Пушкина, запасник отдела древнего Востока. «Список вещей, входящих в состав коллекции восточных древностей В.С. Голенищева». С. 111–121 (номера ИГ 5403–6149).

³ Три фигурки (I, 1а 7413, 7414 и 7455) происходят из собрания А.В. Живаго, остальные — из коллекции В.С. Голенищева. Некая «итифаллическая статуэтка» ИГ-5587, зафиксированная в голенищевском Инвентаре, отсутствует.

⁴ Техническое описание терракотовых статуэток сделано С.Е. Малых (ИВ РАН).

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая среднеплотная светло-коричневая (7.5YR6/4), со средним количеством слюды, кварцевого песка и растительных частиц, небольшой примесью черного камня.

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (7.5YR6/4).

Способ отделки внешней поверхности: без отделки.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и задней сторонах.

Публикации: нет.

Аналогии: ср. Weber 1914, Taf. 32, Nr. 352.

2. Плакетка с эротической сценой (рис. 2)

Инв. № I, 1а 3234. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Поздний период/Птолемеевский период.

Происхождение: неизвестно (Бубастис?).

Сохранность: утрачена часть амфоры; сколы на боковых сторонах.

Размеры: высота 12,0 см, ширина 13,5 см, толщина 0,9–3,0 см.

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества; задняя сторона грубая, слабо формованная на подсыпке из белых частиц (измельченный мрамор?).

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная светло-красная (10R6/8), с большим количеством белых частиц (измельченный мрамор?), небольшой примесью серебристой слюды, кварцевого песка, растительных частиц и темно-красного шамота.

Способ отделки внешней поверхности: плотный бордовый ангоб (5R4/3, 5R4/4) на лицевой стороне.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: следы красного пигмента на задней и частично лицевой сторонах.

Публикации: Hodjash 2004, 113, кат. 85.

Аналогии: Vaelske 2021, 409, fig. 15.24.

3. Плакетка с эротической сценой (рис. 3)

Инв. № I, 1а 3233. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Поздний период/Птолемеевский период.

Происхождение: неизвестно (Бубастис?).

Сохранность: утрачена левая часть плакетки; местами потертости на поверхности.

Размеры: высота 8,6 см, ширина 6,4–7,2 см, толщина 0,8–2,7 см.

Способ изготовления: оттиск в односторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества, слабо проработанный, с дефектами (в том числе отпечатки от выжженных при обжиге органических включений в глину); задняя сторона грубая, слабо формованная.

Материал: глина аллювиальная средне-грубая среднеплотная красно-коричневая (2.5YR5/6, 2.5YR5/8), с большим количеством растительных частиц,

небольшой примесью золотистой слюды, известняка, кварцевого песка, измельченных костей животных и шамота.

Способ отделки внешней поверхности: без дополнительной отделки.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: нет.

Аналогии: Vaelske 2021, 409, fig.15.24; ср. Thomas 2015, 61, fig. 124.

4. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену (рис. 4)

Инв. № I, 1а 3235. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: IV—I вв. до н.э.

Происхождение: Навкратис (?).

Сохранность: фрагмент стенки сосуда закрытого типа.

Размеры: 5,2 × 5,3 см.

Способ изготовления: на гончарном круге; декор оттиснут в форме-матрице и прикреплен на нижнюю часть тулова сосуда.

Материал: глина тонкая плотная бежевая (7.5YR7/4), со средним количеством золотистой слюды, небольшой примесью кварцевого песка и белых частиц.

Способ отделки внешней поверхности: красный лак снаружи (2.5YR4/8); рельефный декор частично раскрашен: фигура женщины — в белый цвет, волосы мужчины и женщины, ложе — темно-коричневые; фигура мужчины и драпировка ложа — красные.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: импорт.

Публикации: нет.

Аналогии: кубок Museum of Fine Arts, Boston 88.903, Villing *et al.* 2015 (IC.016); Zhuravlev 2006, 148, кат. 152, 153, 154; ср. Myśliwiec 2004, 64.

5. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену (рис. 5)

Инв. № I, 1а 3236. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: IV—I вв. до н.э.

Происхождение: Навкратис (?).

Сохранность: фрагмент стенки сосуда закрытого типа.

Размеры: 6,6 × 6,0 см.

Способ изготовления: на гончарном круге; декор оттиснут в форме-матрице и прикреплен на нижнюю часть тулова сосуда.

Материал: глина средне-тонкая среднетонкая бежево-оранжевая (5YR6/6), с большим количеством золотистой слюды, средним количеством кварцевого песка и белых частиц, небольшой примесью черного камня и растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: подлощенный красный ангоб местами снаружи (10R4/6); рельефный декор частично раскрашен: тела мужчины и женщины — в красный цвет, волосы мужчины и женщины, ножки ложа — темно-коричневые; вокруг декора рамка темно-коричневого цвета.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: импорт.

Публикации: нет.

Аналогии: кубок Museum of Fine Arts, Boston 88.903, Villing *et al.* 2015 (IC.016); Zhuravlev 2006, 148, кат. 152, 153, 154; ср. Myśliwiec 2004, 64.

6. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену (рис. 6)

Инв. № I, 1а 3237. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: IV—I вв. до н.э.

Происхождение: Навкратис (?).

Сохранность: фрагмент стенки сосуда закрытого типа.

Размеры: 6,2 × 4,5 см.

Способ изготовления: на гончарном круге; декор оттиснут в форме-матрице и прикреплен на нижнюю часть тулова сосуда.

Материал: глина тонкая плотная бежево-оранжевая (2.5YR6/6), со средним количеством золотистой слюды и кварцевого песка, небольшой примесью растительных частиц.

Способ отделки внешней поверхности: красный лак снаружи (2.5YR4/8); рельефный декор частично раскрашен: волосы мужчины и женщины, часть драпировки ложа — темно-коричневые.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: импорт.

Публикации: нет.

Аналогии: кубок Museum of Fine Arts, Boston 88.903, Villing *et al.* 2015 (IC.016); Zhuravlev 2006, 148, кат. 152, 153, 154; ср. Myśliwiec 2004, 64.

7. Фаллос (деталь статуэтки) (рис. 7)

Инв. № I, 1а 3238. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Поздний период/ Раннептолемеевский период.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: нижняя часть утрачена, сколы, потертости и загрязнения поверхности.

Размеры: максимальная длина 7,2 см, максимальная ширина 2,8 см, максимальная толщина 2,6 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны низкого качества; задняя сторона гладкая, без детализации, заглажена; соединительные швы тщательно заглажены.

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная неравномерного окраса — светло-коричневая (2.5YR5/4), местами красно-коричневая (2.5YR5/6), со средним количеством известняка и растительных частиц, небольшой примесью слюды и кварцевого песка.

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (2.5YR5/4), местами красный (10R5/4).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: неравномерный окислительный.

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и задней сторонах, поверх нее следы розового пигмента.

Публикации: нет.

Аналогии: Bailey 2008, no. 3255–3257; Martin 1981, pl. 28; Attula 2001, Kat. 82.

8. Статуэтка-фаллос (рис. 8)

Инв. № I, 1а 3239. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Римский период.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: почти целая, отбита небольшая часть у основания, загрязнения поверхности.

Размеры: максимальная длина 11,0 см, максимальная ширина 2,9 см, максимальная толщина 3,0 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества; задняя сторона без детализации, подрезана, на поверхности видны отпечатки пальцев мастера; соединительные швы подрезаны и грубо заглажены; технологическое отверстие диаметром 0,5 см на задней стороне предмета, проколото до обжига.

Материал: глина аллювиальная тонкая плотная светло-коричневая (5YR5/3), с большим количеством слюды, небольшой примесью растительных частиц и измельченных костей животных.

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (5YR5/3), местами красный (10R5/4).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции на лицевой и задней сторонах, поверх нее следы розового пигмента.

Публикации: нет.

Аналогии: Attula 2001, Kat. 92, 93; Bailey 2008, no. 3255–3257; Dunand 1990, 1016; Fischer 1994, Taf. 52, Nr. 528. Ср. Ewigeleben, Grumbkow 1991, Nr. 59–61.

9. Статуэтка-фаллос (рис. 9)

Инв. № I, 1а 3181. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Римский период.

Происхождение: неизвестно, Саккара (?).

Сохранность: целая, потертости и загрязнения поверхности.

Размеры: максимальная длина 16,0 см, максимальная ширина 4,2 см, максимальная толщина 3,8 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества; оттиск задней стороны низкого качества; соединительные швы подрезаны и заглажены; технологическая щель (1,0 × 1,2 см) в нижней части предмета, прорезана по сырой глине (для равномерного прогрева при обжиге).

Материал: глина аллювиальная тонкая плотная светло-коричневая (2.5YR5/4) и коричневая (5YR5/4), со средним количеством слюды, небольшой примесью растительных частиц и измельченных костей животных.

Цвет внешней поверхности: светло-коричневый (2.5YR5/4).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Примечание: следы белой гипсоподобной субстанции на задней стороне.

Публикации: нет.

Аналогии: Attula 2001, Kat. 91.

10. Статуэтка-фаллос (рис. 10)

Инв. № I, 1а 7647. Из собрания А.В. Живаго (1940).

Датировка: Римский период.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: разбита на два фрагмента, сколы и потертости, небольшие загрязнения поверхности.

Размеры: максимальная длина 10,0 см, максимальная ширина 3,7 см, максимальная толщина 3,5 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме хорошего качества; соединительные швы подрезаны и заглажены.

Материал: глина аллювиальная тонкая плотная коричневая (5YR5/4), с большим количеством слюды, средним количеством растительных частиц, небольшой примесью мелко измельченных костей животных.

Цвет внешней поверхности: коричневый (5YR5/4), местами красный (10R5/4).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание местами.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: нет.

Аналогии: Attula 2001, Kat. 94.

11. Статуэтка фаллического носильщика или служителя культа (рис. 11)

Инв. № I, 1а 3188. Из собрания В. С. Голенищева (1911).

Датировка: Римский период, I—II вв. н.э.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: целая, загрязнения поверхности.

Размеры: максимальная высота 13,9 см, максимальная ширина 10,0 см, максимальная толщина 5,0 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме низкого качества, со слабым прижимом деталей; соединительные швы подрезаны и заглажены; технологическое отверстие диаметром 2,3—2,6 см на лицевой стороне между ног фигуры, прорезано до обжига, также служило для вставки фаллоса; ушко для подвешивания сзади на шее, проколото до обжига (диаметр отверстия 0,5—0,8 см).

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная коричневая (5YR5/4), с большим количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка, известняка и растительных частиц.

Цвет внешней поверхности: светло-красно-коричневый (2.5YR5/3).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: равномерный окислительный.

Публикации: нет.

Аналогии: Ewigeleben, Grumbkow 1991, Nr. 108; Bailey 2008, no. 3180 (из Фаюма); Breccia 1934, pl. LXXXVI, 449; Dunand 1990, 796; ср. Fischer 1994, Taf. 37, Nr. 389, 390.

12. Статуэтка фаллического карлика (пигмея) с петухом (рис. 12)

Инв. № I, 1a 3232. Из собрания В.С. Голенищева (1911).

Датировка: Римский период.

Происхождение: неизвестно.

Сохранность: целая, многочисленные сколы и осыпания поверхности.

Размеры: максимальная высота 13,4 см, максимальная ширина 18,8 см, максимальная толщина 6,0 см.

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме среднего качества; соединительные швы подрезаны и заглажены; технологическое отверстие диаметром 0,5–0,7 см ниже хвоста петуха, проколото до обжига; ушко для подвешивания между головой человека и петуха, проколото до обжига (диаметр отверстия 0,6 см).

Материал: глина аллювиальная средне-тонкая плотная коричневая (2.5YR4/4), с большим количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка, известняка и растительных частиц.

Цвет внешней поверхности: коричневый (2.5YR4/4).

Способ отделки внешней поверхности: заглаживание.

Обжиг: неравномерный окислительный.

Примечание: следы копоты и нагара на поверхности предмета.

Публикации: нет.

Аналогии: Weber 1914, Taf. 32, Nr. 351.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В собрании ГМИИ имеется целая группа терракотовых, известняковых и фаянсовых изображений, относящихся (по крайней мере, по иконографии) к категории *erotica*, если следовать терминологии Ф. Дершена ('*les erotica*')⁵: 63 статуэтки с широкой датировкой от начала Позднего периода, XXVI династии, до Греко-римского времени. Под этим обозначением подразумеваются сюжеты, связанные со сценой совокупления, различные «фаллические» статуэтки и фигурки фаллосов.

При этом надо помнить об определенной условности использования термина *erotica*, ибо если и сейчас сложно добиться согласия в строгом разделении эротики и порнографии, то для древности у нас почти нет сведений о восприятии подобных изображений. Интерпретация таких фигурок затруднена в связи с тем, что в музейных собраниях часто отсутствуют сведения о провенансе этих предметов, а именно место находки может быть решающим фактором в пользу той или иной интерпретации памятника. Обычно изображения из категории *erotica* в музеях долго хранились в записниках «под спудом» и считались «обсценными», т.е. «постыдными».

⁵Derchain 1981, 166.

Рис. 1. Плакетка с эротической сценой.
Инв. № I, 1а 3218
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 2. Плакетка с эротической сценой.
Инв. № I, 1а 3234
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 3. Плакетка с эротической сценой.
Инв. № I, 1а 3233
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 4. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену.
Инв. № I, 1а 3235
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 5. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену.

Инв. № I, 1а 3236

© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 6. Деталь вазы с накладным рельефным декором, содержащим эротическую сцену.

Инв. № I, 1а 3237

© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 7. Фаллос (деталь статуэтки).

Инв. № I, 1а 3238

© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 8. Статуэтка-фаллос.

Инв. № I, 1а 3239

© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 9. Статуэтка-фаллос.
Инв. № I, 1а 3181
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 10. Статуэтка-фаллос.
Инв. № I, 1а 7647
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 11. Статуэтка фаллического носильщика
или служителя культа.
Инв. № I, 1а 3188
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 12. Статуэтка фаллического карлика
(пигмея) с петухом.
Инв. № I, 1а 3232
© ГМИИ им. А.С. Пушкина

В ГМИИ данные статуэтки не были включены Б.А. Тураевым, глубоко верующим христианином, в создаваемую им к открытию музея в 1912 г. экспозицию Голенищевской коллекции. Еще в начале XX в. музеи считали такой материал незначительным, недостойным изучения и тем более экспонирования⁶. Об этом пишет и Дж. Мартин, считая термин «erotic figurines» не слишком удачным, но не имеющим пока альтернативы⁷. До сих пор исследователи применяют ставшие фактически равнозначными наименования статуэток такого рода — «фаллические»⁸ либо «эротические»⁹.

Помимо их специфического характера, объяснение пренебрежения ими со стороны музейных хранителей можно видеть и в том, что терракотовые и фаянсовые статуэтки являются массовой продукцией, в большинстве своем довольно низкого ремесленного уровня. Кроме того, их считали «поздними» и, соответственно, свидетельствующими о вырождении традиции. Ситуация постепенно начинает меняться после середины XX в.; и в 1981 г. Ф. Дершен — известный специалист по культуре и религии Египта — по-новому анализирует находки в Саккаре¹⁰, отметив при этом, что сдержанное отношение к «обсценным» изображениям в начале века не позволило Дж. Квибеллу подробно опубликовать находку так называемых «комнат Бэса»¹¹. В дальнейшем накопление археологического материала из Атрибиса, Навкратиса¹², Бубастиса¹³ и других городов позволило по-иному взглянуть на данные объекты как на специфический феномен позднеегипетской и греко-римской культуры.

Даже из списка использованной литературы видно, что интерес к теме в египтологии заметно вырос после сексуальной революции в Европе 1960–1970-х годов, когда появились не только новые интерпретации «обсценных» изображений, но и попытки дать общую картину сексуальной жизни древних египтян¹⁴.

⁶ В старом Египетском музее Каира на пл. Тахир несколько подобных памятников были помещены в витрину таким образом, что рассмотреть их было почти невозможно; не вошли они и в довольно подробный каталог коллекции (Bongioanni, Croce 2005). В Археологическом музее Неаполя в 1819 г. был устроен специальный «Секретный кабинет», в котором были собраны подобные изображения, в основном из Помпеев. Доступ в него был возможен только для ученых мужского пола по особому разрешению; в 2000 г. эта коллекция стала общедоступна, несмотря на протесты католической церкви. Археологический контекст находок не восстановлен, и для многих из них сведения о нем утрачены. См., например, эротическую сцену на Ниле с участием пигмеев: *Scena nilotica erotica. Pompei, Casa del Medico (VIII.5.24), peristilio (g). Napoli, Museo Archeologico Nazionale, Inv. 113196* (Poole 2016, 159, cat. 129).

⁷ Martin 1987, 71. Cp. Böckler 2022, 54: «термин “эротический” следует в идеале заменить как наименее удачный и проблематичный».

⁸ Myśliwiec 1997 («phallic figurines»).

⁹ Böckler 2021 («erotische Figuren»).

¹⁰ Derchain 1981, 166. Cp. Martin 1987.

¹¹ Derchain 1981, 166. Cp. краткие замечания относительно находок в Саккаре (Quibell 1907, 13, 28) и в Навкратисе (Gutch 1898–1899, 95).

¹² Myśliwiec 1997; Thomas 2015.

¹³ Vaelske 2021.

¹⁴ Manniche 1987; Robins 1993; Myśliwiec 2004.

Из современных ученых, разрабатывающих данную тему, следует отметить Н. Бёклер и У. Матича¹⁵. Музеи также постепенно меняют свой подход к подобного рода предметам, выпуская публикации и устраивая выставки на актуальную тему «гендерных исследований» с включением в экспозицию соответствующих изображений¹⁶. Согласно мнению автора специальной монографии о сексе в греко-римском Египте Д. Монтсеррата, понятие «сексуальность» в древности не интересовало общество *per se* (хотя, естественно, в нем присутствовало), в отличие от современного психологического подхода и увлечения фрейдизмом. Понятия «эротика» и «сексуальность» не рассматривались как нечто имманентное личности человека, но были скорее вписаны в социальный контекст и в зависимости от него могли принимать различные функциональные роли¹⁷. В отечественной историографии настоящая статья является первой попыткой исследования древнеегипетских памятников подобного рода из коллекции ГМИИ в широком контексте современных подходов к этой малоизученной теме¹⁸.

Подобные изображения сложно классифицировать: казалось бы, в категорию *egotica* хорошо вписываются схожие по сути, но несколько отличающиеся друг от друга иконографией фигурки обнаженных женщин, образцы которых имеются в собрании ГМИИ. Так как статуэтки различны, изучать их следует по группам: плоские деревянные дощечки (условно называемые «куклы-весла»)¹⁹, фаянсовые и известняковые фигурки с редуцированными ногами²⁰, глиняные фигурки с птичьими головами²¹, статуэтки женщин на ложе²² и т.д. Они датируются разными эпохами, начиная с Первого переходного периода и до конца истории древнего Египта. Их логическим «завершением», вероятно, являются найденные в поселениях раскрашенные терракотовые фигурки

¹⁵ Böckler 2021; 2022; Matić 2022; 2023. Бёклер, собравшая в своей диссертации более 700 изображений фаллических фигурок, предлагает широкое рассмотрение проблемы, в том числе в контексте палеоантропологии (Böckler 2021, 40–41: понятие *homo phallicus*).

¹⁶ Parkinson 2014; Bailey 2008, no. 3204–3265 (votive figures, phallic); Bayer-Niemeier 1988, Kat. 448–463; Wilfong 1997. Подборку музейных экспонатов по теме «сексуальность» см. URL: <https://www.britishmuseum.org/collection/desire-love-and-identity>; дата обращения: 01.04.2024.

¹⁷ Montserrat 1996, 18, 211. Особенно четко это заметно в античном социуме, где мужчина на различных стадиях физического и социального взросления мог принимать на себя роль мальчика-возлюбленного, мужа и отца, любовника.

¹⁸ См. также Ivanov 2007; 2017. В двух статьях С.В. Иванова опубликованы подобные статуэтки, обнаруженные в ходе раскопок экспедиции Центра египтологических исследований РАН на территории древнего Мемфиса. Автор отмечает отсутствие археологического контекста, затрудняющее более надежную датировку фигурок (Ivanov 2007, 32; см. ниже). Первое обращение к этой теме в отечественной литературе: Tomashevich 2003.

¹⁹ Bongioanni, Croce 2005, 520. Такая фигурка имеется в собрании Государственного Эрмитажа: Инв. № 5568.

²⁰ Tomashevich, Anokhina 2020.

²¹ Anokhina *et al.* 2022.

²² Anokhina, Tomashevich 2021, 52–68; табл. 2.1–2.8; 6 подобных статуэток найдено на месте древнего Мемфиса и опубликовано С.В. Ивановым: Ivanov 2007, 36–41.

обнаженной «Исиды-Афродиты» Греко-римского периода, которые входили в состав приданого, что зафиксировано брачными контрактами²³. Нельзя отказать всем этим статуэткам в эротичности: абсолютная обнаженность фигурок подчеркивается различными украшениями и пышными прическами, а лобковая зона четко выделена и часто гипертрофирована. Однако все статуэтки, вероятно, связаны с плодородием и, прежде всего, предназначались для обеспечения зачатия, благополучного течения и разрешения беременности, защиты рожениц и потомства.

Еще больше сбивает с толку современных исследователей иконография фигурок обнаженных женщин, сидящих с широко раздвинутыми ногами (условно и совсем неудачно называемых «баубо»²⁴). В настоящее время большинство египтологов считают такие статуэтки изображением рожавшей женщины (египтянки рожали и рожают сидя) и относят их к амулетам для рожениц. Они, как и «обнаженные богини», и перечисленные выше группы женских статуэток, в широком смысле имеют отношение к культу плодородия, что было рассмотрено в отдельной статье²⁵.

АНАЛОГИИ, ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАТИРОВКИ ФАЛЛИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных памятников, сделаем несколько общих замечаний об особенностях изображения «эротических» сюжетов в древнем Египте. Как воспринимались подобные предметы в древности? Судя по многочисленным изображениям (хотя всегда надо иметь в виду их определенную условность), нагота не считалась постыдной. Она маркировала отсутствие социального статуса: так изображали поверженных врагов, слуг и маленьких детей²⁶. Однако интимные отношения между людьми до эпохи Нового царства практически не изображались, в отличие от сцен совоплощения животных пустыни, как, например, в рельефах часовни мастабы Птахотепа в Саккаре (время Древнего царства, конец V династии)²⁷. В очень немногих гробницах нам позволено заглянуть «в замочную скважину» спальни — так, в Саккаре, в многокомнатной часовне усыпальницы вельможи Мерерука, есть изображение его с женой, сидящей напротив на кровати и ублажающей супруга игрой на

²³ Bongioanni, Croce 2005, 515; Vasilyeva, Malykh 2021c, 99–106, табл. 4.2.

²⁴ Название связано с древнегреческой мифологией: старуха Баубо пыталась разве-селить горюющую по Персефоне Деметру неприличными жестами (Graves 2001, 105). Египетские «баубо» сильно отличаются от греческих статуэток, обозначаемых этим именем.

²⁵ Vasilyeva, Malykh 2021a. С.В. Иванов относит фрагмент женской статуэтки, найденной в Ком эль-Тумане, к этому типу фигурок (Ivanov 2017).

²⁶ Мертвые враги изображены таким образом на палетке Нармера. Нагими показаны на рельефах в часовнях гробниц вельмож эпохи Древнего царства сборщики папируса, рыбаки, пастухи, собирающие урожай крестьяне — просто они бедны, так удобнее работать, и климат позволяет. См. Kanawati *et al.* 2010, pl. 84; 2011, pl. 24, 27, 71, 84; Kormysheva *et al.* 2010, fig. 31, 33.

²⁷ Quibell 1898, pl. XXXII.

арфе (все одеты, правда, у женщины показана грудь, но это часто встречается на рельефах; отметим другую деталь: ее ожерелье имеет большой противовес — менат, символ богини Хатхор, покровительницы женщин)²⁸.

Примерно так же изображено любовное свидание бога Амона в образе Тутмоса I и матери Хатшепсут (о сути происходящего однозначно говорит сопровождающий изображение текст²⁹): одетые, они сидят на кровати друг против друга, причем бог протягивает ей знак жизни *anh*, а в следующей сцене мы видим довольно редкое изображение беременной царицы, и вот бог Амон уже держит на коленях новорожденную Хатшепсут (рельефы храма царицы в Дейр эль-Бахри, время Нового царства, XVIII династия)³⁰. Потом бог Амон поучаствует и в рождении Аменхотепа III³¹. Более откровенная сцена предстает на рельефе храма Сети I в Абидосе (XIX династия): Исида в образе соколицы прикрывает фаллос Осириса своими крыльями³². Это «официальные» храмовые рельефы, а были и другие изображения.

Временем правления Хатшепсут скорее всего датируется скандальное граффити, найденное в одном из гротов (ММА 504, возможно, неоконченная гробница?), вырубленных в скале над ее храмом. Оно изображает, по-видимому, царицу (о чем свидетельствует ее головной убор) и ее главного помощника, воспитателя дочери и архитектора Сененмута в однозначных позах, исключающих вариативность интерпретации³³. Это граффити сильно опередило свое время, даже отношения простых людей так не изображали. Вероятно, объяснить его появление можно экстраординарностью положения Хатшепсут и ее отношений с ее талантливым фаворитом, выходцем из относительно скромной семьи.

Ситуация заметно меняется после религиозного переворота Эхнатона, разрушившего древние традиции культуры. Именно после XVIII династии неизвестным автором создается удивительный текст, условно названный «Тяжба Хора и Сета», где египетские боги показаны в разных нелепых ситуациях, часто связанных с сексом, причем осмеянию подвергаются и великие божества, и сам священнейший миф об Осирисе³⁴! Столь же скандально выглядят рисунки на датируемом началом XX династии Туринском эротическом папирусе, художник которого с неподражаемым юмором показывает 12 разных вариантов

²⁸ Kanawati *et al.* 2010, pl. 99. Тема эротики, интимных отношений довольно часто ассоциируется с музыкой: см., например, изображение обнаженной, но с украшениями, лютнистки, на бедре которой татуировка в виде бога Бэса (Robins 1993, 186).

²⁹ «Делал величество бога этого с нею все, что желал он» — из текстов о божественном происхождении царицы Хатшепсут (пер. И.А. Ладынина): Kuzishchin 2002, 62–64.

³⁰ Robins 1993, 22, 46.

³¹ Несомненно, все цари считались происходящими от богов, в их титулатуру с IV династии входил титул «сын Ра», но обычно дело ограничивалось декларацией этого факта, ничего не разъясняли и не изображали. О взаимоотношениях божеств и людей в сексуальной сфере см. Matić 2023, 826; примечательно, что и богиня могла возжелать смертного: Anokhina *et al.* 2017, Tomashevich 2020.

³² O'Connor 2009, 36, fig. 9. Подразумевается священный акт зачатия их сына Хора.

³³ Ragazzoli 2017.

³⁴ Перевод см. Livshitz 1979, 108–128; Tomashevich 2003.

совокупления, а действующими лицами, возможно, являются жрецы и жрицы³⁵. На сатирический характер этого папируса, помимо и других деталей, указывают изображения мужского персонажа: он представлен уже немолодым, небритым, плешивым и очень маленького роста, что еще больше подчеркивает огромный размер его фаллоса. Кроме того, на этом же папирусе есть серия забавных рисунков «перевернутого мира», где в ролях людей выступают разные животные (например, знаменитый квартет музыкантов: обезьяны, крокодила, льва и осла). Примечательно, что много папирусов и остраконов с неприличными рисунками явно сатирического характера³⁶ (как и на Туринском эротическом папирусе, они соседствуют с множеством остраконов со сценами, где животные изображают людей³⁷) происходят из Дейр эль-Медины, поселка строителей царских гробниц, где работали лучшие художники того времени и уровень грамотности был значительно выше среднего³⁸.

С современной точки зрения, сцены в вельможеских часовнях вельможеских гробниц времени XVIII династии становятся действительно более эротичными: нарядные мужчины и женщины в полупрозрачных одеждах сидят на пирушках, а обнаженные юные служанки (из «одежды» на них только украшения: пояски, бусы, браслеты³⁹) подают гостям напитки и цветы⁴⁰. Благодаря военным походам фараонов Египет стал гораздо богаче и мог позволить себе роскошь. Но если сравнивать эти рельефы с рисунками Туринского папируса, то последние попадают в разряд порнографических, не случайно Ж.Ф. Шампольон был ими шокирован и почти 150 лет (до публикации Ж. Омлина в 1973 г.) никто не решался их обнародовать (хотя копии «ходили по рукам»).

Однако в египетском искусстве не было запрета на изображение наготы и половых органов; есть даже ряд соответствующих иероглифов, использование которых явно не было табуировано⁴¹. Боги, которые ассоциировались с производительной силой и плодородием — древний Мин и позднее Амон, часто

³⁵ Omlin 1973. Юмористическими считает эти рисунки П. Верню (Vernus 2013, 108). Высказывалось мнение, что женский персонаж — проститутка (в папирусе, рисунки которого сопровождают короткие реплики героев, она обозначена как «певица Хат-хор»: Strouhal 1994, 47).

³⁶ Houlihan 2001, 131; Vernus 2013, 330.

³⁷ Houlihan 2001, 91, 96–97.

³⁸ К тому же это редкий случай полностью раскопанного поселения эпохи Нового царства. Заметим, что там, скорее всего, была написана и «Тяжба Хора и Сета». Можно подумать, что художники, устав от погребального «официоза» царских усыпальниц (в которых не встречается ничего подобного забавным сценам в часовнях вельможеских гробниц времени Древнего царства), таким образом развеивали свою скуку.

³⁹ Примечательно, что в одной гробнице, переиспользованной при следующей династии, одну из нагих служанок «одели», что было как раз не в духе времени (возможно, таковы были вкусы нового владельца): Strouhal 1994, 49. О наборе украшений на юных девушках см. Anokhina, Tomashevich 2021, 59–62.

⁴⁰ Прекрасны сцены из гробницы Небамона: Lloyd 1974, 160–161.

⁴¹ Gardiner 1976, 456 (знаки D-52 и D-53), 492 (знак N-41). Особенно красноречив детерминатив в глаголе *nk* (*Wb.* II. 345).

изображались в итифаллической форме⁴² (что очень смущало путешественников еще век назад, и, видимо, не только их: многие рельефы были повреждены в соответствующих местах). Так же мог представляться и Осирис, заменяя тем самым способность к зачатию после смерти — то есть возрождению⁴³.

При этом простые смертные в египетском искусстве не изображались в итифаллическом виде и в сценах симплегмы до конца Нового царства. Именно тогда такие фигурки, очевидно считающиеся дарующими плодородность, начали изготавливать в мелкой пластике из относительно недорогих материалов (терракоты, фаянса⁴⁴, реже известняка). Вполне возможно, что ранних находок было бы больше, если бы было раскопано больше поселений, так как их часто находят в домашнем контексте (домашние святилища или алтарики). Кроме того, поскольку эти предметы не избирались для публикаций, их почти автоматически датировали I тыс. до н.э., исходя из известных аналогий.

Одна из таких ранних находок, надежно датированная по археологическому контексту концом Нового царства, происходит из раскопок Дейр эль-Медины (опять!). Это известняковая фигурка сидящего на коленях мужчины, перед которым располагается его огромный фаллос (причем мужчина положил на него руки)⁴⁵. По сути, это очень похоже на так называемые «навкратийские фигурки» (*Naukratic figures*), но значительно древнее. В египтологии этим термином обозначаются статуэтки, явно относящиеся к категории *erotica*, поскольку более ста лет назад основным местом их находки была греческая колония Навкратис в Восточной Дельте⁴⁶. Нельзя не вспомнить, что этот город — первая колония греков на территории Египта (ок. 630–570 гг. до н.э.)⁴⁷, и, соответственно, пласт греческой культуры здесь изначально был достаточно мощным, почему статуэтки могли считаться античными по происхождению. Однако ошибочно полагать, будто тематика «навкратийских» изображений объясняется «греческим» влиянием; напротив, все свидетельствует о бытовании местной, египетской традиции в греческом окружении⁴⁸. Ведь именно греки предприимчиво

⁴² Древняя традиция сохранялась тысячелетиями, начиная с I династии: такова огромная архаичная статуя бога Мина из Коптоса (Оксфорд), так он изображен на рельефах киоска Сенусерта I в Карнаке (XII династия; Strouhal 1994, 12, fig. 7) и на вратах Птолемея VIII (Freed *et al.* 2003, 190).

⁴³ Примечательны найденные в погребениях Позднего и Греко-римского периодов фигурки итифаллического Осириса, которые называют «зерновые мумии». Они пришли на смену помещаемых в царские погребения контейнеров в форме Осириса, наполненных землей: прорастание посеянных зерен символизировало возрождение бога (D'Auria *et al.* 1992, 212).

⁴⁴ Например, фаянсовая фигурка, изображающая симплегму (Strouhal 1994, fig. 8).

⁴⁵ Хранится в Турине (раскопки итальянской экспедиции Э. Скьяпарелли). Baines, Malek 1992, 208.

⁴⁶ Parkinson 2014, 15. Типы таких фигурок из Навкратиса VII–III вв. до н.э. см. в Thomas 2019, 186.

⁴⁷ Bagnall, Rathbone 2004, 293. Из Навкратиса, важного торгового центра, могут происходить вещи импортного производства. В частности, знаменитые статуэтки куро-сов изготовлялись, как теперь установлено, на Кипре (Beck 2005, 468).

⁴⁸ Thomas 2015, 8–9; 2019, 183–186.

наладили в Навкратисе производство пользовавшихся популярностью по всей ойкумене разных египетских амулетов, особенно скарабеев, в совершенно древнеегипетском стиле, да еще и с написанным на брюшке иероглифами именем Тутмоса III. Впоследствии обценного вида статуэтки стали находить и в других частях долины Нила, в связи с чем Д. Бэйли справедливо оспаривает применение данного географического термина⁴⁹. Например, в коллекции ГМИИ фигурки мужчин, сидящих (I, 1a 3204) или возлежащих (I, 1a 3215) в обнимку с собственным фаллосом, или с огромным фаллосом, обвитым вокруг шеи (I, 1a 3201, 3205, 3206), происходят (судя по аналогиям) из Мемфиса и датируются доэллинистическим временем⁵⁰. Конечно, в Мемфисе, так или иначе всегда сохранявшем значение столичного города, проживало множество иноземцев, но этот комический подтекст очень характерен именно для местного производства — как и вообще для «фараоновской» продукции. Похоже, что эти фигурки относятся к смеховой культуре древнего Египта, ярко проявившейся в конце Нового царства, как и рисунки Туринского эротического папируса, и текст «Тяжбы Хора и Сетха». Несколько неожиданно вторжение комического в столь значимую сферу, но как раз про это писал В.Я. Пропп («хихиканье женихов и невест»)⁵¹. Жизнелюбивые древние египтяне отличались смешливостью, и даже в изображениях в гробницах вельмож Древнего царства можно найти примеры вторжения смеховой культуры. В Птолемеевский период этот аспект иконографии стал особенно привлекателен, возможно, как раз из-за усложнения жизни. Известно, что александрийцы славилась на всю ойкумену своей насмешливостью, но здешний юмор был уже «международным» по происхождению.

Конечно, возможно, что некоторые памятники несут следы чужеземного влияния. Например, одна из фаянсовых композиций (I, 1a 5906) имеет уникальную иконографию. На плоской фаянсовой поливной пластинке изображено совокупление женщины с конем, причем женщина играет на лире/лютне (об ассоциации музыки, музыкантш и «эротики» см. ниже) и восседает на кресле, под которым показана маленькая фигурка павиана (или ребенка?); вся композиция помещена на колонку с цветком лотоса (что ассоциируется с идеей рождения из лотоса солнца, т.е. всего мира). По типу фаянсовых изделий и условности изображения пластинка напоминает так называемые «амулеты материнства», найденные археологами в Восточной Дельте⁵².

⁴⁹ Bailey 2008, 69. С.В. Иванов также отмечает, что взаимодействие греческой и египетской культур на территории Мемфиса началось, когда Амасис поселил чужеземных наемников в районе совр. Ком Тумана, по крайней мере за два века до Александра Македонского (Ivanov 2007, 36).

⁵⁰ Attula 2001, Kat. 83, 85.

⁵¹ Propp 1939.

⁵² Bakr *et al.* 2014, 226, cat. 56; аналогии таким предметам есть в собрании Голенищева. Уникальность заключается именно в фигуре коня (кстати, в карточке Голенищева (WG fichier 2536) первоначальное слово «cheval» зачеркнуто и заменено на «âne» именно в связи, надо полагать, с редкостью подобной иконографии). Фаянсовые амулеты такого рода встречаются нечасто: известен один пример из Берлина со сценой симплегмы женщины и осла (Böckler 2021, 430–431, датируется Поздним периодом:

В связи с Мемфисом стоит упомянуть о любопытной находке в главном мемфисском некрополе — Саккаре. В 1972 г. во время раскопок экспедицией Дж. Мартина южных пристроек главного храмового комплекса в некрополе священных животных были найдены два вскрытых заклада с терракотовыми и гипсовыми фигурками Позднего и Птолемеевского периодов⁵³. Всего в яме оказалось примерно 30 «эротических» статуэток: фаллосы, итифаллические Харпократы, обезьянки, женщины с тамбурином, мужчины, возлежащие на своем фаллосе, статуэтки Бэса и его служителей⁵⁴. Ф. Дершен считал их принесенными паломниками вотивами⁵⁵, что очень вероятно. Эта территория, обозначенная в демотических текстах Позднего и Птолемеевского периодов как «Двор Ибиса и Сокола», находится рядом с Серапеумом — местом древней культовой традиции, связанной с хтоническим Сокаром, отождествленным в Поздний период с целым рядом божеств (см. ниже). Обращает на себя внимание сам древний обычай закладов таких наборов статуэток: так, например, в Гебель Зейте на Красном море найдено около 150 посвященных Хатхор женских глиняных статуэток эпохи Среднего — начала Нового царств⁵⁶. Вероятно, эти предметы наделялись магическими функциями, и после использования в ритуале считалось опасно просто их выбросить, поэтому, когда места для новых вотивов уже не хватало, старые собирали и закапывали⁵⁷.

Аналогична туринской (напомним датировку: конец Нового царства, прим. 45) статуэтка из Британского музея, обозначенная как «навкратийская» (где она

Berlin ÄMP 7984). В античности достаточно часто встречается мотив симплегмы с участием женщины и осла: вспомним сюжет из апулеевских «Метаморфоз» (Apul. Met. X. 22, 34), а также сообщение Геродота о совокуплении женщины с козлом (Hdt. II. 46); ср. Montserrat 1996, 127, fig. 9 (оттиск предмета со сценой акта женщины с козлом); ср. изображение Силены, совокупляющегося с лошадью, в греческой вазописи (LIMC VIII.2, Silenoi 52). Особенно любили указанный сюжет помещать на светильниках, которые, очевидно, стояли в спальнях рядом с кроватью: Zhuravlev 2006, 148, кат. 152—154, 132, 139 (II в. н.э., Малая Азия, из Ольвии, ГИМ Инв. № 33176. Оп. Б-2, № 9), 135, кат. 141 (III в. н.э., Херсонес, ГИМ. Инв. № 39246. Оп. Б-119, № 42), 136, кат. 142 (III в. н.э., Афины, ГЭ. Инв. № Б.2735, ГР 309), 138, кат. 144 (III в. н.э., Афины, ГЭ. Инв. № Б.1888, ГР 5210). Надо отметить, что в античном мире изображение эротических сцен на глиняных светильниках было распространено повсеместно (например, лампы римского времени из копенгагенского музея Торвальдсена: Melander 2014, cat. III, 6—7; VIII, 12).

⁵³ Martin 1981, 27; Derchain 1981, 166.

⁵⁴ Derchain 1981, 167, n. 8, 11.

⁵⁵ Derchain 1981, 166.

⁵⁶ Pinch 1993, 223. С.В. Иванов отчасти прав, что женские статуэтки в контексте домашних обрядов могли быть посвящены не только Хатхор, но и любой другой богине, ассоциируемой с материнством (Ivanov 2007, 38) — так могло быть в конце истории древнего Египта, но в «классический» период археологически подобные фигурки связаны только со святилищами Хатхор.

⁵⁷ Так же как, например, статуи в Луксорском храме, выставленные теперь в местном музее и поражающие великолепной сохранностью — будучи «складированы» под полом храма, они благополучно дождались своего археолога.

была найдена), но она датируется Птолемеевским периодом⁵⁸. Примечательный вариант этой иконографии являет известняковая статуэтка также Птолемеевского периода из Бруклина: на конце фаллоса сидит обнаженная женщина и играет на небольшой арфе (ср. с рельефом часовни Мерерука). Судя по рисункам на Туринском папирусе и другим свидетельствам (например, статуэтки женщин с тамбуринами из саккарского заклада), эта ассоциация эротики и музыки характерна для долины Нила⁵⁹. Празднества в честь нильского Половодья были яркими и шумными мероприятиями с музыкой, песнями и танцами, сопровождающихся, возможно, и фривольным поведением⁶⁰. Это был «гимн» освященному религией веселью и празднику, когда все пьянеют, танцуют и ведут себя «раскованно». В фаллических статуэтках арфа — один из самых частотных атрибутов (15%): обычно изображается человек, играющий на арфе, размещенной на его огромном фаллосе как на постаменте (вариант — барабан или бубен)⁶¹. Подобные статуэтки можно рассматривать как предтечи терракотовых фигурок уже римского времени музыкантов и служителей культа, играющих концом своего длинного фаллоса на арфе/лире или кифаре. Такова, например, статуэтка из ГМИИ I, 1a 6498: о том, что это участник торжественного праздничного шествия, говорит цветочный венок с двумя бутонами лотоса у него на голове⁶². В данном случае «игра на арфе», вероятно, намекает на стимуляцию мужского органа; иконография, возможно, возникла под влиянием греческой традиции, в которой арфа как музыкальный инструмент имела прочные эротические коннотации⁶³, хотя если вспомнить жену Мерерука с арфой, то у египтян эти коннотации древнее.

Действительно, множество терракотовых статуэток изображают участников празднеств и всевозможных шествий; частыми персонажами являются танцоры, музыканты, служители культа. Они нередко изображаются в сатирическом и гротескном облике (в том числе и в «фаллическом»). Терракоты происходят из крупных городских центров с развитой греческой традицией театральных представлений (помимо Александрии, это Мемфис, Навкратис, Крокодилополис, Оксиринх, Панополь и др.)⁶⁴.

Нередко в фигурках музыкантов делали отверстия на причинном месте для вставных фаллосов⁶⁵; аналогичным образом могли изображаться другие участники

⁵⁸ Shaw, Nicholson 1995, 93.

⁵⁹ См. сцену из гробницы Мерерука Древнего царства (см. прим. 28). Это обычно для продукции Позднего и Птолемеевского периодов (Houlihan 2001, 126–127, fig. 133, 135). Папирусные свидетельства III в. до н.э.: Montserrat 1996, 171–172.

⁶⁰ Montserrat 1996, 165–166; Dunand 1979, 96–97.

⁶¹ Böckler 2021, 119; 601, 683, 736, 751, 862, 876, 889, 898; Martin 1987, 76 (6346), 78 (6398); Bayer-Niemeier 1988, No. 462; см. также Ivanov 2007, 33–35: найденные на территории Мемфиса фигурки с барабаном Иванов связывает с праздниками дионисийского характера, но в Египте они могли в первую очередь быть празднествами в честь Осириса (Griffith 1970, 299).

⁶² Опубликована: Vassilieva, Malykh 2020, 203, илл. 5.

⁶³ Buchberger 1983, 11–43; Böckler 2021, 165–167; Myśliwiec 1997, 126–127.

⁶⁴ Abdelwahed 2016, 53.

⁶⁵ Philipp 1972, Abb. 36, Kat. 41.

празднеств: рабы со светильниками, разносчики рыбы или дюжие молодцы, груженные коромыслом с амфорами. В статуэтках типа ГМИИ I, 1a 3188 (рис. 11) пикантность заключается в том, что коромысло с амфорами уравновешено с другого конца огромным фаллосом⁶⁶. Серии подобных гротескных изображений служителей культа и мужчин-участников праздников, пользовавшихся огромной популярностью, можно рассматривать как амулеты-«сувениры», купленные людьми на память в качестве своеобразного апотропея⁶⁷. Здесь изображение людей низкого социального ранга, гротескные образы служителей культа или участников фаллических процессий и музыкантов сочетаются с неперенным защитным элементом (гипертрофированный фаллос — от дурного глаза)⁶⁸.

Статуэтка скорченного карлика/пигмея (I, 1a 3232), которого сзади клюет и дерет когтями петух — ростом почти с самого карлика — также имеет откровенно гротескный характер. Перекошенное лицо ползущего на корточках и кричащего от боли пигмея контрастирует с огромным фаллосом, и интерпретация фигурки представляется двусмысленной. В старой карточке сюжет трактован как «coitus per anum старухи с петухом»; следовательно, фаллос воспринимается как принадлежащий петуху. Такой вариант тоже возможен, поскольку среди гротесковых терракот встречаются, например, изображение фаллического «человеко-петуха»⁶⁹. В греческой вазописи не редок мотив «птице-фаллосов» и восседающих на них силенов⁷⁰. Изображение петуха в контексте обнаженных/фаллических фигур в греческой традиции имеет откровенно гомосексуальный подтекст, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты керамики из Атрибиса⁷¹. В таком случае статуэтка может быть трактована в духе саркастических «пародий» на гомоэротические сюжеты — например, похищение Ганимеда (в античной терракотовой пластике известны такие примеры)⁷². В классической традиции петух был символом похоти и сладострастия; эта задиристая птица считалась также символом победы и триумфа в споре и в гимнастических состязаниях. Не зря в Афинах петушиные бои пользовались бешеной популярностью⁷³. Мотив нападения петуха на пигмея может быть

⁶⁶ Ewigleben, Grumbkow 1991, Nr. 104, 106, 107. Мотив взвешивания фаллоса известен для изображений Приапа в Помпеях (LIMC VIII.2, Priapos 112: Casa dei Vettii, Pompeii). Об амфорах см. с. 787.

⁶⁷ Не следует забывать, что, несмотря на откровенную гротескность, и в данных статуэтках, как частицах священного торжества, сохраняется ритуальный аспект вовлеченности в празднование, не говоря уже об апотропеической функции (см. ниже: фаллос как символ плодородия), см. Bailey 2008, 57.

⁶⁸ Ewigleben, Grumbkow 1991, 33. Подробнее см. ниже.

⁶⁹ Voegtle 2016.

⁷⁰ LIMC VIII.2, Silenoi 121.

⁷¹ Myśliwiec 1997, 133–135, pl. X.1,2: статуэтка слона, под которым изображен пляшущий вприсядку Бэс между двумя петухами, а на оборотной стороне — два фаллических танцора.

⁷² Voegtle 2013, Abb. 92: гротесковая терракота с итифаллическим карликом/пигмеем и орлом.

⁷³ Hoffmann, Steinhart 2001, 89; RIA 2213.20.

также карикатурным переосмыслением знаменитого мифа о войне пигмеев с журавлями, чрезвычайно популярного в античном искусстве⁷⁴.

В случае если фаллос считать принадлежащим самому карлику, то здесь очевидны не только сатирические, но и апотропеические коннотации. Статуэтка карлика, человека с физическими недостатками — да еще и с увеличенными гениталиями — могла обеспечить двойной эффект для привлечения удачи. Петух — среди прочего — был атрибутом Гермеса/Меркурия, в функции которого входило не только покровительство успешной торговле: он считался божеством света, способным отгонять демонов, и был связан с подземным миром (Ael. *Nat. anim.* III. 31). Можно предположить происхождение предмета из центра распространения античной традиции — вероятнее всего, Фаюма (по точной аналогии с берлинской терракотой)⁷⁵. У фигурки есть ушко для подвешивания и отверстие сзади, но нет отверстия для фитиля, т.е. это своего рода «неоконченный» по каким-то причинам светильник, нефункциональная его модель. При этом он висел, судя по закопченной глине в области выступающего фаллоса, возле огня — т.е. бытовал в домашнем контексте, выполняя защитную функцию.

Собственно, гротески — это художественная традиция, происходящая, как полагают, из эллинистической Малой Азии и фиксирующая интерес к патологиям и болезням тела, тенденцию к натурализму и утрированию безобразных черт внешности, очень популярную в период эллинизма (впрочем, древнеегипетские художники также любили подмечать подобные черты, изображая карликов, горбунов и т.д., поэтому в долине Нила эти сюжеты не были новыми и легко «вошли в моду»). Терракотовые и бронзовые фигурки изображали бедняков, нищих, истощенных и увечных людей, которые собирались на пышные празднества местных богатеев. Чем роскошнее закатывался пир, тем большее число нищих он привлекал, и, таким образом, устроитель пира прославлял свою щедрость. Соответственно, статуэтки таких уродцев-участников пиршества могли, по мнению древних, привлечь в дом удачу, ибо уродство отгоняет зло и служит мощным апотропеем⁷⁶. Точную причину столь широкой распространенности карикатур и гротесков, в том числе фаллических, трудно объяснить. Можно предположить, что в данных изображениях, помимо обычных насмешек над телесными недостатками (например, карликов или пигмеев), отразилась социальная напряженность в больших городах: отсюда карикатуры на храмовых служителей⁷⁷, желание дистанцироваться от представителей низших классов и маргиналов путем их высмеивания и изображения в неприглядном виде⁷⁸. Ютта Фишер связывает создание комических, гротескных изображений фаллических персонажей с кругом служителей Харпократа, тесно связанного

⁷⁴ LIMC VII.2, Pygmaoi 2, 8, 16, 17; Khodza 2006, 158–159.

⁷⁵ По аналогии (Weber 1914, Taf. 32.351 — Berlin 16952). Указано поступление от Л. Рубензона, который производил раскопки в Фаюме (Weber 1914, 205).

⁷⁶ Fischer 1998, 347; Voegtli 2013, 106–107, 206; Khodza 2006, 172. Для Египта аналогично см. Vasilyeva *et al.* 2022a.

⁷⁷ Dunand 1979, 94.

⁷⁸ Ewigleben, Grumbkow 1991, 34.

с карликом-апотропеем Бэсом⁷⁹. Сами же статуэтки танцоров, музыкантов, других храмовых служителей и «фаллических Харпократов» имели, по ее мнению, защитную функцию как разновидности (ипостаси) божеств плодородия.

К «навкратийским» фигуркам можно отнести и терракотовый фаллос I, 1a 3238 (рис. 8) — очевидно, фрагмент статуэтки сидящего человека с маленькой головой и огромным фаллосом. Подобные известняковые, иногда раскрашенные в красный цвет фигурки были обнаружены при раскопках городов эллинистического периода в Тебтюнисе (III—II вв. до н.э.)⁸⁰, затонувшем Тонисе-Гераклейоне⁸¹ и Навкратисе⁸². Терракотовые и фаянсовые статуэтки мужчин с гипертрофированными фаллосами и «локоном юности», помимо указанных городов, встречаются в материале раскопок Мемфиса, Саккары, Телль-Басты, Ком Фирина и на Кипре (Палэфатос)⁸³. Некоторые ученые называют их «фаллическими Харпократами»⁸⁴. Иногда миниатюрные «навкратийские» фигурки изображают фаллического персонажа с локоном юности (ГМИИ I, 1a 3212, 3213). Так же как в случае с Бэсом (и изображениями небритого мужчины в Туринском папирусе, а также многими фигурками подобного рода), определенный комизм кроется в несоответствии малого роста самого бога-ребенка и его гипертрофированных гениталий. Изображения таких богов-детей играли важную роль в ритуалах, относящихся к Половодью, они символизировали плодородие нильского потока, обеспечивавшего фертильность как природы, так и людей⁸⁵. Дело в том, что цикл нового года, начинавшийся с разлива Нила, знаменовал рождение младенца Харпократа и ежегодное обновление (как бы новое рождение) царской власти; поэтому создание статуэток плодородия ассоциировалось также с культом царя и некоторым образом содействовало птолемеевской пропаганде⁸⁶.

Согласно Геродоту (Hdt. II. 48), на празднествах в честь бога, называемого греками Памилон, египтяне носили статуэтки с поднимающимся половым членом. Про эти Памилии или Фаллофории сообщает также Плутарх (*DIO.* 12. 355 E, 36, 365B; ср. *Lact. Div. Inst.* V.20.12), причем оба античных автора считают их празднествами в честь египетского Осириса⁸⁷. В культах Хатхор, Птаха-Осириса

⁷⁹ Fischer 1998, 350–352.

⁸⁰ Galazzi, Hadji-Minaglou 2019, 129, cat. 74.

⁸¹ Goddio, Masson-Berghoff 2016, 11.

⁸² Spier *et al.* 2018, 80.

⁸³ Thomas 2015, 20–21; Böckler 2021, 708–709.

⁸⁴ О так называемых «фаллических Харпократах» из собрания ГМИИ см. в отдельной статье: Vasilyeva, Malych 2020. Подобные статуэтки были найдены в Мемфисе: Ivanov 2007, 32–36.

⁸⁵ Dunand 1979, 77–79.

⁸⁶ Fischer 1998, 359–360: имеется в виду отрок Птолемей V, в правление которого в особенности распространились изображения Харпократа с локоном юности и с рогом изобилия — как образа благодетельного правителя, приносящего стране изобилие. Ср. также изображения Харпократа в македонской каузии и плаще (Thomas 2019, 191, n. 12).

⁸⁷ Сведений о таких праздниках для более ранних периодов нет, но известно, что в Поздний период в гробницы могли помещать «зерновые мумии» — изображения

и Мина существовала давняя традиция использования фаллических объектов или сосудов фаллической формы⁸⁸. Греки связали эти процессии с персонажами дионисийского тиааса (Дионис, Приап, Пан и Силен), где символика фаллоса играет одну из ключевых ролей.

Миф о расчленении Сетхом тела убитого им брата позволяет интерпретировать как такие фигурки Осириса, так и отдельные амулеты, изображающие его фаллос. Согласно Диодору, Исида велела жрецам почитать утраченный половой орган супруга в храмах, при этом Осирис называется «Приапом» (Diod. IV. 6. 2–4). Павсаний же отмечает, что Приап почитался как фаллический Дионис (Paus. X. 19. 2). Плутарх в своем рассказе связывает Осириса с Дионисом и также свидетельствует об установлении Исидой фаллических ритуалов (фаллофорий); в данном случае шествия «Памилии», о которых писали античные авторы, явно сближаются с дионисийскими верованиями с их развитым итифаллическим аспектом⁸⁹. Упомянутые празднества сопровождались пением, музыкой, возлиянием вина и ритуалом «священного брака»⁹⁰. Все эти ритуальные процессии составляли часть празднества Половодья и были связаны с плодородием и обновлением⁹¹. Надо учитывать, что Осирис отождествлялся с Дионисом еще с догеродотовских времен⁹², а в мемфисском Серапеуме он почитался с III в. до н.э. Поэтому можно считать фаллос культовым объектом и в Мемфисе⁹³. Дионис в греческой традиции также показывается как «megalophallic», особенно в сценах опьянения в сопровождении своих компаньонов⁹⁴. Кроме того, заклады эротических фигурок в Атрибисе и Саккаре происходят из центров почитания священного быка (Аписа и Кем-ура), т.е. культов, традиционно и повсеместно связанных с плодородием и мужской потенцией, а в Египте — с Осирисом⁹⁵. В эллинистическое время с быком ассоциировался также и Дионис.

Фаллосы (наряду со статуэтками фаллофоров) вполне могли быть votivными приношениями на празднике, связанном с культом Птах-Сокар-Осириса в Мемфисе и Саккаре. Вообще почитание фаллоса того или иного божества не было чем-то удивительным для египтян — отождествляя себя с данным культовым объектом (фаллос Ра, Осириса, Мина, Бебона), они, естественно, надеялись магическим образом укрепить свою собственную потенцию. Такие votivные

Осириса в саркофаге с эрегированным фаллосом, в чем видели и символ возрождения (Raven 1982, pl. I). Впрочем, не все исследователи разделяют точку зрения о том, что итифаллические фигурки имели отношение к погребальному культу и празднеству Птах-Сокар-Осириса (за: Martin 1981, 27, 89; Ashton 2003; против: Thomas 2019, 191, n. 11; Bailey 2008, 69–70. Главный аргумент последних — в том, что такие фигурки редко находят в погребениях).

⁸⁸ Martin 1981; Pinch 1993.

⁸⁹ Griffiths 1970, 18, 299–300.

⁹⁰ Myśliwiec 1997, 126.

⁹¹ Thomas 2015, 59; Montserrat 1996, 173–174.

⁹² Поскольку в Hdt. II. 144 это зафиксировано как признанный факт.

⁹³ Fischer 1994, 34, Anm. 51. Серапеум расположен в Саккаре, крупнейшем мемфисском некрополе, куда нас часто «приводят» фаллические фигурки.

⁹⁴ Myśliwiec 1997, 124–126.

⁹⁵ Myśliwiec 1997, 135.

фигурки в форме фаллосов хорошо известны в Египте и являются символами плодородия⁹⁶.

Находки закладов votивных статуэток рядом с так называемыми «комнатами Бэса» в Саккаре доказывают присутствие фаллического аспекта в культе хтонического Сокара-Осириса (близкого Птаху-Сокару-Осирису). С ним, судя по контексту находок, представляется связанным божество-апотропей Бэс⁹⁷. Изображения Бэса нередко ассоциировались с фаллофориями и итифаллическими Харпократами, а также с обнаженными богинями, так как он прежде всего защищал беременных женщин, рожениц и их потомство.

Терракотовые фаллосы разного размера (I, 1a 3181, 3239, 7647, рис. 8, 9, 10) могли являться отделяемыми частями статуэток с вставным детородным органом⁹⁸. Например, фаллос I, 1a 3239 подходит по размеру к соответствующему отверстию фаллической статуэтки служителя культа (I, 1a 3188). Аналогия из музея в Гамбурге показывает, как могла выглядеть подобная фигурка, причем она атрибутируется как изображение Приапа⁹⁹, культ которого был распространен в Греко-римском Египте¹⁰⁰. Аналогии терракотовым фаллосам есть и в Британском музее (гораздо худшего качества)¹⁰¹. Некоторые исследователи полагают, что статуэтки фаллосов в позднеегипетской традиции можно рассматривать как культовые объекты, связанные с почитанием богини Хатхор; именно о таких votивных приношениях известно с эпохи Нового царства в Фиванском регионе и южнее¹⁰². Несомненно, эта богиня «отвечала» за сферу плодородия, но чаще она ассоциируется с миром женщин¹⁰³.

⁹⁶ Myśliwiec 2004, 27–28.

⁹⁷ Cp. Hopfner 1940, 28; Yoyotte 1960, 49; Griffiths 1970, 299.

⁹⁸ Вставные фаллосы, впрочем, могли быть не только в статуэтках божков — но и у изображений простых смертных, например рабов: Ewigleben, Grumbkow 1991, Nr. 104, 106.

⁹⁹ Ewigleben, Grumbkow 1991, Nr. 59, 61.

¹⁰⁰ Kitat 2018.

¹⁰¹ Bailey 2008, no. 3255–3257, 72; провенанс — Саккара. Однако эти фаллосы сделаны вручную и отломаны от статуэток, у нас же они оттиснуты в форме.

¹⁰² Wilfong 1997, 81. В одной из часовен Хатхор в Дейр эль-Бахри были найдены деревянные фаллосы (Montserrat 1996, 174, n. 25; Pinch 1993, pl. 52A, 53; Thomas 2015, 71, n. 796–800).

¹⁰³ Anokhina, Tomashevich 2021, 61–62, 65–67. Отметим, что в античной традиции существовали так называемые «олисбы» для женского самоудовлетворения — как из кожи, так и из терракоты (Zhuravlev 2006, 157–158, 160, кат. 162, IV в. до н.э., Пантикапей, ГИМ, Инв. № 43942. Оп. Б-76). Предмет трактован очень схематично, его длина 17,8 см. Назначение подобных фаллосов дебатруется. Однако есть множество рисунков на вазах и упоминаний в литературе, указывающих на их практическое применение (Zhuravlev 2006, 157). Вряд ли, конечно, следует относить и египетские предметы к этому же разряду (фаллосы в собрании ГМИИ варьируются по длине от 11,5 до 16 см, что почти соответствует натуральной величине). Монтсеррат предполагает, что реалистично выполненные фаллосы могли держать в кулаке или вставлять во что-либо (для того, чтобы их легче было держать, они немного заострены на конце); в целом качество их изготовления склоняет к тому, чтобы считать их votивными приношениями (Montserrat 1996, 174).

По предположению Р. Томаса, отдельные фаллосы могли не вставлять в статуэтки, а носить их в праздничной процессии как фигурки-амулеты¹⁰⁴. Как в доэллинистический, так и в греко-римский период они предназначались, вероятно, для обеспечения плодородия. В римское время особенно распространились небольшие амулеты в виде мужских и женских гениталий — на удачу и от дурного глаза¹⁰⁵. В рамках архаической культуры фаллос — это мощный апотропей¹⁰⁶ (его вариант — кукиш)¹⁰⁷. В голенищевском собрании есть небольшой (5,7 см) бронзовый амулет с фаллосом на одной стороне и кукишем на другой, с ушком для подвешивания — два в одном для усиления его магической мощи (I, 1a 6711)¹⁰⁸. В Каранисе, Сокнопайу Несосе и Теренутисе в домашнем контексте были обнаружены маленькие схематично исполненные амулеты-фаллосы из известняка, фаянса, раскрашенного дерева и кости; на всех имеются дырочки для ношения на шее¹⁰⁹. Небольшие известняковые изображения фаллосов находят также в затопленном районе Александрии¹¹⁰. К. Мышливец сообщает, что в Атрибисе множество «эротических» предметов найдено в районе комплекса общественных терм среди votivных объектов (наряду, например, с ритуальными сосудами). Эти votivные приношения могли быть связаны с локальным культом, сочетающим в себе греческие (преимущественно дионисийские) и египетские (осирические) элементы¹¹¹.

Не только фаллосы, но и разные фигурки — фаллофоры, симплегмы — могут иметь миниатюрный размер, и в них проделаны ушко или отверстие для подвешивания (I, 1a 3211, 7413, 3192, 3215, 3214, 3207). Следовательно, их могли носить как амулеты — вероятно, для увеличения мужской потенции (самое очевидное назначение), либо от дурного глаза, а скорее всего — преследуя обе цели (широкое использование в качестве апотропея). Но раз их носили (и каждый мог их видеть), значит, ничего постыдного для древних египтян в них не было.

¹⁰⁴ Thomas 2015, 60.

¹⁰⁵ Забавно, но подобные амулеты в Кампании носили женщины и дети из бедных семей еще в XVIII в.

¹⁰⁶ В Помпеях большое изображение Приапа с гипетрофированным фаллосом могло быть помещено у входа в дом как оберег, способствующий обогащению семьи владельца (LIMC VIII.2, Priapos 112: Casa dei Vettii, Pompeii; Eros in Antiquity 1978).

¹⁰⁷ В собрании Голенищева, между прочим, есть две отдельно изготовленные терракотовые женские (с браслетами) правые руки с кукишем (I, 1a 2826, 2827); обе со следами копоти, следовательно, бытовавшие в домашнем контексте.

¹⁰⁸ Ср. ГМИИ I, 1a 7078 (КП 44634): бронзовый амулет-фаллос. Аналогии римского времени из Италии и Причерноморья: Zhuravlev 2006, 148, кат. 152–154, 90; кат. 96 (II–III вв. н.э., Италия, бронза, ГИМ Инв. № 54746; № 1278); кат. 94 (амулет фаллический, Крым, Могильник Бельбек IV, II в. н.э., ГИМ Инв. № 106168. Оп.Б-1914/№ 113); кат. 97–99 (подвески в виде мужских гениталий, I–II вв. н.э., «египетский фаянс», без провенанса, ГИМ Инв. № 78607). Серебряный амулетик в виде фаллоса был найден в Помпеях (Roberts 2013, 300, fig. 395: SAP P23181; Johns 1982, 73).

¹⁰⁹ Wilfong 1997, 82, fig. 13 (амулет-фаллос, с ушком, из Караниса, Kelsea Museum 24155); 85, fig. 87, 88; 86, fig. 89–95.

¹¹⁰ Goddio, Fabre 2008, 311, cat. 130.

¹¹¹ Myśliwiec 1997, 120.

В долине Нила такие амулеты могли быть связаны с широко распространенным культом Осириса, владыкой царства мертвых и символом возрождения.

Тематически к описанным фигуркам примыкают три глиняных светильника, изображающие мужчин с гипертрофированными детородными органами (I, 1a 3183, 3184, 3185). У всех есть ушко для подвешивания и проделано функциональное отверстие для фитиля в фаллосе. Эти светильники имеют параллели с помпейскими и явно относятся к римскому времени¹¹².

СИМПЛЕГМЫ

Терракотовая симплегма (I, 1a 3218, рис. 1) показывает лежащих мужчину и женщину на ложе, причем их лица повернуты анфас. Глиняные рельефные пластинки с аналогичной сценой, однако трактованной в чисто греческой манере (I, 1a 3235; 3226 и 3237, рис. 5, 6, 7), являются фрагментами сосудов¹¹³, обозначенными в Инвентаре голенищевской коллекции как «черепки с рельефами обшечного характера». На них изображены мужчина и женщина, возлежащие в любовном соитии на ложе. Судя по глине, тонкостенные сосуды закрытой формы, от которых сохранились эти накладки с фривольным сюжетом, использовались в домашнем обиходе как столовая посуда¹¹⁴. Аналогии подобной керамике с рельефными аппликациями встречаются в материале раскопок из Пантикапея¹¹⁵ и Атрибиса¹¹⁶. Прямые аналогии из Британского музея показывают, что это фрагменты кубков, привезенных в Навкратис из Александрии¹¹⁷. Скорее всего, они предназначались для чисто греческой аудитории.

Особняком стоят две рельефные терракотовые плакетки из собрания ГМИИ с изображением симплегмы (см. рис. 2, 3). На одной из них (I, 1a 3234) показана сцена совокупления опирающейся на двуручную амфору женщины со стоящим сзади нее на коленях мужчиной с бородой и усами, причем лица обеих фигур показаны анфас. На другой — фрагментированной — плакетке (I, 1a 3233) сохранилась только фигура женщины справа (она также опирается на двуручную амфору). Размеры плакеток примерно одинаковы, и происходят они, очевидно, из одной мастерской. Волосы бороды и усов мужчины переданы волнистыми параллельными линиями; на его лице предположительно маска. Примечательно,

¹¹² Подобные римские светильники и *tintinnabula* (фаллосы с колокольчиками, дожившие до средних веков) есть в коллекции неапольского Секретного кабинета, например светильники из Помпей: бронзовый, изображающий человека с огромным фаллосом (Roberts 2013, 53, fig. 41: SAP 1260), и терракотовый, в виде сатира с огромным членом (Roberts 2013, 121, fig. 127: MANN 116661). Ср. Clarke 2003, 24–25.

¹¹³ Скорее всего, продавцы антиквариата разбивали сосуды и продавали только эти декоративные фрагменты (как некогда только маски от саркофагов).

¹¹⁴ Устное сообщение С.Е. Малых от 28.08.2023.

¹¹⁵ В античном собрании ГМИИ (Инв. М-1456) и ГИМа (Zhuravlev 2006, 148, кат. 152–154).

¹¹⁶ Myśliwiec 1994, 41, Abb. 20 (чернолаковая плакетка с эротической сценой с участием Пана и Силена); 2004, 64.

¹¹⁷ Кубок Boston 88.903: Villing *et al.* 2015, IC.016; URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/X_4492; дата обращения: 01.04.2024.

что лица обоих фигурантов переданы анфас, что напоминает позу загадочной статуэтки из раскрашенного известняка (причем раскраска прекрасно сохранилась), изображающей половой акт стоящего «Харпократа» и лежащей светлокожей женщины¹¹⁸ — предположительно, изображение сцены «священного брака» (*hieros gamos*) Харпократа и Хатхор¹¹⁹. Интерпретация этих фигурок отчасти опирается на их размеры: женщина значительно крупнее партнера.

На московской плакетке на голове женщины — доходящий до плеч парик, обозначенный короткими насечками, ее левая рука лежит на двуручной амфоре, а правой она касается головы мужчины. Черты лица женщины очень грубые, особенно на второй плакетке (I, 1a 3233). Одна плакетка покрыта слоем белой обмазки, сохранились следы красного пигмента на задней и частично лицевой сторонах. Другая фрагментированная плакетка (I, 1a 3233) не была покрыта обмазкой.

Известные в настоящее время плоские плакетки изображают, как правило, лежащих рядом мужчину и женщину. Изображений симплегмы с участием двух стоящих на ногах фигур, где фигурировал бы мужчина в маске (?), — не встречается¹²⁰. В собрании ГМИИ имеется довольно крупная известняковая пластинка (I, 1a 3220), показывающая пару в позиции *coitus a tergo*, причем лицо мужского персонажа показано анфас¹²¹. Кстати, именно вышеназванную позу совокупления демонстрируют миниатюрные фаянсовые и известняковые амулеты (например, I, 1a 3222, 3223, 3224, 3225, 3226). Эти обереги с отверстием для ношения на теле, призванные магическим образом содействовать зачатию детей, сохранению потенции и женской фертильности, можно отнести к проявлениям «народной» религии в Египте.

С.И. Ходжаш отождествляла мужского персонажа пластинки I, 1a 3220 с богом Бэсом¹²², что вызывает сильные сомнения. Бэс, действительно, был наделен широкими функциями апотропея и являлся покровителем всей женской сферы, включая способность к зачатию и деторождению¹²³. Однако многочисленные аналогии показывают, что он в сценах совокупления никогда не изображался. Зато появляется в сюжетах фаллофорий — так, берлинская терракота показывает процессию Бэсов (очевидно, жрецов в масках), несущих огромный фаллос¹²⁴. Д. Монтсеррат связывает их с культом предков: огромный фаллос олицетворял

¹¹⁸ Она отличается прекрасным качеством работы и сохранности, датируется Птолемеевским периодом и найдена около Александрии (Bianchi, Fazzini 1988, cat. 130, 241; Brooklyn 58.13).

¹¹⁹ Thomas 2015, 58.

¹²⁰ Плоские пластинки с изображением любовной пары: Fischer 1994, Nr. 520, Taf. 51; Weber 1914, Nr. 352, Taf. 32. Лежащая женщина в «обсценной» позе: Bayet-Niemeier 1988, 204, Kat. 452.

¹²¹ В собрании ГМИИ есть два амулета «навкратийского» типа с изображением симплегмы в аналогичной позиции, в которой мужчина изображен анфас и с локоном Хора (I, 1a 3176, 3225).

¹²² Hodjash 2004, 113, кат. 85.

¹²³ Vasilyeva et al. 2022a, 248–249.

¹²⁴ Weber 1914, Taf. 13, 139 a–b; Raven 2012, 122–123, fig. 100: указание на «фаллофории» — ритуал, связанный с дионисийскими верованиями, но в греко-римском

магическую подпитку сил всей семьи при помощи сексуальной силы предков¹²⁵. В этом контексте Бэс мог быть связан с эротической экзальтацией, как и богиня Хатхор, в круг спутников которой он включен¹²⁶, но он никогда не изображается в качестве сексуального партнера женщины (в отличие от Харпократа, с которым, впрочем, он отождествляется в определенном контексте¹²⁷). Более того, нет изображений итифаллического Бэса (иногда за свисающий фаллос принимают хвост от шкуры пантеры, которая наброшена на плечи божества)¹²⁸.

Стоит обратиться в этой связи к изображениям из упомянутых выше своеобразных «святилищ Бэса» — открытых столетие назад экспедицией Дж. Квибелла в Саккаре так называемых «комнат Бэса» Птолемеевского периода, украшенных полихромными терракотовыми рельефами¹²⁹. Комплекс небольшого святилища Анубейона, куда входили данные помещения, был предназначен для обеспечения счастливого материнства; в нем предположительно функционировал некий жреческий (или полужреческий) состав служителей для приема приношений и обслуживания верующих¹³⁰.

Рассмотрим «комнаты Бэса» подробнее. Четыре помещения, сделанные из сырца, обмазанного известняковым раствором, были найдены в 1905–1906 гг. к востоку от пирамиды Тети¹³¹. Стены этих комнат украшены большими фигурами Бэса, вырезанными в технике высокого рельефа. Божество показано стоящим. К сожалению, у фигур почти полностью повреждены руки, так что определить его иконографию затруднительно, однако у одной фигуры явно виден меч в руке и змея слева — его частые атрибуты¹³². Рядом с Бэсом стоят обнаженные женщины, также во фронтальной позе, некоторые протягивают к нему левую руку¹³³. Существует мнение о том, что эти комнаты служили помещением, где практиковался ритуал инкубации для бесплодных мужчин и женщин¹³⁴. Есть менее убедительные интерпретации о возможном использовании комнат для сакральной проституции, но доказать, как и опровергнуть, эти две версии невозможно¹³⁵. Большие женские фигуры рядом с изображениями

Египте он мог переосмыслиться и применительно к осирическим ритуалам (Griffiths 1970, 299).

¹²⁵ Montserrat 1996, 173.

¹²⁶ Malaise 2004, 276.

¹²⁷ Berlev, Hodjash 2004, 353–354: магические стелы «Хор на крокодилах».

¹²⁸ Ballod 1912, 30.

¹²⁹ Quibell 1907, 12–13, 28, pl. 27–29. Волохин пишет об уникальности данного памятника (Volkhine 2010, 246–247), который, судя по всему, отражает именно мемфисскую специфику почитания Бэса.

¹³⁰ Frankfurter 1998, 127, no. 104.

¹³¹ Quibell 1907, 12–28.

¹³² Quibell 1907, pl. XXVIII.1.

¹³³ Quibell 1907, pl. XXVI, XXVIII, XXIX; LIMC III, Bes 6; Montserrat 1996, pl. 8; Frankfurter 1998, 127.

¹³⁴ Dasen 1993, 75, n. 151.

¹³⁵ Manniche 2015, 228, n. 76, 77: ссылка на резонное замечание И. Квака, что это пространство использовалось скорее для сакральных, а не для светских нужд, поскольку оно находилось на границе с пустыней, а не в черте города. Впрочем, нельзя

Бэса напоминают по стилистике тип терракотовых статуэток так называемой «обнаженной безымянной богини», которая покровительствовала женской фертильности¹³⁶. Стоит указать на мнение Д. Бэйли, полагающего, что в данном случае отсутствует прямой намек на сексуальный контакт; изображение связано с плодородием в самом общем смысле этого слова¹³⁷. Поэтому предпочтительнее считать эти комнаты ритуальными — возможно, перед нами местная вариация помещений прихрамовых *mammisi*, сохранившихся только в Верхнем Египте. Найденные плакетки с изображением обнаженной богини в наосе могли быть вотивами на ежегодных празднествах¹³⁸.

Вернемся к иконографии глиняных плакеток. Итак, изображение итифаллического бородатого мужчины в маске, несколько напоминающей лицо Бэса, не имеет пока аналогий. Важно, что фигура мужчины не диспропорциональна, что свойственно карликам, каковым является Бэс¹³⁹. Возможно, изображен служитель/жрец, и показана сцена сакральной проституции¹⁴⁰? Хотя эти восточно-средиземноморские обряды не характерны для Египта, где, по свидетельству Геродота, подобные действия на храмовой территории запрещались (Hdt. II. 64).

Обратимся к некоторым возможным аналогиям мужского персонажа. Терракотовая плакетка из франкфуртского музея Либигхаус изображает сидящего «бородатого старика», между расставленных ног которого свисает огромный фаллос. Левой рукой он опирается на амфору (что важно), а рука справа — это предположительно фрагмент некогда находившейся позади женской фигуры, обнимавшей мужчину сзади¹⁴¹. Согласно интерпретации Ю. Фишер, это рука не женщины, а самого мужчины, которого она считает Силеном, держащая какой-то атрибут¹⁴². Здесь налицо только фаллические коннотации, но отсутствует мотив симплегмы. При этом лицо мужского персонажа напоминает маску с бородой и усами — совсем как на московской терракоте. Э. Байер-Нимайер и Ю. Фишер датируют предмет V в. до н.э.; в числе аналогий они указывают глиняные плакетки с итифаллическими изображениями из Мемфиса («Харпократы»). Иконография подобных сцен может восходить к родосским изображениям сидящего на корточках итифаллического Силена, держащего в руках сосуд¹⁴³. По образцу этого типа, распространенного в родосской коропластике, в VI–V вв. до н.э. в греческих городах восточной Дельты появляются фронтальные изображения сидящего на корточках карлика с огромным брюхом, длинным эрегированным

исключить и варианта с инкубацией (ср., например, свидетельство папируса Зенона о помощи, преподанной божеством во сне в саккарском Серапеуме: Daumas 1957, 53, п. 3); эта традиция и сейчас жива в коптских храмах).

¹³⁶ Manniche 2015, 227, n. 72. Vassiliev, Malykh 2021b, 190–192.

¹³⁷ Bailey 2008, no. 3108–3110.

¹³⁸ Thomas 2015, 56–57.

¹³⁹ Derchain 1981, 168.

¹⁴⁰ Derchain 1981, 170, n. 4: табу на совокупление у жрецов.

¹⁴¹ Bayer-Niemeier 1988, 204, Kat. 453.

¹⁴² Beck 2005, 661, Kat. 38.256.

¹⁴³ Bayer-Niemeier 1988, 51.

фаллосом, иногда — с локоном юности¹⁴⁴ (отсылка к образу Харпократа?). Следовательно, данные терракоты, изображающие итифаллического бородатого мужчину — или мужчину в маске — рядом с женщиной, можно попытаться связать с греческой малоазийской традицией. Иконография может быть связана с античными верованиями, сконцентрированными вокруг образов Силена и Приапа — фаллических божеств, на которых, по мнению греков и римлян, был похож Бэс¹⁴⁵. Последний, включенный в синкретическую дионисийскую/осирическую традицию, вполне мог аккумулировать и вышеуказанные образы. В качестве примера можно привести терракоту III в. н.э., изображающую Приапа-Мина в маске Бэса¹⁴⁶ из музея Либигхаус¹⁴⁷. В терракотовой пластике римского периода были распространены изображения стоящего или сидящего итифаллического Приапа рядом с обнаженной Афродитой (Венерой)¹⁴⁸. Примечательна рельефная плакетка из музея в Будапеште, изображающая Пана и нимфу в виноградной беседке: в позах двух персонажей есть явный намек на предстоящее совокупление: мужчина находится позади нимфы и срывает с нее легкую накидку; оба лица повернуты анфас¹⁴⁹. Изображения такого рода в Египте в рамках еще доптолемеевского распространения «синкретической» культуры могли быть включены в осирический/дионисийский контекст.

Тенденция «собирать» в одном иконографическом образе сразу несколько божеств для усиления их мощи была чрезвычайно характерна для позднего Египта, причем в этот сложный процесс слияния включают и чужеземных богов. В этот период появился новый специфический облик древнего мемфисского бога Птаха: в виде ребенка-карлика Патэка, с увеличенным фаллосом; это был иконографический синтез Птаха-Сокара-Осириса с Бэсом и Харпократом¹⁵⁰. Здесь стоит упомянуть замечание Плутарха о том, что египтяне называют Мина Хором (*DIO.* 56. 374 В); безусловно, имеется в виду Хор-ребенок, Харпократ, а отождествление с Мином указывает на его фаллический аспект.

Что касается женского образа, то здесь следует отметить не только грубые черты лица, но и длинный парик, напоминающий парик царицы (посередине лба есть нечто похожее на урей (?))¹⁵¹. Впрочем, на рисунках Туринского эротического папируса изображены нагие молодые женщины в аналогичных париках (как правило, еще украшенных лотосом). Внимания достойно и изображение

¹⁴⁴ Fischer 1994, Taf. 1, Nr. 5 (Dresden 2600 C.366), Nr. 6 (Tubingen 4939/25); Török 1995, 53.

¹⁴⁵ Montserrat 1996, 173.

¹⁴⁶ Кстати, вполне возможно, что египетский Бэс всегда изображается в маске.

¹⁴⁷ Bayer-Niemeier 1988, 202, Nr. 447 (III в. н.э.).

¹⁴⁸ Fischer 1994, Taf. 76, Nr. 712; Weber 1914, Taf. 18.185, 186; Ewigleben, Grumbkow 1991, 70, Nr. 63.

¹⁴⁹ Török 1995, pl. LXXIII, No. 139.

¹⁵⁰ Török 1995, 53.

¹⁵¹ См. аналогичный парик на статуе птолемеевской царицы: Bothmer 1960, pl. 98, fig. 261–262 (The Royal Ontario Museum, Toronto, no. 910.75). Ср. также терракотовую головку в египетском парике и с лентой (Perdrizet 1921, 7, no. 14, pl. LXXXVI: головка от статуи Исиды или ее служительницы).

амфоры на обеих плакетках — нет ли здесь намек на празднества в честь Хатхор, сопровождавшиеся обильными возлияниями и разгульным поведением, о чем писал Геродот? (Hdt. II. 60 — празднество в Бубастисе). Амфора, во всяком случае, прямо указывает на свое содержимое — вино — и на круг представлений, связанных с Дионисом¹⁵². Присутствие амфоры, как и музыкальных инструментов и танцовщиков (см. выше), ясно указывает на фаллофории и, возможно, на «праздник Опыянения».

В недавней публикации некоторых материалов раскопок в Телль-Басте обнаружилась точная аналогия фрагментированной плакетки I, 1a 3233 — по иронии судьбы, обломанная в том же месте, что и московская¹⁵³. Публикатор памятника, В. Вэльске, восстанавливает сюжет по аналогии с цельной московской плакеткой, считая — следом за С.И. Ходжаш — фигуру мужского партнера изображением Бэса. К сожалению, в публикации не приводится археологический контекст находки. Вэльске датирует эту плакетку рубежом конца Позднего периода и начала Птолемеевского, хотя признается, что четкие критерии для датировки отсутствуют¹⁵⁴. Близкой аналогией можно считать фрагмент терракотовой плакетки из Навкратиса с изображением женщины с тамбурином в очень похожем парике и позе (остальная часть эротической группы не сохранилась)¹⁵⁵. Это изображение Р. Томас датирует примерно так же: 525–330 гг. до н.э. Из Навкратиса происходит фрагментированная терракота с изображением стоящей обнаженной женщины в нише, рядом с которой находится амфора с вином (датируется примерно 550–400 гг. до н.э.)¹⁵⁶. В данном случае общим является наличие амфоры — то есть очевидного дионисийского символа — и обнаженной женщины, в одном случае включенной в «эротический» контекст (причем в связи с музыкой), в другом — нет (здесь очевидна связь с символикой женской фертильности и, может быть, изображениями «стоящей обнаженной богини» в нише). Впрочем, некоторая часть симплегм и «эротических групп» из Навкратиса, как полагает Р. Томас, может изображать «священный брак» между богами (*hieros gamos*) и, таким образом, символически обеспечивать плодородие жителей страны¹⁵⁷. Подразумевается ритуальное совокупление жреца («Харпократа»: кстати, для статуэток из Навкратиса характерно наличие у мужчины локона юности) и жрицы («Хатхор») в соответствующих одеяниях богов. Если предположить их происхождение из Бубастиса (на основании вышеназванной аналогии Вэльске), то можно увидеть здесь намек на

¹⁵² Ср. статуэтку, изображающую Бэса-воина, рядом с которым стоит амфора с вином и виноградная гроздь (ГМИИ I, 1a 4243: Vasilyeva *et al.* 2022b, 461). См. с. 776.

¹⁵³ Vaelske 2021, 409, fig. 15.24 («find code of Tell Basta Project: TB3b, Stegabtrag X/4–Y/4, KF014»).

¹⁵⁴ Vaelske 2021, 404.

¹⁵⁵ Thomas 2015, 61, fig. 124 (British Museum 1973, 0501.11).

¹⁵⁶ Thomas 2015, 35, fig. 66 (Museum of Fine Arts, Boston, 86.395).

¹⁵⁷ Thomas 2015, 61–63. В более поздней публикации (Thomas 2019, 191). Томас вообще считает неправильным термин «эротические» фигурки, или «симплегмы», и предлагает отнести такие изображения к *hieros gamos*, что, с нашей точки зрения, слишком радикально.

изображение оргиастического ритуала, присущего культу богини Бастет в ходе празднеств *Bubasteia*, причем происходившего в помещениях наподобие «комнат Бэса» в Саккаре. О подобном поведении при отправлении культа этой богини (и богини Мут¹⁵⁸) есть косвенные свидетельства в демотических папирусах римского времени¹⁵⁹. Насколько можно относить плакетки из ГМИИ к изображению ритуального сексуального акта, судить трудно ввиду отсутствия других аналогий; это изображение необязательно указывает на реальное исполнение публичного действия. Как бы то ни было, таковое воспринималось египтянами не как распущенность, а как магический акт наделения плодотворной силой всей египетской земли¹⁶⁰, что встречается в разных формах и в других культурах.

ВЫВОДЫ

В статье публикуется группа из 12 предметов терракотовой пластики, относящихся к так называемым «эротическим/фаллическим» изображениям, названных в старом инвентаре коллекции В.С. Голенищева «обсценными», а нами обозначенных условным термином *erotica*. В связи с этими изображениями сделано несколько вводящих в прежде почти закрытую для исследований тему наблюдений на материале памятников древнего Египта; а также рассматривается нескольких десятков аналогичных «эротических/фаллических» фигурок. В последнее время в литературе заметно возрастание интереса к народной религии, к связанной с массовой продукцией «низовой культуре», в которой компонент эротики играет значительную роль. Некоторые образцы рассмотренных нами предметов можно отнести к древнеегипетской «смеховой культуре», специфическому юмору, «прорвавшемуся» через древние табу после религиозного переворота Эхнатона как реакция на сильнейшее потрясение тысячелетних основ культуры. Юмор проникает в сферу, столь важную для древних (и не только древних): обеспечение потомством. Таковы фигурки мужчин с гипертрофированными фаллосами. Комический эффект могло создавать и неожиданное сочетание изображения карлика/ребенка (Харпократы, Патэки) и его огромных гениталий. Не исключено, что смешны были и сюжеты плакеток с симплегмой как нечто прежде скрытое, запретное. Но главное в этих предметах — даруемая ими надежда на защиту от зла и обретение детей.

Важно попытаться определить первоначальный контекст и назначение вышеуказанных предметов. Несомненно, что часть из них служила *ex-voto* в святилищах¹⁶¹. Статуэтки *erotica* являются отображением религиозно-ритуальных практик Нижнего Египта, концентрирующихся вокруг культа Харпократа (а также Бэса и Хатхор) и связанной с ним символики Половодья и плодородия в широком смысле слова. Фигурки находят в основном в домашнем контексте, иногда — при раскопках общественных построек (терм). Они могли

¹⁵⁸ Заметим, что и Бастет, и Мут легко отождествляются с Хатхор.

¹⁵⁹ Jasnow, Smith 2010–2011, 49–51; Myśliwiec 1997, 129.

¹⁶⁰ Об античных критиках подобного «разнузданного» поведения см. Thomas 2019, 192, п. 13.

¹⁶¹ Bailey 2008, 69.

являться вотивными приношениями в «комнатах Бэса» в Саккаре. Широкое распространение фигурок так называемых фаллических Харпократов можно понять и в контексте религиозной политики Птолемеев, направленной на поддержание местных культов, связанных с ритуалами праздника Половодья и, соответственно, символикой плодородия¹⁶².

Фигурки могли носить как подвески на шее или использовать как статуэтки в домашних святилищах, они служили оберегами для обеспечения мужской потенции и женской фертильности, а также благополучного функционирования семейного очага и охраны жилища от зла. Как было указано, известны фаллические статуэтки, надежно датируемые концом Нового царства, и, вполне возможно, требуют пересмотра датировки некоторых памятников¹⁶³, не исследованных специально, а просто приписанных к античному периоду «по аналогии». Поэтому нет достаточных оснований считать так называемые «навкратийские» фигурки неегипетскими по происхождению, ведь их «предшественники» относятся к концу II тыс. до н.э.

Ничто не мешает предположить происхождение московских терракот с территории саккарских святилищ и некрополей, где в Поздний и Греко-римский периоды был крупнейший очаг паломничества и были найдены подобные фигурки¹⁶⁴. Именно из трех областей к востоку от Серапеума в Саккаре происходит основная масса «фаллических» статуэток: это так называемые «комнаты Бэса» близ Анубейона, южные пристройки главного храмового комплекса в некрополе священных животных (открыты в 1972 г.), территория поселения и храма Анубейона (раскопки 1976 г.).

Другое вероятное место провенанса — Навкратис и Атрибис¹⁶⁵, где также встречается большое количество аналогичных находок. Не исключено, что в греческих мастерских просто производили пользующиеся спросом египетские статуэтки (так же, как «штамповали» скарабеев, «расползшихся» по всей ойкумене). Эротические группы и фаллические фигурки также засвидетельствованы в фаюмских городах (Каранис, Тебтунис¹⁶⁶), в Александрии, Тонисе-Гераклеоне, Буто, Шедиа¹⁶⁷, где их, вероятно, использовали в домашних обрядах для обеспечения плодородия и изобилия.

Особый интерес среди рассмотренных терракот представляют две рельефные плакетки с изображением симплегмы. Наиболее близкие к ним параллели показывают, что сцены совокупления бородатого мужчины (или мужчины в маске) с женщиной связаны, скорее всего, с кругом греческих и малоазийских верований. Похожие изображения восходят к иконографии божеств Силена и Приапа, появившейся в V–III вв. до н.э. на Родосе и чуть позднее распространившейся в греческих городах восточной Дельты. Изображения

¹⁶² Montserrat 1996, 170.

¹⁶³ Bailey 2008, 70.

¹⁶⁴ Bailey 2008, 69.

¹⁶⁵ Myśliwiec 1994, 43–46.

¹⁶⁶ Wilfong 1997, 82, fig. 13 (Kelsea Museum 24155); Galazzi, Hadji-Minaglou 2019, 129, cat. 74.

¹⁶⁷ Thomas 2019, 183.

сидящего бородатого старика с большим фаллосом («Приапа», «Силена» или «Бэса» — последняя идентификация слишком условна, ибо Бэс — карлик) в Египте в рамках «синкретической» культуры были включены в осирический контекст через представление о Дионисе, что зафиксировали античные авторы. В римское время фаллические амулеты получают еще большее распространение, вероятно потому, что они очень типичны для римской культуры как апотропеи и символы богатства и удачи.

Глиняные рельефные пластинки со сценой симплегмы (I, 1a 3235; 3226 и 3237) являются фрагментами сосудов, привезенных из Александрии в Навкратис. Сложно сказать, вписывались ли они в контекст египетских верований или использовались исключительно жившими в долине Нила греками. Учитывая вышеприведенные аналогии, а также большое распространение фаянсовых и терракотовых «эротических» групп в Навкратисе, можно предположить, что именно в этой колонии малоазийских греков, как некоем «мультикультурном котле», была «адаптирована» родосская иконография Силена/Приапа. Р. Томас полагает, что иконография Приапа или Силена не могла появиться в Навкратисе ранее эллинистического времени, тогда как традиция изготовления фаллических статуэток уже существовала в позднем Египте VI в. до н.э.¹⁶⁸ (а как мы выяснили — и гораздо раньше, в конце II тыс. до н.э.). В продукции местных мастеров можно увидеть сплав египетской, греческой, киприотской, левантйской и персидской традиций¹⁶⁹.

Итак, стиль, материал и технология статуэток в собрании В.С. Голенищева (из терракоты, фаянса и известняка) обнаруживают сходство с археологическим материалом Саккары, Навкратиса и Бубастиса. Сходство продукции предполагает тесные связи между центрами производства и мастерами-коропластами, а также общность религиозных культов этих регионов. При этом образцы фаллических статуэток могли «мигрировать» из важнейших мемфисских культовых центров на север в узловыe города Дельты, включая Навкратис и Шедиа близ Александрии (причем в одностороннем направлении)¹⁷⁰. Это не исключало, однако, формирования местных вариаций типов терракот. Материал Египетского музея в Каире — одного из самых полных собраний «фаллических» изображений — показывает очень широкий географический ареал бытования подобных статуэток: от Дельты до Элефантины¹⁷¹. При этом наибольшее число предметов найдено именно в мемфисском регионе и затем — в Дельте (Бубастис, Мендес, Навкратис).

Основная масса такого рода изображений относится к широкому хронологическому периоду от позднеегипетского и птолемеевского до римского времени. Археологический контекст фаллических статуэток показывает, что они имели достаточно широкий спектр использования. Памятники подобного рода были связаны, прежде всего, с магико-религиозными представлениями древних египтян о плодородии во всех его аспектах, о благополучном функционировании

¹⁶⁸ Thomas 2015, 60, n. 644.

¹⁶⁹ Thomas 2015, 78.

¹⁷⁰ Thomas 2015, 66–67.

¹⁷¹ Martin 1987, 83–84; Thomas 2019, 190–191.

семьи, включая ее основную задачу — воспроизводство и воспитание здорового потомства.

Литература / References

- Abdelwahed, Y.E.H. 2016: *Houses in Graeco-Roman Egypt. Arenas for Ritual Activity*. Oxford.
- Anokhina, E.A., Dyuzheva, O.P., Tomashevich, O.V. 2017: *Egipt IV—I tysyacheletiya do n.e. Bol'she, chem putevoditel'* [Egypt from IV—I B.C. More than a Catalogue]. Moscow.
- Анохина, Е.А., Дюжева, О.П., Томашевич, О.В. *Египет IV—I тысячелетия до н.э. Больше, чем путеводитель*. (Восточные древности на Волхонке, зал № 1). М.
- Anokhina, E.A., Malykh, S.E., Smolenkova, V.V., Tomashevich, O.V. 2022: [Two Clay Female Figurines in the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vostok/Oriens* 3, 245–263.
- Анохина, Е.А., Малых, С.Е., Смоленкова, В.В., Томашевич, О.В. Две глиняные женские статуэтки из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина. *Восток/Oriens* 3, 245–263.
- Anokhina, E.A., Tomashevich, O.V. 2021: [The World of a Woman from Ancient Egypt: Female Naked Figurines in the Pushkin State Museum of Fine Arts]. In: I.A. Ladinin, O.A. Vasil'eva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Tsivilizatsii klassicheskogo Vostoka v pamyatnikakh sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [The Civilizations of the Classical Orient in the Collections of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow–Saint Petersburg, 45–68.
- Анохина, Е.А., Томашевич, О.В. Мир древнеегипетской женщины: женские обнаженные статуэтки в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. В сб.: И.А. Ладынин, О.А. Васильева, А.А. Немировский (ред.), *Цивилизации классического Востока в памятниках собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. М.—СПб., 45–68.
- Ashton, S.A. 2003: *Petrie's Ptolemaic and Roman Memphis*. London.
- Attula, R. 2001: *Griechisch-römische Terrakotten aus Ägypten. Bestandskatalog der figürlichen Terrakotten*. Rostock.
- Bagnall, R.S., Rathbone, D. 2004: *Egypt from Alexander to the Early Christians: An Archaeological and Historical Guide*. Los Angeles—London.
- Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of the Terracottas in the British Museum*. Vol. IV. *Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.
- Baines, J., Malek, J. 1992: *Atlas of Ancient Egypt*. Cairo.
- Bakr, M.I., Brandl, H., Kalloniatis, F. (eds.) 2014: *Egyptian Antiquities from the Eastern Nile Delta*. Cairo—Berlin.
- Ballod, F. 1912: [A Vase with a Figure Depicting Bes from the Collection of V.S. Golenishchev No. 2185]. In: *Pamyatniki Muzeya izyashchnykh iskusstv imeni imperatora Aleksandra III v Moskve* [Monuments of the Museum of Fine Arts Named after Emperor Alexander III in Moscow]. Issue I—II. Moscow, 31–36.
- Баллод, Ф. Ваза с фигурой-изображением Беса из собрания В.С. Голенищева № 2185. В сб.: *Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве*. Вып. I—II. М., 31–36.
- Bayer-Niemeier, E. 1988: *Griechisch-römische Terrakotten. Wissenschaftliche Kataloge des Liebieghaus — Museum alter Plastik, Frankfurt am Main*. (Bildwerke der Sammlung Kaufmann, I). Melsungen.
- Beck, H. 2005: *Ägypten, Griechenland, Rom. Abwehr und Berührung: Städelsches Kunstinstitut und Städtische Galerie*, 26. November 2005 — 26. Februar 2006. Frankfurt-am-Main.
- Berlev, O.D., Hodjash, S.I. 2004: *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [Sculpture of Ancient Egypt in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. Moscow.
- Берлев, О.Д., Ходжаш, С.И. *Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. М.
- Bianchi, R.S., Fazzini, R.A. (eds.) 1988: *Cleopatra's Egypt: Age of the Ptolemies. Catalogue of an Exhibition held at the Brooklyn Museum*. Brooklyn (NY).
- Böckler, N. 2021: *Nomen est omen? Studien zu Typologie, Stilistik, Datierung und Verwendung der sogenannten männlichen „erotischen Figuren“ aus Ägypten*. Diss. München.

- Böckler, N. 2022: Phallic Figures in the Náprstek Museum, Prague. *Annals of the Náprstek Museum* 43/1, 53–70.
- Bongioanni, A., Croce, M. (eds.) 2005: *The Illustrated Guide to the Egyptian Museum in Cairo*. Cairo.
- Bothmer, B. 1960: *Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100*. Brooklyn (NY).
- Breccia, E. 1934: *Terrecotte figurate greche e greco-egizie del Museo di Alessandria*. (Monuments de l'Égypte gréco-romaine, II/2). Bergamo.
- Buchberger, H. 1983: Sexualität und Harfenspiel: Notizen zur „sexuellen“ Konnotation der altägyptischen Ikonographie. *Göttinger Miszellen* 66, 11–43.
- Clarke, J. 2003: *Roman Sex: 100 B.C. – A.D. 250*. New York.
- D'Auria, S., Lacovara, P., Roehrig, C. 1992: *Mummies & Magic. The Funerary Arts of Ancient Egypt*. Dallas (TX).
- Dasen, V. 1993: *Dwarfs in Ancient Egypt and Greece*. Oxford.
- Daumas, Fr. 1957: Le sanatorium de Dendara. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 56, 35–57.
- Demskeya, A.A., Hodjash, S.I., Berlev, O.D., Kalachina, G.I., Yakovleva, E.M. (eds.) 1987: *Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kollektzii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1908–1922)* [Outstanding Russian Orientalist V.S. Golenishchev and the Story of the Acquisition of his Collection by the Museum of Fine Arts (1908–1922)]. Moscow.
- Демская, А.А., Ходжаш, С.И., Берлев, О.Д., Калачина, Г.И., Яковлева, Е.М. (сост.). *Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1908–1922)*. (Из архива ГМИИ, 3). М.
- Derchain, Ph. 1981: Observations sur les Erotica. In: G.T. Martin (ed.), *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqâra. The Southern Dependencies of the Main Temple Complex*. (Excavations in North Saqqâra; Excavation Series, 50). London, 166–170.
- Dunand, Fr. 1979: *La religion populaire en Égypte Romaine. Les terres cuites isiaques du Musée du Caire*. Leiden–Boston.
- Dunand, Fr. 1990: *Catalogue des terres cuites gréco-romaines d'Égypte*. Paris.
- Eros in Antiquity 1978: *Eros in Antiquity*. Photographs by Antonia Mulas. New York.
- Ewigleben, C., Grumbkow, J. von 1991: *Götter, Gräber und Grottesken. Tonfiguren aus dem Alltagsleben im römischen Ägypten*. Hamburg.
- Fischer, J. 1994: *Griechisch-römische Terrakotten aus Ägypten. Die Sammlungen Sieglin und Schreiber. Dresden, Leipzig, Stuttgart, Tübingen*. Tübingen.
- Fischer, J. 1998: Der Zwerg, der Phallos und der Buckel. Grotteskfiguren aus dem ptolemäischen Ägypten. *Chronique d'Égypte* 73, 327–361.
- Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt. Assimilation and Resistance*. Princeton.
- Freed, R.E., Berman, L.M., Doxey, D.M. 2003: *Art of Ancient Egypt*. (MFA Highlights). Boston.
- Gallazzi, C., Hadji-Minaglou, G. 2019: *Trésors inattendus. 30 ans de fouilles et de coopération à Tebtynis (Fayoum). Le Caire, Musée égyptien, 4 février – 4 avril 2019*. Le Caire.
- Gardiner, A. 1976: *Egyptian Grammar, Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs*. 3rd ed. Oxford.
- Goddio, Fr., Fabre, D. (eds.) 2008: *Egypt's Sunken Treasures*. Munich–New York–London.
- Goddio, Fr., Masson-Berghoff, A. (eds.) 2016: *Sunken Cities. Egypt's Lost Worlds*. London–New York.
- Graves, R. 2001: *Mify drevney Gretsii [Myths of Ancient Greece]*. Vol. 1–2. Moscow.
- Грейвс, Р. *Мифы древней Греции*. Т. 1–2. М.
- Griffiths, J.Gw. (ed.) 1970: *Plutarch's De Iside et Osiride*. Cardiff.
- Gutch, C. 1898–1899: Excavations at Naukratis: D. The Terracottas. *Annual of the British School at Athens* 5, 67–97.
- Hodjash, S.I. 2004: *Izobrazheniya drevneegipetskogo boga Besa v sobranii Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina. Katalog [Images of the Ancient Egyptian God Bes in the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts. The Catalogue]*. Moscow.
- Ходжаш, С.И. *Изображения древнеегипетского бога Беса в собрании Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Каталог*. М.
- Hoffmann, Fr., Steinhart, M. 2001: *Tiere vom Nil. Ägyptische Terrakotten in Würzburg, Sammlung Gutte*. Wiesbaden.
- Hopfner, Th. 1940: *Plutarch über Isis und Osiris* 1. Prag.
- Houlihan, P.F. 2001: *Wit & Humour in Ancient Egypt*. London.

- Ivanov, S.V. 2007: Anthropomorphic Figurines Found at Kom Tuman (Memphis). In: M. Bárta, F. Coppens, J. Krejčí (eds.), *Abusir and Saqqara in the Year 2005: Proceedings of the Conference held in Prague (June 27 – July 5, 2005)*. Prague, 32–41.
- Ivanov, S.V. 2017: [An ‘Unusual’ Terracotta from Memphis]. In: *Kul'tura Egipta i stran Sredizemnomor'ya v drevnosti i Srednevekov'e*. Vyp. 2. *Sbornik statey pamyati T.N. Savel'evoy* [Egyptian and Mediterranean Culture in Ancient and Medieval Times. Issue 2. Papers in Memory of Tatiana Savelieva]. Moscow, 25–34.
- Иванов, С.В. «Нетипичная» терракота из Мемфиса. В сб.: *Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и Средневековье*. Вып. 2. *Сборник статей памяти Т.Н. Савельевой*. М., 25–34.
- Jasnow, R., Smith, M. 2010–2011: 'As for Those Who Have Called Me Evil, Mut Will Call Them Evil': Orgiastic Cultic Behavior and Its Critics in Ancient Egypt. *Enchoria: Zeitschrift für Demotistik und Koptologie* 32, 9–53.
- Johns, C. 1982: *Sex or Symbol: Erotic Images of Greece and Rome*. London.
- Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2010: *Mereruka and His Family*. Pt. III/1. *The Tomb of Mereruka*. (ACER, 29). Oxford.
- Kanawati, N., Woods, A., Shafik, S., Alexakis, E. 2011: *Mereruka and His Family*. Pt. III/2. *The Tomb of Mereruka*. (ACER, 30). Oxford.
- Khodza, Ye.N. 2006: [The Grotesque in the Hellenistic Coroplastics]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History] 3, 156–182.
- Ходза, Е.Н. Гротеск в эллинистической коропластике. *ВДИ* 3, 156–182.
- Kitat, S. 2018: The Cult of God Priapus in Egypt during the Graeco-Roman Period. *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion* 256, 115–124.
- Kormysheva, E., Malykh, S., Vetokhov, S. 2010: *The Tomb of Khafraankh G 7948*. (Giza. Eastern Necropolis, I). Moscow.
- Kuzishchin, V.I. (ed.) 2002: *Isrotiya drevnego Vostoka. Teksty i dokumenty* [History of Ancient Orient. Texts and Documents]. Moscow.
- Кузищин, В.И. (ред.) *История древнего Востока. Тексты и документы*. М.
- Livshitz, I.G. (ed.) 1979: *Skazki i povesti drevnego Egipta* [Fairy Tales and Stories of Ancient Egypt]. Leningrad.
- Лившиц, И.Г. (пер.). *Сказки и повести древнего Египта*. Л.
- Lloyd, S. 1974: *The Art of the Ancient Near East*. New York.
- Malaise, M. 2004: Bès et la famille isiaque. *Chronique d'Égypte* 79 (157–158), 266–292.
- Manniche, L. 1987: *Sexual Life in Ancient Egypt*. London–New York.
- Manniche, L. 2015: 'Bes' Rooms. In: R. Nyord, K. Ryholt (eds.), *Lotus and Laurel: Studies on Egyptian Language and Religion in Honour of Paul John Frandsen*. (CNI Publications, 39). Copenhagen, 209–232.
- Martin, G.T. 1981: *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqâra*. London.
- Martin, G.T. 1987: "Erotic" Figurines: The Cairo Museum Material. *Göttinger Miszellen* 96, 71–84.
- Matić, U. 2022: Beauty Treatments and Gender in Pharaonic Egypt: Masculinities and Femininities in Public and Private Spaces. In: U. Matić (ed.), *Beautiful Bodies. Gender and Corporeal Aesthetics in the Past*. Oxford.
- Matić, U. 2023: Egyptomania, Sex and Ontology in Enki Bilal's The Nikopol Trilogy (1980–1992) and Immortel, ad vitam (2004). *Issues in Ethnology and Anthropology* 18/3, 817–834.
- Melander, T. 2014: *Thorvaldsen's Roman Lamps. A Catalogue of the Ancient Roman Terracotta Lamps in Thorvaldsens Museum*. Copenhagen.
- Montserrat, D. 1996: *Sex and Society in Graeco-Roman Egypt*. London–New York.
- Myśliwiec, K. 1994: Athribis – eine hellenistische Stadt im Nildelta. *Antike Welt*, 25/1, 35–46.
- Myśliwiec, K. 1997: Phallic Figurines from Tell Atrib. In: J. Aksamit, M. Dolińska, A. Majewska, A. Niwiński, S. Rzepka, Z. Szafrński (eds.), *Essays in Honour of Prof. Dr. Jadwiga Lipińska*. Warsaw, 119–137.
- Myśliwiec, K. 2004: *Eros on the Nile*. Transl. by G.L. Packer. Ithaca.
- O'Connor, D. 2009: *Abydos. Egypt's First Pharaohs and the Cult of Osiris*. New York.
- Omlin, J.A. 1973: *Der Papyrus 55001 und seine satirisch-erotischen Zeichnungen und Inschriften*. (Catalogo del Museo Egizio di Torino, 3). Turin.

- Parkinson, R. 2014: Phallic Figurines: Changing Museum Attitudes. *The British Museum Egypt and Sudan Newsletter* 1, 15.
- Perdrizet, P. 1921: *Les terres cuites grecques d'Égypte de la collection Fouquet*. Nancy—Paris—Strasbourg.
- Philipp, H. 1972: *Terrakotten aus Ägypten im Ägyptischen Museum Berlin*. Berlin.
- Pinch, G. 1993: *Votive Offerings to Hathor*. Oxford.
- Poole, F. (ed.) 2016: *Il Nilo a Pompei. Visioni d'Egitto nel mondo Romano. Catalogo*. Modena.
- Propp, V.Ya. 1939: [Ritual Laughter in Folklore (Nesmejana Tale)]. *Uchenye zapiski LGU [Academic Notes of the Leningrad University]* 46, 151—175.
- Пропп, В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). *Ученые записки ЛГУ* 46, 151—175.
- Quibell, J.E. 1898: *The Ramesseum and The Tomb of Ptah-hetep*. (Egyptian Research Account, 1896). London.
- Quibell, J.E. 1907: *Excavations at Saqqara (1905—1906)*. Le Caire.
- Ragazzoli, Ch. 2017: *La grotte des scribes à Deir el-Bahari: la tombe MMA 504 et ses graffiti*. (MIFAO, 135). Le Caire.
- Raven, M.J. 1982: Corn-Mummies. *Oudheidkundige mededelingen uit het Rijksmuseum van Oudheden te Leiden* 63, 7—38.
- Raven, M.J. 2012: *Egyptian Magic. The Quest for Thoth's Book of Secrets*. Cairo—New York.
- Roberts, P. 2013: *Life and Death in Pompei and Herculaneum*. London.
- Robins, G. 1993: *Women in Ancient Egypt*. London.
- Shaw, J., Nicholson, P. 1995: *The British Museum Dictionary of Ancient Egypt*. London—New York—Sydney—Toronto.
- Spier, J., Potts, T.F., Cole, S.E. 2018: *Beyond the Nile: Egypt and the Classical World*. Los Angeles.
- Strouhal, E. 1994: *Ägypten zur Pharaonenzeit. Alltag und gesellschaftliches Leben*. Tübingen—Berlin.
- Thomas, R.I. 2015: Egyptian Late Period Figures in Terracotta and Limestone. In: A. Villing, M. Bergeron, G. Bourogiannis, A. Johnston, Fr. Leclère, A. Masson, R. Thomas (eds.), *Naukratis: Greeks in Egypt*. URL: <http://www.britishmuseum.org/naukratis>; date of access: 01.04.2024.
- Thomas, R.I. 2019: Terracotta and Stone Figurines from Naukratis. *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan* 24, 175—203.
- Tomashevich, O.V. 2003: [Sexual Revolution in Ancient Egypt]. In: D.D. Belyaev, G.G. Ershova (eds.), *Drevnie tsivilizatsii Starogo i Novogo sveta: kul'turnoe svoeobrazie i dialog interpretatsiy [Ancient Civilizations of Old and New Worlds: Cultural Diversity and Dialogue of Interpretation]*. Moscow, 206—216.
- Томашевич, О.В. Сексуальная революция в древнем Египте. В сб.: Д.Д. Беляев, Г.Г. Ершова (ред.), *Древние цивилизации Старого и Нового света: культурное своеобразие и диалог интерпретаций*. М., 209—216.
- Tomashevich, O.V. 2020: [About One Magnificent and Mysterious Female Statuette from Vladimir Golenishev's Collection]. In: O.P. Dyuzheva, K.K. Iskol'dskaya, N.V. Lavrent'eva, M.A. Chegodaev (eds.), *Aegyptiaca Rossica (Supplementum)*. Moscow, 323—338.
- Томашевич, О.В. Об одной прекрасной и загадочной женской статуэтке из собрания В.С. Голенищева. В сб.: О.П. Дюжева, К.К. Искольдская, Н.В. Лаврентьева, М.А. Чегодаев (ред.), *Aegyptiaca Rossica (Supplementum)*. М., 323—338.
- Tomashevich, O.V., Anokhina, E.A. 2020: [Egyptian Truncated Female Figurines in the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vostok/Oriens* 3, 192—210.
- Томашевич, О.В., Анохина, Е.А. Египетские редуцированные женские статуэтки в собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина. *Восток/Oriens* 3, 193—210.
- Török, L. 1995: *Hellenistic and Roman Terracottas from Egypt*. Roma.
- Vaelske, V. 2021: Coroplastic Figural Art in Egypt during the Late Period (664—332 BC). In: E.D. Darby, I.J. de Hulster (eds.), *Iron Age Terracotta Figurines from the Southern Levant in Context*. (Culture and History of the Ancient Near East, 125). Leiden—Boston, 375—424.
- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E. 2020: [Harpokrates and the Cult of Fertility: Iconography and Symbolism of Egyptian Graeco-Roman Terracotta Figurines from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vostok/Oriens* 2, 200—211.
- Васильева, О.А., Малых, С.Е. Харпократ и культ плодородия: иконография и символика египетских терракот греко-римского времени из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток/Oriens* 2, 200—211.

- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E. 2021a: [Egyptian Terracotta Figurines as a Reflection of 'Popular' Religion: Cult Devotees and Female Figurines of Fertility from the Collection of V.S. Golenishev (Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow)]. *Vostok/Oriens* 1, 213–229.
Васильева О.А., Малых С.Е. Египетские терракоты как отражение «народной» религии: служительницы культа и женские статуэтки плодородия из коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина). *Восток/Oriens* 1, 213–229.
- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E. 2021b: [Aspects of Religious Syncretism of the Goddess Isis in Graeco-Roman Egypt: A Case Study of the Terracotta Figurines from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 81/1, 166–197.
Васильева, О.А., Малых, С.Е. Аспекты религиозного синкретизма богини Исида в греко-римском Египте на примере терракотовой пластики из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 81/1, 166–197.
- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E. 2021c: [Gods of the Mediterranean: Greek and Egyptian Religious Syncretism of Hellenistic and Roman Periods]. In: I.A. Ladynin, O.A. Vasilyeva, A.A. Nemirovskiy (eds.), *Tsivilizatsii klassicheskogo Vostoka v pamyatnikakh sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina [The Civilizations of the Classical Orient in the Collections of the Pushkin State Museum of Fine Arts]*. Moscow–Saint Petersburg, 98–127.
Васильева, О.А., Малых, С.Е. Боги Средиземноморья: греко-египетский культурно-религиозный синкретизм эллинистического и римского времени. В сб.: И.А. Ладынин, О.А. Васильева, А.А. Немировский (ред.), *Цивилизации классического Востока в памятниках собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина*. М.—СПб., 98–127.
- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E., Tomashevich, O.V. 2022a: [Apotropaic Bes: Egyptian Terracotta Figurines Depicting the God Bes from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. *Vostok/Oriens* 2, 243–256.
Васильева, О.А., Малых, С.Е., Томашевич, О.В. Бэс — апотропей. Египетские терракотовые статуэтки с изображением бога Бэса из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *Восток/Oriens* 2, 243–256.
- Vasilyeva, O.A., Malykh, S.E., Tomashevich, O.V. 2022b: [Bes-Warrior. Egyptian Terracotta Figurines from the Collection of the State Pushkin Museum of Fine Arts]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 82/2, 446–472.
Васильева, О.А., Малых, С.Е., Томашевич, О.В. Бэс-воин. Египетские терракотовые статуэтки из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. *ВДИ* 82/2, 446–472.
- Vernus, P. 2013: Le papyrus de Turin et la pornographie dans l'Égypte ancienne. In: G. Andreu-Lanoë, S. Labbé-Toutée, P. Rigault (éd.), *L'art du contour. Le dessin dans l'Égypte ancienne*. Paris, 108–116.
- Villing, A., Bergeron, M., Bourogiannis, G., Johnston, A., Leclère, Fr., Masson, A., Thomas, R. 2015: *Naukratis: Greeks in Egypt*. URL: <http://www.britishmuseum.org/naukratis>; date of access: 01.04.2024.
- Voegtle, E. 2013: *Dein Gott ist ein Esel. Griechische und römische Tierkarikaturen als Spiegel antiker Wertvorstellungen*. Diss. Bern.
- Voegtle, E. 2016: A Grotesque Terracotta Figurine of the First Century C.E. from Muralto, Ticino, Switzerland: Function, Use, and Meaning. *Les Carnets de l'ACoSt* 15. URL: <https://journals.openedition.org/acost/945#ftn5>; date of access: 01.04.2024.
- Volkhine, Yu. 2010: Quelques aspects de Bès dans les temples égyptiens de l'époque Gréco-Romaine. In: L. Bricault, M. Versluys (eds.), *Isis on the Nile. Egyptian Gods in Hellenistic and Roman Egypt. Proceedings of the 4th International Conference of Isis Studies, Liège, November 27–29, 2008*. Leiden–Boston, 233–255.
- Weber, W. 1914: *Die ägyptisch-griechischen Terrakotten*. Berlin.
- Wilfong, G.T. (ed.) 1997: *Women and Gender in Ancient Egypt. From Prehistory to Late Antiquity. An Exhibition at the Kelsey Museum of Archaeology, 14 March – 15 June 1997*. Ann Arbor.
- Yoyotte, J. 1960: Les pèlerinages dans l'Égypte ancienne. In: *Les pèlerinages: Égypte ancienne, Israël, Islam, Perse, Inde, Tibet, Indonésie, Madagascar, Chine, Japon*. (Sources orientales, III). Paris, 17–74.
- Zhuravlev, D.V. (ed.) 2006: *Lyubov' i Eros v antichnoy kul'ture. Katalog vystavki v GIM [Love and Eros in Antiquity. Exhibition Catalogue]*. Moscow.
Журавлев, Д.В. (ред.). *Любовь и Эрос в античной культуре. Каталог выставки в ГИМ*. М.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
84/3 (2024), 796–806
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/3 (2024), 796–806
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124030125

L. PRANDI. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. (Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica: Monografie, 50). Roma—Bristol: “L’Erma” di Bretschneider, 2020. VI + 201 p. ISBN: 978-88-913-2087-2

История Византия до его трансформации в Константинополь, похоже, начинает привлекать все более активное внимание антиковедов, и это довольно любопытный историографический феномен. Все началось 15 лет назад, когда увидело свет новое издание — по сути, первое, отвечающее актуальным научным требованиям, с переводом на современный европейский язык и подробным комментарием — «Плавания по Боспору» Дионисия Византийского¹, важнейшего, но во многом недооцененного до недавнего времени источника. Год спустя книгу по истории Византия от основания до 31 г. до н.э. опубликовал на турецком языке Мурат Арслан, профессор университета Акдениз²; кстати, эта работа является на сегодня самой объемной из всех, посвященных Византию (целых 579 страниц!) — притом, что она охватывает хронологически далеко не весь «доконстантинопольский» период истории города. К сожалению, автор не сопроводил текст хотя бы минимальным резюме на каком-нибудь из главных европейских языков, что ограничивает ценность книги для европейского читателя³. В 2014 г. опубликовал фундаментальный труд по истории Мегар и мегарских колоний румынский исследователь Адриан Робу, работающий во Франции⁴. В 2015 г. вышла в печать

¹ Belfiore 2009. Примечательно, что в 2010 г. были опубликованы сразу два перевода этого источника на турецкий язык, выполненные Э. Йозбайоглу и М. Явюзом, но они не стали сколько-нибудь заметным историографическим событием.

² Arslan 2010.

³ Это повод задуматься о том, насколько активно происходит включение турецкой науки об античности с ее национальным языком в современный историографический процесс и с какими проблемами это связано. Для отечественных исследователей, не понаслышке знакомых с фразой *Rossica non leguntur* (пусть даже и не декларируемой открыто), это далеко не праздный вопрос.

⁴ Robu 2014. В этой замечательной работе Византию вместе с тесно связанными с ним мегарскими колониями на Пропонтиде — Астакон, Калхедоном и Селимбрией, уделено почти 100 страниц (с. 200–292); соответствующая тематика нередко затрагивается и в других местах книги. А. Робу написал также целый ряд содержательных статей, касающихся истории, институтов и религии Византия, которые тут нет необходимости перечислять; попутно отметим, что в данном очерке не упоминаются и другие статьи многих авторов, заслуживающие несомненного внимания: речь идет только о монографиях.

довольно оригинальная по замыслу англо-турецкая коллективная монография об осадах и захватах Византия/Константинополя, одним из редакторов которой был тот же М. Арслан⁵; интересующему нас периоду в ней уделено немало места — 5 глав (из 20), занимающие полторы сотни страниц. В том же году защитил весьма содержательную докторскую диссертацию по Дионисию Византийскому болгарский исследователь Мартин Гюзелев⁶ — печально, но языковой фактор и в данном случае уменьшает ценность работы для мировой историографии: ссылки на нее в западной науке отсутствуют. Затем вышло выдержанное в весьма своеобразном концептуальном ключе исследование Томаса Рассела «Византий и Боспор»⁷, на которое авторы этих строк откликнулись рецензией на страницах ВДИ⁸. Дальше — больше: совсем недавно с разницей в один год увидели свет две монографии, посвященные достаточно узкой и специфической теме — мифам об основании Византия (одна из них — тоже на «малочитаемом» болгарском языке)⁹. Наконец, буквально только что были опубликованы два новых перевода Дионисия Византийского с комментариями¹⁰.

Насыщенность этого событийного ряда впечатляет: мало какой греческий полис, за исключением, пожалуй, Афин и Спарты, мог бы похвастаться таким стабильным привлечением интенсивного исследовательского внимания на протяжении последних полутора десятилетий, что резко контрастирует с предшествующим длительным «застоем»¹¹. Видимо, впору говорить о переходе количественных изменений в качественные, приведшем к формированию своеобразного исследовательского направления, связанного именно с «ранним» Византием. Оно включает в себя представителей различных национальных историографий (в данном случае по разным причинам не вполне подвергшихся активно происходящей ныне интернационализации науки и потому сохраняющих, хотя бы отчасти, свою «идентичность») и обладает, как кажется, немалым потенциалом. Для того чтобы лучше представить основные черты этого

⁵ Arslan, Kaçar 2017. Этот почин был подхвачен известным популяризатором античной (и не только) истории, чрезвычайно плодовитым автором Джоном Грэйнджером: в 2022 г. он опубликовал в своей излюбленной серии «Pen & Sword Military» книгу «Сорок осад Константинополя», в которой интересующему нас периоду уделено в общей сложности 7 глав, занимающих более 60 страниц текста. Упомянутую выше коллективную монографию исследователь, однако, не использует (Grainger 2022).

⁶ Gyuzelev 2015.

⁷ Russell 2017.

⁸ Surikov, Gabelko 2022.

⁹ Braccini 2019; Lozanova-Stancheva 2020.

¹⁰ Billerbeck 2023; Nicholson, Russell 2024. Не отрицая значимости этих изданий, отметим: первое из них выполнено филологом-классиком, практически не обращавшейся ранее к политико-географической проблематике, а второе по своему характеру является скорее популярным. Исходя из этого, представляется, что информативность «Плавания по Боспору» как исторического источника пока еще далеко не исчерпана.

¹¹ В предшествующий период наиболее важными исследованиями, в которых основательно затрагивалась названная проблематика, следует считать две монографии (охватывающие только эпоху архаики): Loukopoulou 1989 и Pal'tseva 1999, в которых Византий все же не занимает центрального места.

тренда, мы решили обратиться к рассмотрению исследования, которое не было названо раньше, но, тем не менее, органично занимает свое место среди перечисленных выше – монографии профессора Университета Вероны Луизы Пранди, озаглавленной «Византий до Византии: греческий город между двумя континентами» («Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti», 2020)¹². Эта книга важна не только сама по себе, но и постольку, поскольку в ней достаточно четко сформулированы концептуальные и методические подходы автора к истории Византия, с одной стороны, имеющие самостоятельное значение, а с другой – целенаправленно построенные на полемике с той парадигмой, которой придерживается упоминавшийся ранее Т. Рассел. Если британский исследователь достаточно молод и, видимо, именно поэтому весьма подвержен влиянию различных новейших, в основном постмодернистских подходов (достаточно вспомнить, как лихо он деконструирует традицию об основании Византия Мегарами), то Л. Пранди – весьма опытный специалист. Она начала публиковаться еще в 1970-х годах¹³, а в 1980-х, посчитав перспективным исследовать в монографическом формате историю отдельных эллинских полисов, выпустила книгу о Платеях¹⁴. После этого ею был задуман аналогичный проект по Византию – центру, разумеется, куда более значительному, чем Платеи, – но, как пишет сама исследовательница в начале рецензируемой работы (с. 3), обстоятельства различного характера препятствовали ей начать его реализацию вплоть до 2016 г. А тут как раз появился «Византий и Боспор» Рассела, и Пранди незамедлительно откликнулась на него статьей полемиического и даже критического характера¹⁵, готовя тем самым почву для собственного исследования. Кстати, эта работа в мало изменившемся виде вошла в ее книгу о Византии в качестве первой главы; был сохранен даже ее заголовок – «Историческая стратиграфия: как реконструировать историю Византия» (с. 3–16). Эта глава, в сущности, играет роль введения¹⁶; ей предшествует только краткое предисловие,

¹² В названии, кстати, присутствует игра слов, непередаваемая по-русски и основанная на том, что Византий и Византия в итальянском языке обозначаются одним и тем же словом.

¹³ Например, Prandi 1977. Тему своих интересов исследовательница на университетском сайте определяет так: «I am a scholar of ancient Greek world. I studied topics concerning archaic and classical institutions and identity, as well as Greek memories in the Roman culture. I am experienced in ancient historiography, above all with researches concerning Alexander the Great and Alexander historians, papyrus evidence included» (URL: <https://www.dcuci.univr.it/?ent=persona&lang=en&id=6315>; дата обращения: 12.06.2024).

¹⁴ Prandi 1988.

¹⁵ Prandi 2018. Незадолго до выхода в свет монографии она опубликовала также основательную статью, посвященную поистине «вечной» теме взаимоотношений и сходства/различия исторических судеб Византия и Калхедона, отразившихся в иронической характеристике граждан последнего как «слепых» (Prandi 2019). В рецензируемой книге сюжеты этого круга кратко рассмотрены на с. 40–43.

¹⁶ Исходя из этого, было бы не лишним поместить в данный раздел традиционный обзор источников и историографии, которого явно не хватает. Кстати, отметим сразу: несомненным плюсом книги является то, что автор, как и Т. Рассел, часто

содержащее в основном благодарности (с. 1–2). На ней поэтому необходимо остановиться достаточно подробно, тем более что здесь содержится изложение методологического кредо Л. Пранди, которое является, как и следовало ожидать, куда более традиционным, нежели у Т. Рассела.

Собственно, главное, что ей не нравится у британского ученого — это именно его сугубая увлеченность «модными веяниями». Итальянская исследовательница не без иронии пишет, что налицо «бесспорная привлекательность таких формулировок, как *connectivity, ethnicity, foundation stories, frontier history, intentional history, middle ground, network, peer polity interaction*» (с. 5) и замечает, что все это, конечно, хорошо, но прежде всего нужно опираться не на теории, а на данные источников. Она приводит ряд конкретных примеров того, как многие положения книги Т. Рассела, выглядящие на первый взгляд интересными и перспективными, в действительности построены исключительно на базе умственных конструкций автора, а не строгих фактов, и в результате оказываются чрезвычайно шаткими и практически недоказуемыми. Остановимся на таком примере: один из ключевых тезисов Рассела, красной нитью проходящий через его книгу, заключается в том, что на многих этапах истории Византия различные политические деятели, закреплявшиеся там (Гистией, Павсаний, Клеарх), а также и сами жители города взимали пошлину с кораблей, проходящих через пролив, пользуясь возможностью контролировать этот водный путь. Теория красивая, констатирует Пранди, но где убедительные свидетельства тому? А в их отсутствие можно говорить только о возможностях, а не об установленных фактах (с. 12).

Итальянская исследовательница убеждена: антиковеды и поныне могут полноценно работать на основе проверенных поколениями методологий¹⁷, и стремится продемонстрировать это всей своей монографией о Византии, написанной во вполне позитивистском ключе. Закономерно, что и наш обзор рецензируемой монографии во многом будет строиться на основе сравнения с книгой Т. Рассела и нашей рецензией на нее.

В книге Л. Пранди само изложение материала, как это обычно и принято, в основном соответствует хронологическому порядку событий (адекватность именно такого подхода специально обосновывается на с. 8–12). Так, если Рассел рассмотрение проблемы возникновения данного полиса (точнее, преданий об

обращается к данным «Плавания по Боспору» Дионисия Византийского. Другое дело, что, как будет показано далее, из «Плавания» извлекается далеко не вся информация.

¹⁷ Специалисты по античности ныне более или менее разделились на позитивистов и постмодернистов, и представителям этих условных направлений практически невозможно найти общий язык — по крайней мере, пока. Ср. весьма критичную оценку постмодернистского деконструкционизма в Meyer, London 2005, 261: «Подобно анархистам, деконструкционисты стремятся только взрывать и разрушать, оставляя читателей в страхе — в страхе, что они были наивными. Поскольку в *теории* возможно все, следовательно, возможно все, и, следовательно, смысл может содержаться в самом субъективном процессе интерпретации... Деконструкция антиисторична; остается только критик, существующий критическим сознанием» (курсив принадлежит авторам цитируемой статьи). Оба автора этих строк в основном присоединяются именно к такой позиции.

этом возникновении, к которым он относится гиперкритически) откладывает до последней главы своей книги, то у Пранди сразу вслед за первой главой, рассмотренной выше (она, как мы отметили, имеет вводный характер), следует глава, озаглавленная «Полис с многими основателями» (с. 17–28). В ней отмечается, что, хотя состояние источниковой базы по этой теме действительно порождает ряд сложных вопросов, все-таки с наибольшей вероятностью у Византия была одна (или, во всяком случае, главная) метрополия — Мегары. При этом она обоснованно отмечает наличие заметных разногласий в традиции — в частности, существований мегарской и местной, собственно византийской версий Ktisissage (с. 19–20). Автор уклоняется также от предоставления прямого ответа на вопрос, следует ли действительно говорить о семи метрополиях Византия, как это можно было бы допустить исходя из пассажа Дионисия Византийского о Гестиях — семи очагах, воздвигнутых то ли представителями метрополий, то ли семью знатнейшими мегарскими родами (53) (мы же, в свою очередь, полагаем, что в этой информации содержится немало ценного)¹⁸.

Третья глава, очень небольшая (с. 29–34), называется «Перед лицом персидской экспансии». Ее хронологические рамки — период между скифской экспедицией Дария I и 478–477 гг. до н.э., когда Византий был освобожден от владычества персов. Л. Пранди постоянно подчеркивает, что источниковых данных по этому этапу истории города (впрочем, как и почти по любому другому) мало¹⁹, и поэтому нужно всячески блюсти осторожность в выводах, что она и делает. Наиболее подробно в главе освещается участие византийцев в Ионийском восстании. Мало о чем исследовательница говорит с уверенностью; а когда это случается — звучат порой вещи вполне тривиальные, например: «Что кажется безусловным — это то, что в 477 г. до н.э. Византий начал новую фазу своего существования, более свободную от противостояния с персами» (с. 34).

Значительно более обширна четвертая глава, «Между Спартой и Афинами» (с. 35–66). Она разделяется на пункты. В пункте 1 речь идет о роли некоторых видных спартанцев (регента Павсания, Клеарха, Лисандра) в судьбе города. Автор и тут показывает себя подчеркнутым традиционалистом. Так, существует известное свидетельство Юстина (обычно считающееся загадочным) о том, что Византий был основан Павсанием (IX. 1. 2). Отношение исследовательницы к нему вполне ожидаемо: по ее мнению, в своем буквальном смысле свидетельство недостоверно, оно только указывает на некий позитивный момент в истории города (с. 37). А между тем фраза Юстина, возможно, имеет разгадку, заключающуюся в том, что Павсаний, восстановивший Византий фактически из небытия (в конце Ионийского восстания разгромленный город был покинут

¹⁸ Ср. Robu 2014, 282–285.

¹⁹ Впрочем, комбинирование сведений Геродота, Ктесия Книдского и Дионисия Византийского с привлечением данных других источников позволяет рассмотреть перипетии истории Византия и Калхедона в конце VI — начале V в. до н.э. во всех деталях и обосновать немало новых предположений. См. Gabelko, Rung 2020. Л. Пранди, разумеется, уделяет некоторое внимание имеющим отношение к этим событиям пассажам Дионисия Византийского (14; 57), но не высказывает особо оригинальных идей.

жителями), действительно был официально провозглашен его ойкистом²⁰. Кроме того, имеются полновесные резоны предполагать непосредственное участие лакедемонян в основании Византия еще в эпоху архаики²¹. В целом автор полагает, что ни повторяющиеся попытки спартанцев установить контроль над Византием, ни пребывание в городе наемников Кира Младшего в 400 г. до н.э. не привели к серьезному экономическому и политическому ослаблению полиса; в то же время внешнеполитические перипетии отчасти затемняют вопросы внутреннего устройства и не дают возможности установить ход событий, связанных со сменой политических режимов в полисе.

Отношениям Византия с Афинами посвящен пункт 2 «Два Афинских морских союза». Содержание пункта сводится, в общем, к сводке фактов, черпаемых из источников (прежде всего нарративных и эпиграфических) и имеющих отношение к членству города на Боспоре в этих военно-политических объединениях. Рассматриваются и действия фиванцев по усилению своего морского могущества в 360-х годах, частью которых стало их стремление закрепиться в Византии, а также попытки византийцев совместно с Хиосом и Родосом выйти из-под афинского контроля (т.н. Союзническая война 357–355/4 гг. до н.э.). По итогам всех этих событий Византий существенно усилился, что даже позволило ему установить контроль над Селимбрией и Калхедоном.

В той же главе встречаем также небольшой экскурс (с. 63–66) по интересной проблеме византийских железных денег, которые, согласно упоминаниям у нескольких писателей (самым ранним из которых является Аристофан), имели хождение в V в. до н.э., до того, как полис начал собственную серебряную чеканку²². В литературе по этому вопросу нет единства мнений. Т. Рассел²³ высказывает мнение, что никаких византийских железных монет вовсе и не было, что это фиктивный феномен, источником которого послужила какая-то шутка Аристофана, истинный смысл которой со временем оказался забыт. Есть и те ученые, которые не видят ничего невозможного в реальной историчности железной чеканки и указывают возможные причины появления этой практики²⁴. Что касается Л. Пранди, она и тут верна себе и заключает тем, что вопрос приходится оставить открытым.

В следующей главе, «Византий и Македонское царство» (с. 67–83), автор обращается к важной эпохе в жизни города. На с. 67–79 излагаются детали его войны с Филиппом II в 340 г. до н.э. Исследовательница достаточно подробно анализирует ход событий, но отчего-то (как и Т. Рассел в своей монографии)

²⁰ См. старую статью, не учтенную автором: Lehmann-Haupt 1921; более подробно и с привлечением новой аргументации см. Surikov 2020.

²¹ См. Gabelko 2023. Основания считать так дает реинтерпретация сообщения Дионисия Византийского (24) в сопоставлении с данными Константина Багрянородного (*De them.* II. 85 Pertusi).

²² Что произошло, судя по всему, даже не в конце V, а в начале IV в. до н.э. (Figueira 1998, 59). Кстати, аналогично омолаживают ныне и первую чеканку соседнего Калхедона (Türkoğlu 2014, 589).

²³ Russell 2017, 219–221.

²⁴ Например, Figueira 1998, 62.

фактически проходит мимо упоминания Дионисием Византийским победы граждан полиса над флотоводцем Филиппа Деметрием в местности, названной Фермерией — «Жаркодневной» (65)²⁵. Л. Пранди разбирается также в содержании византийского декрета о почестях афинянам, который сохранился в составе одной из речей Демосфена (XVIII. 90–92) и опять же является спорным в плане своей аутентичности (она и здесь занимает колеблющуюся позицию). Затем рассматривается место Византия в событиях времен борьбы диадохов и его контакты с ними (прежде всего, с Антигоном, Деметрием Полиоркетом и Лисимахом). Л. Пранди задается вопросом, в какой мере к политике, проводимой полисом в период диадохов, правомерно применять понятие нейтралитета, и делает вывод, что удачным средством выхода из сложных ситуаций, связанных с необходимостью противостоять новым политическим силам (а также и окрестным фракийцам, оказывающим на город постоянное давление) для византийцев стало вступление в антиселевкидскую Северную лигу (совместно с Вифинией, Гераклеей Понтийской, Калхедоном).

Шестая глава, «Между полисами и царствами» (с. 85–106), переносит нас в эллинистический период. Исследовательница освещает участие граждан в Северной лиге (с. 85–89), их последующие отношения с городами Западного Понта (конфликт с Каллатисом за эмпорий Тома). Противоречия с галатами и Прусием I Вифинским привели к войне 220 г. до н.э. (с. 89–92). Происходит постепенное сближение византийцев с Родосом и Пергамом. Специальному рассмотрению подвергнут афинский декрет IG II³ 1238, проливающий свет на афинско-византийские отношения на рубеже III–II вв. до н.э. (с. 92–97). Все эти события наглядно демонстрируют участие византийского государства в имевших место на протяжении III–I вв. до н.э. войнах и союзах, однако читателя не оставляет ощущение, что описать их можно было с гораздо большей степенью подробности и глубины. С другой стороны, целенаправленно рассматриваются становление и эволюция отношений с Римом (с. 97–106), чего совершенно не было сделано в монографии Т. Рассела. Беря за основу пространный рассказ Тацита (*Анн.* XII. 62–63), где говорится об истории Византия и его контактах с ведущими римскими политиками, Л. Пранди последовательно анализирует отдельные его пассажи и сопоставляет их с данными других источников. Исследовательница приходит к выводу, что постепенная интеграция Византия в римскую державу была во многом связана со стремлением его граждан обеспечить надежную защиту своих внешних владений, чего было трудно добиться без помощи со стороны могущественного гегемона. Верхний хронологический рубеж, до которого автор доводит свое исследование — правление Траяна.

²⁵ Автор следует интересной, но в целом малообоснованной гипотезе А. Думитру, согласно которой данный эпизод следует отнести к правлению другого македонского царя, Филиппа V (Dumitru 2006). Между тем существование такого полководца Филиппа II подтверждено и эпиграфическими данными — надписями на прашных пулях (Nankov 2020). Сообщение Дионисия, будучи помещено в верный хронологический и событийный контексты, оказывается не только важным само по себе, но и позволяет существенно уточнить ход войны в целом, см. Gabelko 2021.

Главы со второй по шестую представляют собой, таким образом, позитивистский событийный нарратив; последующие же являются тематическими, каждая из них охватывает практически весь затрагиваемый в книге период. Нельзя не отметить, что проблемно-хронологический подход реализуется автором вполне удачно и не создает впечатления каких бы то ни было сбоев в логике повествования. Название седьмой главы — «Хора Византия: история в эпизодах» (с. 107–135). В ней прослеживаются основные моменты эволюции пресловутой хоры и связанные с этим вопросы: каково ее происхождение, что она представляла собой в V и IV вв. до н.э., во времена Александра и диадохов, в эпоху эллинизма, каково было ее экономическое значение для полиса. Здесь же довольно тщательно собраны свидетельства о взаимоотношениях византийцев с фракийскими соседями²⁶ и галатами, где вопросы, касающиеся хоры, тесно переплетаются с внешнеполитическими проблемами (с. 122–125). Важным является дополнение «Территориальные реалии» (с. 129–135): в нем собраны данные о топографии собственно полиса и географической структуре его владений.

Византий обладал не только хорой в собственном смысле слова, территориально примыкающей к городскому центру в Европе, но и владениями, отделенными от него морем, — так называемой переи в Азии, «второй хорой», как ее характеризует Л. Пранди в названии восьмой главы (с. 137–145). Феномен переи был в большей степени характерен для островных полисов²⁷, что является вполне естественным. Но Византий ведь в силу своего положения в определенных отношениях (не во всех, конечно) имел черты сходства с островами, будучи расположен одновременно на берегах залива (Рог), пролива (Боспор) и моря (Пропонтида). Кстати, проблема византийской переи почти не затронута в книге Т. Рассела²⁸, но зато на всем ее протяжении акцентируется (и рассматривается в самых разных аспектах) огромное значение Боспора Фракийского для судеб города. Л. Пранди рассматривает эту тему в довольно краткой главе «Византий и Боспор» (с. 147–154). Пожалуй, отсюда можно заключить, что она считает роль пролива в жизни находившегося на нем полиса не столь значительной, как Рассел, хотя совершенно отрицать ее, конечно, и для нее невозможно.

Наконец, в последней, десятой главе, «Образ византийцев» (с. 155–163), исследовательница предпринимает некую попытку «поиграть на поле противника» (в данном случае Т. Рассела), т.е. заняться проблематикой, связанной с ментальностями. Поскольку это, в общем-то, не в ее духе, в главе по большей части говорится о том, что уже историки классической эпохи (Геродот, Фукидид, Ксенофонт) относились к Византию с большим интересом, причем эта традиция

²⁶ Излишне говорить, что, многократно упоминая взаимоотношения византийцев с фракийцами в различных контекстах, автор придерживается традиционной (и кажущейся почти безусловно верной) точки зрения об их преимущественно враждебном характере, в чем ее взгляды резко расходятся с мнением Т. Рассела (см. Surikov, Gabelko 2022, 746).

²⁷ О переях важнейших эгейских островов см. Constantakopoulou 2007, 228–253.

²⁸ А там, где затронута, — очень уязвима для критики; см. Surikov, Gabelko 2022, 745, п. 19–20.

сохранялась и в дальнейшем (как об этом прямо заявляет Полибий). В общем, здесь перед нами сводка мнений, которые высказывались об этом городе различными античными авторами. Они, как правило, делали акцент на богатстве и процветании Византия, достигнутых во многом благодаря его уникальному географическому положению, с течением времени ставшему исключительно выгодным для развития торговли и рыболовства, и порожденных этими факторами чертах имиджа византийцев, очень часто освещаемых иронически (любовь к роскоши, изнеженность, развращенность). Кое-что новое в эту подборку источников, впрочем, могут внести фрагменты авторов новой комедии, причем не одного только используемого автором Менандра²⁹.

Роль заключения к книге выполняет небольшой очерк «К истории networks Византия» (с. 165–169), в котором речь идет, как понятно, о внешних связях города. Английское слово в его заголовке употреблено, несомненно, вполне сознательно и, может быть, даже с ироническим подтекстом: как говорилось выше, в начале своего труда Л. Пранди сетует на засилье англоязычной терминологии в современных исторических исследованиях и намекает, что вполне можно обходиться без нее.

Подведем итоги. Перед нами серьезная, фундированная, скрупулезно выполненная в традиционном духе классического антиковедения монография, автор которой всегда и во всем строго придерживается источников и не боится сказать *non liquet*, когда они, с ее точки зрения, ничего другого не позволяют. Безусловно, именно так нужно писать научные работы. И все-таки оба автора данной рецензии (что характерно, совершенно независимо друг от друга!) по ходу чтения книги нередко ощущали, будто здравый позитивизм Л. Пранди порой выглядит каким-то уж чрезмерно позитивистским; более того, иногда нам не хватало зазорных фантазий Т. Рассела. Как поется в известной песне Булата Окуджавы, «Нужно что-то среднее. Да где ж его взять?». Если же завершить рецензию на серьезных тонах, то в качестве основного замечания по монографии Л. Пранди можно отметить, что некоторые немаловажные моменты истории Византия могли бы быть рассмотрены в ней более детально и подробно: источники часто дают такую возможность, и потому проявлять излишний лаконизм нет необходимости.

Литература / References

- Arslan, M. 2010: *İstanbul'un antikçağ tarihi: Klasik ve Helenistik Dönemler*. İstanbul.
- Arslan, M., Kaçar, T. (eds.) 2017: *Byzantion'dan Constantinopolis'e İstanbul Kuşatmaları*. İstanbul.
- Belfiore, S. 2009: *Il Periplo del Ponto Eusino di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo. Spazio geografico, mito e dominio ai confini dell'impero Romano*. Venezia.
- Billerbeck, M. 2023: *Dionysios von Byzanz, Anaplos Bospori. Die Fahrt auf dem Bosporos. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar*. Basel.
- Braccini, T. 2019: *Bisanzio prima di Bisanzio. Miti e fondazioni della nuova Roma*. Roma.
- Constantakopoulou, C. 2007: *The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World*. Oxford—New York.
- Dumitru, A. 2006: Byzance et les Philippe de Macédonie. *Revue des Études Grecques* 119/1, 139–156.

²⁹ См., например, Gabelko 2019.

- Figueira, T.J. 1998: *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Gabelko, O.L. 2019: [Cydares and Camares: Unchecked Evidence about Fishing and Seafaring in Byzantium]. *Aristey [Aristeas]* 19, 36–44.
- Габелко, О.Л. Кидары и камары: незамеченные свидетельства о рыбной ловле и мореплавании в Византии. *Арустея* 19, 36–44.
- Gabelko, O.L. 2021: Dion. Byz. 65: An Unexpected Link between the Military History of Macedonia and the Antigonid Genealogy. In: V. Pappas, D. Terzopoulou (eds.), *Ancient Macedonia VIII. Macedonia from the Death of Philip II to Augustus' Rise to Power. Papers read at the Eighth International Symposium held in Thessaloniki, November 21–24, 2017*. Thessaloniki, 497–512.
- Gabelko, O.L. 2023: [To the Interpretation of Dion. Byz. 32: A Forgotten Episode of the Greek Colonization?]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific-Educational Journal "History"]* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024624-5-1/>; date of access: 28.06.2024.
- Габелко, О.Л. К интерпретации Dion. Byz. 32: забытый эпизод Великой греческой колонизации? *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024624-5-1/>; дата обращения: 28.06.2024.
- Gabelko, O.L., Rung, E.V. 2020: [Byzantium and Calchedon during the Scythian Expedition of Darius I]. *Aristey [Aristeas]* 21, 139–155.
- Габелко, О.Л., Рунг, Э.В. Византий и Калхедон во время скифского похода Дария I. *Арустея* 21, 139–155.
- Grainger, J.D. 2022: *The Forty Sieges of Constantinople. The Great City's Enemies and Its Survival*. Barnsley.
- Gyuzelev, M. 2015: *Dionisiy Bizantiyski i negoviyat Anaplus na Bospora kato izvor za istoriyata i kulturata na Yugoiztochna Evropa [Dionysios of Byzantium and His "Anaploous Bosporou" as a Source on the Culture and History of the South-Eastern Europe]*. PhD thesis. Sofia.
- Гюзелев, М. Дионисий Бизантийски и неговият Анаплус на Боспора като извор за историята и културата на Югоизточна Европа. Дисс. София.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Pausanias, Heros Ktistes von Byzanz. *Klio* 17, 59–73.
- Loukopoulou, L.D. 1989: *Contribution à l'histoire de la Thrace propontique durant la période archaïque*. Athènes.
- Lozanova-Stancheva, V. 2020: *Zevksipos ili Bizantion. Grad"t na sl"ntseto [Zeuxippos or Byzantium. The City of Sun]*. Sofia.
- Лозанова-Станчева, В. Зевксипос или Бизантион. Градът на слънцето. София.
- Meyer, E.A., Lendon, J.E. 2005: Greek Art and Culture since Art and Experience in Classical Greece. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periclean Athens and Its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 255–276.
- Nankov, E. 2020: Demetrius, dux Philippi: A Macedonian Commander of Philip II in Thrace (According to the Inscribed Sling Bullets). *Bulgarian e-Journal of Archaeology* 10/1, 143–148.
- Nicholson, O., Russell, T. 2024: Dionysios of Byzantios. Introduction. Text. In: D.G.J. Shipley (ed.), *Geographers of the Ancient Greek World. Selected Texts in Translation*. Vol. II. Cambridge, 820–852.
- Pal'tseva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaicheskoy Gretsii: Megary i megarskie kolonii [From the History of the Archaic Greece: Megara and Megarian Colonies]*. Saint Petersburg.
- Пальцева, Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.
- Prandi, L. 1977: I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle. *Aevum* 51/1–2, 10–26.
- Prandi, L. 1988: *Platea. Momenti e problemi della storia di una polis*. Padova.
- Prandi, L. 2018: Historic Stratigraphy. How to Reconstruct the History of Byzantium (Apropos a Recent Book). *Politica Antica: Rivista di prassi e cultura politica nel mondo greco e romano* 8, 9–19.
- Prandi, L. 2019: Ancora sulla "città dei ciechi". Bisanzio e Calcedone fra oracoli e correnti marine. In: L. Prandi (a cura di), *EstOvest. Confini e conflitti fra Vicino Oriente e mondo greco-romano*. Roma, 63–78.
- Robu, A. 2014: *Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin. Histoire et institutions*. Berne.
- Russell, T. 2017: *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.

- Surikov, I.E. 2020: [Pausanias the Spartan, a Founder of Byzantium]. In: A.V. Belousov, E.V. Pyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podossinova* [*Homo omnium horarum: A Collection of Articles on the Occasion of A.V. Podossinov's 70th Anniversary*]. Moscow, 523–533.
- Суриков, И.Е. Павсаний Спартанский, основатель Византия. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отниум хорарум: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 523–533.
- Surikov, I.E., Gabelko, O.L. 2022: [Rev.: Russell T. Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/3, 741–750.
- Суриков, И.Е., Габелко, О.Л. Рец.: Russell, T. 2017: Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017. *ВДИ* 82/3, 741–750.
- Türkoğlu, İ. 2014. The Civic Coinage of Calchedon. In: K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyhan (eds.), *First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics 25–28 February 2013. Proceedings*. Antalya, 589–606.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

И.Е. Суриков,

д.и.н., главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: gabelko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8321-9195

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124030134

E.H. SHAW. Sallust and the Fall of the Republic. Leiden—Boston: Brill, 2021. XII + 506 p. ISBN: 978-9-00-450171-3

В последнее время англоязычная историография творчества Саллюстия все более завоевывает ведущие позиции, раньше принадлежавшие немецким ученым. Одним из примеров этого является монография преподавателя Бристольского университета Эдвина Шоу «Саллюстий и падение Республики», представляющая собой переработанный и расширенный вариант его диссертации, защищенной в 2016 г.

Во введении (с. 1–41) автор указывает на необходимость учета интеллектуального контекста, в котором протекало творчество Саллюстия. Исследователь отмечает распространенность литературного творчества среди элиты того времени. Широта литературных интересов способствовала укреплению связей внутри элиты, начиная от поиска книг и кончая литературными кружками. Шоу рассматривает творчество Саллюстия в рамках эпохи триумvirата, которую многие ученые считают (и Шоу согласен с ними) особым периодом в истории римской литературы, тем более что его начало совпадает с гибелью Цицерона. В то же время не следует преувеличивать перемены в литературной и интеллектуальной жизни, вызванные установлением господства триумvиров. Отчаяние и пессимизм, свойственные литературе указанного периода, давали о себе знать еще до начала гражданской войны 49–45 гг. до н.э.

Шоу подчеркивает, что творчество Саллюстия необходимо рассматривать как часть историографической традиции. С одной стороны, он, как и его предшественники, пишет о ценности истории, с другой же — обращается к не совсем новому (вспомним Целия Антипатра), но в целом довольно редкому жанру «монографий», структура которых у него восходит к Фукидиду. Кроме того, Саллюстий сосредоточивает основное внимание на анализе причин и непосредственных результатов событий, тогда как последствия только подразумеваются. Он не воспевает славное прошлое, а стремится лучше понять современную ему ситуацию. Отношение к истории не как к развлечению, а как к способу истинного познания роднит его с Полибием. Повлиял на Саллюстия и Геродот, особенно если говорить об этнографических экскурсах. Саллюстий был не единственным новатором в литературе 30-х годов, сочетавшим греческое и римское начало: достаточно вспомнить Вергилия, писавшего пасторали в стиле Феокрита.

Весьма новаторски подходит Саллюстий и к объяснению важности исторического писания. В «Заговоре Катилины» (*Cat.* 4. 1) он делает это, так сказать, в наставительной форме, противопоставляя его «рабским занятиям» — земледелию и охоте, а в «Югуртинской войне» (*Iug.* 3–4) указывает, что написание истории

является делом (*negotium*) более полезным, чем занятия политикой, приобретшие самые недостойные формы. Даже Цицерон не заходил столь далеко, говоря о полезности своих сочинений.

В первой главе (с. 42–116) Шоу рассматривает особенности *dispositio* сочинений Саллюстия, а также роль экскурсов. Писатель следует фактической канве событий, взятой из источников, но сохраняет за собой свободу структуры, отбора, порядка событий. В литературе не раз отмечались хронологические вольности в трудах Саллюстия. Так, *senatus consultum ultimum* против катилинариев датируется временем после мнимого покушения на Цицерона, являя собой, очевидно, реакцию на него (*Cat.* 28–29), а столкновение Цезаря с всадниками помещается до дебатов о судьбе заговорщиков в сенате, чтобы приписать это интригам Катула и Пизона и уменьшить отрицательное впечатление, произведенное речью Цезаря¹. 16 лет между усыновлением Югурты Миципсой и смертью последнего превращаются в *raucos per annos* (*Iug.* 9. 4), чтобы поведение первого напрямую увязать с советами, которые давали ему в лагере под Нуманцией развращенные нобили, а другие мотивы, которые могли возникнуть за столь длительный период, тем самым игнорируются. Еще один прием Саллюстия – перебивать или ограничивать основной рассказ дополнительными элементами, как это происходит с сюжетом о первом заговоре Катилины, вставленным в рассказ о собрании в доме Катилины. Все это помогает писателю представить события в нужном ему свете.

Конечно, важнейшую роль в композиции трудов Саллюстия играют экскурсии (в данной главе они рассматриваются применительно к «монографиям»). Они маркируются и тут же вводятся, другие же обозначаются как таковые лишь ретроспективно (см. таблицу на с. 96–99). Они позволяют лучше понять контекст и в этом смысле выстраиваются скорее в духе Фукидида, нежели Геродота. Саллюстий отнюдь не стремится использовать их в «орнаментальных» целях, не рассказывая, например, в первых главах археологии (*Cat.* 6–9) о победах римского оружия, где это было бы вполне уместно. Отсутствуют у Саллюстия хвалебные пассажи, а также *fabulae*, исключение – легенда о братьях Филенах в *Iug.* 79. Этому сюжету ученый уделяет особое внимание, считая, что его идея состоит в своего рода параллели между Римом и Карфагеном: граждане последнего в давние времена обладали истинной *virtus*, но затем Карфаген, как и Рим, стал ареной смут².

¹ *Cat.* 49. Станным образом упускается самое очевидное объяснение, а именно желание подчеркнуть мужественное поведение Цезаря, выступившего в сенате против казни катилинариев даже несмотря на угрозы всадников (Schmal 2001, 46).

² Трактовка весьма спорная, поскольку в качестве символа смуты выступает некий Гамилькар, *homo factiosus*, замысливший переворот (*rebus novis studere*) в Лептисе (*Iug.* 77. 1). Шоу считает, что, хотя его принадлежность к карфагенянам не обозначена, читатели Саллюстия воспринимали его именно как пунийца в силу известности имени Гамилькара Барки (с. 115). Однако Карфаген ко времени описываемых событий в Лептисе уже давно пал, а потому такая параллель выглядит в высшей степени спорной.

Во второй главе рассматриваются археология в *Cat.* 6–13 и африканский экскурс в *Iug.* 17–19 (с. 117–195). Археология делится на две части, где описываются взлет и падение Рима. Ее особенность в том, что она являет собой скорее описание *mores*, нежели последовательный исторический рассказ, созданный (и это наблюдение представляется весьма плодотворным) по образцу этнографического экскурса, чем обуславливается и такая ключевая черта рассказа, как отсутствие деталей. Обращает на себя внимание, в частности, почти полная его деперсонализация: упоминаются лишь Эней как основатель Города (деталь, отличающая версию Саллюстия от традиционной) и Сулла, чьи действия маркируют переход к финальной фазе упадка Рима.

Упадок Рима писатель объясняет, по мнению Шоу, не столько разрушением Карфагена и связанным с ним исчезновением *metus hostilis*, сколько господством схемы *translatio imperii* (она прослеживается у Эмилия Суры: *Vell.* I. 6. 6), обусловленным вмешательством Фортуны, которое привело к падению нравов (*Cat.* 10. 1). В то же время выше (2. 5) он пишет, что судьба держав меняется вместе с их нравами (*fortuna simul cum moribus inmutatur*), т.е. налицо явное противоречие. Нужно его разрешить, чтобы объяснить приложение схемы *translatio imperii* к Риму. Автор полагает, что с уничтожением последнего соперника (*aemula imperii*), Карфагена, Рим занял свое место в цепи держав и тем самым стал объектом непостоянства *fortuna* всех таких держав. То есть не падение Карфагена обусловило закат Рима, но гегемония Рима стала клониться к упадку в соответствии с более универсальным образцом, выражаемым с помощью *fortuna*. В итоге развитие Рима объясняется не его конкретными действиями, а неизбежностью.

Эта конструкция представляется весьма сомнительной. Ведь никто не принуждал римлян разрушать Карфаген, после чего только и можно было бы говорить о неизбежности. Да и сама схема *translatio imperii* с ее мотивом неизбежности вряд ли обоснованно приписывается Саллюстию. *Fortuna* в *Cat.* 10. 1 скорее просто риторический образ: в дальнейшем изложении событий она роли не играет, и описываемый далее упадок нравов остается объяснить лишь исчезновением страха перед врагами, коль скоро все они повержены. Кроме того, сама страсть, с которой обличает Саллюстий пороки сограждан, непонятна, если их господство обусловлено неизбежностью.

Переходя к этнографическому экскурсу в «Югуртинской войне», Шоу отмечает, что в нем речь идет не только о Нумидии, но и обо всем африканском континенте (разумеется, в известных ему пределах). С археологией экскурс сближает, например, такой прием, как указание на связь иноземных народов с *continuum* греческого мифа (роль Геракла, а также отдаленных народов — персов, армян). Для придания достоверности своим рассуждениям Саллюстий ссылается на книги царя Гиempсала, но тут же снимает с себя ответственность за достоверность сообщаемого, что вполне характерно для этнографических текстов. Возводя названия построек (*aedificia*) нумидийских крестьян к обозначению днищ перевернутых кораблей персов, приплывших когда-то в эти края, писатель прибегает к такому редкому для него приему, как этимологическое толкование. В то же время, рассуждая о современном состоянии Нумидии и окрестных земель, Саллюстий не ссылается на собственный опыт. По мнению Шоу, это

связано с нежеланием римского автора упоминать о своем участии в смуте 40-х годов, а также пробуждать воспоминания о своем дурном управлении Нумидией. «Отсутствие у Саллюстия ссылок на его участие в гражданской войне является частью общего уклонения от упоминаний этого этапа его карьеры на протяжении всей монографии, что отличает ее от *Bellum Catilinae*» (с. 184–185)³.

Рассказ о нумидийцах весьма примечателен. Как и в археологии, детали отсутствуют, а политическое развитие Нумидии изображается, подобно Риму, как непрерывный подъем благодаря моральным качествам ее обитателей. При этом о других народах Африки говорится немного, а почти полное умолчание о Карфагене соответствует идее исчезновения опасного врага как причины морального упадка в Риме. В результате возникает ощущение, будто нумидийцы — доминирующая в тех краях сила, что позволяет подчеркнуть значимость *bellum Iugurthinum*, хотя в действительности нанести Риму ощутимое поражение Нумидия не могла; впрочем, как отмечает автор чуть ниже, важность этой войны в том, что она, как считал Саллюстий, привела к гражданской войне между Марием и Суллой, а также в преемственности между нынешними врагами Рима и древними обитателями⁴ континента. Однако обосновывается это, как указывает Шоу, за счет преувеличения значимости отдельных исторических событий.

Третья глава (с. 196–285) открывается размышлениями о том, насколько текущая политика и личный опыт влияли на характер сочинений Саллюстия. Само по себе такое влияние Шоу не оспаривает, но оговаривает, что оно проявлялось не в узко биографическом смысле. Труды писателя — попытка рассмотреть хаотичную политику того времени с аналитической точки зрения, а не с позиций приверженности той или иной группировке. Именно это он имел в виду, говоря в *Cat.* 4. 2: *mihi a spe, metu, partibus rei publicae animus liber erat*. При этом, как полагает автор, Саллюстий находился в особом положении как писатель, ибо работал над своими трудами не как другие сенаторы, в конце карьеры, а пребывая в немилости. Суждение довольно странное, ибо указаний на эту немилость в источниках нет, да и вряд ли Саллюстий мог добиться чего-то большего после претуры, которая и тогда, и при Августе оставалась немалым достижением для *homo novus*⁵. К тому же его способности были явно недостаточными для успешного участия в гражданских войнах.

Спорно звучит и утверждение Шоу, что если Цицерон рассуждал о путях улучшения ситуации в Республике (вспомним образ *gestor rei publicae* и рекомендации в *De legibus*), то Саллюстий никаких рецептов на сей счет не давал, считая положение государства не поддающимся исправлению. Стоит, однако, отметить разницу жанров сочинений обоих, поскольку исторические работы вообще практически не содержали рекомендаций такого рода. Довольно странно также

³ Строго говоря, не упоминаний, а туманных намеков (см. *Cat.* 4. 1; Malitz 1975, 100, Anm. 33). Что же касается «Югуртинской войны», то в ней (*Iug.* 4. 4) вполне конкретно указывается на занятие Саллюстием должностей в весьма непростые времена (*quibus... temporibus*), в том числе и во время гражданской войны, на которую пришла его претура (Malitz 1975, 24).

⁴ В тексте (с. 194) лишённое смысла *inheritors* вместо напрашивающегося *inhabitants*.

⁵ См. Wiseman 1971, 155.

замечание, что Саллюстий не использовал свои труды для нападок для тех или иных лиц, как то делал Цицерон. Применительно к *Bellum Iugurthinum* это вообще звучит абсурдно, а в *Bellum Catilinae* объектами критики могли стать разве что (да и то сугубо предположительно) Катон и Цицерон, но они погибли в ходе смуты, и нападки на них выглядели бы в высшей степени неуместно.

Далее Шоу рассматривает политические экскурсы в *Cat.* 36. 4–39. 5 и *Iug.* 41–42. Они прерывают последовательность событий. В *Cat.* 38. 1 присутствует взгляд и назад (упоминание о восстановлении прав трибунов), и вперед (39. 4), в альтернативное будущее (как вариант победы Катилины при Пистории), где кто-то не названный, но зловещий (видимо, Помпей) занялся бы умирением Катилины. Тем самым предвещается финал «монографии», но также остается возможность победы Катилины, намек на более широкий исторический контекст. То же мы наблюдаем и в «Югуртинской войне», где Саллюстий упоминает и о Гракхах (ретроспектива), и о грядущей гражданской войне (перспектива)⁶. Таким образом, эти экскурсы дают возможность анализа за пределами монографий, чем, по мнению Шоу, писатель подчеркивает важность и пояснительную функцию своего материала, помещая его в более широкую историческую схему.

В экскурсах (особенно в *Iug.* 41–42) нашли яркое отражение важнейшие оппозиции в труде Саллюстия. Первая – между народом Рима в целом и ангажированной политической элитой, т.е., по сути, сенатом. Терминология, используемая для обозначения этого разделения, различна (*populus/senatus*, *populus/patres*, *plebs/senatus*), но само разделение остается неизменным. Второе противопоставление у Саллюстия – среди самих сенаторов: «истеблишмент» (*rauci*, *rauci potentes*, *factio*) и остальные. При этом, говоря о критиках власть имущих, Саллюстий избегает слова *popularis*, хотя его разделение между *factio* и теми, кто бросал им вызов, повторяет традиционное понимание роли популяров в римской политической культуре. Впрочем, термина *optimates* Саллюстий тоже избегает, но в сходном значении говорится о ненавидимых плебеями *boni* – гражданах, чьи интересы отождествляются с интересами государства.

Особый акцент делается на вырождении народа, что заставляет усомниться в симпатиях Саллюстия к популярам, порой приписываемых ему в литературе. Все упоминания плебса от имени самого автора в «Заговоре Катилины» носят негативный характер, подчеркиваются страх, отсутствие решимости, изменчивость настроений, склонность к насилию в плебейской среде. Даже в речах, обращенных к плебсу, опять говорится о его апатии и никчемности.

Примечательно отношение писателя к плебейскому трибунату, представители которого нападали на *rauci*. Он умалчивает об уступках, добытых трибунами в прежние времена, в «Заговоре Катилины» не говорит о трибунской агитации 70-х годов, а также об обладателях этой должности, поддерживавших сенат в конце 60-х годов (не указывается даже, что в конце 63 г. Катон был трибуном-десигнатом), но зато именно восстановлением их прав Саллюстий

⁶ Здесь Э. Шоу развивает идеи Д. Ливина (Levene 1992, 53–70, применительно к экскурсу *Iug.* 41–42 см. 53, 56, 57), чья работа ему известна, но ссылки на нее в данном случае отсутствуют.

объясняет возобновление нездорового политического соперничества в 60-х годах. В «Югуртинской войне» сходная картина: Меммий являет собой в лучшем случае двойственную фигуру, Бебий позволяет себя подкупить, Лукулл и Анний пытаются явно недолжным образом продлить свои полномочия, и даже Мамилий вряд ли может быть признан однозначно положительным персонажем. Такое отношение к трибунату сближает позицию Саллюстия с подходом Квинта Цицерона, тогда как его великий брат видел в трибунате и положительные черты.

Естественно, обличается и элита, прежде всего влиятельные сенаторы. Хотя они, возможно, виноваты в развязывании смуты меньше трибунов, несомненно их жестокость при реакции на нее (классический пример — расправа с Гракхами). Раусі безжалостны в осуществлении власти над плебсом. Кроме того, рассуждая в духе Фукидида, Саллюстий подчеркивает явное противоречие между формальными заявлениями ведущих политиков и их эгоистическими мотивами (то же, впрочем, касается и трибунов). Шоу отмечает, что хотя обвинения против жестокости властвования раусі порой перекликаются с доводами, вложенными в уста «смутьянов» (например Катилины), это не означает одобрения их позиции Саллюстием, ибо они, по его мысли, хотят того же, что и критикуемые ими.

Любопытна в связи с этим оценка Гракхов. Она более однозначна, нежели оценка других «демократических» политиков. Гракхи не злоупотребили победой над недругами, ибо не одержали ее. Они вышли за рамки допустимого, но нобилим лучше было уступить, нежели одолевая их *malum more*, т.е. убивать незаконно — сравнивается реакция нобилей и гипотетическое поведение достойного человека. Победа *malum more*, т.е. недостойная расправа с Гракхами — фактор, приведший к смуте, и весьма соблазнительно увидеть в нем отголосок *malum publicum* из «Заговора Катилины». И хотя ответственность за смуту возлагается на обе стороны, нобили более виновны, поскольку более эгоистичны.

Интересны наблюдения по поводу конфликта Метелла и Мария. Метелл появляется на сцене после нобилей, воплощавших собой *avaritia* (более обвинения в ней в тексте от имени самого Саллюстия не звучат). Он менее подвержен «партийным» пристрастиям (при этом назван *aseg*, как и Меммий — человек из другого лагеря) и является самым положительным образом нобилия в *Bellum Iugurthinum* и новым его типом. Однако ему присуща *superbia*, и его высокомерный отказ Марию привел к распре с ним. Бесспорно, последний имел право жаловаться на то, что его сковывала природа римской политики, но подогретая прорицателем в Утике *ambitio* ведет к подлинной перемене в характере Мария, от строгого воспитания к *cupido atque ira*. Если «развращенность Скавра показана как скрытая склонность к пороку, то перемена в Марии, похоже, являет собой истинную перемену в природе этого человека, чья *ambitio* консулата ниспровергает подлинные моральные ценности» (с. 269). Наилучший пример для сравнения с Марием — Югурта, подвергшийся мощному воздействию *ambitio*. Таким образом, конфликт Метелла и Мария — борьба плебса против *superbia* нобилей (это отсылает к постановке темы произведения, *Iug.* 4. 1), однако Марий заслуживает в нем, по мнению Саллюстия, большего порицания.

Речь Мария в *Iug.* 85 — выступление «партийного» демагога. По его словам, позади остались помогавшие Югурте *avaritia*, *imperitia*, *superbia* римских

полководцев (85. 45). Каждое из этих качеств связано с тем или иным этапом войн: *avaritia* с Бестией, *imperitia* с Постумием, *superbia* с Метеллом. Однако неясно, как проявилась *superbia* еще где-либо, кроме конфликта арпината с Метеллом. Марий сам проявляет ее, когда претендует на *nobilitas*, обосновывая ее своими заслугами и называя *nova nobilitas*. Плутарх прямо пишет в данном контексте о его ὕβρις (Plut. *Mar.* 9. 2).

Что же касается Суллы, то его образ в *Bellum Iugurthinum* весьма позитивен; критика его отношений с женщинами не сильно влияет на общую оценку, которая вряд ли является результатом влияния записок диктатора — Саллюстий не так уж зависел от своих источников. В целом Сулла — образец доблести⁷, антипод арпината применительно к периоду «Югуртинской войны» и в политическом, и в культурном отношении, порой замещающий Метелла в роли нобия-антагониста Мария. Однако в конце характеристики Суллы звучит отсылка ко временам будущей гражданской войны, и его образ тем самым воспроизводит, как и в случае с Марием, модель повторяющейся смуты и злоупотребления победой. Такой подход наряду с акцентом на гегемонии Мария в последней фразе *Bellum Iugurthinum* (114. 4) свидетельствует о двойственности финала сочинения.

В центре четвертой главы (с. 286–363) — зарисовки пяти персонажей «монографий». Как указывает Шоу, римляне нередко связывали структурные изменения с теми или иными личностями (например, Тиберий Гракх ассоциировался с началом смуты), результатом чего являлась сверхдетерминированность, когда речь шла об установлении причинно-следственной связи между ролью индивидуумов и более общими факторами.

Первым персонажем, на чьем образе останавливается автор, ожидаемо оказывается Катилина, характер которого обрисован в двух фрагментах, *Cat.* 5 и 14–16. Шоу развивает идею А. Ла Пенны о парадоксальности образа этого персонажа. Так, он обладает смелостью и выносливостью — качествами, которые помогали римлянам ранних времен добиваться побед, его поведение в конце битвы при Пистории напоминает *devotio* предков, но сам Катилина использует свои дарования не на благо общине, а чтобы угрожать ей. При этом текст Саллюстия, по мнению Шоу, содержит указание на то, каким мог бы быть Катилина, не повлияй на его *animus* гражданская война.

Следующий персонаж — Семпрония. Ее личность являет собой другую сторону падения нравов. Если Катилина, движимый *avaritia* и *ambitio* (страсти, связанные с *animus*), жаждет власти и богатства, то ей надо удовлетворить лишь свои *luxuria* и *inopia* (желания *corpus*).

Изображение Югурты позволяет увидеть его эволюцию: вначале это блестящий молодой человек, но далее мы наблюдаем его деградацию. Причем происходит это не из-за особенностей характера будущего царя, а под внешним влиянием — из-за рассуждений *novi atque nobiles*, уверявших, что в Риме все продажно (*Iug.* 8. 1). Встреча с ними оказывается поворотным моментом в судьбе нумидийца, чье

⁷ «A positive model of virtue» (с. 279). Хотя слово «доблесть» дано у Шоу по-английски, а не по-латински, вряд ли это имеет принципиальное значение. Между тем сам Саллюстий о *virtus* Суллы не пишет.

нездоровое честолюбие они разжигают⁸. Автор усматривает сходство в описании характеров Катилины и Югурты: оба наделены немалыми дарованиями, но из-за изменения мотивации обратились ко злу. Думается, автор несколько преувеличивает сходство их портретов: о Катилине говорится, что он уже с молодых лет (*ab adulescentia*) любил смуты и раздоры (*Cat.* 5. 2), ни о каких его заслугах перед *res publica* не упоминается, тогда как Югурта представлен не просто как человек выдающихся достоинств, но и как верный союзник Рима, храбро сражавшийся под Нуманцией и лишь потом сбившийся с истинного пути.

И, наконец, Цезарь и Катон. Их синкрисис — не обвинение первого и не восхваление второго, но размышление о мотивах римских политиков без простого решения. Они были единственными представителями последнего поколения Республики, которые обладали выдающейся *virtus* и способностью обретать *gloria* с помощью выдающихся деяний. Однако и *virtus*, и *gloria* у Саллюстия понятия весьма расплывчатые и неоднозначные: *virtus* может подразумевать высокий уровень в самых разных видах деятельности, от строительства до интеллектуальных занятий, а *gloria*, упоминаемая в «Заговоре Катилины» 19 раз, ни в одном из этих случаев не имеет бесспорных положительных моральных коннотаций. Хотя *gloria* ранних римлян выглядит позитивной, налицо ее переменчивость, и то, что деяния славные и полезные для *res publica* теперь уже не одно и то же, является симптомом болезни, на которую указывает Саллюстий. Эту двусмысленность следует учитывать при анализе синкрисиса Цезаря и Катона. Цезарем руководит желание власти и демонстрации своих дарований, но это не означает его заботы о государстве. О Катоне же говорится: *esse quam videri bonus malebat* (то же см. *Cic. Off.* II. 43) — эхо эсхиловской похвалы Амфиараю (*Sept.* 592). *Gloria* Цезаря связана с его *ambitio*, тогда как Катон озабочен благом *res publica*, оба же они — воплощение губительной перемены ценностей в движениях человеческой натуры.

Пятая глава (с. 364–424) посвящена анализу географических экскурсов в последнем сочинении Саллюстия. В них он расширяет границы жанра, сочетая традиции греческой географии с римской локальной историей⁹. Самостоятельность писателя видна при сравнении фрагментов его экскурса о Сицилии с Фукидидом. Описываемые последним топография острова, волны его колонизации не упоминаются Саллюстием, зато он пишет о Скилле и Харибде, о которых ничего не говорит греческий историк.

По мнению Шоу, географические экскурсии в «Истории» нужны не только и не столько для лучшего понимания сути событий и развлечения читателя, сколько для разговора о темах, занимавших самого Саллюстия. Ярчайший пример — Острова Блаженных, которые воплощают собой конец гражданских войн и

⁸ *animum... accendebant*. Тем самым Югурта оказывается противопоставлен Фабию Максиму и Публию Сципиону (*Iug.* 4. 5), возгоравшимся страстью к доблести при виде *imagines* предков (*animum ad virtutem accendi*) (с. 322).

⁹ Шоу замечает при этом, что «предшественники Саллюстия Катон и Цезарь не интегрировали свой географический материал в связные анналистические тексты» (с. 389–390). Однако о Катоне вообще ничего конкретного сказать нельзя из-за слабой сохранности текста, а сочинение Цезаря не является анналистическим.

переход к более мирной жизни, являясь рефлексией на утопическое мышление того времени. Они представляют собой альтернативный вариант не только для собиравшегося скрыться там от смуты Сертория, но и для всей римской имперской системы.

Известное сходство с этим сюжетом имеет и экскурс о Понте: это удаленный от Рима и (по крайней мере применительно ко времени изложения) не очень-то известный римским наблюдателям край, своего рода контрпример римской имперской гегемонии. Возможно, материал содержит те же мотивы, что и описание ранних римлян и африканцев (нет развитой системы правления и коррупции, как в современном Саллюстии римском государстве). В то же время в экскурсе о Понте сопоставляются детали ландшафта до и после римского завоевания. Они позволяют увидеть контраст между вневременным и вполне современным, между «первобытными» жителями края и приходом римской армии в последующем изложении.

Экскурс о Сардинии — пример круговорота смены власти, ибо, по Саллюстии, остров захватили прибывшие туда переселенцы из Трои. Предшественником его в этом вопросе является Фукидид, показавший в сицилийском экскурсе последствия передвижения народов. Правда, у него эти события принадлежат современности, тогда как Саллюстий описывает отдаленное прошлое, но это позволяет продемонстрировать траекторию развития народов Средиземноморья, их подъем и исторический упадок.

Соображения Шоу о географических экскурсах в «Истории» представляются весьма интересными и по-своему логичными, но в то же время и весьма уязвимыми, учитывая слабую сохранность текста этого произведения. Кроме того, спорен и тезис о том, что Саллюстий хочет показать дурное влияние римской экспансии, развивая в экскурсах идеи, звучащие еще в «Заговоре Катилины» и «Югуртинской войне», а также во введении к «Истории» (*Hist. I. 11M*) и письме Митридата (*Hist. IV. 69M*). Однако едва ли случайно, что Саллюстий вкладывает подобные суждения в уста злейших врагов Рима — Югурты (*Jug. 81.1*) и Митридата¹⁰, а указание на порчу нравов после разрушения Карфагена еще не означает само по себе осуждения римской экспансии.

В заключении (с. 425–442) Шоу резюмирует, что экскурсии дают возможность расширить границы возможностей историографа. Экскурсы выявляют связь между конкретными событиями и более широким историческим контекстом. То же касается и зарисовок характеров тех или иных персонажей. Саллюстий предлагает не столько решение, сколько диагноз ситуации, анализ исторических факторов, которые привели Рим к плачевному положению. «Несмотря на презрение, выказывавшееся им в отношении современной ему политической практики, Саллюстий, я полагаю, писал, движимый желанием понять и объяснить политическое содержание и распад системы, в которой был рожден, но перспектив на ее возвращение ко времени своей смерти он, похоже, не видел» (с. 442).

¹⁰ Письмо Митридата, судя по всему, является откровенной пародией на обвинения римлян в экспансионизме, алчности, вероломстве и т.п. (Korolenkov 2023).

Пора подводить итоги. Перед нами сложная и многоплановая работа, в которой не только представлено на хорошем уровне состояние вопроса, но и делается немало собственных интересных выводов. Хотя порой автор заходит несколько дальше, чем это позволяет текст источника, а стиль изложения непрост для восприятия, несомненно, эта монография является важным вкладом в изучение творчества Саллюстия.

Литература / References

- Korolenkov, A.V. 2023: Mithridates' Letter in Sallust's *Historiae*: Roman and Pontic Propaganda. *Philologia Classica* 18/2, 216–229.
- Levene, D.S. 1992: Sallust's Jugurtha: An 'Historical Fragment'. *Journal of Roman Studies* 82, 53–70.
- Malitz, J. 1975: *Ambitio mala. Studien zur politischen Biographie des Sallust*. Bonn.
- Schmal, S. 2001: *Sallust*. (Studienbücher Antike, 8). Hildesheim–Zürich–New York.
- Wiseman, T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate*. London.

Anton V. Korolenkov,
State Academic University
for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: sallust@list.ru
ORCID: 0000-0002-3628-2754

А.В. Короленков,
к.и.н., доцент
Государственного академического
университета гуманитарных наук
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124030147

XXII СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

(Москва, 1–3 февраля 2023 г.)

1–3 февраля 2023 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова прошли очередные, XXII-е, Сергеевские чтения – конференция в честь основателя кафедры профессора В.С. Сергеева, проходящая каждые два года. В 2023 г. Сергеевские чтения имели статус всероссийской научной конференции: в ней приняли участие представители вузов, академических институтов и музеев 26 городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Владивостока, Саратова, Самары, Ярославля, Перми, Челябинска, Смоленска, Петрозаводска и др.), а также г. Мозырь (Респ. Беларусь). За три дня работы конференции прозвучало 176 докладов. Состоялось два пленарных заседания, работали 9 секций (с выделением в них ряда подсекций): истории древнего Востока, истории древней Греции, античной культуры и классической филологии, истории древнего Рима, истории поздней античности и древнего христианства, материальной культуры античности и истории Северного Причерноморья, историографии античности и изучения рецепции античной традиции, истории древнего права и истории доколумбовой Америки. Всего состоялось 19 заседаний секций и подсекций. Содействие проведению конференции оказал Фонд поддержки научно-исследовательской деятельности исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Наш исторический».

XXII Сергеевские чтения открылись утром 1 февраля. Со вступительным словом к их участникам обратился и.о. декана исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор *Л.С. Белоусов*. О текущей работе кафедры истории древнего мира рассказал ее заведующий, председатель Оргкомитета Чтений доктор исторических наук, профессор *С.Ю. Сапрыкин*.

На первом пленарном заседании утром 1 февраля (председатели: М.Д. Бухарин и С.Ю. Сапрыкин) прозвучало 5 докладов. *М.Д. Бухарин* (Москва) в докладе «Из истории военно-дипломатических контактов Рима и Южной Аравии» обратился к ряду эпиграфических источников конца I в. до н.э. – первых веков н.э., которые позволяют сделать вывод не только о постоянных связях между Римом и южноаравийскими государствами, но и об отношениях зависимости, связывавших последние с первым. *И.А. Ладынин* (Москва) выступил с теоретическим докладом «Некоторые проблемы периодизации древней истории». В нем было высказано мнение о фундаментальном значении наработок И.М. Дьяконова для разграничения периодов ранней и поздней древности, о необходимости комплексного подхода к проведению рубежей внутри древней истории, о дискуссионности критериев проведения рубежа между древностью и средневековьем. К проблеме взаимовлияния между ближневосточными и античными представлениями о прошлом обратился *А.А. Немыровский* (Москва) в докладе «Греко-анатолийский сюжет о Всеазийском царстве Гераклидов и его разделе в труде Геродота». *С.Ю. Сапрыкин* (Москва) предложил интерпретацию археологического материала по истории и культуре древнего Причерноморья в докладе «Семантика и характер изображений на стенах анапского склепа 1975 г.». Данным, полученным в ходе исследования в 2022 г. кургана-могильника Новозаведенное-V, был

посвящен доклад *А.Р. Канторовича* (Москва) и *В.Е. Маслова* (Москва) «Погребение сарматского аристократа на Ставрополье: встреча Востока и Запада». Значение данного комплекса видится в сочетании в нем элементов кочевнической сарматской культуры с произведениями северокавказских ремесленных традиций, а также с предметами, созданными в рамках западноевропейских ремесленных школ и в контексте ювелирных традиций древнего Китая и его окружения.

Вечером 1 февраля работа секции истории древнего Востока началась с заседания подсекции истории древнего Египта (председатель: *О.В. Томашевич*), на котором прозвучало 9 докладов. *А.Е. Демидчик* (Санкт-Петербург) в докладе «Помощь голодающим в Египте Первого переходного периода и начала Среднего царства» рассмотрел особенности поддержания или возобновления сельскохозяйственных работ на пригодных для этого землях царями и местными властями в Египте Первого переходного периода и начала Среднего царства. *О.И. Зубова* (Москва) в докладе «Царь и Солнце в Текстах пирамид» обратила внимание на солярные аспекты, связанные с царской властью, которые фиксируются в Текстах пирамид. *А.Н. Ханрова* (Санкт-Петербург) в докладе «Взаимопомощь и реципрокность в древнеегипетских письмах к мертвым XXIII–XX вв. до н.э.» отметила, что принцип реципрокности был характерен для всего египетского общества и находит отражение и в письмах к мертвым. Прося об услуге, отправитель письма напоминает покойному родственнику о сделанном для него погребении, приносимых жертвах и поддерживаемом культе. В докладе *Н.В. Макеевой* (Санкт-Петербург) и *Е.А. Анохиной* (Москва) «Остраконы с “Поучением Хети” в коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина» были охарактеризованы ранее неизвестные остраконы с записью одного из классических литературных произведений древнего Египта. *А.А. Петрова* (Москва) сделала доклад «Лексика удивления в древнеегипетском языке», в котором обратила внимание на почти полное отсутствие специальных слов для передачи этой эмоции и отметила, что она передавалась через другие типы лексики. В докладе *Д.А. Кузнецова* (Москва) «Опыт сетевого анализа египетских элит времени Тутмоса IV и Аменхотепа III» были представлены результаты применения методологии сетевого анализа к просопографическому материалу египетских столичных элит конца XV – начала XIV вв. до н.э. *И.А. Ладынин* (Москва) в докладе «Среднеегипетские литературные цитаты в пропагандистских текстах начала эпохи Птолемеев» предположил, что в начале египетского эллинизма популярные литературные произведения Среднего царства («Рассказ Синухета», «Пророчество Неферти») все еще были известны и цитаты из них можно найти в пропагандистских текстах этого времени. *А.А. Немировский* (Москва) в докладе «“Другая книга” и “другая копия”: к уточнению содержания труда Манефона и его древнейших комментариев» поделился своими наблюдениями над особенностями передачи египетских представлений о прошлом в текстах античной традиции. В докладе «Египтоmania постсоветской эпохи» *О.В. Томашевич* (Москва) рассказала о том, как на постсоветском пространстве 1990–2000-х годов сложилась мода на предметы, в которых так или иначе использовалась египетская символика.

Работа подсекции истории древнего Египта продолжилась 2 февраля. На утреннем заседании (председатели: *Н.В. Лаврентьева* и *И.А. Ладынин*) было сделано 9 докладов. *Е.В. Александрова* (Москва) выступила с докладом «К вопросу о границах мифологической интерпретации культовых предметов», в котором обратилась к проблеме мифологической трактовки такого ритуального предмета, как резервуар для жертвенных возлияний. В докладе *Н.В. Лаврентьевой* (Москва) «Кто спасет обреченного царевича?» был рассмотрен древнеегипетский памятник, который может пролить свет на утраченный финал известного литературного произведения Нового царства – «Сказки об обреченном царевиче». Доклад *Д.В. Ванюковой* (Москва) «“Дневники” Д.Е. Ефимова (1811–1864): известные и вновь выявленные материалы» был посвящен обзору литературного наследия российского архитектора, который считается первым серьезным отечественным исследователем древнеегипетского искусства. *Р.А. Орехов* (Москва) выступил с докладом «К пониманию эпитета богини Хатхор “владычица стен/стены”», в котором предпринял попытку выявить природу указанного эпитета богини. По-видимому, его появление было связано с политическим упадком Мемфиса, когда богиня взяла на себя покровительство над культовыми строениями храма Птаха и столичного некрополя. Доклад *Е.О. Барсукова* (Москва) «Божественные предки царя Менмаатра: генезис царского мифа в условиях династического кризиса» был посвящен особенностям формирования в Египте на рубеже XIV–XIII вв. до н.э. идеологических моделей Египта, которые, как считает докладчик, стали отчасти базой будущей «амунократии» и концепции деривативной сакральности царей I тыс. до н.э. *В.А. Большаковым* (Москва) в докладе «О характере

обожествления цариц эпохи Нового царства» были проанализированы особенности культа супруг царя в данный период и их официальной репрезентации в египетских источниках. *А.В. Сушкова* (Москва) выступила с докладом «К вопросу о некоторых аспектах гипотезы К. Зете о четырех поколениях бога Амона», который был посвящен уточнению ряда вопросов, связанных с образом Амона в текстах греко-римского времени. В докладе *Д.А. Изосимова* (Москва) «Мемфисский “начальник дома серебра” Птаххотеп и его деятельность в годы Первого персидского владычества» была предпринята попытка на основе надписей на наофорной статуе и других памятников этого вельможи проанализировать сферу его компетенции в персидской администрации Египта и определить характер его взаимодействия с чужеземцами. В докладе *М.С. Апенко* (Москва) «Кульст Арсиной II Филадельфы: предпосылки распространения в египетской среде» было сделано предположение, что культ царицы мог быть введен в 265 г. до н.э. для укрепления легитимного статуса правящего дома на фоне имевших место в эти годы низких разливов Нила.

Последнее заседание подсекции прошло вечером 2 февраля (председатели: О.А. Васильева и С.Е. Малых), и на нем было сделано 9 докладов археологической тематики. *О.А. Васильева* (Москва) выступила с докладом «К вопросу о происхождении фаюмских портретов ГМИИ им. А.С. Пушкина в свете новых археологических открытий». В нем был рассмотрен провенанс группы предметов, включающей 24 памятника древней энкаустической живописи на дощечках («фаюмские портреты» и 2 картины с изображением богов), а также типологически близких к ним портретов. *В.З. Куватова* (Москва) в докладе «Принципы совмещения элементов египетских и греческих иконографических клише в живописи птолемеевского периода на примере гробниц Петосириса и Вардиана», помимо анализа данных памятников, предприняла попытку выяснить, можно ли определить причины включения в иконографические программы элементов иной символической системы. В докладе *В.И. Ярмолович* (Москва) «Результаты исследований хлебных форм Напатского и Мериотского периодов из Гебель Баркала (Судан)» были представлены результаты исследования находок, обнаруженных во время раскопок Российско-суданской археологической экспедицией в Гебель Баркале. *Г.А. Белова* (Москва) сделала доклад «К вопросу о времени постройки “дворца Априя”», в котором показала, что т.н. «дворец Априя» в Мемфисе мог быть сооружен задолго до того, как фараон, по имени которого он был назван, занял египетский трон. *М.А. Лебедев* (Москва) представил доклад «Провинциальный центр греко-римского времени в Гебель эль-Нуре (Средний Египет): проблемы и перспективы изучения», который был посвящен истории изучения древностей указанной местности, ее ландшафту, а также предварительным результатам ее новейших археологических исследований. *С.Е. Малых* (Москва) в докладе «Керамика из российско-египетских раскопок в Гебель эль-Нуре (Египет) в 2022 г.» охарактеризовала находки керамики, позволяющие сказать, что храм в Гебель эль-Нуре и поселение с некрополем при нем функционировали и в римское время. В докладе *В.И. Ярмолович* (Москва) «Результаты изучения керамики птолемеевского и римского периодов из Мемфиса (Ком-Туман, Египет)» была рассмотрена проблема датировки и назначения керамики, найденной в ходе раскопок Центра египтологических исследований РАН в Мемфисе. Доклад *А.А. Крола* (Москва), *С.Е. Малых* (Москва) и *Ю.И. Костюкевича* (Сколково) «Керамика из археологического комплекса Хор-Дауд (Египет, Нижняя Нубия) в собрании ГМИИ имени А.С. Пушкина: новые данные» был посвящен анализу соскобов с внутренней поверхности шести керамических сосудов, найденных советскими археологами на памятнике Хор-Дауд и впоследствии переданных в коллекцию ГМИИ имени А.С. Пушкина. Целью исследования было определение функционального предназначения этих сосудов. В докладе *Е.Г. Толмачевой* (Москва) «Петроглифы Хукаб-Карара и Умм-эль-Агайба (Северный Атбай): основные проблемы классификации и датировки» показаны результаты нового изучения петроглифов названных местностей, обнаруженных советской Нубийской экспедицией в начале 1960-х годов.

Подсекция древней Азии секции истории древнего Востока работала 2 февраля. На утреннем заседании (председатели: Б.Е. Александров и Т.В. Корниенко) было представлено 9 докладов, посвященных тематике древней Передней Азии. *Т.В. Корниенко* (Воронеж) представила доклад «Кульст головы у населения Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита по данным материальных источников». *Н.Ю. Петрова* (Москва) в докладе «Культурные зоны в неолите Ближнего Востока: что могут добавить знания о керамической технологии?» выделила основные ареалы этого археологического периода: 1) степи северо-восточной Месопотамии, предгорья и горы Загроса; 2) Левант, побережье Средиземного моря

в Анатолии; 3) междуречье Тигра и Евфрата, степи и предгорья Тавра (в этом ареале наблюдалось смешение технологических традиций). *И.А. Святополк-Четвертынский* (Москва) сделал доклад «Структурирование вселенной: Последовательность списка МЕ из шумерского мифа «Инанна и Энки», в котором обратил внимание, что последовательность МЕ, воспроизводимая несколько раз в ниппурском тексте этого мифа, хорошо коррелируется с последовательностью лунных месяцев и связанных с ними праздников. В докладе *Б.Е. Александрова* (Москва) «Старая новая надпись Ададнерари I в собрании Государственного Эрмитажа» было представлено современное издание надписи на основе коллажей и новая интерпретация ее исторического содержания. Доклад *Е.М. Берзон* (Москва) «Кидин-Ану, Бит-Реш и пророчество из Урука: о храмовом строительстве в эллинистической Вавилонии при первых Селевкидах» был основан на административном тексте YOS 20.87, сообщавшем о возведении святилища Бит-Реш. Особое внимание было уделено личности Кидин-Ану, одного из главных действующих лиц документа. *М.С. Чистякова* (Москва) сделала доклад «О некоторых особенностях формуляров заключительной части вавилонских царских надписей I тыс. до н.э.», в котором показала, что даже заключительная или охранительная часть надписи могут отразить изменения в идеологическом аспекте политики правителя. В докладе *В.Ю. Шелестина* (Москва) «Восточные походы Хаттусили I в свете хозяйственных текстов» были представлены уточнения чтений хозяйственных текстов из Тикунани, опубликованных в 2021 г., а также выстроена новая реконструкция восточных походов Хаттусили I и обстоятельств, повлиявших на оформление хеттско-тикунанского союза. В докладе *Д.С. Симонова* (Москва) и *А. Солька* (Париж) «Обзор и анализ хеттских гаданий по птицам и их место в культурном пространстве древнего Средиземноморья» были охарактеризованы ключевые особенности хеттской орнитомантии, а также сделан предварительный вывод о возможной преемственности ее традиции в Малой Азии и на близлежащих территориях в различные периоды истории древнего мира. *Д.Б. Субоч* (Москва) выступила с докладом «Монументальная живопись Анатолии в V в. до н.э.», в котором обратила внимание на богатый материал монументальной живописи этого региона, позволяющий говорить о разнообразии в нем тем и стилей.

На вечернем заседании (председатели: С.В. Дмитриев и А.Л. Нестеркина) было представлено 10 докладов, посвященных обществам Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. *А.В. Громова* (Москва) сделала доклад «От Пазенда до археометрии: изучение истории и культуры древнего Ирана в Тегеранском университете и других научных центрах страны». В нем на основе доступных онлайн-материалов была охарактеризована тематика иранских исследований последних лет по культуре, археологии, архитектуре, лингвистике и религиозной ситуации доисламской эпохи. *С.И. Каверин* (Москва) в докладе «К проблеме реконструкции костюма вне искусства для элит» допустил возможность использования сведений по «этнографическому» костюму народов рубежа Центральной и Южной Азии для реконструкции возможного облика сельского населения Кушанской державы и более ранних эпох, в частности пастушеских групп в предгорьях. *С.В. Дмитриев* (Москва) в докладе «Некоторые размышления о юэских царских бронзах» рассмотрел ряд надписей на бронзе, которые принято атрибутировать как имеющие отношения к монархам царства Юэ. Было показано, какую информацию эти надписи дают об истории самого царства. *А.А. Федорова* (Новосибирск) сделала доклад «Мегалитические комплексы в контексте бронзового и железного веков (палеометалла) в Юго-Восточной Азии». В докладе *Т.А. Сафина* (Москва) «Этнос в древнем мире: кто такие хуася и древние китайцы?» был поставлен вопрос о том, каково было реальное значение термина хуася («древние китайцы») и все ли население древнего Китая относилось себя или может быть отнесено к этой категории. *А.Л. Нестеркина* (Новосибирск) выступила с докладом «Мегалитический погребальный комплекс Маджонни (Республика Корея)». В докладе *М.М. Зимина* (Москва) «Носорог или тигр: названия экзотических животных в древней Японии» были показаны особенности формирования названий тех животных, которые для древних японцев были экзотическими. Археологическим памятникам ареала Юго-Восточной Азии были посвящены доклады *А.И. Мальцевой* (Новосибирск) «Археология Таиланда: хронология, периодизация, типы памятников» и *А.А. Портнова* (Новосибирск) «Церемониальный аспект мегалитических ансамблей Индонезии». В докладе *А.С. Конькова* (Москва) «Популяционно-генетическая история степной зоны Евразии. Между эпохой хунну и монгольским завоеванием» были рассмотрены активные популяционные трансформации, происходившие в Великой степи в древности и раннем средневековье (от эпохи хунну до киданьского времени).

Работа секции истории древней Греции проходила в течение двух дней Чтений. Она открылась вечером 1 февраля заседанием подсекции истории архаической и классической Греции (председатели: П.А. Евдокимов и И.Е. Суриков), на котором было сделано 8 докладов. Доклад А.Ю. Можайского (Москва) «Проблема континуитета населения беотийских Фив от постдворцового времени до геометрического периода» был посвящен вопросу преемственности населения беотийских Фив при переходе от субмикенского времени к геометрическому периоду. По мнению докладчика, исследователи Фив раннего железного века не правы, считая, что в это время акрополь поселения не был заселен и использовался только как могильник: часть выжившего после крушения дворцов населения Фив могла остаться в Кадмее. П.А. Евдокимов (Москва) в докладе «Геродот, Кимон и китийская осада: из ненаписанного», основываясь на наблюдениях М.Л. Гаспарова о роли симметрии в композиции «Истории» Геродота, сделал предположение о вероятно существовавшем, но не реализованном замысле «Отца истории», сопоставить заключительный эпизод греко-персидских войн (кампанию Кимона на Кипре 450 г. до н.э.) с чередой событий, разворачивавшихся на этом острове во время Ионийского восстания. Д.В. Зайцев (Москва) в докладе «Динамика развития Эретрии в VII в. до н.э.» оспорил распространенное в историографии мнение об упадке полисов Эвбеи в VII в. до н.э.: стоит говорить не столько об упадке Эретрии в VII в. до н.э., сколько о переориентации полиса с вывода внешних колоний на обустройство внутреннего пространства. Е.И. Соломатина (Москва) в докладе «Посредничество как способ разрешения социальных конфликтов в древней Греции» рассмотрела случаи обращения к деятельности посредников (как внутренних, так и приглашенных извне) для разрешения внутривластных конфликтов и примирения враждующих сторон, уделив особое внимание их полномочиям и статусу, а также анализу терминов античной традиции. Н.А. Шергина (Санкт-Петербург) в докладе «Работа Plass H.G. "Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen" в изучении тирании на Самосе» постаралась ознакомить коллег с этим трудом и показать, что именно, по сравнению с другими авторами, Г.Г. Пласс привнес в изучение самосской тирании. Д.В. Бубнов (Пермь) сделал доклад «Катана и Наксос, πόλεῖς συμμαχίδες: проблема взаимоотношений халкидских полисов Сицилии в конце V в. до н.э.». С.Р. Тимир-Булатова (Санкт-Петербург) в докладе «Особенности боевого строя Локров в битве при Сагре, или проблема на пустом месте» проанализировала античную традицию об этом сражении, показав ее противоречивость. На основании сведений о тактике ведения боя, о религиозных представлениях в Локрах и о военном деле в полисах Южной Италии можно допустить, что локрийцы действительно специально оставляли пустое место в строю для своего покровителя Аякса. Д.А. Баранов (Воронеж) в докладе «Основоположник ликийской династии Гарпагидов» рассмотрел античную письменную традицию о родоначальнике этой династии. По мнению автора, необходимо изменить традиционную последовательность агнации представителей дома Гарпагидов (правителей ликийского Ксанфа V–IV вв. до н.э.), повсеместно утвердившуюся в современной научной литературе.

На заседании подсекции истории эллинизма утром 2 февраля (председатели: О.Л. Габелко и Ю.Н. Кузьмин) выступило 11 докладчиков. Заседание открылось докладом Ю.Н. Кузьмина (Самара) «Был ли Арридей соперником Александра (Plut. Alex. 10.1–4)». С.В. Смирнов (Москва) в докладе «Иконография в фокусе количественного анализа: опыт исследования монетного дела Селевкидов» предложил распределение монетных типов Селевкидов на три группы, в зависимости от номинала, и выявил основные среди них. Монетные типы этих номиналов полностью совпадали при ранних Селевкидах, а при поздних (исключая оба правления Деметрия II) существенно отличались; изображение якоря было маргинальным сюжетом в селевкидской монетной иконографии. А.С. Балахванцев (Москва) в докладе «Социальная структура эллинистической Вавилонии: к постановке проблемы» показал, что если в ахеменидское время в Вавилонии слой привилегированных свободных состоял из представителей персидской аристократии, то в эллинистический период положение меняется, так как сближаются положения граждан греческих полисов и вавилонских гражданско-храмовых общин. В селевкидское время можно говорить о них как о едином сословии свободных полноправных людей; при этом сами вавилоняне не были склонны смешивать себя с политами. О.Л. Габелко (Москва) сделал доклад «Новая литература по истории галатов и Галатии: факты, интерпретации, подходы, концепции». А.А. Антонов (Санкт-Петербург) в докладе «Политическая элита города Пергама при Атталидах и римлянах» показал, что сведений о «выдающихся гражданах» атталидской эпохи не так много, но применительно к римскому времени выявляется тенденция возвышения пергамской знати

(например, Диодора Паспара, получившего от городской общины поистине царские почести). Появление выдающихся эвергетов в полисах той эпохи было вызвано отсутствием сильной фигуры царя и краткостью полномочий римских наместников. *О.А. Давыдова* (Москва) в докладе «Зачем царицы династии Птолемеев участвовали в Олимпийских играх?» проанализировала свидетельства участия цариц династии Птолемеев в Олимпийских играх. Автор приходит к выводу, что царицы-победительницы демонстрировали могущество династии, удачу правителей и их способность побеждать, а победы в играх способствовали продвижению их культа среди греков не только в Египте, но и во всем Средиземноморье. *И.Н. Коровчинский* (Москва) и *А.С. Присадков* (Москва) в докладе «“Привилегированные” деревни эллинистического мира (на примерах Арсинои-на-Дамбе и Деревни Кардаков)» выявили наличие в эллинистических государствах т.н. «привилегированных» поселений. На материале птолемеевских налоговых документов было показано, что деревня Арсиноя-на-Дамбе платила непропорционально малые налоги на душу населения по сравнению с другими деревнями административной единицы, центром которой она была; похожее положение занимала и Деревня Кардаков в Пергамском царстве. *М.Ю. Суханов* (Сыктывкар) в докладе «Frataraka i bayān: к вопросу об идеологии правителей эллинистического Парса (III—II вв. до н.э.)» проанализировал теории относительно официальной идеологии этих властителей и представил собственное разрешение обозначенных проблемных вопросов, опираясь прежде всего на нумизматические источники. Сделан вывод о том, что эллинистическое влияние на идеологию фратарак, вопреки ряду гипотез, не было сколько-нибудь значительным. *Т.Ю. Спирина* (Москва) в докладе «Пергамский Асклепейон в контексте религиозной политики Атталидов» проанализировала надпись IvP III.3 и отметила интерес Атталидов к святилищу и культу Асклепия. Сделано предположение, что само почитание Асклепия занимало особое место в религиозной политике Атталидов и возможно, было непосредственно связано с царским культом. *С.В. Обухов* (Москва) в докладе «Правитель Малой Армении Митридат (II в. до н.э.) и его монеты» показал, что этот правитель, по-видимому, происходивший из иранской или иранизированной среды, стал независимым около 189—188 гг. до н.э., однако не приобрел царского титула. В 182—179 гг. он участвовал в войне Пергама, Вифинии и Каппадокии против Понтийского царства на стороне последнего и потерпел вместе с ним поражение. Стилистика монет Митридата (изображения пчелы, оленя) отразила греко-иранский характер официальной культуры Малой Армении того времени. *Г.Л. Криволапов* (Москва) в докладе «Цезарь, Каппадокия и Малая Армения» рассмотрел политику Гая Юлия Цезаря по отношению к этим государствам и тетрарху галатов Дейотару. Докладчик предложил свой вариант восстановления утраченного фрагмента «Александрийской войны», который должен был относиться к этим событиям, а также реконструировал политику Цезаря в отношении Каппадокии, Малой Армении и Дейотара в 47 г. до н.э.

Вечером 2 февраля состоялось заседание подсекции истории культуры и религии древней Греции (председатели: А.В. Стрелков и О.В. Кулишова), на котором было заслушано 10 докладов. Заседание открылось докладом *Е.Е. Земцовой* (Санкт-Петербург) «Хронотоп идеального: проблема пространства и времени в античной утопии». Докладчица показала, что в античной утопии время как таковое, по сути, отсутствует (это же, впрочем, относится и к месту, которое в утопии пребывает в нереальной плоскости, являясь «не-местом»). Идеальное общество, как правило, описывается застывшим во времени; это общество, достигшее не только совершенства, но и темпоральной завершенности, конечности. *О.С. Энзельдт* (Ярославль) в докладе «Авлос в музыкальной культуре древней Греции» проанализировал сведения античных письменных источников об употреблении деревянного духового инструмента — авлоса (ὄ αῦλός) и заключил, что авлос, несмотря на свое негреческое происхождение и менее престижный статус в сравнении со струнным инструментарием, являлся популярнейшим духовым инструментом. *Т.Б. Гвоздева* (Москва) в докладе «К вопросу об организации греческого пятиборья» остановилась на дискуссии в современной литературе об очередности соревнований и выявлении победителя в пентатлоне. Первые три состязания проводились по прыжкам в длину и метанию диска и копья, тогда как бег и борьба помогали выявить победителя на втором этапе пентатлона, если он не определялся в первых трех состязаниях. *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) в докладе «Общегреческие святилища в военных конфликтах в эпоху архаики и классики» показала, что наиболее важны были консультации с оракулами и ритуалы, связанные с военной мантикой, актуализация почитания мифологических героев-воинов и установление их культов, умиловительные и благодарственные посвящения богам в Олимпии и Дельфах. Анализ позиции и роли общегреческих

религиозных авторитетов в войнах архаики и классики, их взаимоотношений с различными полисами (особенно с Афинами и Спартой) позволяет проследить перипетии соперничества полисов и развития военно-политической ситуации в Элладе. *М.П. Трофимов* (Пермь) в докладе «Диодор Сицилийский о причинах войн» попытался проследить позицию греческого историка по этому вопросу, учитывая, что его труд содержит огромный пласт сведений о войнах и конфликтах античной эпохи. Причины войн, которые выделяет Диодор, находятся в тесной взаимосвязи с его общими представлениями об истории и природе военно-политической деятельности. *Е.В. Шубина* (Москва) в докладе «Двойственная и двудеиная природа Диониса в комедиях Аристофана» выявила следующие дуальные пары, характерные для образа этого божества: «мужчина—женщина», «хозяин—раб», «человек—бог», «лягушки—лебеди» (Аполлон—Дионис). В произведениях Аристофана современные поэты названы ἐπιφυλλίδες (маленькими, незначительными гроздьями винограда), а Еврипид — ὀνίσιος (сексуально продуктивным, т.е. хорошим поэтом). Эти внутренние и внешние дуальные пары можно рассмотреть как критические точки в контексте божественной природы Диониса, а именно идеи вечного перерождения и непрекращающихся метаморфоз. *А.В. Стелков* (Москва) сделал доклад «Возлюбленные владык Царства мертвых». *Е.Н. Андреева* (Москва) в докладе «К вопросу о культе Зевса Бронтона в римской Фригии: одна необычная группа эпитафических памятников» показала, что некоторые надписи, относящиеся по формальным признакам к категории посвященных, упоминают в качестве адресата не только Зевса, но и умерших. В этой группе надписей выделяются два основных подтипа: одни памятники могли быть использованы непосредственно как надгробия, а в других преобладала вотивная функция. *Д.Б. Меркин* (Москва) в докладе «Ὑλοχρήστης и его роль в Дидимейском культе», рассмотрел эпитафические данные об этой жреческой должности. Изначально ὕλοχρηστης был помощником пророка, главного служителя оракула в Дидимах, занимавшегося интерпретацией прорицаний; далее, уже в римское время, ὕλοχρηστης становится одним из ключевых служителей культа Аполлона. Тематику древнегреческих оракулов завершил доклад *М.А. Теркуловой* (Москва) «Оракульные таблички из Додоны».

Вечером 1 февраля состоялось заседание секции истории античной культуры и классической филологии (председатели: Е.В. Приходько и Т.Ф. Теперик). На заседании было сделано 10 докладов. Первым прозвучал доклад *Е.В. Приходько* (Москва) «Первый этап ликийских исследований и экспедиция Юлиуса Августа Шенборна», в котором были рассмотрены ранние этапы исследования древней Ликии и ликийского языка. *В.К. Пичугина* (Москва) в докладе «Фивы как образовательное пространство в трагедии “Геракл” Еврипида» раскрыла значение этого города в упомянутой трагедии выдающегося греческого трагика, проанализировав его драматические приемы. *В.Г. Мостовая* (Москва) в докладе «Мифологические герои од Пиндара: этический и политический подтекст в Третьей Пифийской оде» обратилась к семантическому анализу этого поэтического произведения. Можно заключить, что эта ода не являлась типичной для Пиндара и в ее тексте заметно стремление автора сопоставить героев Сарпедона и Нестора с Гиероном, показав в то же время образы героев с недостойным поведением и с несчастной судьбой. *Е.Н. Бузурнюк* (Москва) в докладе «Обращение к зрителям как драматический прием в прологах комедий Аристофана» попыталась систематизировать случаи таких обращений и определить их роль в прологе как структурном элементе комедии. Был рассмотрен вопрос о том, какие цели ставил перед собой поэт, вкладывая в уста персонажей подобные обращения, и что это позволяет узнать о зрительской рецепции в античности. *О.В. Осипова* (Москва) в докладе «“Разнообразие” (ποικιλία) в “Исторической библиотеке” Диодора Сицилийского» рассмотрела особенности композиции этого исторического труда в контексте характерного для литературы I в. до н.э. энциклопедизма. Сделан вывод, что Диодор не только использует фактографический материал своих предшественников, но и объединяет композиционные приемы, применяемые в разных направлениях древнегреческой историографии. *Е.В. Илюшечкина* (Москва) в докладе «К вопросу об употреблении лексемы *paeninsula* у латинских авторов» проанализировала употребление этого термина в римской историографии республиканского и императорского времени. На протяжении всей своей истории эта лексема оставалась вторичной по отношению к лексеме «острову» и в позднюю эпоху не представляла отдельного интереса для авторов. *Л.Л. Селиванова* (Москва) сделала доклад «Фрагмент в багровых тонах (Р. Оху. 3328, fr. B1)», в котором рассмотрела один из немногочисленных фрагментов позднеантичного романа Лоллиана «Финикийские истории». Описанные в нем оргии с каннибализмом и жертвоприношением ребенка не имеют отношения к мистериальным церемониям, а являются клятвой на крови, практикуемой

маргиналами; в основе рассмотренного пассажа — реальное историческое событие, восстание буколов в Египте в начале 170-х годов н.э. *О.М. Савельева* (Москва) в докладе «О соединении филологического анализа и исторического комментария» осветила содержание и поэтические особенности экспозиции в 8-м эпипикии Пиндара из Пифийского цикла, обратившись к мотиву тишины/спокойствия. Вероятно, в данной оде Пиндар осуждает гордыню афинян после битвы при Коронее в 447 г. до н.э. и предстает как поэт, не отстраняющийся от реальных событий в близких ему полисах и от их оценки. *Я.Л. Забудская* (Москва) в докладе «Плутарх и «трагическая» историография» показала влияние на стиль и композицию произведений этого античного автора т.н. «трагической» историографии, предполагающей драматическое воспроизведение жизни и восходящей к перипатетической школе или школе Исократ. Плутарх, зачастую отвергая и критикуя данный тип повествования, в то же время сам использует его приемы. *Т.Ф. Теперик* (Москва) в докладе «Поэтика оды и поэтика перевода: Гораций в переводах О.В. Смыки» показала, что переводы О.В. Смыкой стихов этого римского поэта входят в круг т.н. «точных» переводов, но в то же время обладают и признаками т.н. «вольного» перевода. Это не только не удаляет от подлинника, но напротив, приближает к нему, делая мысль Горация яснее и понятнее для русского читателя.

Работа секции истории древнего Рима проходила в двух подсекциях — истории Республики и истории Империи. Работа подсекции истории Республики началась с вечернего заседания 1 февраля (председатели: В.В. Дементьева и А.М. Сморгков), на котором прозвучало 7 докладов. *Н.Д. Клёнышева* (Липецк) обратилась в своем докладе «Ius osculi в древнем Риме» к трактовкам «права поцелуя» в современной науке, выделив и охарактеризовав три подхода: правовой (проявление власти родственников по мужской линии над женщинами), с точки зрения морали (проявление *mos maiorum*), религиозный (проверка на сакральное преступление). *Л.М. Шмелева* (Казань) выступила с докладом «Основание храма Дианы на Авентине и становление римской дипломатии», в котором рассмотрела проблемы взаимоотношения Рима и федерации латинских общин. Основание храма Дианы должно было скрепить заключенный при царе Сервии Туллии равноправный союз, однако храм так и не стал местом общего собрания. Доклад *А.Б. Никольского* (Астрахань) «Гай Фламиний в 217 г. до н.э.» был посвящен противоречивой античной традиции об этом важном политическом деятеле. *О.В. Кармазина* (Воронеж) в докладе «Кто такие мамертинцы?» проанализировала сведения о кампанцах, которые в 282 г. до н.э. захватили Мессану с целью получить гражданство в городе и установить там свою власть. Поскольку мамертинцы являлись третьей (после карфагян и греческих Сиракуз) силой на Сицилии, у Рима имелись основания серьезно отнестись к предложенному ими союзу. В докладе *А.М. Сморгкова* (Москва) «Сакральное время в политическом дискурсе Римской республики» рассмотрены четыре бинарные оппозиции, которые в своей совокупности дают всестороннее описание восприятия римлянами времени: время мифологическое и время историческое; сакральное и профанное; благоприятное и неблагоприятное; циклическое и линейное. Обладая религиозным содержанием, эти пары имели прямое отношение к политической власти и ее функционированию. *Т.А. Бобровникова* (Москва) в докладе «Romulus ut tumulto fraternas condidit umbras (некоторые аспекты представления о душе в Риме)» обратилась к противоречивым взглядам римлян на существование души после смерти тела. Чтобы выяснить природу этих противоречий, докладчица проанализировала термины, обозначавшие душу умершего, а также привлекла этнографический материал. *О.В. Федченко* (Балашиха) выступила с докладом «Atraria и изображения предков: ритуальная составляющая», где сделала вывод, что умерший родственник продолжал играть активную роль в процессе формирования сакрального пространства римского дома. На это были направлены ритуалы украшения изображений, воскурение ладана, зажжение светильника.

Работа подсекции истории Республики продолжилась в утреннем заседании 2 февраля (председатели: Н.В. Бугаева и Р.М. Фролов), на котором было сделано 6 докладов. *М.А. Симаков* (Москва) выступил с докладом «Gallia Transalpina: первоначальное присутствие Рима и начало завоевательной кампании 125–121 гг. до н.э.», рассмотрев взаимоотношения римлян и трансальпийских галлов от первого упоминания римского присутствия в регионе (218 г. до н.э.) до «аллоброгской войны». Были проанализированы причины достаточно позднего установления контроля над территорией Нарбонской Галлии, а также предпосылки военной кампании 125–121 гг. до н.э. *В.В. Дементьева* (Ярославль) в докладе «Квестура, проквестура и пропретура Луция Антония в середине I в. до н.э.: вопросы датировки и сочетания должностных статусов» рассмотрела эпиграфические памятники и нарративные тексты, обратившись также к позиции современных

исследователей. Докладчица не согласилась с датировкой квестуры Л. Антония 49 г. до н.э., относя ее к 50 г. до н.э., и высказала мнение, что брат триумвира получил империй в ранге *quaestor pro praetore*, сохранив его в 49 г. до н.э. как *proquaestor pro praetore*. *Р.М. Фролов* (Ярославль) в докладе «Определение римских республиканских промагистратов как *privati*» аргументировал тезис, что формально промагистраты относились к числу *privati*, однако античные авторы обозначали их этим термином только когда возникали дополнительные обстоятельства. Таким образом, термин *privatus* одновременно оказывался нейтральным указанием на публично-правовой статус и маркером политического обострения или нарушения нормативных ожиданий. В докладе «*Rogatio Livia de sociis (et Latinis?) civitate danda* 91 г. до н.э.: содержание и политический контекст» *Н.А. Филинов* (Москва) обосновал гипотезу, что Друз, столкнувшись с угрозой аннулирования своих законов, обратился к представителям латинской и итальянской элиты, которые были готовы его поддержать при условии проведения закона о предоставлении латинам и италикам прав римского гражданства. Инициатива Друза, по мнению докладчика, была схожа с *lex Iulia de sociis et Latinis civitate danda* 90 г. до н.э., принятого в разгар Союзнической войны. *А.В. Короленков* (Москва) в своем докладе «Бокх глазами Саллюстия: штрихи к портрету» обратился к образу мавретанского царя, отметив постоянные колебания, приписываемые ему римским автором даже тогда, когда для этого не было оснований. Хотя Бокх выдал Югурту, он остался для Саллюстия отрицательным персонажем из-за склонности к предательству. *Н.В. Бугаева* (Москва) в докладе «В поисках места гибели Катилины: подведение итогов» рассмотрела точки зрения, представленные в средневековой и ренессансной историографии, а также у ученых Нового и новейшего времени. Тем самым был продемонстрирован путь развития науки от наивных этимологий до междисциплинарных методов.

Работа подсекции истории Империи началась с утреннего заседания 2 февраля (председатели: *В.Н. Парфенов* и *А.В. Махлаюк*), на котором прозвучало 9 докладов. *Е.В. Снедкова* (Москва) в докладе «Азиний Поллион и первые публичные рецитации в древнем Риме» обратилась к словам Сенеки Старшего, что «Поллион первым из всех римлян зачитал свои произведения при приглашенных» (*Sen. contr. IV. praef. 2*). Докладчица показала, что было «введено» чтение для более широкой аудитории и с определенной целью, которое проходило не в кругу друзей, а в виде литературной дискуссии. *А.Ю. Маркелов* (Самара) в докладе «Сенат и *plebs urbana* в эпоху Цезаря Августа» проанализировал характер отношений двух социальных групп: сенаторов и городского плебса. В результате были сделаны выводы, что городской плебс не видел в сенате институцию, которая могла бы решить его проблемы, а также что за период правления Августа лишь один раз (в 22 г. до н.э.) сложилась конфликтная ситуация между сенатом и *plebs urbana*. В докладе *Л.В. Тарасовой* (Калуга) «Жрицы обожествленных императоров в контексте династической политики раннего принципата» на основании разных видов источников было рассмотрено участие женщин рода Юлиев-Клавдиев в религиозной жизни Рима. Статус Ливии, Антонии Младшей и Агриппины Младшей как жриц императорского культа и выполнение соответствующих обязанностей являлись важными аспектами политической пропаганды и служили косвенным средством обеспечения династической политики. *В.Н. Парфенов* (Саратов) в докладе «Странности мятежа Антония Сатурнина (89 г.)» доказал, что инициатива мятежа против Домициана исходила от офицеров и солдат двух легионов, дислоцированных в Могонтиаке (Майнце). Были проанализированы возможные причины недовольства политикой последнего Флавия и подчеркнута серьезное воздействие путча на взаимоотношения императора с римской правящей элитой. В докладе «Карьерный путь первых прокураторов новых округов римской провинции Дакия после реформы 168 г.» *Н.А. Филимонов* (Ярославль) рассмотрел карьерный путь трех римских прокураторов в округах *Dacia Porolissensis*, *Dacia Apulensis* и *Dacia Malvensis*. Было прослежено, что эти люди впоследствии достигли высших должностей в государственном управленческом аппарате, причем двое были введены в сенаторское сословие. *И.А. Миролубов* (Москва) в докладе «Родословная императора Марка Аврелия» обратился к трем родословным этого члена династии Антонинов — по линии отца и матери, по линии императорской преемственности, а также к предкам, жившим в героическое и мифическое время. Изучение этих данных важно при исследовании мировоззрения аристократа императорского периода. *Ю.С. Веселова* (Москва) выступила с докладом «Женщины и власть: Боудикка, Картимандуа и другие в произведениях Тацита», где рассмотрела, как римский историк изображает женщин, причастных к власти, и видит их влияние на правителей. В докладе *А.Е. Барышникова* (Москва) «Царская власть и политические образования юго-востока доримской Британии: некоторые замечания» рассматриваются

отдельные аспекты политической организации бриттских сообществ на рубеже эр. Новейшие археологические находки вносят уточнения в предшествующие представления о доримской Британии; все более заметными становятся гетерогенность и динамизм социально-политических структур острова. Секция завершилась докладом *А.В. Васильева* (Санкт-Петербург) «Идея “обновления времен” в контексте религиозной политики Коммода». Автор показал, что политика Коммода претерпела модификации после серьезного внутривластного кризиса; с этого времени император начинает активно продвигать образ «Коммода-Геркулеса», к чему добавились идея «обновления времен» и соответствующие изменения в календаре и топонимике.

Работа секции истории поздней античности и древнего христианства началась с вечернего заседания 2 февраля (председатели: В.О. Никишин и М.А. Ведешкин), на котором прозвучало 8 докладов. *В.О. Никишин* (Москва) в своем докладе «Римляне и германцы во времена Поздней Римской империи» проследил эволюцию отношения римлян к германцам. Он пришел к выводу, что со временем панический страх начал уступать место любопытству, тяга к заимствованиям в бытовой сфере и даже определенным симпатиям. В IV–V вв. в рамках политического единства рах Ромула постепенно происходило этнокультурное сближение римлян и германцев. *М.А. Ведешкин* (Москва) в докладе «Воспитание государя: придворные учителя наследников римских августов конца IV – первой половины V в.» проанализировал положение учителей, их социально-экономический статус, влияние, участие в придворных интригах. Была предпринята попытка воссоздать куррикулум придворной школы. *А.В. Зибачев* (Сургут) в докладе «Скифия в географических описаниях латинских авторов V в.» отметил, что классический облик «большой» Скифии в поздней античности претерпел изменения: добавились сведения о новых народах и о климате; были уточнены границы континентов. Сочинения Марциана Капеллы, Макробия и Павла Орозия позволили докладчику сделать вывод о постепенном переосмыслении места северной Евразии в античной картографии. *А.Г. Горская* (Москва) в докладе «Монетная реформа императора Константина Великого в свете письменных источников и археологических данных» обратилась к результатам рентгено-флуоресцентного анализа бронзовых монет Константина и Констанция II. Соотнесение этих сведений с данными письменных источников позволило проследить изменения в чеканке. *Е.С. Зайцева* (Екатеринбург) в докладе «Сенаторская аристократия Рима и *homines novi*: аспекты взаимоотношений (середина – вторая половина IV в.)» показала, что «круг Симмахов» в целом поддерживал новый механизм возвышений, созданный императором. Однако *dignitates et honores* достойных служилых людей не должны были угрожать положению элиты сенаторского сословия, признанной особой привилегированной группой. *В.А. Конопаткин* (Москва) в докладе «*Imagines Augusti*: к вопросу о роли императорских изображений в городах Поздней Римской империи» сделал вывод об изменении характера размещения статуй императора. Изображения правителя содействовали легитимизации политического режима и укреплению имперской идеологии; а близость подданного к изображению была равнозначна близости к персоне августа – заступника и благодетеля народа. *А.А. Шевченко* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о прикреплении колонов в Римской империи» пришел к выводу, что комплекс письменных источников свидетельствует о прикреплении колонов в IV в. Заседание было завершено докладом *Е.А. Баженова* (Москва) «Латинские надписи и титулатура на ромейских монетах VII – начала VIII в. в контексте поддержания и сохранения античного греко-латинского двуязычия». Докладчик сделал вывод, что в этот период латинский язык активно поддерживался официальными властями. Несмотря на преобладание в Ромейском государстве греческого начала, греко-латинское двуязычие, восходящее к временам античности, все еще сохранялось. Фиксация латинских легенд и титулатуры на монетах второй половины IX – середины XI в. обусловлена другими, неантичными процессами.

Утром 3 февраля состоялось второе заседание секции истории поздней античности и древнего христианства (председатели: А.Д. Пантелеев и Н.Н. Трухина), на котором было сделано 9 докладов. Заседание открыл доклад *Н.Н. Трухиной* (Москва) «Святое семейство в ранней христианской традиции». *И.В. Хорькова* (Москва) в докладе «Боги-множества в апологии Арнобия: к вопросу об источнике» проанализировала сообщение о недифференцированных римских богах – ларах, манах, пенатах, индигитах и *divi Novensiles*. Текстуальное сопоставление информации Арнобия с фрагментами из сочинения Макробия и комментариями Сервия позволило выявить общий источник или архетип для этих авторов. Ссылки на авторитеты в области римской религии могут говорить о ценности и доброкачественности информации о богах-множествах. *С.А. Сахаров* (Смоленск) в докладе «Коррупционные основания донатистского раскола в системе

социально-политических ориентаций Аврелия Августина» показал, что коррупция для епископа Гиппона несводима к взяткам, она проявляется в «искажении сознания», порождающего разрушение социальной организации. История донатизма, в интерпретации Августина, пронизана фактами подкупа и продажности, злоупотреблений властью и попрания справедливости. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Богатство и бедность в гностической традиции (II–III вв.)», где обратился к взглядам представителей разных гностических течений. Гностики, видевшие в демиурге защитника и покровителя, считали богатство знаком избранности и элитарности; энкратиты и некоторые другие группы, негативно относившиеся к демиургу, объявляли все, связанное с материальным миром, в том числе богатство, безусловным злом. *М.В. Грацианский* (Москва) в докладе «Терминологический или институциональный континуитет? К постановке вопроса о христианизации институтов римских союзов в позднеантичный период» отметил терминологические тождество в названиях позднеримских провинциальных союзов и частных ассоциаций, с одной стороны, и институтов христианской церкви — с другой и поставил вопрос о том, идет ли речь просто о заимствовании христианами соответствующей гражданской терминологии для обозначения своих собственных структур, или же о постепенной христианизации на протяжении IV–VI вв. имевшихся гражданских институтов. *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) в докладе «Проблематика богатства и бедности в трудах Тертуллиана» оспорил устоявшееся мнение, что неприятие богатства карфагенским пресвитером следует рассматривать в контексте ригоризма. Докладчик показал, что в основе мировоззрения Тертуллиана лежит философский материализм, согласно которому обладание богатством является греховным бременем для верующего, и достаток дается лишь для того, чтобы избавиться от него в акте покаяния. *П.Н. Лебедев* (Москва) представил доклад «Мученица в кругу семьи: “Страсти свв. Перпетуи, Фелицитаты и их сомучеников” и римские семейные ценности». Анализ остающихся в тени центрального конфликта между отцом и дочерью отношений Перпетуи с другими членами семьи позволяют увидеть не только уникальный пример христианки, нарушающей римские семейные традиции, но и сохранение многих традиционных для римской семьи отношений. *Д.А. Самойлов* (Воронеж) в докладе «Кому Юстин Философ адресовал свои апологии?» обратил внимание, что в I–II вв. н.э. были сочинения, написанные в разных жанрах и адресованные императорам с целью поучения. Труды Юстина также имели протрепетический характер; содержание апологий убеждает, что их автор рассматривал императоров как основных читателей. Заседание секции завершилось докладом *З.А. Лурье* (Санкт-Петербург) «Софисты в немецкой гуманистической и евангелической драме XV–XVI вв.», где был рассмотрен собирательный образ Софиста в полемической литературе и драматургии эпохи Реформации. Профессionalное противостояние гуманистов и схоластов, вылившееся в острую полемику, повлияло на актуализацию данного топоса. У Лютера акценты в критике несколько меняются: для реформатора важнее ценностные категории, греховная и дьявольская сущность софизма, нежели их невежество.

Секция материальной культуры античности и истории Северного Причерноморья вела свою работу утром 3 февраля (председатели: С.Ю. Сапрыкин и Д.В. Журавлев). На ее заседании было сделано 8 докладов. Заседание открылось совместным докладом *Д.В. Журавлева* (Москва) и *В.Г. Черненко* (Москва) «Об одной коллекции античных гемм в собрании ГИМ», посвященным небольшой коллекции гемм первых веков н.э. из раскопок Херсонеса Таврического, выполненных из различных материалов (яшмы, граната, сердолика и др.). Их сюжеты очень разнообразны: это изображения божеств, мифические животные, женские и детские портреты. *В.В. Доценко* (Санкт-Петербург) в докладе «Попытка анализа дома И-2 архаического квартала Мирмекия на основе массового керамического материала» попытался проанализировать функциональное назначение комнат в указанной постройке, опираясь на массовый керамический материал. *А.М. Бутягин* (Санкт-Петербург) в докладе «Клад статеров александровского типа из Мирмекия и его место в истории Боспорского царства» рассмотрел значение данной находки в контексте развития торгово-экономических связей Боспора с державой Александра Великого и государствами раннего эллинизма (последняя треть IV в. до н.э.). Статеры данного типа свободно циркулировали на Боспоре, как и в остальном Причерноморье, а клад в Мирмекии был, видимо, оставлен сторонниками царя Сатира II и его брата Притана в момент опасности — прихода войск победившего Евмела. *И.Н. Тюряхин* (Чебоксары) сделал доклад «Святилище Зевса на горе Ликей в Аркадии (предварительные итоги археологических исследований)». *А.В. Подосинов* (Москва) выступил с докладом «Влияние греческой цивилизации на обычаи и нравы “варварских” скифов в оценке греческих авторов (особенно Страбона)», в котором

проанализировал два взгляда на скифов со стороны греков — демонизирующий и идеализирующий. Искусственное конструирование этих характеристик и их выбор зависел от предпочтений автора или, возможно, от того жанра, в котором он творил, а элиминация указанной дихотомии произошла уже в рамках христианской традиции. *Е.В. Вдовченко* (Ростов) в докладе «Фила у Страбона и проблема ее интерпретации» остановился на интерпретации термина «фила» в тексте «Географии» применительно к варварским обществам в контексте данных, собранных современной социальной антропологией. *Т.Ю. Шашлова* (Саратов) в докладе «Аттика и Южное Причерноморье в VI—IV вв. до н.э.: некоторые новые наблюдения о «старом» сюжете» рассмотрела экономические отношения в период классики между Причерноморьем и Афинами, еще раз продемонстрировав, сколь тесными были торговые связи между ними. *И.А. Астахов* (Тула) в докладе «Командная система боспорского войска в поздней античности» проанализировал источники о высших военных должностях Боспорского царства в позднеантичное время. По его мнению, система была следующей: 1) царь; 2) ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας (контроль за царскими войсками в пределах столицы и прилегающей к ней области, который к рубежу V—VI вв. н.э. осуществляли эпархи, комиты и протокомиты); 3) стратег; 4) лохаг; 5) племенные вожди варваров.

На заседании секции историографии античности и изучения рецепции античной традиции, которое прошло вечером 2 февраля (председатели: С.Г. Карпюк и М.Ю. Лаптева), было сделано 10 докладов. *О.Г. Цымбал* (Ярославль) в докладе «Интерпретация экономической истории античной Греции в трудах Макса Вебера» пришла к заключению, что М. Веберу было чуждо представление о древнегреческой экономике как о совокупности замкнутых натуральных полисных хозяйств: подчеркивая своеобразие торговых и кредитно-денежных отношений в греческих полисах, он не отрицал их активное развитие и влияние на социально-политические процессы, особенно в позднеклассический период. *Н.В. Разумов* (Пермь) в докладе «Легенды и мифы древней Греции» Н.А. Куна: история публикаций», проведя сравнительный анализ изданий разных лет этого феноменально популярного в советское время среди массового читателя изложения античной мифологии, сумел ввести историю конкретной книги в широкий культурный контекст, отражающий особенности рецепции и адаптации античного наследия советским обществом. В докладе *А.М. Скворцова* (Санкт-Петербург) ««Работаем здесь полным ходом»: кафедра классической филологии ЛГУ в эвакуации в Саратове (1942–1944 гг.)» констатировалось, что, несмотря на декларируемую партийно-правительственными органами необходимость перестройки научных исследований на «военные» рельсы, тематика кафедры классической филологии, временно возглавлявшейся И.М. Тронским, не претерпела изменений. В докладе *С.Г. Карпюка* (Москва) «От эвакуации к резвакуации: московские историки древности в годы Великой Отечественной войны» была рассмотрена научная и пропагандистская деятельность советских историков древнего мира в первые годы войны и сделан вывод, что московским историкам древности за годы войны удалось укрепить кадровый потенциал, сохранить и даже нарастить научные институты, связанные с изучением истории и археологии древнего мира. *П.А. Евдокимов* (Москва) в докладе «Командировка В.И. Авдиева в Грецию в свете архивных материалов» обратил внимание на то, что по итогам этой поездки весной 1957 г. В.И. Авдиев выступил с предложением создать в Афинах действующий на постоянной основе советский археологический институт, однако эта идея осталась нереализованной. *И.М. Суворова* (Петрозаводск) в докладе «Эстетическая проблематика античности в отечественной публицистике начала XIX века (по материалам журнала «Лицей»)» выяснила, что самой обсуждаемой эстетической проблемой на страницах журнала «Лицей» была проблема классификации искусства, и пришла к выводу о значительной рецепции античных образов в текстах русских авторов по проблемам эстетического плана. В докладе *А.В. Ашаевой* (Москва/Омск) «Запретная классика: «История» Геродота в николаевской России» был представлен уникальный случай цензурирования, которому подвергся русский перевод «Истории» Геродота в 1826 г. На основе архивных документов была показана история этого дела и его итоги, демонстрирующие своеобразный опыт рецепции античности в Российской империи в период правления Николая I. *М.Ю. Лаптева* (Санкт-Петербург) в докладе «Из унтер-офицеров гусарского полка в учителя классической гимназии: дело о назначении учителем французского языка ссыльного Павла Лемана» проанализировала материалы архивного дела П.О. Лемана, которое позволяет представить *currículum vitae* и профессиональные качества учителя, а также работу министерства народного просвещения и губернской бюрократии, вынужденных принимать нестандартные решения в критических для провинциального классического образования ситуациях. В докладе *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) ««Олонецкая русалка», или Дидона наизнанку:

античное наследие в репертуаре провинциального театра начала XIX века» был сделан вывод о наличии в «приличном обществе» губернского города начала XIX в. интереса к античному наследию и способам его использования в сочинениях столичных авторов, а также собственных экспериментов по адаптации известных античных сюжетов к местным условиям. Заседание завершилось докладом *В.А. Гончарова* (Воронеж) «Образ Боудикки в западной культуре начала XXI века».

Работа секции древнего права проходила на утреннем заседании 3 февраля (председатели: *И.А. Гвоздева* и *Е.В. Ляпустина*). Было сделано 9 докладов. *Е.В. Булычева* (Москва) в докладе «Система взимания эйсфоры в договорах об аренде теменосов в Аттике второй половины IV в. до н.э.» показала, что эйсфора взималась в том случае, когда полис устанавливал сбор данного вида налогов, взимался этот чрезвычайный налог демархом, как правило, в определенный месяц, а уплачивать эйсфору могли как арендаторы, так и арендодатели. В докладе *А.В. Логинова* (Москва) «Изыятие имущества и обеспечение исполнения обязательства в древнегреческом праве классической и эллинистической эпох» доказывалось, что глагол ἐνεχυράζω и существительные ἐνεχυράσις и ἐνεχυρὸν в классическое время обозначали такую форму обеспечения исполнения обязательства, в которой кредитор с помощью силы захватывал во владение вещь должника, чтобы заставить того исполнить обязательство. По мнению *В.А. Конюхова* (Москва), высказанному в докладе «Три посттракханских аграрных закона (App. BC. I, 27) и эпиграфический аграрный закон 111 г. до н.э.», наименее противоречивой является та точка зрения, что эпиграфический аграрный закон 111 г. до н.э. невозможно идентифицировать в качестве одного из трех посттракханских законов, упомянутых у Аппиана. *И.А. Гвоздева* (Москва) в докладе «Судебная практика в границах римского кадастра» обратила внимание на то, что особенностью римской агрименсуры является чрезвычайно длительное сохранение в судопроизводстве архаических элементов земельного права. В судебной практике римского кадастра наблюдался преимущественно формулярный процесс, с отдельными элементами архаического legis actio. В докладе *М.Н. Кирилловой* (Москва) «Земельный спор de iure territorii в историческом контексте поздней Республики» было показано, что данные нарративной традиции и эпиграфики эпохи поздней Республики позволяют не только охарактеризовать условия издания эдиктов Августа, но и сделать предположения о предшествующих этому земельному спору формах правовой защиты территории общины. *Л.Л. Кофанов* (Москва) в докладе «Matrimonium как единый институт древнеримского естественного, божественного и человеческого права» доказывал, что если в современном позитивном праве брак — это исключительно гражданско-правовой институт, то римские юристы понимали брак как «единение божественного и человеческого права», считали его основным законом природы, свойственным всему живому, — законом продления рода, рождения и воспитания детей. *М.В. Дурново* (Москва) в докладе «Отклонение магистратом иска о свободе, предъявленного лицом, позволившим себя подарить, дать в приданое или в залог (к интерпретации D. 40.12.23.1)» высказал предположение, что данные лица не были еще охвачены никакими санкциями на момент введения denegatio libertatis в качестве наказания за особые мошеннические схемы при самопродаже, и это наказание в дальнейшем было распространено на данных лиц вследствие его высокой эффективности. *Е.В. Ляпустина* (Москва) выступила с докладом «Античное рабство между древним правом и современной идеологией», в котором, в частности, уделила внимание изданию знаменитой «Истории рабства в античном мире» А. Валлона под редакцией А.В. Мишулина в 1941 г. *Н.К. Спиченко* (Москва) в докладе «Intertium в гражданском процессе (Irn. 90—92): понятие и проблемы его интерпретации» пришла к выводу, что intertium представлял собою документ со сведениями о назначении рассматриваемого дела, который составлялся в момент litis contestatio. В задачу дуумвира входило обеспечить движение дела, выбрать подходящий календарный день и опубликовать информацию о деле, которое слушалось на третий день с момента обнаружения (in tertium).

Уже традиционной для Сергеевских чтений стала работа секции истории доколумбовой Америки, которая в 2023 г. получилась чуть менее представительной, чем в предыдущие годы, однако объединила большую часть отечественных специалистов по истории, археологии и эпиграфике древней Америки. Всего на секции было представлено 16 докладов, тематика которых охватила практически все основные цивилизационные регионы американского континента. Работа секции прошла во второй день конференции 2 февраля в рамках утренней и вечерней подсекций. Подсекции не имели четкого тематического разделения, однако в определенной мере был соблюден региональный принцип при распределении тем выступлений: на утреннем

заседании значительная часть докладов была посвящена истории Южной Америки и мезоамериканской тематике, а вечернее сосредоточено преимущественно на докладах по истории древних майя.

Утреннее заседание (председатели: А.В. Сафронов и И.Ю. Демичева) открылось докладом *Е.В. Новоселовой* (Москва) «Андские гадательные практики в инкское и раннеколониальное время», посвященным анализу упоминаний некоторых видов гаданий (толкований снов, предсказаний оракулов и др.) в испанских раннеколониальных текстах и определению их роли в культово-религиозной традиции андского общества на рубеже исторических эпох. *А.В. Калюта* (Санкт-Петербург) сделала доклад «Легенда о Плакальщице: генезис и эволюция», в котором представила результаты изучения широкого спектра данных колониального времени, содержащих предания о Плакальщице, и изложила свою гипотезу о связи этой легенды с ацтекской религиозной традицией, в частности с культом богини плодородия и деторождения Снуакоатль. *М.В. Дубоссарская* (Москва) в своем докладе «Религия инков в “Сообщении о старинных обычаях жителей Пира” “Анонимного иезуита”»: исторические факты и внутрицерковная полемика» рассмотрела весьма любопытный испанский источник XVI в. Его автор переосмысливал религиозную традицию Государства инков и пытался доказать, что она соответствует христианству в своих основных положениях, а потому не заслуживает гонений.

В 2023 г. на Сергеевских чтениях впервые выступили коллеги из Дальневосточного федерального университета, в том числе участники Российско-эквадорской археологической экспедиции. Доклад *А.А. Лазиной* (Владивосток) «Древнейшая керамика Эквадора: технико-технологическая характеристика» содержал результаты исследования наиболее ранних образцов керамики на территории Эквадора из Сан-Педро и Вальдивия. Докладчик уделил внимание таким моментам, как определение сырьевой базы и способов создания формовочных масс посредством применения различных методик. Доклад *А.Н. Попова* (Владивосток) «Неолитизация на южном побережье Эквадора (по материалам археологических раскопок памятников Реал Альто и Лома Атауальпа в 2014–2018 гг.)» был посвящен итогам работы и находкам, сделанным Российско-эквадорской археологической экспедицией на памятниках Реал Альто и Лома Атауальпа в сезонах 2014–2018 гг. Эти находки свидетельствуют о наличии ранних докерамических слоев, датируемых периодом 5800–4450 л. до н.э., т.е. ранее эпохи появления керамики в рамках культур Ла-Вегас и Вальдивия.

А.В. Сафронов (Москва) представил доклад «Монументы из “Тилы”»: анализ политической географии древних майя Чиапасского нагорья (Мексика), в котором рассмотрел группу из трех иероглифических памятников майя позднего классического периода. Докладчик определил наиболее вероятные места их происхождения — к северу от долины Окосинго в Чиапасском нагорье, а также выявил их возможную связь с политическим влиянием царства Попо' (Тонина). *В.В. Петров* (Москва) сделал доклад на тему «Трансформация традиционной общины и системы управления на северном Юкатане в ранний колониальный период (на основе “Кодекса из Калькини”», основанный на анализе одного из ценнейших письменных источников раннего колониального периода по социально-политической организации общины майя северного Юкатана. Исследование показало, что, несмотря на появление испанской колониальной администрации, традиционная община майя не претерпела серьезных изменений, а лишь адаптировалась к усложнившейся системе управления землями Юкатана. Утреннее заседание закрылось докладом *Д.Д. Беляева* (Москва) «Йокель — малое царство майя Петена (Северная Гватемала) классического периода», посвященным локализации небольшой политики майя, ассоциируемой автором с археологическими памятником Укуталь (Центральный Петен). Докладчик также обнаружил свидетельства о династической истории Йокеля в надписях из Тикаля, датируемые раннеклассическим периодом, и упоминание царя Йокеля на раковинном горне из коллекции У. Рэя.

Вечернее заседание секции (председатели: Д.Д. Беляев и Д.С. Секачева) открылось докладом *И.Ю. Демичевой* (Ниžний Новгород) «“Чего хотят женщины?”: вариативность эмоций, психоэмоциональных состояний и их триггеров на женских терракотах майя I тыс. н.э.», посвященным фиксации и интерпретации психоэмоциональных состояний женщин древних майя на основе FACS анализа иконографических элементов женских терракотовых фигурок классического периода. В докладе *Е.В. Коровиной* (Москва) «Майя и их оружие: этимологические заметки» был рассмотрен весьма важный источник по культуре древних майя — словари современных языков юкатекской и чолано-цельтатланской ветвей семьи майя. На этой основе докладчица провела исследование встречаемости терминологии оружия и вооружения майя, что является очень

ценным дополнением к письменным и археологическим свидетельствам классической эпохи. *Г.А. Борисова* (Москва) представила доклад «Водоемы, вода и водные змеи в кодексах майя», посвященный анализу иконографии воды в рукописях майя, прежде всего в Дрезденском и Мадридском кодексах. Докладчица отметила, что в постклассическую эпоху у майя распространяется традиция реалистичного изображения воды, а также появляются персонифицированные изображения воды в виде мифических существ (например, Водяного Змея). Доклад *Д.С. Секачевой* (Москва) «Царские списки Паленке VII–VIII вв.» был посвящен реконструкции династической истории Паленке, одного из крупнейших политических центров майя в поздний классический период. В частности, докладчица обратила внимание на несколько эпизодов отступления от традиционной патрилинейной схемы престолонаследия, а также на исправления династических списков и предложил свою реконструкцию последовательности царей Бакаля. *С.А. Хохрякова* (Москва) в докладе «Иероглифический текст росписи 65 пещерного комплекса Нах-Тунич» провела подробный эпиграфический анализ самой объемной иероглифической надписи майя из комплекса росписей в пещере Нах-Тунич и показала, что данный текст был, вероятно, составлен группами паломников, совершавших культовые обряды в пещере, причем разница в записи частей текста составляет пять лет. В докладе *Я.А. Науменко* (Санкт-Петербург) «Базовые математические аспекты лунного календаря классического периода древних майя» была представлена разработанная автором программа расчета астрономических параметров Лунного календаря древних майя в любой день по Юлианскому календарю. На основании результатов работы программы, было продемонстрировано наличие у древних майя продвинутой аналитической системы вычисления лунного дня на заданную дату и при этом отмечена вариативность традиции подобных расчетов в разных царствах майя. Заседание продолжилось совместным докладом *Д.Д. Беляева* (Москва) и *А.В. Сафронова* (Москва) «Стела 20 из Вашактуна: проблема датировки раннеклассического монумента майя», поднявшим проблему датировки одного из наиболее важных монументов Вашактуна – Стелы 20, текст на которой не содержит записи долгого счета, но связан с именем царя Ц'акбу-Усиха. Авторы определили два возможных варианта датировки памятника (366 или 495 г. н.э.), однако однозначного выбора в пользу одной из дат сделать не удалось. Завершилось заседание секции докладом *С.В. Венрецкого* (Москва) «Эпиграфические данные о Йукном-Чене II в период с 600 по 636 гг.», в котором была дан обзор комплексу монументов из Калакмуля, связанных с начальным этапом жизни канульского царя Йукном-Чена II. Проведенный автором эпиграфический анализ дал новые подробности династической истории Кануля, в частности четкое доказательство происхождения матери Йукном-Чена из Калакмуля.

На заключительном пленарном заседании конференции 3 февраля (председатели: О.Ю. Климов и И.А. Ладынин) было сделано 6 докладов. *И.Е. Суриков* (Москва) в докладе «Историческое значение олигархических переворотов в Афинах конца V в. до н.э. (предварительные замечания)» высказал мнение, что данная эпоха имела значение своего рода «эксперимента с олигархией», пришедшего на смену афинской демократии второй половины V в. до н.э., которой были свойственны отчетливые охлократические тенденции. Поэкспериментировав как с охлократией, так и с олигархией, афиняне в результате выработали «иммунитет» к обеим этим крайностям и пришли к идее умеренной демократии IV в. до н.э., основанной на «власти закона». *Э.В. Рунг* (Казань) в докладе ««Ахеменидский мир» как историографический конструкт и концепт мира в Ахеменидской империи» обратился к ряду теоретических аспектов изучения крупнейшей межрегиональной державы I тыс. до н.э. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) сделал доклад «Управление через элиту: цари и города в эллинистической Малой Азии», в котором на материале Пергамского царства и других монархий региона III–II вв. до н.э. проанализировал роль полисных элит в структурах их управления. *А.В. Махлаюк* (Нижегород) в докладе «Гражданство – награда за доблесть: традиции и новации в практике приобретения civitas Romana» обратился к проблеме обстоятельств, в которых военная доблесть и иные заслуги перед римским государством могли стать основанием для коллективного или индивидуального (последнее – особенно часто в эпоху Принципата) наделения статусом римского гражданства. *А.В. Табаров* (Новосибирск) сделал доклад «Дискуссия о происхождении гончарства в Южной Америке: вопросы, важные детали и акценты». Обнаруженные на территории Эквадора в ходе работ с участием российских исследователей в 2010–2018 гг. ранние следы керамики иллюстрируют специфику присваивающей и производящей моделей хозяйства, а также возможности контактов и маршруты распространения технологических навыков гончарства, как в пределах, так и за пределы континента (в Центральную Америку). В докладе *А.А. Зедгендзе* (Москва) «Древний Херсонес Страбона: храм на

акрополе» были рассмотрены основные элементы территориальной структуры херсонесского полиса. Укрепление на перешейке Маячного полуострова, отождествляемое с «древним Херсонесом» Страбона, определяется как фрурион, созданный для овладения и контроля над территорией, изначально населенной таврами. Кроме того, была предложена реконструкция храма на акрополе, раскопанного в 1890 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который составил его план и сделал краткое описание, являющееся основой для реконструкции.

В заключение ответственный секретарь Оргкомитета XXII Сергеевских чтений *И.А. Ладынин* выступил с информацией об их работе, а председатель Оргкомитета конференции *С.Ю. Сапрыкин* суммировал ее итоги. Участники конференции высказали большое удовлетворение работой Сергеевских чтений, прошедших в первый раз после перерыва из-за эпидемии COVID-19, и согласились, что плодотворные контакты на этой традиционной площадке будут исключительно полезны и в дальнейшем.

Natalia V. Bugaeva,

E-mail: cethegilla@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7416-2186

Н.В. Бугаева,

к.и.н., доцент

Maksim V. Durnovo,

E-mail: maxschlechtow@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3842-4194

М.В. Дурново,

к.и.н., преподаватель

Ivan A. Ladynin,

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

И.А. Ладынин,

д.и.н., доцент

Sergey V. Obukhov,

E-mail: veretragna@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6425-6302

С.В. Обухов,

к.и.н.,

младший научный сотрудник

Alexander V. Safronov,

E-mail: safronov1477@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2121-1136

А.В. Сафронов,

к.и.н., доцент

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

кафедра истории древнего мира
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Mikhail S. Apenko

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences;
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

М.С. Апенко,

м.н.с. Института всеобщей истории
Российской академии наук,
аспирант кафедры истории древнего
мира исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

DOI: 10.31857/S0321039124030155

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ – IX»

(Москва, 23–24 ноября 2023 г.)

Конференция «Советская древность – IX» состоялась в Москве в Институте всеобщей истории РАН 23–24 ноября 2023 г. (организаторы: С.Г. Карпюк, М.Н. Кириллова). В конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Томска и Новосибирска, занимающиеся историей советской науки о древности и средневековье; всего было заслушано и обсуждено 13 докладов. Во вступительном слове С.Г. Карпюк подчеркнул важность изучения истории исторической науки и возрастающий интерес молодых исследователей к данной проблематике.

На утреннем заседании 23 ноября 2023 г. было заслушано три доклада. В докладе *А.И. Ключева* (Омск) «“Принять достойное их участие в созидании новой социалистической культуры”: античные классики в издательстве “Academia”» были рассмотрены основные этапы существования серии античной литературы в издательстве «Academia» в 1930-е годы, основные действующие лица, механизмы коммуникаций, проекты изданий классиков, предпринятых издательством, а также дискуссии, проходившие внутри серии, связанные с публикацией произведений античной литературы. Доклад *А.М. Скворцова* (Санкт-Петербург/Челябинск) «Первые попытки осмысления формирования “советской школы историков античности” (по рукописи С.И. Ковалева 1932–1933 гг.)» был посвящен неопубликованной статье С.И. Ковалева «Формирование советской школы историков античности», хранящейся в научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории. Эта статья была выбрана для исследования по двум причинам: во-первых, из-за многослойности текста, которая позволяет установить некоторые особенности работы историка-антиковеда 1930-х годов, претендующего на широкие теоретические обобщения; во-вторых, она представляет собой наиболее раннюю (1932–1933 гг.) версию истории советского антиковедения. Выбранный автором в качестве критерия для периодизации институциональный аспект позволял Ковалеву продемонстрировать лидерство ГАИМК и свое персональное в советской науке об античности, утвердить незыблемость выводов, полученных сектором истории рабовладельческого общества. Однако динамичность историографического процесса начала 1930-х годов не позволила Ковалеву опубликовать эту статью в октябре 1933 г.

Доклад *О.В. Метель* (Омск) «Эмили Грейс в СССР: проблемы адаптации (по материалам архивов Российской Федерации)» был посвящен реконструкции процесса адаптации Э. Грейс (Э.Л. Казакевич) к советской научной повседневности. Опираясь на источники личного происхождения, отложившиеся в фондах РГАЛИ и НИОР РГБ, автор показала, с какими проблемами столкнулась Э. Грейс и ее муж В.Д. Казакевич после переезда из США в СССР осенью 1949 г. В докладе были продемонстрированы способы решения супругами бытовых проблем и механизмы их встраивания в научные сообщества советских историков и экономистов.

Круглый стол «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–1980-х гг. (в области древней истории)» (по гранту РНФ № 22-28-00519) открыл доклад *С.Г. Карпюка* (Москва) «“Новые миры” советского историка: С.Л. Утченко в и о Западной Европе, Италии, Греции и Египте». В докладе были рассмотрены зарубежные контакты советских историков древнего мира в 1950–1960-е годы и связанная с этими контактами публицистика С.Л. Утченко. Его путевые заметки и размышления, собранные в книге «Глазами историка» (1966 г.),

представляли новый тип научно-популярного исторического нарратива, который стал особенно актуальным в 1960-е годы. *А.В. Ашаева* (Москва) в докладе «Древняя и “новая хронология”: советские историки древнего мира в обороне истории древнего мира» рассмотрела полемику советских историков древности со сторонниками «новой хронологии» — авторами псевдонаучной исторической литературы, в которой отрицалась и ниспровергалась общепринятая хронология мировой истории. Несмотря на четко обозначенную «псевдонаучность», историки древности в 1982 г. открыли научную дискуссию, которая продолжалась до 1987 г. на страницах авторитетных журналов, таких как «Вестник древней истории», «Вопросы истории» и др. Появление подобных материалов на страницах советских научных журналов было само по себе примечательно.

В завершившем первый день конференции докладе *С.Б. Криха* (Омск) «Консервативный нарратив советских историков в эпоху перемен: античная история (не) меняется» было рассмотрено несколько примеров того, как трансформировался позднесоветский нарратив в обобщающих и в узкоспециальных работах историков античности в конце 1980-х — первой половине 1990-х годов. Признавая невозможность охарактеризовать этот период как статичный, С.Б. Крих тем не менее попытался выделить его основные идеи, обращаясь, в частности, к работам Е.М. Штаерман, В.И. Кузищина, И.Ш. Фихмана, А.В. Коптева. В выводах было отмечено, что если консервативный нарратив предшествующего десятилетия исходил из того, что никакие принципиальные перемены в советско-марксистском видении античного мира не нужны, а обновление терминологии не требуется, то консервативный нарратив рубежа эпох строился уже на признании необходимости осторожного обновления и неизбежности отказа от ряда терминов, которые до того представляли неприкасаемыми.

Второй день конференции открыл доклад *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «От классической древности к истории Византии, или Бегство в Царьград». Автор доклада обратилась к истории российской науки об античности в конце XIX — начале XX в. и проанализировала весьма заметную тенденцию в развитии тематики научных занятий, которая характерна для исследований А.К. Наука, И.В. Помяловского, В.Г. Васильевского, П.В. Никитина, В.В. Латышева, А.В. Никитского и др.: начиная с занятий классическими греческими и римскими древностями, антиковеды со временем обращались к средневековой истории Византии. Причины этого следует искать как в русской историко-культурной традиции, так и в актуализации темы христианского Константинополя в конце XIX — начале XX вв. Доклад *М.В. Поникаровской* (Санкт-Петербург) «С.В. Меликова-Толстая (1885–1942): основные вехи жизни» был посвящен биографии филолога-классика С.В. Меликовой-Толстой. На материале архивных документов, а также ряда опубликованных источников был реконструирован жизненный путь ученого. Вниманию слушателей также был представлен краткий обзор личного фонда С.В. Меликовой-Толстой, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

В докладе *Е.С. Кравцовой* (Новосибирск) «Россика и политика: историк-медиевист в условиях “патриотического поворота” (вторая половина 1930-х гг.)» была предпринята попытка показать, как историк-медиевист вписывал источник, созданный в Средние века и Новое время в Западной Европе, в политически актуальный контекст отечественной истории, как он стремился сохранить баланс между источником как академическим проектом и инструментом идеологической политики ВКП(б). В 1936 г. директор ЛОИИ Б.Д. Греков инициировал большое совещание в Институте истории в Москве. На совещании, посвященном, преимущественно, источникам по отечественной истории, было решено запустить проект по изданию свидетельств иностранцев о России и народах СССР (россика). Основным автором серии стал С.А. Аннинский (1891–1942), выдающийся латинист, медиевист, архивист, палеограф. В докладе *Т.А. Фроловой* (Томск) «Советско-французский академический диалог: о зарубежных статьях Н.А. Сидоровой» была поставлена проблема международных академических связей советских историков. В 1950 — начале 1960-х годов советские ученые получили возможность открыто выстраивать научную коммуникацию с зарубежным академическим сообществом, формируя при этом определенный образ социалистической науки. В докладе была предпринята попытка показать процесс трансфера идей, а также практики и формы организации советской исторической науки. На примере научного творчества Н.А. Сидоровой, возглавлявшей сектор истории средних веков Института истории АН СССР, докладчик попытался проанализировать советско-французскую академическую коммуникацию.

Вечернее заседание 24 ноября 2023 г. началось с доклада *М.Н. Кирилловой* (Москва) ««Древнейшая история России» в историографических построениях XVIII — начала XX в.» В докладе

рассмотрены основные закономерности освещения историками России «древнейшего прошлого» — периода, предшествовавшего образованию Древней Руси. В XVIII в. привязывание историй отдельных государств, в сущности еще малоизвестных, к общеизвестной в Европе истории античности было нормой и даже, в какой-то степени, поощрялось. Однако с первой половины XIX в. вместе с ростом национализма начинает усиливаться идея истории России как истории государственности, созданной русским народом. Это обстоятельство, а также развитие лингвистики и археологии, дали В.О. Ключевскому основания считать, что античные сюжеты «относятся больше к истории нашей страны, чем к истории нашего народа» и максимально вынести их за пределы своего повествования. Тем не менее именно наблюдения Ключевского дадут плодотворную почву для создания «древнейшей истории СССР», понадобившейся, как и в XVIII в., для интеграции истории СССР в мировую историю. Доклад *И.А. Ладынина* (Москва) «Доклад С.Я. Лурье “Революция рабов в Этрурии” и его культурно-исторические штудии 1920-х гг.» был посвящен документу, хранящемуся в фонде С.Я. Лурье в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Документ представляет собой текст доклада «“Революция рабов” в Этрурии». В своем докладе С.Я. Лурье предложил интерпретировать сведения источников о восстании в Вольсингиях 265 г. до н.э. не как социальную революцию, а как описание религиозного праздника. Эта интерпретация Лурье показывает его возвращение к увлечению идеями Дж. Фрэзера и в целом характерным для Лурье в 1920-е годы исканиям. Такое внезапное решение могло быть вызвано настроениями конца войны, а именно ожиданием либерализации научной жизни и большей творческой свободы. В связи с этим и другими наблюдениями И.А. Ладынина предложил датировать доклад Лурье 1944 г.

В докладе *А.В. Агибалова* (Москва) «Работы И.Г. Франк-Каменецкого о культе Амона-Ра: от идеи до реализации» на основе писем И.Г. Франк-Каменецкого Б.А. Тураеву выделяются этапы подготовки работ о культе Амона-Ра, выходявших с 1914 по 1928 гг. Отдельное внимание было уделено анализу книги «Памятники египетской религии в фиванский период» (Ч. 1–2, 1917–1918). В докладе были рассмотрены особенности подготовки этого издания, которое создавалось в непростых для И.Г. Франк-Каменецкого условиях, когда был затруднен доступ к специальной литературе.

В обсуждении докладов активное участие приняла Е.В. Ляпустина. Наиболее острые дискуссии вызвали современные оценки позднесоветской историографии античной истории. В кратком заключительном слове итоги конференции подвел С.Г. Карпюк, отметивший научную значимость и актуальность представленных «Советской древности — IX» докладов, а также их высокий научный уровень.

Maria N. Kirillova,

E-mail: marikirillowa@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9029-5727

Sergei G. Karpyuk,

E-mail: oxlos@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8515-9560

М.Н. Кириллова,

к.и.н., научный сотрудник

С.Г. Карпюк,

д.и.н., главный научный сотрудник

Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Институт всеобщей истории
Российской академии наук,
Москва, Россия

ЮБИЛЕЙ ИННЫ АНДРЕЕВНЫ ГВОЗДЕВОЙ

24 июля 2024 г. свой юбилей отметила кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ Инна Андреевна Гвоздева — видный исследователь экономической истории античности, вопросов, связанных с землеустроением и земельным правом древнего Рима.

Инна Андреевна закончила кафедру истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1968 г. Ее наставником, во многом подсказавшим ей направление ее научной работы, стал выдающийся исследователь античного классического рабства, многолетний заведующий кафедрой истории древнего мира Василий Иванович Кузищин. Под его руководством в 1983 г. И.А. Гвоздева защитила диссертацию кандидата исторических наук «Система межевания полей у римлян». С 1972 г. Инна Андреевна работает в МГУ на кафедре истории древнего мира, с которой прочно связана ее научная и творческая жизнь. С этого времени она ведет общие курсы, семинары по истории древнего мира для студентов 1-го курса исторического и филологического факультетов МГУ, спецсеминары по экономической истории Рима для специализирующихся студентов кафедры.

И.А. Гвоздева много лет руководила всеми видами производственных практик студентов кафедры, активно сотрудничая с крупнейшими музеями нашей страны — Государственным Эрмитажем, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственным историческим музеем. В 1970–1980-е годы она руководила производственной практикой в Херсонесском музее-заповеднике, а также была заместителем В.И. Кузищина как руководителя Херсонесской археологической экспедиции МГУ. В те же годы И.А. Гвоздева была ученым секретарем Научно-технического совета по истории Минвуза СССР.

Важный новый этап в научной и преподавательской работе Инны Андреевны начался в 1990-е годы, когда, с наступлением постсоветского времени, В.И. Кузищин стал решать назревшую задачу концептуального и содержательного обновления работы кафедры. Актуальным направлением стало преподавание права древнего Рима, включая такую его отрасль, как земельное право. Именно тогда формируется состав тех специальных курсов, которые Инна Андреевна с успехом читает и сегодня. Это спецкурсы «Земля и собственность в древнем Риме», «Владение на *ager publicus*. Происхождение и эксплуатация», «Император Август и новая экономическая политика Рима», «Наследование в римском кадастре», «Обязательственное право древнего Рима», «Земли категории *publicus* на *ager colonicus*». Данные дисциплины стали основой специализации и написания квалификационных работ целого ряда студентов и аспирантов И.А. Гвоздевой.

Одновременно Инна Андреевна вела на кафедре большую организационную работу. В 1995–2009 гг. она была заместителем заведующего кафедрой по учебной работе, неизменно входила в оргкомитет регулярно проходивших на кафедре Сергеевских чтений. С 1998 г. В.И. Кузищин и И.А. Гвоздева начали издание трудов кафедры истории древнего мира – сборника «Древний Восток и античный мир», и Инна Андреевна стала заместителем главного редактора и членом редколлегии. В 1990–2000-е годы И.А. Гвоздева принимала участие в обновлении учебников и учебных пособий по истории древнего Рима, выходивших в издательствах «Высшая школа» и «Академия». Среди них – ряд переизданий учебника «История древнего Рима», включая вошедшее в юбилейную серию МГУ «Классический университетский учебник» (2005). Следует особо отметить антологию источников «История древнего Рима. Тексты и документы», вышедшую в двух томах в 2004–2005 гг. Второй том этого издания, посвященный источникам римского права, включает целый ряд материалов, переведенных и откомментированных И.А. Гвоздевой.

Научные интересы И.А. Гвоздевой – экономика и земельное право древнего Рима от архаики до классического периода. Важным источником по этим проблемам являются сочинения римских землемеров, и с их переводов началась научная деятельность Инны Андреевны. Эти переводы и комментарии к ним были опубликованы в учебных пособиях, выпущенных кафедрой истории древнего мира: в «Хрестоматии по истории древнего Рима» (1987) и в уже упомянутом обновленном и более полном издании «История древнего Рима. Тексты и документы» (2004–2005). До переводов и комментариев Инны Андреевны отечественная наука была слабо знакома с этими действительно сложными для восприятия и интерпретации текстами, которые по мере накопления соответствующего археологического и эпиграфического материала привлекают все больше внимания исследователей. В мировой науке развитие этого тренда пришлось на 1970–1990-е годы, и работы Инны Андреевны, посвященные римской агрименсуре и земельному праву, в известной степени являются его частью.

Вклад И.А. Гвоздевой в исследования экономической истории древнего Рима выразился в ее обращении к тематике оформления и эволюции римского земельного кадастра. Она проследила теоретические основы кадастра, уходящие корнями в *disciplina Etrusca* и выявила принципы, которые римляне заложили в практику организации земельных площадей. Инна Андреевна исследовала развитие римской *limitatio*, уделив внимание и более ранним способам межевания, таким как стригация-скамнация, и доказав, что именно эта система предшествовала развитой центуриации. Исследуя кадастр, И.А. Гвоздева проанализировала все его составные части, выявив существовавшие в Риме типы полей и их правовой статус. Уделив внимание ветеранским ассигнациям конца Республики – начала Империи, она убедительно доказала неразрывную связь в этих хозяйствах полей *culta* и *inculta*, обеспечивавших развитие зернового производства и скотоводства. Полнота исследования темы римского кадастра И.А. Гвоздевой была достигнута благодаря ее обращению к роли отрезков от межевания (*subsecivi*), составлявших резерв для будущих наделений, а также для развития поссessorских отношений на условиях аренды.

В своих работах И.А. Гвоздева дала полную характеристику функций римских агрименсоров, уделив особое внимание их деятельности как экспертов в земельных спорах. Исследование земельного права древнего Рима И.А. Гвоздева проводит в первую очередь на материале контроверсий, описанных в землемерных сочинениях. Ее внимание сосредотачивается на пограничных и вещных исках, что составляет основу римского земельного права; кроме того, она исследует разные аспекты природной и кадастровой *finis*, а также другой частной границы-дороги – *ригора*. Особое внимание в ее работах уделяется также исследованию роли межевого знака Термина.

И.А. Гвоздева прослеживает сведения по архаическому судебному процессу, которые можно восстановить по данным землемеров, но большее внимание уделяет анализу формулярного процесса в предклассический период *ius civile*, следы которого прослеживаются и в классическом судопроизводстве. Весомым вкладом в изучение земельного права стал анализ Инной Андреевной *ius subsecivorum*, расширивший представление о правовой деятельности Августа. Предпринятый ей анализ отдельных исков складывается в общую картину развития земельного права древнего Рима.

Еще одним направлением научной работы И.А. Гвоздевой является разработка некоторых вопросов истории древних олимпийских празднеств, а также изучение взаимоотношений римской Империи и варварского мира.

С 1992 г. И.А. Гвоздева является членом Российской ассоциации антиковедов. Инна Андреевна также – член редколлегии периодического издания «Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия «Всеобщая история» (ВАК), третий номер которого с 2020 г. ежегодно полностью посвящен истории древнего мира. Помимо МГУ, И.А. Гвоздева в течение многих лет работает в Литературном институте им. А.М. Горького, где является профессором кафедры общественных наук. Научную работу и преподавание Инна Андреевна продолжает успешно сочетать с организационной работой: на историческом факультете МГУ она является организатором научной конференции «Экономическая история античности в мировой историографии», проводящейся регулярно с 2013 г., в Литературном институте она с 2012 г. организует всероссийскую конференцию «Путь интеллектуала в науке и творчестве». И.А. Гвоздева — активный участник международных и российских научных конференций и круглых столов, проводимых университетами России и институтами РАН, а также коллоквиумов по римскому праву.

Ученики и коллеги Инны Андреевны сердечно поздравляют ее с юбилеем и желают ей крепкого здоровья и новых успехов в преподавании и научном творчестве!

Ученики и коллеги

К 70-ЛЕТИЮ ПРОФ. С.К. СИЗОВА

11 августа 2024 г. исполнилось 70 лет доктору исторических наук, профессору Сергею Кузьмичу Сизову, известному исследователю античности, специалисту по истории эллинистической Эллады.

Сергей Кузьмич вырос в семье преподавателей Горьковского (Нижегородского) института иностранных языков. После окончания школы он поступил и в 1976 г. с отличием закончил историческое отделение историко-филологического факультета Горьковского (Нижегородского) государственного университета им. Н.И. Лобачевского. С детства увлеченный античной историей, он уже на первом курсе выбрал специализацию по кафедре всеобщей истории (с 1975 г. — кафедра истории древнего мира и Средних веков), где имел возможность освоить основы исследовательского ремесла в области антиковедения под руководством М.С. Садовской, которая стала руководителем дипломной работы Сергея Кузьмича, посвященной истории Римской Британии, и В.М. Строгоцкого, воспитанника ленинградской школы антиковедения. Основательная подготовка по всеобщей истории, древнегреческому языку и латыни, полученная благодаря наставникам, а также отличное знание иностранных языков позволили С.К. Сизову поступить и успешно закончить аспирантуру на кафедре истории Древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета, где его научным руководителем был профессор Э.Д. Фролов, один из авторитетнейших отечественных исследователей в области античной истории. Под его руководством С.К. Сизов сформировался как высокопрофессиональный специалист, отлично владеющий всем арсеналом науки об античности, способный достойно продолжать традиции петербургской (ленинградской) школы антиковедения. На протяжении всей последующей карьеры Сергей Кузьмич сохраняет самые тесные научные и дружеские связи с петербургской кафедрой, участвуя в проводимых ею конференциях и публикуя свои работы в ее изданиях. В 1979 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную провинциальной политике Рима в Сицилии («Сицилия в сфере римской провинциальной политики (по “Верринам” Цицерона»)). В ней были рассмотрены такие вопросы, как налоговая и аграрная политика Рима в Сицилии, политический строй сицилийских городов, а также объединения полисов в римской Сицилии.

В 1980 г. С.К. Сизов возвращается на родную кафедру, активно включается в учебную деятельность, пройдя путь от старшего преподавателя до доцента и зарекомендовав себя как талантливый преподаватель, умеющий увлечь студентов и демократичным общением, и артистичным чтением лекций, и увлекательными занятиями по древним языкам. В 1988 г. он был избран заведующим кафедрой истории древнего мира и Средних веков и в этом качестве проявил себя отличным организатором, многое сделав для ее развития как одного из значимых центров отечественного антиковедения. Усилиями С.К. Сизова сотрудниками кафедры стали А.В. Махлаюк, Е.А. Молев и Н.В. Молева, что позволило существенно расширить тематику антиковедческих учебных дисциплин и исследований за счет классической археологии, истории древнего Северного Причерноморья и Римской империи. Получили развитие новые формы работы со студентами вне обычных аудиторных занятий, в частности, проведение студенческих научных конференций, диспуты по проблемам политической истории на семинарских занятиях и многое другое. Было продолжено издание кафедрального сборника научных трудов «Из истории античного общества», а также работа над коллективным переводом «Римской истории» Кассия Диона, проводились регулярные научные конференции и семинары с участием антиковедов из ведущих вузов и академических институтов.

В 1980-е годы С.К. Сизов обратился к исследованию такого сложного и парадоксального феномена, как греческая федеративная государственность, получившая наиболее яркое развитие в двух крупнейших федерациях эллинистической Греции — Ахейском и Этолийском союзах. Их история стала предметом его докторской диссертации, подготовленной в докторантуре СПбГУ и защищенной в 1993 г. («Федеративные государства эллинистической Греции: Ахейский и Этолийский союзы»). Разработка этой значимой темы со множеством дискуссионных вопросов стала продолжением и развитием фундаментальных традиций и исследовательских направлений дореволюционной петербургской школы антиковедения, представители которой (Ф.Ф. Соколов, В.Г. Васильевский, С.А. Жебелёв, С.Я. Лурье, А.В. Никитский) в конце XIX — начале XX в. внесли значимый вклад в изучение эллинистической Греции и затронули в том числе федеративное движение, делая упор на реконструкции исторических фактов на основе тщательного анализа нарративной традиции и эпиграфических документов. В диссертации и монографии («Ахейский союз: история древнегреческого федеративного государства (281–221 гг. до н.э.)». М., 1989), посвященной Ахейскому союзу, объединившему в III–II вв. до н.э. почти все полисы Пелопоннеса и игравшему очень важную роль в политической жизни эллинистической Греции, была дана всесторонняя, основанная на скрупулезном разборе противоречивых данных нарративных источников и надписей реконструкция структуры, компетенции, механизмов функционирования и взаимоотношений органов власти, в частности, определены различия синода и синклита, отмечена незначительная роль союзного совета в противоположность широким полномочиям стратега как главы исполнительной власти в союзе. Большое внимание было уделено характеристике признаков единой государственности — наличию общефедеральных законов, союзного суда, единого монетного стандарта, унифицированной системы мер и весов, а также организации вооруженных сил, построенной, по оценке С.К. Сизова, на вполне удачных принципах.

Общие особенности эллинистического федерализма и своеобразие Ахейской федерации были выявлены в ее сопоставлении с Этолийским союзом, история и устройство которого также были разносторонне исследованы в диссертации и других работах С.К. Сизова, который убедительно показал, что его неправомерно характеризовать как демократический и «архаический» в противоположность «аристократическому» и «передовому» ахейскому союзу. Их взаимное противостояние, усилившееся к концу III в. до н.э., было вызвано скорее конкретными историческими обстоятельствами, чем социально-экономическими противоречиями или разницей в уровне цивилизованности. По обоснованному мнению С.К. Сизова, несмотря на наличие внутри союза этолийцев особых племенных округов, объединявших этнически однородные общины, он, тем не менее, был прежде всего объединением полисов и, как и Ахейский союз, оказалась довольно прочным образованием. Таким образом, были выявлены предпосылки федеративного движения и причины расцвета федеративных государств в эллинистической Греции III–II вв. до н.э., способы и последовательность формирования крупных многоплеменных федераций в Пелопоннесе и Средней Греции, статус отдельных общин внутри Ахейского и Этолийского союзов, разграничение компетенции между полисами и федеральной властью. Рассмотрение этих вопросов стало основой для постановки и решения более общих проблем, касающихся типологического определения эллинистических союзов как федеративных государств, их оценки с

точки зрения исторического прогресса и континуитета, современного значения опыта эллинистического федерализма. Высказанные и аргументированные С.К. Сизовым положения, равно как и большинство его конкретно-исторических реконструкций, основанных на тщательном анализе эмпирического материала, стали существенным вкладом в одну из значимых областей современного антиковедения и получили признание в науке.

Жизненные обстоятельства сложились так, что в 1997 г. Сергей Кузьмич перешел на работу в Нижегородский коммерческий институт, где заведовал кафедрой истории и теории государства и права, а после включения НКИ в состав Нижегородского госуниверситета руководил кафедрой коммерческого права и основ правоведения Института экономики и предпринимательства. Погрузившись в преподавание историко-правовых и собственно юридических дисциплин (римского права, международного частного права, права интеллектуальной собственности, истории государства и права зарубежных стран), он стал автором ряда оригинальных курсов и учебных пособий, а также отдельных научных публикаций по этим дисциплинам. Но как исследователь он оставался верен антиковедческой специализации, продолжил углубленно заниматься эллинистическим федерализмом, обратив свое внимание и на другие межполисные союзы (Беотийский, Фессалийский, Акарнанский, Ликийский, объединения критских городов) и новые вопросы: городские и союзные финансы, религия, гражданская и этническая идентичность, судебная власть, реформы и эволюция полисных институтов в Греции III–II вв. до н.э. Владение юридическими подходами и категориями, безусловно, помогло плодотворно сочетать конкретно-историческое, «прагматическое» освещение политической истории эллинистических федераций с приемами историко-правового анализа, необходимыми в исследовании многих из этих вопросов. Мастерское владение разными формами исторического исследования стало характерной особенностью работ С.К. Сизова. Его индивидуальный исследовательский почерк, кроме того, отличают умение критически оценить идеи и выводы предшественников, тщательно продуманная логика изложения материала и безукоризненная четкость аргументации как в опровержении спорных концепций, так и в обосновании собственной позиции по дебатиремым проблемам. Его перу принадлежат образцовые по аккуратности и проницательности анализа работы, посвященные интерпретации эпиграфических документов и свидетельств классических авторов (Полибия, Тита Ливия, Павсания). Многие из них опубликованы в ведущих мировых журналах («Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik», «Tyche», «Dialogues d'Histoire Ancienne», «Восток/Ориент» и др.), а также в «Вестнике древней истории», в котором регулярно появляются его статьи и рецензии. Нельзя не отметить и весомый, высокопрофессиональный вклад Сергея Кузьмича в подготовку переводов с древнегреческого языка исторических трудов Диодора Сицилийского и Кассия Диона.

С 2021 г. С.К. Сизов снова трудится на кафедре истории древнего мира и Средних веков ННГУ, с воодушевлением читает курсы по античной истории, ведет занятия по древним языкам и пользуется заслуженным уважением коллег и студентов не только как авторитетный ученый и многоопытный, яркий преподаватель, но и как замечательный человек, отличающийся безупречной порядочностью, незаурядным чувством юмора, ответственностью, критическим складом ума.

Сердечно поздравляя Сергея Кузьмича с 70-летием, хочется от имени всех его коллег, друзей и учеников пожелать ему отменного здоровья, бодрости, оптимизма и дальнейшей плодотворной научно-педагогической деятельности, неизменной удачи во всех начинаниях!

Alexander V. Makhlayuk,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: makh1@imomi.unn.ru
ORCID: 0000-0002-7758-2374

А.В. Махлаюк,
д.и.н., профессор,
зав. кафедрой истории древнего мира
и Средних веков
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Vestnik drevney istorii
84/3 (2024), 842–868
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/3 (2024), 842–868
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124030162

АПОКРИФИЧЕСКОЕ «ЗАВЕЩАНИЕ ИОВА»

*(Вступительная статья, перевод с древнееврейского
и комментарий Л.В. Шулякова)*

Книга Иова, одно из самых сложных произведений Ветхого Завета, опровергает популярную в библейской литературе мудрости модель воздаяния, в рамках которой любое несчастье объясняется как наказание за грех. Возможно, именно поэтому Иов не был «идеальной фигурой в эллинистическом иудаизме»¹. Его имени нет в гимне отцам в греческом переводе книги Сираха (Сир 44–50), книгу Иова ни разу не цитирует Иосиф Флавий и лишь единожды упоминает Филон Александрийский (Phil. De mut. 48).

Противоречивость и резкость библейского текста пытались сгладить уже в первых интерпретациях. Уже в старом греческом переводе книги (далее – LXX Иов) прослеживается тенденция к «санктификации» Иова, к смягчению тех его слов, которые могли восприниматься как богохульные. Схожие мотивы, вероятно, послужили созданию раннего арамейского таргума (11QtargJob), фрагменты которого были найдены в регионе Мертвого моря. Наиболее радикальное переосмысление библейской книги представлено в апокрифическом «Завещании Иова» (далее – ЗИ).

Текст апокрифа сохранился в греческой (4 рукописи XI–XVI вв.)², славянской (более 10 рукописей XIV–XVIII) и коптской (частично сохранившаяся рукопись IV–V в., написанная на саидском среднеегипетском диалекте)³ версиях. Наиболее вероятно, что оригинальным языком памятника был греческий, попытки реконструкции

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 21-011-44267.

Автор выражает глубокую благодарность Н.К. Малинаускене, М.Г. Селезневу, М.М. Юровицкой, И.А. Шельх, Л.Ю. Мусиной, В.С. Зыкову и А.А. Медведевой за замечания и предложения к переводу и комментарию.

¹ Fernández Marcos 1994, 253.

² Дипломатическое издание рукописи Р выполнено С. Броком (Brock 1967). Р. Крафт опубликовал критическое издание, отдавая предпочтение рукописям VS (Kraft 1974). Критического издания памятника, учитывающего все версии текста, не существует.

³ Издание коптской версии было подготовлено Геза Шенк (Schenk 2009), английский перевод: Schenk 2013.

семитского протографа⁴ нельзя признать убедительными. При этом язык апокрифа содержит специфические обороты и выражения, часть которых можно отнести к семитизмам, а другие — объяснить влиянием языка Септуагинты. Некоторые части ЗИ напоминают центон, основанный на LXX: из фрагментов Септуагинты автор составляет мозаику собственного повествования⁵.

Датировка, происхождение и жанр памятника вызывают дискуссии. Самое раннее упоминание о *Liber qui appellatur Testamentum Iob*, ароскрипс содержится в «Декрете о принимаемых и не принимаемых (Церковью) книгах», составителем которого считается папа Геласий (492–496). *Terminus post quem* написания ЗИ — время создания LXX Иова (вероятно, II–I вв. до н.э.). Верхняя датировка апокрифа может быть ограничена рукописными свидетелями коптской версии текста, датируемой IV–V вв. Большинство ученых предполагают, что ЗИ было написано не позднее II в. н.э., допуская возможность позднейших интерполяций⁶.

Происхождение текста чаще всего связывают с иудейской диаспорой Египта. Иов назван «царствующим над всем Египтом» (28 : 7), его потомство причислено к «избранному и чтимому роду от семени Иакова» (1 : 5), он призывает детей не заключать смешанных браков (45 : 2). Важнейшая идеологическая черта текста — радикальный дуализм, призыв к отказу от земных благ ради небесного воздаяния и объяснение зла в мире действием злых духов⁷.

Общий богословский колорит памятника созвучен многим идеям раннего христианства, при этом мы не встречаем каких-либо сугубо христианских мотивов и образов. Экзегетические приемы трактовки книги Иова в ЗИ имеют многочисленные параллели с позднейшими текстами Талмуда и мидрашей, что указывает на существование «общего поля экзегетических размышлений над текстом (книги Иова) в иудаизме рубежа эр»⁸.

Жанр апокрифа может быть определен как символическая повесть⁹, имеющая черты т.н. «diaspora novels», которые предлагают иудеям диаспоры образец праведной жизни в языческом окружении и одновременно могут служить миссионерским задачам.

В библейской книге центральное и, возможно, древнейшее ядро составляют речи Иова, его друзей и Бога, нарратив прозаических пролога и эпилога лаконичен.

⁴ Rießler 1928; Torrey 1945.

⁵ Rogers 2012. Подробный разбор интертекстуальных связей между LXX Иов и ЗИ см. в Schaller 1980.

⁶ Наиболее поздняя датировка была предложена Дж. Давила (Davila 2005, 197–198), который считает текст христианским сочинением и предлагает датировать его временем создания коптской версии (IV–V вв.). Исследователь призывает сменить ставшую отчасти «дефолтной» позицию (признавать за текстом иудейское происхождение, если в нем нет явных христианских образов и идей) на противоположную: принимать в качестве исходной ту среду, где текст имел бытование (в случае ЗИ — предполагать христианское происхождение). Поздняя датировка текста по коптской версии не выдерживает критики: версия носит переводной характер, переложение греческого оригинала могло быть выполнено в среде египетского христианства. В ходе передачи в апокриф могли вносить отдельные христианские интерполяции (List 2023, 72–73).

⁷ Предположение о близости автора идеологии ессеев было высказано еще до открытия рукописей Мертвого моря (Kohler 1897). Некоторые «сектантские» тексты Кумрана обнаруживают примечательную общность идей и понятий с текстом апокрифа, эта тема представляется перспективной для дальнейшего исследования.

⁸ Cimosa 2004, 405.

⁹ Н.В. Брагинская и А.И. Шамина-Великанова предложили выделить «символическую повесть» в особую жанровую категорию, определяемую как «произведение, основанное на традиционных фольклорно-мифологических образах, переосмысленных для важных и актуальных идейных, религиозных или социальных задач» (Braginskaya, Shmaina-Velikanova 2017, 110). Это определение появилось в результате исследования апокрифа «Иосиф и Асенет», памятника, на наш взгляд, во многих отношениях близкого ЗИ (см. Shulyakov 2017, 136–137).

Апокриф, напротив, предлагает читателю сложную сюжетную линию, в которую включены краткие диалоги и гимны¹⁰. Место библейской поэтической притчи занимает повесть о жизни и чудесах Иова — благочестивого прозелита, пострадавшего за исповедание единого Бога и удостоенного небесного Царства. Иов Ветхого Завета страдает безвинно, в результате спора между Богом и неким божественным существом (обвинителем, *haśśāṭān*) о том, бескорыстна ли праведность Иова. В ЗИ страдания Иова имеют совершенно иную причину — дьявол мстит Иову за разрушение языческого капища. В 33-й главе Иов произносит гимн, в котором открывает «тайну» своего терпения: мученичество героя будет вознаграждено в небесном Царстве, тогда как все богатства и слава мира преходящи и тленны.

Другие действующие лица ЗИ — это дьявол, театрально меняющий обличья и проигрывающий Иову в борьбе, и жена Иова Ситис, обманутая дьяволом, много страдавшая, но встретившая смерть с весельем, узнав о милости Бога. Первые дети Иова в ЗИ погибают как невинные жертвы и возносятся на небо, а Иов обретает новую жену Дину и новых детей. Он оставляет своим дочерям Имере, Касии и Рогу-Амалфеи наследство — волшебные пояса, которые раскрывают для них небесные тайны. Главная цель автора «Завещания» — сообщить истории Иова новую дидактическую функцию, восхвалить добродетели терпения и благотворения, призвать к подвигу мученичества и к отречению от земных благ.

Апокриф — отражение эпохи, когда разные культурные традиции и религиозные концепты, взаимодействуя друг с другом, формировали почву для появления новых форм религиозной литературы. Тематический и лексический параллелизм сближает апокриф с новозаветным посланием Иакова¹¹, в котором терпение Иова восхваляется как образцовое (Иак 5 : 7), опираясь, возможно, именно на ЗИ. Библейский бунтарь и невинный страдалец в христианской экзегезе превращается в подвижника и мученика, иногда выступая прообразом Христа¹². Средневековый читатель воспринимает текст как житийный, как «поучительную, назидательную и увлекательную историю о персонаже, который почитается среди святых»¹³. Возможно, иудеоэллинистическое ЗИ во многом задавало тот вектор трактовки книги Иова, который стал доминирующим в христианскую эпоху вплоть до Нового времени.

¹⁰ Возможно, композиция апокрифа построена по хиастическому принципу. Рамкой, написанной в жанре «завещаний», служит сцена последних часов жизни и погребения героя (главы 1, 53), ряд сюжетов параллельны друг другу, а центральное место в тексте занимает гимн Иова в главе 33.

¹¹ Gray 2004.

¹² Ф. Шпитта указал на типологическое сходство между апокрифической историей Иова и Евангелием (Spitta 1907): Христос и Иов — оба царского рода (1), помогают нищим (2), борются с сатаной (3), их страдание — позор в глазах окружающих (4), они прощают своих врагов (5), верят в воскресение мертвых (6), по смерти похоронены (7), а после прославляются Богом (8).

¹³ Haralambakis 2012, 161.

КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД¹⁴Завещание¹⁵ Иова¹⁶

Глава 1

¹Книга слов¹⁷ Иова, звавшегося Иовавом¹⁸. ²В тот день, когда в болезни он завершил свое служение¹⁹, призвал он семь сыновей своих и трех дочерей своих, ³имена которых Терси, Хорос, Ион, Ники, Форос, Фифи, Фруон, Имера, Касия, Рог-Амалфеи²⁰. ⁴Позвав же детей своих, сказал им:

Окружите меня, дети мои, окружите меня, чтобы я показал вам²¹, что сотворил со мной Господь, и все, что случилось со мной. ⁵Я отец ваш Иов, перенесший все с терпением²², вы же род избранный и чтимый, происходящий от семени Иакова, отца матери вашей. ⁶Я же от сынов Исава, брата Иакова²³, чьей дочерью была ваша мать

¹⁴Перевод выполнен по изданию рукописи Р (Brock 1967). Сохранено общепринятое деление апокрифа на 53 главы. При составлении комментария были привлечены материалы английского (Spittler 1983), немецкого (Schaller 1979) и французского (Philonenko 1968) комментированных переводов.

¹⁵Слово διαθήκη в классическом языке имеет значение в первую очередь «завещание, предсмертная воля». В LXX διαθήκη становится стандартным эквивалентом евр. *berît* (вассальный договор между Богом и народом Израиля), приобретая нетривиальное для классического языка значение «договор, соглашение».

¹⁶В Р «Завещание (Διαθήκη) Иова», S — «Установление (Διάταξις) Иова», V — «Завещание (Διαθήκη) непорочного (ἀμέμπτου), победившего во множестве состязаний (πολύαθλου), блаженного (μακάριου) Иова». Иоанн Златоуст, описывая подвиг первомученика Стефана, сравнивает его с Иовом, которого наделяет эпитетом πολύαθλος (Io. Chrys. *In sanct. Stephanum protomart.* 2062. 229).

¹⁷Греческий оборот βιβλος λόγων отражает еврейскую генитивную конструкцию *sēper dibrê* (ср. Тов 1 : 1). Оборот может означать «книга деяний», «летопись», «житие» — контаминация значений связана с многозначностью еврейского *dābār*.

¹⁸Иов также отождествляется с Иовавом, вторым царем Эдома (Быт 36 : 33), в греческом расширении эпилога книги Иова (LXX Иов 42 : 17d) и в сочинении «Об иудеях» Аристия Экзергета (Euseb. *Praep. Ev.* IX. 25. 3). В маргиналиях сирогекзаплы на Быт 36 : 33 Иовав отождествляется с Иовом, который назван «философом и праведником» (Field 1875. 53).

¹⁹Схожая лексика (греч. οἰκονομία в знач. «дело жизни, служение», которое завершает (ἐκτελέω) герой) употребляется при описании кончины Иеремии в апокрифической 4 Вар 9 : 29, 31.

²⁰В рукописи V имена дочерей опускаются, в S опускаются первые 5 имен. Имена дочерей Иова в еврейском тексте (42 : 14): *Yəṣīmāh* (иногда сближается с араб. *yamāmat* «горлица»), *Qaṣīṣāh* (специя, изготавливаемая из коры дерева *Cinnamomum aromaticum*) и *Qeren harpūk* (вероятно, рог, предназначенный для хранения сурьмы — косметического средства из растолченного черного камня). В LXX эти имена переданы как *Ἡμέρα* (переводчик, вероятно, увидел здесь корень *uōm* «день» с арамейским окончанием, ср. Hes. *Theog.* 124), *Κασία* (семитское заимствование, означает ту же специю) и *Ἀμαλθείας κέρασ* («Рог Амалфеи», лат. *cornu soriae* — мифологический символ изобилия и богатства). В переводе имена сыновей и дочерей передаются транскрипцией, за исключением имени Рог-Амалфеи, ввиду его отсутствия в греческом ономастиконе и очевидных мифологических коннотаций.

²¹Иов предлагает истолкование уже произошедших событий. При этом употреблены глаголы δηλώω «являть» и ὑποδείκνυμι «показывать», скорее характерные для апокалиптической литературы, для открытия о событиях будущего.

²²Термины ὑπομονή «стойкость, терпение» (часто используется в военных контекстах), καρτερία «стойкость, выдержка» и μακροθυμία «долготерпение» — ключевые для ЗИ (см. Naas 1989). Будущая награда уготована Иову именно за его терпение (ЗИ 4 : 6–11), он призывает быть терпеливой свою жену (26 : 5) и благодаря терпению побеждает сатану (27 : 4). В LXX Иова лишь единожды использовано слово ὑπομονή как эквивалент евр. *tiḳwāh* «надежда», которую, как утверждает Иов, губит Бог (Иов 14 : 19). Добродетель ὑπομονή превозносится в 4 Макк и Сир. Можно предположить, что дидактическое указание на ὑπομονή Иова в Иак 5 : 11 связано именно с образом Иова в апокрифе. В латинском переводе книги Товита 2 : 10 есть дополнение, в котором герой сравнивается с Иовом и именуется образцом терпения (*exemplum patientiae*).

²³В рукописях S и V — брат Нахора (Ναὸρ). Отметим, что Иов сближается с Авраамом не только как его потомок. В апокрифической литературе и мидрашах Авраам и Иов выступают как

Дина²⁴, от которой я родил вас. Первая моя жена вместе с другими десятью детьми погибла горькой смертью²⁵. Послушайте же меня, дети, и открою вам то, что случилось со мной.

Глава 2²⁶

¹Я же был Иовавом, прежде чем назвал меня Господь Иовом²⁷. ²Прежде, когда я звался Иовавом, я жил близко к капищу, где чтили идола, ³и, непрестанно видя приносимые ему всесождения, я рассуждал сам с собой, говоря: ⁴«Это ли Бог, сотворивший небо, и землю, и море, и нас самих²⁸? Как мне узнать?»

Глава 3²⁹

¹И ночью, когда я спал³⁰, достиг меня сильный голос, в еще более сильном свете говоривший: «Иовав, Иовав». ²И я сказал: «Вот я³¹». И он сказал: «Встань, и я открою тебе, кто есть Тот, о ком желаешь узнать; ³тот, которому приносят всесождения и совершают жертвенные возлияния, не Бог, но сила дьявола,

два образца благочестивых прозелитов, уверовавших в единого Бога (ср. Бер Рабб 57 : 4; 76 : 9; 80 : 4; Двар Рабб 2,4, также Hieron. *Hebr. Quast. in Gen.* 22 : 21).

²⁴В книге Иова жена появляется единожды, призывая мужа проклясть Бога и умереть (Иов 2 : 9), о второй жене не сказано ни слова. Уже раннее расширение LXX вводит небольшой диалог между Иовом и женой, в эпилоге LXX она названа аравитянкой (вероятно, вследствие отождествления Иова с царем Эдома Иовавом). В иудейской традиции (Псевд Фил 8 : 7–8, Тарг Иов 2 : 9, Сота 5 : 8b, Бер Рабб 19 : 12; 57 : 4; 76 : 9; 80 : 4) жена Иова часто отождествляется с Диной, дочерью Иакова и Лии (Быт 30 : 21). ЗИ рассказывает о двух женах Иова, соединяя обе традиции и решая вопрос как генеалогии Иова, так и роли жены в истории его страданий (Legaspy 2008). Первая — по имени Ситида, фигурирует в ЗИ 21–26, 39–40, ее образ скорее положительный, хотя дьявол и пытается обмануть ее (в позднейшей христианской экзегезе жена Иова часто представлена как *diaboli adiutrix*, ее роль часто сближается с ролью Евы). Вторая жена упоминается только в прологе, отождествление с Диной служит двум целям: 1) рассказать о дальнейшей судьбе Дины после событий в Шехеме (Быт 34), восполняя «лакуну» библейского нарратива; 2) провести еще одну генеалогическую связь между Иовом и потомством Авраама. По мнению Торрея (Torrey 1945, 145), имя «Ситида» может быть связано с топонимом *Αἰθίοτις* (родина Иова в LXX, евр. земля Уц). Отметим также созвучие имени Σίτιδος слову ὀτός «хлеб».

²⁵Вероятно, определение смерти как *λικρός* «горькая» восходит к еврейскому обороту *marhamtāweṭ* «горечь смерти» (1 Цар 15 : 32, см. также Сир 41 : 1), не исключена аллюзия на LXX Иов 21 : 25.

²⁶В главах 2–5 говорится о беседе Иова с ангелом, посланным Богом. Детали этого разговора (прерванный сон Иова, обращение к нему по имени, поклонение ангелу) характерны для апокалипсисов (2 Ен 1 : 2–9; 4 Ез 3 : 1–4; 4 : 1; 3 Вар 1 : 2 : 8; Откр 1 : 9–19).

²⁷Изменение имени в момент религиозного обращения связано, в первую очередь, с историей Авраама (Быт 17 : 5, см. также Phil. *De mut.* 76). Ср. историю обращения Асенет, жены Иосифа (Иос и Ас 15 : 7).

²⁸Ср. формулу исповедания Бога-Творца в Исх 20 : 11; Пс 146 : 16; Деян 4 : 24; 14 : 15; Откр 10 : 6; 14 : 7. В Юбил 2 : 2 Господь назван «Творцом неба, земли, воды и духов, которые служат Ему», после чего помещен длинный перечень ангелов различных стихий. Схожая формула использована в ранних мученических актах (*Martyr. Pion.* 8).

²⁹Описание видения Иова содержит ряд черт (громкий голос, видение сильного света, падение на землю), традиционных для библейских теофаний (ср. Иез 1 : 28; Дан 8 : 17; Деян 9 : 3–8; 22 : 7–10; 26 : 14–16, Иос и Ас 14 : 1–9; Ап Авр 8 : 1–9,8).

³⁰Прототипический библейский рассказ об обращении во сне — история призвания Самуила (1 Цар 3). Откровение ночью получают и другие библейские герои (Быт 26 : 24; 2 Цар 7 : 4; 1 Хрон 17 : 3; 2 Хрон 1 : 7; Суд 7 : 9). Поздняя раввинистическая традиция (Иевамот 24b) выделяет особую категорию *gerē hālōmōt* «обращенные снами» (см. также Rahnenführer 1971, 89).

³¹Описание Акеды (евр. *šāqēdāh* «связывание») — рассказ в Быт 22 о повелении Аврааму принести своего сына в жертву) начинается с двойного обращения Бога к Аврааму («Авраам, Авраам!»), на которое патриарх отвечает *hinnēnī* «вот я» (ср. такого рода двойные обращения в Быт 46 : 2; Лк 10 : 41; Деян 9 : 4; Иос и Ас 14 : 5 (Асенет отвечает теми же словами, что и Иов: *idou ēgō*), а также ЗИ 24 : 1; 25 : 9).

которым вводится в заблуждение человеческая природа³². ⁴И, услышав, я упал на мое ложе, преклоняясь и говоря: ⁵«Господь мой, пришедший для спасения моей души, ⁶умоляю тебя, если это место сатаны, которым вводятся в заблуждение люди, дай мне власть³³, чтобы я пошел и очистил его место ⁷и сделал бы, чтобы больше ему не совершали возлияния. И кто воспрепятствует мне, царствующему³⁴ на этой земле?»

Глава 4

¹И, отвечая мне, сказал свет³⁵: «Ты можешь очистить его место, но я открою все, что повелел Господь мне передать тебе». ²И я сказал: «Все, что Он прикажет мне, своему слуге, я буду послушен и выполню». ³И он вновь сказал: «Так говорит Господь. ⁴Если возьмешься очистить место сатаны, он со злобой восстанет на борьбу с тобой. Только смерть тебе он не будет в силах принести. Принесет же тебе многие муки, ⁵отнимет у тебя все, чем ты владеешь, истребит детей твоих. ⁶Однако, если выдержишь, сделаю славным имя твоё во всех родах земных до скончания века³⁶. ⁷И снова верну тебе то, чем владел ты, воздам тебе вдвойне, ⁸чтобы ты узнал, что нелицеприятен³⁷ (Господь), Он воздаёт благо каждому, кто ему послушен. ⁹И восстанешь в воскресении³⁸. ¹⁰И ты будешь, словно кулачный боец³⁹, который, мужественно выдержав скорби, принимает венец⁴⁰. ¹¹И так узнаешь, что праведен, и истинен, и силен Господь, укрепляющий избранных Его⁴¹».

Глава 5

¹И в ответ, дети мои, я сказал ему: «До смерти я буду терпеть и не отступлю». ²И, после того как ангел поставил печать⁴² на мне и отошел от меня, тогда я, дети мои,

³² Термин ἡ ἀνθρωπίνη φύσις «человеческая природа» часто используется Филоном (Phil. *De opificio* 114; *De mut.*; *De vita Mos.* I. 5; ср. Иак 3 : 7).

³³ Иов получает ἐξουσία «власть» и разрушает капище сатаны. Впоследствии и сатана получает от Бога ἐξουσία над имуществом и телом Иова. Ср. слова Иисуса, посылающего учеников на проповедь, «...чтобы имели власть (ἐξουσία) изгонять бесов» (Мк 3 : 15).

³⁴ См. прим. 114.

³⁵ В рукописи V добавлено: «говорит звук из света».

³⁶ Ср. Мф 13 : 39; Евр 9 : 26.

³⁷ Утверждение о том, что Бог судит без пристрастия, нелицеприятно (ἀπροσωπότητος), встречается в 1 Пет 1 : 17; 1 Клим 1 : 3; Варн 4 : 12 (ср. Втор 10 : 17; 2 Хрон 19 : 17).

³⁸ В библейской книге Иов получает от Бога воздаяние в этой жизни, вера в загробную жизнь нигде не утверждается. Расширение Септугванты 42 : 17 (позднейшая христианская интерполяция с неясной датировкой, см. Reed 2001) предрекает дни, когда «Господь воскресит его (Иова)».

³⁹ Со сравнения Иова с кулачным бойцом начинается повествование о его сражении с дьяволом (ЗИ 6–27), финал которого описан как поединок атлетов.

⁴⁰ Образ атлета важен для Павла, который сравнивает подвиг воздержания ради получения венца нетленного с бегом на ристалище ради венца тленного (1 Кор 9 : 24–25; 2 Тим 4 : 8). Дарование праведным венца чаще относится к эсхатологической перспективе и связано с мученичеством (Иак 1 : 12; 1 Пет 5 : 4; Откр 2 : 10), но иногда происходит и в земной реальности (Иос и Ас 21 : 4). Схожий образный ряд представлен во многих актах христианских мучеников. Образ характерен и для раввинистической литературы: в будущем веке «праведники сидят с венцами на головах, наслаждаясь величием Шехины» (b. Berakhot 17a). Перед смертью первая жена Иова видит своих детей, увенчанных небесной славой (ЗИ 40 : 3). Эта награда может быть дарована по заслугам их отца (ср. Сир 3 : 8; 44 : 13) или получена ими за участие в делах благотворения и мученическую смерть.

⁴¹ Ср. с обетованием, переданным через Ананию Павлу, которому также предрекаются страдания и слава (Деян 9 : 1–19).

⁴² В Иов 37 : 7 Елиуй говорит, что Бог «накладывает печать на руку каждого, чтобы люди знали Его» (это полустигии опущено в LXX Иов). Печать — новозаветный символ избрания Божия (ср. Ин. 3 : 33; 6 : 27; Откр 7 : 3–8; 2 Кор 1 : 22; Еф 1 : 13; 4 : 30). В иудеохристианских «Одах Соломона» (Од Сол 4 : 7–8) печати — атрибут ангелов. В раннехристианской литературе глагол σφραγίζω «накладывать печать» использовали, в частности, в значении «крестить».

встав следующей ночью, взяв с собой пятьдесят слуг, пошел к храму идола и разрушил его до основания⁴³. ³И после я вернулся в свой дом, приказав запретить двери⁴⁴.

Глава 6

¹Послушайте меня, дети, и подивитесь. ²В то время, когда я вернулся в дом мой, я, заперев двери мои, приказал моим привратникам: ³«Если сегодня будут искать меня, не сообщайте мне, но скажите: “Он внутри занят неотложными делами”». ⁴Я был дома, когда сатана, приняв облик нищего⁴⁵, постучался в дверь ⁵и говорит привратнице: «Сообщи Иову: я хочу встретиться с тобой». ⁶И привратница, войдя, говорит мне это. ⁷И услышала от меня (ответ) — объявить, что у меня нет времени.

Глава 7

¹Сатана⁴⁶ же, услышав это, удалился и накинул на плечи лохмотья⁴⁷. Он пришел и сказал привратнице: ²«Скажи Иову, дай мне хлеб из твоих рук, чтобы я поел». ³И я дал служанке горелый хлеб, чтобы дала ему, и сказал ей: ⁴«Дай ему и скажи ему: “Не жди больше, что будешь есть мой хлеб, ибо ты теперь отлучен от меня”⁴⁸». ⁵Служанка же посоветилась дать ему горелый, покрытый золой хлеб, ⁶ибо не знала, что это сатана. Она взяла один из своих хороших хлебов и дала ему. ⁷Он взял его и, поняв, что произошло, сказал служанке: «Пойди, негодная рабыня, принеси тот хлеб, который дали тебе, чтобы дать мне». ⁸И заплакала в большой печали служанка, сказав: «Воистину, ты правильно говоришь, я негодная рабыня; ⁹если бы я не была такой, исполнила бы то, что поручил мне господин мой». И, вернувшись, принесла ему горелый хлеб, говоря ему: «Так сказал господин мой⁴⁹: ¹⁰“Ты больше не будешь есть хлеб мой, потому что я отлучен от тебя”⁵⁰. ¹¹Тем не менее, я даю тебе это, чтобы

⁴³ Важная библейская параллель истории об обращении в истинную веру и разрушении идолов, которым поклонялись прежние поколения, — рассказ о судье Гедеоне (Суд 6). Историю Гедеона сближает с ЗИ ряд сюжетных деталей: Гедеон получает приказ разрушить принадлежащий его отцу жертвенник Ваала и срубить стоящую рядом Ашеру (вероятно, священное дерево), а искоренение этого культа знаменует победу Яхве над другими богами (ср. 3 Цар 18 : 21; Исх 22 : 19). В апокрифе — памятнике эпохи зрелого монотеизма — у истинного Бога не может быть конкурентов, поклонение идолам ассоциируется с попаданием под власть сатаны, над которым праведнику предстоит одержать победу. Примечательная параллель ЗИ содержится в «Апокалипсисе Авраама» (ок. 100 н.э.), включающем мишраш на Быт 15, согласно которому Авраам, познав истинного Бога, разрушает идолов своего отца. Эта легенда многократно повторяется во многих позднейших иудейских и арабских преданиях об Аврааме.

⁴⁴ В 9 главе говорится, что двери дома Иова были всегда открыты для бедных и странников.

⁴⁵ Многие нищие и странники находили приют в доме Иова (9 : 8). В апокрифе сатана постоянно меняет свой облик, превращаясь в нищего (6 : 4), в царя Персии (17 : 2), в продавца хлеба (23 : 1), в вихрь (20 : 5). Мотив перевоплощений сатаны и жены Иова Ситис играет важную роль в тексте (подробнее о параллелях в греко-римском романе, о возможных отсылках к перевоплощениям богов и полубогов см. О'Сонног 2017). Павел предостерегает христиан против лжеапостолов, так как и сатана может принять вид (μετασχηματίζεταί) ангела света (2 Кор 11 : 14). Этот глагол использован и в Зав Рув 5 : 7 — «стражи» принимают вид людей, чтобы вступить в связь с женщинами (интерпретация Быт 6 : 1–4).

⁴⁶ В рукописи V — λονήρος «злодей», так дьявол назван в Мф 6 : 13; 13 : 19.

⁴⁷ Греч. ἄσκαλον — ἡραχ legomenon. По контексту это должно быть нечто, что можно надеть или взять на плечи (некий предмет или одежда, маскирующий сатану под нищего). В рукописи V: ρακκῶδη «лохмотья».

⁴⁸ Эту сцену можно рассматривать как символическое жертвоприношение или как теоксению, где гостем становится дьявол. Просьба о хлебе имеет скрытой целью получить, пусть и нечестным путем, жертвенное приношение. Но Иов разгадывает замысел и предлагает сатане горелый хлеб — знак презрения и отвержения.

⁴⁹ Τάδε λέγει ὁ κύριός μου, «так говорит господин мой» — один из примеров «септуагинтизма» (ср. Исх 4 : 22; 5 : 1 и др.).

⁵⁰ Здесь употреблена форма пассивного залога, выше в 7 : 4 — активного.

никто не упрекнул меня, что я ничего не подаю просящему врагу»⁵¹. ¹²Услышав это, сатана послал ко мне служанку сказать мне: «Как этот хлеб, весь горелый, таким же и тело твоё сделаю»⁵². В течение одного часа я пойду и все у тебя опустошу». ¹³Я ответил ему: «Делай то, что делаешь»⁵³. Твори со мной, что хочешь, я готов выдержать все, что нашьлешь на меня».

Глава 8

¹Когда он (сатана) отошел от меня, то, уйдя в поднебесье, ²взял с Господа клятву, что получит власть над всем, что есть у меня. ³И, получив власть, он пришел и забрал у меня все богатство.

Глава 9⁵⁴

¹Послушайте же меня, я открою вам все, что случилось со мной и чего я лишился. ²У меня было сто тридцать тысяч овец, ³и я отделил от них семь тысяч, чтобы стричь их и одевать сирот, и вдов, и бедных, и немощных, и немощных; была у меня свора из восьмисот собак⁵⁵, стороживших мой дом. ⁴У меня было девять тысяч верблюдов, из которых я выбрал три тысячи, чтобы работали по всем городам. ⁵Навьючив их добром, я послал их в города и селения и повелел: идти и раздавать немощным, и нуждающимся, и всем вдовам. ⁶И было у меня сто сорок тысяч ослов пасущихся, я выбрал из них пять сотен и приказал продавать потомство от них и раздавать бедным и нуждающимся⁵⁶. ⁷И приходили на встречу со мной все из всех земель. Были открыты четыре двери моего дома⁵⁷. ⁸Я велел моим слугам держать их открытыми, чтобы не получилось, что кто-нибудь из просящих милостыню пришел и, увидев меня сидящим у какой-то одной двери, стесняясь, ушел бы и ничего не получил. Но чтобы, увидев меня сидящим у одной двери, они могли зайти через другую и получить, сколько им было нужно.

Глава 10

¹И было у меня в моем доме тридцать столов, неизменно установленных во всякое время специально для странников, ²для вдовиц у меня поставлены были другие

⁵¹ Иов словно отвечает на обвинение Елифаса: «Утомленного (жаждой) не напоил и голодному отказывал в хлебе» (Иов 22 : 7), при этом не цитируя буквально LXX. Ср. с увещанием накормить и напоить просящего врага в Притч 25 : 21 и Рим 12 : 20.

⁵² Соотнесение тела и хлеба, по мнению Раненфюрера (Rahnenführer 1971), имеет параллели с Евхаристией и сценой, когда Христос дает хлеб Иуде, после чего в Иуду входит сатана (Ин 13 : 26–27). Образ горелого хлеба, которому уподобляется тело мученика, приводится в *Mart. Polus*. 15. Не исключена аллюзия на закон книги Левит, предписывающий полное сожжение хлебного приношения священника (Лев 6 : 16).

⁵³ С такими же словами (ὁ ποιῆς ποιήσων) в Ин 13 : 27 Иисус обращается к Иуде.

⁵⁴ Детальный рассказ о благотворении Иова имеет параллели с прославлением этой добродетели в Зав Иссах и Зав Завул и может служить, наряду с прочими, миссионерским целям.

⁵⁵ В описании богатств в Иов 1 : 3 ничего не сказано о своре собак. Возможно, автор отсылает к Иов 30 : 1: «А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, чьих отцов я не согласился бы поместить с псами при стадах моих».

⁵⁶ В стандартных ближневосточных формулах праведный правитель описывается как покровитель вдов и бедняков. В Иов 1 : 3 сказано, что у него было «семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц», после окончания страдания его богатство удвоилось. В апокрифе богатство Иова сказочно преувеличено.

⁵⁷ Четыре двери связаны с четырьмя сторонами света. Текст ЗИ очень близок к Авот де-рабби Натан 7, при этом вывод из общей экзегетической традиции о четырех дверях дома Иова в трактате Авот де-рабби Натан иной: «Да будет дом человека открыт на все стороны, на север, на юг, на восток и на запад, как дом Иова, имевший четыре входа. А почему Иов сделал в доме своем четыре входа? Чтобы бедные не трудились обходить весь дом: кто приходил с севера, входил прямо, кто приходил с юга, входил прямо, и так же с других сторон. Поэтому Иов сделал четыре входа дому своему» (пер. Н. Перферковича). Ср. рассказ об Аврааме в Бер Рабб 30 : 9.

двенадцать столов⁵⁸. ³И если какой-нибудь странник приходил, прося милостыню, он должен был поесть за столом прежде, чем получал то, за чем пришел. ⁴Я никому не позволял уйти от моих дверей с пустыми руками⁵⁹. ⁵Было у меня три тысячи пятьсот упряжек волов, я выбрал из них пятьсот упряжек и предназначил, чтобы они могли пахать на полях всякого, кто их возьмет, ⁶а урожай отдавать для пропитания бедных. ⁷У меня было пятьдесят пекарен, часть которых я назначил для нужд пропитания нищих.

Глава 11

¹Были странники, которые, видя мое рвение, стремились и сами помогать в служении. ²А другие, сами нуждаясь и не имея средств для трат, приходили и просили: «Умоляем тебя, мы можем совершать это служение, но у нас ничего нет. ³Сделай милость, одолжи нам золота, чтобы мы уехали торговать в дальние города и могли бы совершать служение бедным, ⁴а после вернули бы тебе твое». ⁵И, слушая это, я радовался, что они получают от меня все, что нужно для служения нищим. ⁶И, получая расписку, я охотно давал им, сколько они хотели, ⁷не получая от них никакого иного залога, а только делая запись⁶⁰. ⁸И таким образом они торговали на мои средства. ⁹Бывало так, что они преуспевали в торговле и помогали нищим. ¹⁰А иногда случалось, что бывали ограблены и возвращались, и просили меня: «Умоляем тебя, будь долготерпелив к нам, давай посмотрим, как можем возвратить тебе⁶¹». ¹¹И я тотчас приносил им расписку и читал и, возлагая венец отпущения⁶², говорил: «Сколько бы я ни вверил вам для нужд бедных, я ничего с вас не возьму». ¹²Я ничего не брал от моего должника.

Глава 12

¹Бывало, приходил ко мне человек с радушным сердцем и говорил⁶³: «Мне тоже нечем помочь бедным, но все же я хотел бы служить бедным за твоим столом сегодня». ²Он, получив согласие, прислуживал и сам ел. С наступлением вечера, когда он отправлялся в свой дом, я убеждал его взять (награду) от меня со словами: ³«Я знаю, что ты работник, который чает и ждет вознаграждения. Ты должен его принять». ⁴И я не позволял, чтобы плата наемника⁶⁴ оставалась у меня в моем доме.

⁵⁸ Ср. увещевание к благотворению в Тов 4 : 7–17 и Деян 6 : 1–2.

⁵⁹ Букв. с пустой пазухой. Практически дословное повторение LXX Иов 31 : 34: εἰ δὲ καὶ εἴασα ἄδύνατον ἐξελεῖν θύραν μου κόλῳ κενῷ, «Позволял ли я немощному выходить из моих дверей с пустой пазухой?».

⁶⁰ Здесь автор будто вновь опровергает то, в чем обвинял Иова Елифас: «Верно, ты брал залоги от братьев твоих ни за что и с полунагих снимал одежду» (Иов 22 : 6).

⁶¹ Эта фраза (Δεόμεθά σου, μακροθύμησαν ἐφ' ἡμᾶς ἵδωμεν πῶς ἀποκαταστήσῃ σοι δυνάμεθα) почти буквально повторяет слова немилосердного должника в притче Мф 18 : 26 (μακροθύμησον ἐπ' ἐμοί, καὶ πάντα ἀποδώσω σοι, «будь долготерпелив ко мне, и все воздам тебе»).

⁶² В оригинальном тексте Иов 31 : 35–37 готов возложить на себя как венец запись своей вины перед Богом, которую Иов отрицает. Перевод LXX туманный: ³⁵χεῖρα δὲ κυρίου εἰ μὴ ἐδεδόκειν συγγραφὴν δέ ἦν εἶχον κατὰ τινος ³⁶ἐπ' ὧμοις ἂν περιθέμενος στέφανον ἀνεγίνωσκον ³⁷καὶ εἰ μὴ ῥήξας αὐτὴν ἀπὸ δόκα οὐθὲν λαβὼν παρὰ χρεοφειλέτου, «если бы я не боялся руки Господа, написание (вины или долга) против кого-то, возложил бы на плечи как венец, читал бы. Если бы я, разорвав, не отдавал его, ничего не получая с должника». Вероятно, ЗИ объясняет эти стихи, связывая их с неким «венцом отпущения» (у слова ἀφάιρεσις есть специфическое юридическое значение «давать волю», «освобождать» (о рабах)). В рукописи V выражение «венец отпущения» опущено и добавлено «(читал) перед ними и разрывал расписку, освобождая их от долгов» (обыгран стих LXX Иов 31 : 37).

⁶³ Ср. LXX Притч 22 : 9 («человека веселого (ἱλαρόν) и щедрого любит Бог и недостаток дел его восполнит») и 2 Кор 9 : 7 («каждый пусть дает, как он решил в сердце, не с огорчением или не по принуждению; ибо радостно (ἱλαρόν) дающего любит Бог»).

⁶⁴ По законам Торы бедняк должен получить свой заработок до захода солнца (Втор 24 : 15). Ср. Лев 19 : 13b LXX (οὐ μὴ κοιμηθῇσεται ὁ μισθὸς τοῦ μισθοῦ τοῦ παρὰ σοὶ ἕως πρωῒ, «плата

Глава 13

¹Роптали доящие моих коров, когда молоко растекалось по горам, и масло разливалось на моих дорогах⁶⁵, ²и скот во множестве ложился в горах и скалах с приплодом. ³Поэтому горы омывались молоком и становились словно сбитое масло. ⁴И рабы мои, варившие еду для вдов, изнемогали и, пренебрегая бедными, ⁵проклинали меня со словами: «Кто бы дал нам насытиться от его мяса?» ⁶Очень уж я был добр⁶⁶.

Глава 14

¹У меня было шесть арф⁶⁷ и десятиструнная кифара. ²Каждый день, когда вдовы заканчивали трапезу, я поднимался и брал кифару и играл им, а они пели. ³Игрой на псалтерии я напоминал им о Боге, чтобы они прославляли Господа. ⁴И если когда-нибудь мои служанки роптали, я вновь брал псалтерий и пел о награде воздаяния, ⁵и останавливал их пренебрежительный ропот.

Глава 15

¹Каждый день после служения мои дети брали⁶⁸ свою еду ²и шли к старшему брату, чтобы обедать с ним, ³взяв с собой трех своих сестер. Все обязанности исполняли служанки, ⁴поскольку мои сыновья возлежали за столом с рабами-мужчинами, участвовавшими в служении⁶⁹. Я же, встав рано утром, приносил за них жертву по их числу, триста голубей, пятьдесят козлят и двенадцать овец. ⁵Все, что оставалось после жертвоприношения, я приказывал приготовить для бедных и говорил им: «Возьмите оставшееся после жертвоприношения и помолитесь о детях моих!» ⁶Только бы мои дети не грешили против Господа, хвастаясь и говоря с презрением: ⁷«Мы дети этого богатого человека, эти богатства наши. ⁸Почему мы должны служить?» Гордыня⁷⁰ есть мерзость перед Богом. ⁹И снова я приносил отборного тельца на жертвенник Бога, чтобы сыновья мои не замыслили злое⁷¹ против Бога в своих сердцах.

Глава 16

¹Я делал так на протяжении семи лет после того, как ангел открыл мне (все). ²Тогда наконец, после того как сатана получил власть, он безжалостно сошел ³и сжег

наемного работника пусть не остается у тебя до утра») и Тов 4 : 14 (μισθὸς παντὸς ἀνθρώπου, δὲ ἐν ἐργασίᾳ, παρὰ σοὶ μὴ αὐλοθήτω, «плата всякого работающего человека пусть не проведет у тебя ночи»).

⁶⁵ Аллюзия на LXX Иова 29 : 6: ἐχέοντό μου αἱ ὁδοὶ βοῦτύρην τὰ δὲ ὄρη μου ἐχέοντο γάλακτι, «пути мои обливались маслом, а горы мои источали молоко». Используя традиционные для ВЗ символы изобилия (ср. Иоиль 4 : 18; Ис 7 : 22), автор рисует сказочную картину, в которой и природа становится частью богатств Иова.

⁶⁶ Автор почти дословно цитирует LXX Иов 31 : 31: εἰ δὲ καὶ πολλὰκις εἶπον αἱ θεράπαιναι μου· τίς ἄν δόξῃ ἡμῖν τῶν σαρκῶν αὐτοῦ πλησθῆναι; λίαν μου χρηστοῦ ὄντος, «не говорили ли часто служанки мои: “Кто бы дал нам насытиться от его мяса”, — очень уж я был добр». Еврейская идиома *šābaʿ mibbāšār* (букв. «съесть чье-то мясо») в значении «поиздеваться над кем-то», «причинить кому-то ущерб» (ср. араб. *ʔākal k̄araṣ*, Дан 3 : 8; 6 : 25) в 3И воспринята буквально.

⁶⁷ В кумранском гимне 11QPs 27 : 2—11 сказано о четырех арфах Давида, которые поют для больных и раненых.

⁶⁸ В LXX сыновья Иова также пируют ежедневно, в оригинальном тексте они встречаются «в свои дни», т.е. по каким-то особым поводам (Иов 1 : 4).

⁶⁹ Греческий текст довольно темный. Если понимать это место как указание на то, что сыновья Иова совершали трапезы совместно со своими рабами, не используя их как прислугу, то такой обyczaj, согласно Филону, существовал в общине терапевтов (Phil. *De vita cont.* 71).

⁷⁰ Главная добродетель, которая восхваляется в апокрифе, — ὑπομονή «терпение» (см. прим. 22), основными пороками названы ὑπερφανία «гордыня» (15 : 8), ὀλιγωρία «пренебрежение (долгом)» (20 : 1) и ἀλαξονεία «заносчивость» (21 : 3). Ср. Тов 4 : 13: ἐν τῇ ὑπερηφανίᾳ ἀπώλεια καὶ ἀκαταστασία πολλή, «гордыня (приводит) к гибели и совершенному смятению»; ἀρχὴ ὑπερηφανίας ἀμαρτία καὶ ὁ κρατὼν αὐτῆς ἐξομбрήσει βδέλυγμα, «гордыня — начало греха, обладающий ею изрыгает мерзость» (Сир 10 : 13).

⁷¹ Ср. Иов 1 : 5.

семь тысяч овец, предназначенных для одевания вдов, и три тысячи верблюдов, и пятьсот ослов, и пятьсот упряжек волов⁷². ⁴Все это он сам уничтожил, ибо получил власть надо мной. ⁵А остаток скота моего захватили мои сограждане, ⁶некогда облагодетельствованные мною, ныне же восстающие на меня и отнимающие последние мои стада. ⁷И сообщили мне о гибели моего имущества, а я восхвалял Бога и не произносил хулы⁷³.

Глава 17

¹Тогда дьявол, узнав мое сердце, умыслил против меня зло и, ²превратившись в царя персов⁷⁴, явился в мой город, собрав всех находившихся в нем злодеев, ³и сказал им с угрозой: «Вот он — Иовав, растративший все блага земли и ничего не сохранивший, все раздавший нуждающимся и слепым, и хромым, ⁴и храм великого бога разрушивший, и место возлияния уничтоживший. Я воздам ему за то, что он сделал против дома божьего. Так соберитесь и отнимите весь его скот и все, чем он владеет на земле». ⁵В ответ они сказали ему: «У него есть семь сыновей и три дочери. Как бы они не убежали в другие земли и не обвинили бы нас в узурпаторстве, и в конце, восстав, не убили бы нас». ⁶И он сказал им: «Не бойтесь ничего. Большую часть его стад я уже погубил в огне, часть захватил, а теперь и детей его истреблю».

Глава 18

¹Сказав это, он отошел от них и обрушил дом на детей моих и погубил их⁷⁵. ²И сограждане, увидев, что сказанное действительно сбылось, напав, прогнали меня и разграбили все, что было в моем доме. ³И глаза мои видели за столами моими и на ложах мужей ничтожных и презренных. ⁴И я не мог произнести ни звука. Я сделался изнуренным, подобно женщине, чье чрево истомилось от обилия родовых мучений⁷⁶. ⁵Вспомнив же о борьбе, предсказанной мне от Господа ангелом Его, и о хвалебных песнях⁷⁷, о которых мне возвестили, ⁶я стал как тот, кто желает попасть в некий город, чтобы увидеть богатства его и разделить славу его. ⁷И словно тот, кто, перевоза на морском корабле груз и находясь в открытом море, увидел третий вал⁷⁸

⁷² В библейской книге имущество Иова сжигает не лично сатана, но огонь, павший с неба (LXX Иов 1 : 16), или огонь Божий, павший с неба (Иов 1 : 16).

⁷³ Ср. LXX Иов 1 : 22: ἐν τοῦτοις πᾶσιν τοῖς συμβεβηκόσιν αὐτῷ οὐδὲν ἥμαρτεν ἰωβ ἐναντίον τοῦ κυρίου καὶ οὐκ ἔδωκεν ἀφροσύνην τῷ θεῷ. «Иов ни в чем, что случилось, не согрешил перед Господом, Иов и не сделал безумия Богу».

⁷⁴ В главе 28 Иов назван царствующим над Египтом, и дьявол принимает вид равного ему — царя персов, традиционных врагов египтян. Предположение о связи этого эпизода с завоеванием Палестины парфянским царем Пакором I в 40 г. (Delcor 1968, 72) неубедительно. Шпиттер предположил, что образ персидского царя в память о Кире (1 Езд 1 : 2–7) мог восприниматься положительно и дополнительно вводить окружающих в заблуждение (Spitter 1983, 846).

⁷⁵ В Иов 1 : 19 МТ дети Иова погибают от урагана: «И тогда налетел сильный ветер (*rûah*) из пустыни и коснулся (*wayyiggaʿ*) четырех опор дома, и упал (дом) на детей, и они погибли». Однако форма муж. р. *wayyiggaʿ* не согласуется с *rûah* (жен. р.), для нее часто предлагают эмендацию *wattiggaʿ*. В Иов 1 : 11 глагол *nāgaʿ* употребляет сатана, призывающий Бога погубить Иова: «Прости руку Твою и коснись (*gaʿ*) всего, что у него». По мнению Сеу (Seow 2013, 280–281), в Иов 1 : 19 в качестве субъекта действия подразумевается сатана, а двусмысленность текста привела к трактовке, предложенной в ЗИ. В талмудической литературе есть упоминание, что этот бурный ветер — один из трех мировых (*kwsmykwn*, от κοσμικός) ураганов, каждый из которых был создан лишь для одной цели (Kohler 1897, 277). Интересно отметить, что в иконографии византийских рукописей именно сатана, касаясь, убивает детей Иова (Papadaki-Oekland 2009, 109–110, 307).

⁷⁶ Тот же образ в разных контекстах используется в Иер 30 : 6 (LXX 37 : 6), Ис 26 : 17 и 1 Фес 5 : 3.

⁷⁷ Букв. «энкомиях» (ἐγκωμίων), в античном мире эти «хвалебные песни» посвящались победителям, богам и героям.

⁷⁸ Самый сильный и опасный вал, подобно русскому «девятому валу» и латинскому *fluctus decumanus*.

и противоборство ветров и бросил груз в море со словами: «Пусть я потеряю все, только бы добраться до этого города, чтобы унаследовать то, что лучше груза и корабля⁷⁹». ⁸Так и я понял, что все мое имущество ничто в сравнении с тем городом, о котором рассказал мне ангел⁸⁰.

Глава 19

¹Когда же явился последний вестник⁸¹ и возвестил мне о гибели моих детей, я был приведен в великое смятение, ²и я разорвал свои одежды⁸², сказав сообщившему мне: «Как же ты-то спасся?» ³И тогда, поняв, что случилось, я возопил: ⁴«Господь дал, Господь взял; как Господь рассудил, так и случилось. Да будет имя Господне благословенно».

Глава 20

¹Когда все мое имущество было уничтожено, сатана понял, что не может склонить меня к пренебрежению долгом. ²И, отойдя, он попросил у Господа мое тело, чтобы истязать его. ³И тогда Господь предал меня в руки его, чтобы он распорядился моим телом, как хотел, но не дал ему власти над душой моей⁸³. ⁴И он пришел ко мне, сидящему на престоле и оплакивающему гибель детей моих. ⁵И сделался подобным сильному вихрю⁸⁴ и опрокинул мой престол, и сделал так, что я три часа не мог выбраться из-под престола. ⁶И жестоко изранил меня с ног до головы⁸⁵. ⁷И я в великом смятении и тревоге вышел из города⁸⁶ и сел на гноище⁸⁷. ⁸И тело мое было изъедено червями⁸⁸, и земля промокла от крови и гноя. Много червей было на теле моем и, ⁹если червяк падал, я поднимал и возвращал его на место, говоря: «Оставайся на том же месте, где ты был положен, пока повелевающий тобою не прикажет тебе⁸⁹».

⁷⁹ Примечательно, что эти три образа — города, корабля и женщины в родовых муках — встречаются в Кумранских гимнах благодарения: [hwš]šth npš[y ky? lhrph wkl]s yhšwbwny wyšymw npš[y] k2wnyh bmswlwt ym wkšyr mbsr mlpny [šr] w2hyh bšwqh kmw ʔšt ldh mbkryh ky? nhpkw šyym, «[ты спас] душу мою, они же [позором и посмешищем] считали меня и сделали душу [мою] подобной кораблю в пучине моря и городу, укрепленному перед нашествием врага. Я был в мучении подобно жене, рождающей первенцев, поскольку подступили схватки» (1QH XI : 7–8).

⁸⁰ Упоминание об обетованном городе схоже с обетованием Аврааму (Евр 11 : 8–16). Подобные образы встречаются в 4 Макк 7 : 1–4; Фил 3 : 20; Еф 2 : 19; Откр 21 : 2 и позднейшей аскетической литературе.

⁸¹ В LXX книге Иова говорится о четырех вестниках.

⁸² Способ выражения скорби, который впоследствии повторяют цари, увидев Иова на гноище (ср. Иов 1 : 20).

⁸³ В LXX Иов 2 : 6 Бог приказывает сатане «сохранить его душу (жизнь)» (τὴν ψυχὴν αὐτοῦ διαφυλάξον).

⁸⁴ Можно предположить, что это превращение сатаны в ветер имеет связь со словами Иов 9 : 17, где Иов говорит о Боге, «который в вихре охватил» его и «безвинно умножает его раны». Эти слова, обращенные Иовом к Богу, в раввинистической литературе понимаются как обращенные к сатане, который таким способом поражает праведника язвами (Kohler 1897, 277).

⁸⁵ В рукописях V и S добавлено, что дьявол поразил Иова язвами «от макушки до ногтей ног» (ἀπὸ κορυφῆς ἕως ὀνύχων τῶν ποδῶν).

⁸⁶ Ср. Евр 13 : 11–14, где Страстям Иисуса вне стен города придается особый символический смысл.

⁸⁷ Ср. Иов 2 : 8.

⁸⁸ Поражение червями как проявление страшной болезни описано Геродотом (Hdt. IV. 205), Лукианом (Luc. Alex. 59), в 2 Макк 9 : 9 и Деян 12 : 23.

⁸⁹ Та же сцена описана в дополнении В к трактату Авот де-рабби Натан 7 (Schechter 1945, 164): «С него (Иова) сходили черви, и черви делали отверстия в теле его, так что черви ссорились между собой. Что делал Иов? Он брал каждого червя и клал его в отверстие. Он сказал им: тело мое, а вы заводите ссоры из-за него» (пер. Н. Перферковича). Этот рассказ, дополненный и другими подробностями ЗИ, приводит в качестве образца терпения Тертуллиан (Tert. De pat. 14 : 5).

Глава 21

¹Сорок восемь лет я, израненный, жил на гноище вне города и видел своими глазами, ²о дети мои, как моя первая жена, как служанка, носила воду в дом какого-то важного человека, чтобы получить хлеб и принести мне. ³И я, опечаленный, говорил: «Что за заносчивость правителей этого города! Почему они обращаются с моей женой, как с рабыней?» ⁴Но потом я вновь возвращался к благоразумному долготерпению.

Глава 22

¹А через одиннадцать лет даже хлеба ее лишили, чтобы она не могла приносить мне, едва позволяли ей (иметь) собственную пищу. ²И она, получая (ее), делила и для себя, и для меня, говоря с болью: «Увы мне, сейчас нет хлеба, чтобы насытиться». ³И она не гнушалась выходить на рынок и просить хлеб у людей, чтобы принести мне, чтобы я ел.

Глава 23

¹Сатана, узнав это, принял образ⁹⁰ продавца⁹¹. ²Так случилось, что моя жена подошла к нему и попросила хлеба, думая, что это человек. ³И сатана сказал ей: «Заплати и бери, что хочешь». ⁴Она ответила ему: «Откуда у меня деньги? Разве ты не знаешь, какая беда с нами случилась?» ⁵Если ты милостив, то прояви милость, а нет, то смотри сам⁹²! ⁶И он отвечал ей: «Если бы вы не заслужили эти несчастья, вы бы не получили их⁹³. ⁷Ныне же, если в твоих руках нет денег, отдай взамен волосы с головы твоей⁹⁴ и возьми три хлеба, может, вы сможете прожить еще дня три». ⁸Тогда она сказала себе: «Что мне волосы на голове, когда мой муж голодает?» ⁹И, поступившись волосами, сказала ему: «Вставай, забирай». ¹⁰Тогда, взяв ножницы, он состриг волосы с ее головы и дал ей три хлеба, на виду у всех. ¹¹Она же, взяв, пришла и принесла мне. И сатана следовал за ней по дороге, двигаясь украдкой, и вводил в заблуждение ее сердце.

Глава 24

¹И когда подошла ко мне моя жена, она, восклицая и рыдая, говорит: «Иов, Иов, доколе будешь сидеть на гноище за городом, думая, что осталось еще немного, ожидая и надеясь на спасение?» ²А я, как скиталица и служанка, хожу от места к месту. Вот и память о тебе исчезла с земли — сыновья мои и дочери чрева моего, которых я напрасно рожала в муках. ³Сам ты сидишь на гноище червей, проводя ночи под открытым небом. ⁴А я, несчастная, работаю днем и страдаю ночью, чтобы, заработав на хлеб, принести его тебе. ⁵Я ведь уже и свою пищу почти не получаю, но делю ее между мной и тобой, ⁶рассуждая в сердце своем: “Неужели мало того, что ты муки претерпеваешь, но ты еще и хлеба не можешь поесть досыта?” ⁷Поэтому я осмелилась, отбросив стыд, отправиться на рынок. ⁸[И когда торговец хлебом сказал мне:]⁹⁵ “Плати и бери”, — ⁹тогда открыла ему нашу нужду и услышала от него: “Если у тебя нет денег, женщина, отдай волосы со своей головы и возьми три хлеба. Может, проживете еще дня три”. ¹⁰И я в отчаянии сказала ему: “Вставай, остриги меня”. И тогда

⁹⁰ Злоумышляя против Иова, сатана вновь не обращается к нему прямо, но через его жену, как прежде через служанку (ЗИ 6).

⁹¹ В рукописях V и S — в продавца хлеба (ἀρτοπράτην).

⁹² Ср. Мф 27 : 4; Деян 18 : 15.

⁹³ Сатана отстаивает действие той модели воздаяния, которую в библейской книге защищают друзья Иова и опровергает сам Иов. Ср. слова Елифаса в Иов 4 : 7: «Вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы?».

⁹⁴ Острижение волос — известный символ позора (Aristoph. *Thesm.* 837) или траура (Apul. *Metam.* VII. 6. 3). По свидетельству Тацита, германцы остригали женам волосы в наказание за прелюбодеяние (Тас. *Germ.* 19). Для Павластрижение волос — позор для женщины (1 Кор 11 : 6, ср. Ис 3 : 17).

⁹⁵ Текст восстановлен по рукописи V.

он, встав, ножницами с позором состриг мои волосы на рынке, на глазах удивленной толпы.

Глава 25⁹⁶

¹Кто не изумится, что это та самая Ситида, жена Иова, ²у которой было четырнадцать завес, загораживающих ее покои, и надо было пройти дверь за дверью, прежде чем приходящий удостоивался попасть к ней; ³ныне она обменивает⁹⁷ волосы свои на хлеб.

⁴Та, чьи верблюды, нагруженные добром, развозили его бедным в разные земли, ныне отдает за хлеб свои волосы.

⁵Вот та, у которой в доме стояло семь столов, за которыми ели бедняки и все странники, ныне продает волосы за хлеб.

⁶Гляди: та, у которой были золотые и серебряные тазы для омовения ног, ныне босая идет по земле и волосы обменивает на хлеб.

⁷Смотри, это та, которая имела одежды, тканые из виссона с золотом, а ныне она носит висящие лохмотья и обменивает волосы на хлеб.

⁸Гляди: та, у которой были золотые и серебряные ложа, ныне продает волосы за хлеб.

⁹Попросту же, Иов, Иов, довольно уже сказано, и скажу тебе кратко: ¹⁰от немощи сердца⁹⁸ моего сокрушаются кости мои. Поднимись, возьми хлеб, поешь и скажи слово к Господу и умри⁹⁹. И больше не буду скорбеть о страдании твоего тела».

Глава 26

¹И ответил я ей: «Вот я семнадцать¹⁰⁰ лет пребываю в муках, терпя червей на моем теле, ²и моя душа не так отягощена этими страданиями, как теми словами, которые ты произнесла: “Скажи слово к Господу и умри”. ³И я терплю это, и ты терпишь гибель наших детей и имущества, и ты желаешь, чтобы мы сказали нечто к Господу и стали отлучены от великого богатства? ⁴Почему ты не вспомнила о тех великих благах, которым мы были причастны? Если же те блага мы приняли из рук Господа, неужели несчастья теперь не выдержим? ⁵Так будем же долготерпеливы, пока Господь, сжалившись, не смилует над нами. ⁶Разве ты не видишь дьявола, стоящего позади тебя и смущающего мысли твои, чтобы ты и меня ввела в соблазн¹⁰¹? Он хочет, чтобы ты уподобилась одной из неразумных жен, сбивших своих мужей с праведного пути¹⁰²».

⁹⁶ В гимне Ситиды обнаруживаются явные параллели с описанием благотворительности Иова в главах 9–15 и плачем Елифаса в 32 главе. Риторические формулы обнаруживают примечательную близость гимну «О Пасхе» Мелитона Сардийского и позднейшим литургическим текстам Страстного цикла.

⁹⁷ Для описания обмена Ситидой волос на хлеба автор использует разнообразные глаголы: обменивать (καταλλάσσω, ἀντικαταλλάσσομαι), отдавать (δίδωμι), продавать (πυλάσκω, καταπυλάσκω).

⁹⁸ В Зав Иуд 19 : 4 его ἀσθενεία «болезнь, немощь» — следствие нападения дьявола, «владыки обмана» (ср. Лк 8 : 2; 13 : 11–12), и в этом контексте означает скорее греховность (ср. ἀσθενῶν в паре с ἀσθενῆσας τῇ πίστει «не ослабев верой» в павловом мидраше об Аврааме (Рим 4 : 19) и выражение ἀσθενεία τῆς σαρκὸς «немощь плоти» (Рим 6 : 19; Гал 4 : 13)).

⁹⁹ Выражение εἰπὼν τὸ ῥῆμα πρὸς κύριον «скажи слово ко Господу» употреблено в LXX Иов 2 : 9, оно передает евр. *bārek ʾēlōhīm* (букв. «благослови Бога») — эвфемизм для проклятия (ср. Иов 1 : 5; 3 Цар 21 : 10).

¹⁰⁰ В рукописи V — семь лет.

¹⁰¹ Ср. слова Христа прекословящему ему Петру: «отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Мк 8 : 33).

¹⁰² Букв. ἀπλότης «простота». Этим термином в ряде раннехристианских памятников (Рим 12 : 8; 2 Кор 1 : 12; Еф 6 : 5; Варн 8 : 2; Ерм 3 : 2 и др.) обозначается цельность и правильное устремление сердца. Автор апокрифа дополняет слова ὡς περ μία τῶν ἀφρόνων γυναικῶν,

Глава 27

¹И вот, я обратился к сатане, который был позади моей жены: «Выйди вперед, хватит прятаться! Разве лев показывает силу в железной клетке? Разве взлетает птица, попавшая в силки? Выйди, сразись со мной!» ²Тогда он вышел из-за жены моей и, встав, плакал, говоря: «Смотри, Иов, я сдаюсь и отступаю¹⁰³ от тебя, хотя ты и телесен¹⁰⁴, а я дух. Ты покрыт ранами, я — в великом смятении¹⁰⁵. ³Ведь ты стал подобен атлету, сражающемуся с другим атлетом, и один другого повергает. И тот, кто сверху, затыкает лежащему рот, забивая его песком¹⁰⁶, ⁴и все члены сокрушает тому, кто снизу него. Но поскольку тот превосходит его стойкостью¹⁰⁷ и не сдается, то находящийся наверху в конце концов громко кричит. ⁵Так и ты, Иов, находился внизу и был покрыт ранами, но победил меня в борьбе, на которую я тебя вызвал». ⁶Тогда сатана был посрамлен и отступил от меня на три года. ⁷Ныне же, дети мои, будьте и вы долготерпеливы ко всему, что случится с вами, так как долготерпение превосходит все¹⁰⁸.

Глава 28

¹И когда я уже двадцать лет страдал от ран, ²цари, услышав о случившемся со мною, поднялись и пришли ко мне каждый из своей земли, чтобы посетить и ободрить меня¹⁰⁹. ³Когда же они приблизились, придя издалека, то не узнали меня. Они закричали и зарыдали, и, разорвав свои одежды и посыпав себя землей¹¹⁰, ⁴сидели рядом со мной семь дней и семь ночей. И никто из них не сказал мне ни слова. ⁵И они пребывали рядом со мной и молчали не из-за долготерпения¹¹¹, а потому что знали меня прежде этих бед, обладавшего многими богатствами. Когда я начинал показывать им драгоценные камни¹¹², они восхищались и, хлопая в ладоши, гово-

«подобно одной из неразумных жен» (LXX Иов 2 : 10), определяя этих жен как τῶν πλανησάντων τῶν ἑαυτῶν ἀνδρῶν τὴν ἀλλόττητα, «введших в заблуждение простоту своих мужей». М. Филоненко связывал это дополнение с мизогинией ессеев.

¹⁰³ Глагол ἀναχωρέω «отступать» (ср. ЗИ 5 : 3 и 34 : 3) относится к военной лексике, которую часто использует автор ЗИ.

¹⁰⁴ В корпусе павловых посланий неоднократно (Рим 7 : 14; 7 : 16) употребляется термин σάρκινος «телесный» применительно к несовершенной человеческой природе, противопоставляемой духовному (πνευματικός) идеалу.

¹⁰⁵ Глагол ὀχλέω «быть в смятении, мучиться» в Деян 5 : 16 употреблен по отношению к тому, кто одержим злым духом. В ЗИ сам злой дух приходит в такое смятение, побежденный Иовом.

¹⁰⁶ Описание поединков атлетов, которые часто проходили на площадке, посыпанной песком, приводит и Лукиан (Лис. *Anach.* 3): атлеты посыпают себя песком, «как петухи, для того чтобы труднее было вырываться из рук, так как песок, по-видимому, делает тело менее скользким и дает возможность прочнее ухватиться за сухое тело» (пер. Д.Н. Сергеевского). Образный ряд этого эпизода будто сближает его с мученическими актами, документирующими подвиг на арене, где мученики претерпевают физические мучения и одерживают духовную победу.

¹⁰⁷ Термин καρτερία «выдержка, стойкость» в LXX употребляется только в 4 Макк. Филон определяет этим словом важнейшую для стоиков добродетель противостояния желаниям и страстям, также сравнивая это противостояние с поединком. Именно с помощью καρτερία стоику следует избегать ἡδονή, «удовольствия» (Naas 1989, 126).

¹⁰⁸ Ср. Зав Иосиф 2 : 7: ὅτι μέγα φάρμακόν ἐστίν ἡ μακροθυμία, «ибо великое лекарство долготерпение». О бессилии врачей и обычных лекарств сказано в ЗИ 38 : 7–8 (ср. Тов 2 : 10). Призывом к долготерпению (призыв к какой-то определенной добродетели — характерная черта «завещаний») завершается первая часть апокрифа, повествующая о противоборстве Иова и сатаны.

¹⁰⁹ Вольная цитата LXX Иов 2 : 11–13.

¹¹⁰ Ср. Иуд 9 : 1; 2 Макк 10 : 25 и Откр 18 : 19.

¹¹¹ Неспособность царей терпеть, сдерживаться (οὐχὶ μακροθυμοῦντες) противопоставлена терпению Иова.

¹¹² Ср. LXX Иов 31 : 24: «Полагал ли я силу свою в золоте, или надеялся я на драгоценные камни?» Собираание драгоценных камней (δακτυλιοθήκη) было распространено в античном мире. По свидетельству Феофраста (Theophr. *De lap.* 24), оно было обычаем египетских царей.

рили: «Если собрать все богатства наших трех царств вместе, то они не сравняются с камнями славного царства твоего». ⁶Ведь я был самым знатным среди всех на Востоке¹¹³. ⁷Когда они пришли в Авситиду и спрашивали в городе: «Где Иовав, который царствует надо всем Египтом^{114?}», — им сказали обо мне: ⁸«Он сидит на гноище вне города. Вот уже двадцать лет, как он не входит в город». ⁹Они спросили о моем имуществе, и им сказали то, что случилось со мной.

Глава 29

¹И, услышав это, они вышли из города вместе с горожанами. ²И мои горожане показали меня им. Они же возражали, говоря: «Это не Иовав». ³Когда они окружили меня, Елифас, царь Феманский¹¹⁵, повернувшись ко мне, сказал: «Ты ли Иовав, царь, один из нас?» ⁴Я же, возрыдав, посыпал голову землей и, кивая головой, сказал им: «Это я».

Глава 30

¹Увидев меня, кивавшего головой, они пали на землю¹¹⁶, лишившись сил. ²И их войска пришли в смятение, когда увидели трех царей, три часа распростертых на земле, словно мертвые. ³Потом, встав, они говорили между собой: «Это он». ⁴Следующие семь дней они сидели, рассуждая обо мне, размышляя о моих стадах и о том, чем владел я, говоря: ⁵«Разве мы не знали о множестве богатств, которые он посылал в деревни и в окрестные города, чтобы раздавать бедным, не считая того, что раздавали¹¹⁷ в его доме? Как же ныне он стал подобен мертвецу?»

Глава 31

¹После того, как они семь дней так рассуждали, случилось, что Елиус¹¹⁸ сказал другим царям: «Давайте подойдем к нему и основательно расспросим его, действительно ли это он или нет». ²Они же, находясь от меня на расстоянии около половины стадия¹¹⁹ из-за зловония тела моего, встали и подошли ко мне, держа в руках благовония. ³При этом рядом с ними были их воины, расставившие вокруг меня курящийся фимиам, чтобы цари могли подойти ко мне. ⁴И в течение трех дней они приносили новый фимиам. ⁵И когда они оказались вблизи меня, Елиус сказал мне: «Ты ли Иовав, царь, один из нас? Ты ли тот, кто прежде имел великую славу? Ты ли тот, кто подобен солнцу, днем по всей земле светящему? Ты ли тот, кто подобен

Об этом пишет и Плиний Старший (Plin. Hist. 37. V. 11), называя имя первого римского собирателя — Скавра, пасынка Суллы.

¹¹³Отсылка к LXX Иов 1 : 3, где Иов назван самым знатным на Востоке (ἄφ' ἡλίου ἀνατολῶν).

¹¹⁴В рукописи V добавлено: «который царствует надо всем Египтом и над всей Авсидией». Представление Иова правителем Египта — один из аргументов в пользу египетского происхождения апокрифа. В средневековой еврейской легенде Иов — один из трех советников фараона, который промолчал и не возразил против истребления первенцев и за это был подвергнут страданиям (Ginzberg 1925, 382).

¹¹⁵В отличие от библейской книги, в которой определена родина трех из четырех друзей, пришедших к Иову, апокриф говорит лишь об Елифасе как о царе Феманском. Феман в Библии — страна мудрецов (Иер 49 : 7; Авд 8—9).

¹¹⁶Когда воины приходят взять Иисуса под стражу, Иисус подтверждает, что он тот, кого они ищут, произнося слова ἔγώ εἰμι, «это я» (в этой формуле иногда предполагают отсылку к божественному тетраграмматону), и тогда воины падают на землю (Ин 18 : 6).

¹¹⁷Текст реконструирован по рукописи V.

¹¹⁸Во всех греческих рукописях — Елиус (Ἐλιοῦς). Однако, скорее всего, по замыслу автора первым, как и в библейской книге, с Иовом должен заговорить Елифас. П. Рисслер предположил, что имя Елиус, речь которого прозвучит лишь в 41 главе, появилось здесь из-за ошибки писца или переводчика. В коптской версии в главах 31—34 фигурирует Елифас.

¹¹⁹Около 100 м.

луне и звездам, светящим в полночь?» ⁶И я сказал ему: «Это я». ⁷И тогда он, громко зарыдав, запел царский плач, ⁸который подхватили и другие цари и их войска¹²⁰.

Глава 32

¹Послушайте же плач Елиуса, возглашающего всем¹²¹ о богатствах Иова¹²²:

²«Ты ли тот, кто определил семь тысяч овец на одежду нищим?

Где же теперь слава престола твоего?

Ты ли тот, кто определил три тысячи верблюдов, чтобы доставлять добро бедным?

Где же теперь слава престола твоего?

³Ты ли тот, кто определил тысячу быков для пахоты бедным?

Где же теперь слава престола твоего?

⁴Ты ли тот, у кого были золотые кровати, а ныне сидишь на гноище¹²³?

Где же теперь слава престола твоего?

⁵Ты ли тот, у кого был престол из драгоценных камней, а ныне сидишь во прахе?

Где же теперь слава престола твоего?

⁶Ибо кто подобен тебе среди детей твоих? Ведь ты был цветущим, как ветвь благоухающей яблони?

Где же теперь слава престола твоего?

⁷Ты ли тот, кто установил шестьдесят¹²⁴ столов, предназначенных для нищих?

Где же теперь слава престола твоего?

⁸Ты ли тот, у кого была кадильница с благовониями для собрания, ныне же пребываешь в зловонии?

Где же теперь слава престола твоего?

⁹Ты ли тот, у кого были золотые светильники на серебряных подсвечниках, ныне же ожидаешь света луны?

Где же теперь слава престола твоего?

¹⁰Ты ли тот, у кого были притирания от ладанного дерева, ныне же в нужде пребываешь?

Где же теперь слава престола твоего?

¹¹Ты ли тот, кто насмеялся над неправедными и грешными, ныне же сам стал посмешищем?

Где же теперь слава престола твоего?

¹²Ты ли Иов¹²⁵, имевший великую славу?

Где же теперь слава престола твоего?»

Глава 33

¹Поскольку Елиус¹²⁶ продолжал рыдание и ему вторили другие цари, началось великое смятение. ²И лишь только крик стих, Иов сказал им: «Замолчите. Ныне явлю вам престол мой и славу, и красоту, пребывающие во святых¹²⁷. ³Мой престол

¹²⁰ Антифонное пение повторяется в ЗИ 32 и 43. Филон в трактате «О созерцательной жизни» (Phil. *De vita cont.* 80) рассказывает о распространении такого пения в секте терапевтов.

¹²¹ В рукописи Р написано «сынам» (παῖσιν), в V и S «всем» (πᾶσιν). М. Филоненко переводит «своим слугам».

¹²² В рукописи S добавлено: «Где же теперь слава его престола?» (Ποῦ τυγχάνει ἡ δόξα τοῦ θρόνου αὐτοῦ;). Возможно, эта вставка — заглавие гимна.

¹²³ В рукописи Р вместо ἐν ὀλοδῇ «на гноище» — ἐν ὁδῷ «на дороге».

¹²⁴ В ЗИ 10 говорится о тридцати столах, не считая двенадцати для вдов, в ЗИ 25 — о семи столах.

¹²⁵ Последний стих присутствует лишь в рукописи Р.

¹²⁶ В рукописи Р — Елиуй, в рукописи S — Елиус, в рукописи V — Елифас.

¹²⁷ Текст можно понимать двояко, как по отношению к некоему небесному месту святости (в LXX ἐν τοῖς ἁγίοις «во святых» означает «святилище», см. Исх 29 : 30), так и по отношению

в надмирном¹²⁸, и его слава и красота одесную Отца¹²⁹. ⁴Весь мир пройдет¹³⁰, и слава его погибнет, и связавшие себя с ним пребудут с ним в гибели его¹³¹. ⁵Мой же престол пребывает в святой земле¹³², и слава его — в веке Того, Кто неизменен¹³³. ⁶Реки высохнут, и надменность их волн сойдет в глубины бездны. ⁷Реки же земли моей, в которой престол мой, не высохнут и не исчезнут¹³⁴, но пребудут в вечность¹³⁵. ⁸Эти цари пройдут, и вожди прейдут, слава же и похвала их станут подобны отражению в зеркале¹³⁶. ⁹Мое же царство во веки веков, и слава и красота его в колесницах¹³⁷ Отца пребывает».

Глава 34

¹Когда я сказал им это для того, чтобы они замолчали, ²Елифас, рассердившись, сказал другим друзьям: «Какая польза в том, что мы прибыли с войсками, чтобы утешить его? ³И вот он еще и упрекает нас. Так давайте возвратимся в свои земли. ⁴Вот он сидит, мучимый червями и в зловонии, и сверх всякой меры превозносится над нами. “Царства проходят и вожди их, а я, — говорит он нам, — пребуду вовеки”». ⁵Поднявшись в великом смятении, Елифас отвернулся от них в великой печали со словами: «Я уйду. Мы пришли, чтобы утешить его, а он сверх всякой меры унизил нас перед нашими воинами».

к некоему собранию святых (ср. самоопределение членов кумранской общины как «людей святости» (1 QS 8. 17, 23; 9. 8) и обращение Павла к христианам как к святым).

¹²⁸ Термин «надмирный» (ὐτερῆσσιος) не встречается у авторов, живших ранее IV в.

¹²⁹ В рукописи Р — Отец (ср. 33 : 9; 40 : 2; 47 : 11; 50 : 3), в рукописи S — Бог, в рукописи V — Спаситель. Многие ученые считали это место в Р поздней христианской редакцией (ср. Деян 2 : 33; Еф 1 : 17, 20). Представление о Боге как отце восходит к ветхозаветным образам (Втор 32 : 6; 2 Цар 7 : 14; Пс 67 : 6; 88 : 27; Ис 63 : 16; Иер 3 : 4; 19; 31 : 9; Мал 1 : 6; 2 : 10; Тов 13 : 3—4). Развернуто о Боге в отеческих категориях говорит в своей молитве Асенет (Иос и Ас 11 : 13; 12 : 8; 13—15).

¹³⁰ Здесь использовано будущее время (παρελεύσεται), в эсхатологических текстах Нового Завета используется настоящее время: παράγει (1 Кор 7 : 31); παράγεται (1 Ин 2 : 17). В Иак 1 : 9—11 преходящему и увядающему цветку уподобляется богатство. В «Дидахе» (Дид 10 : 6) использовано повелительное наклонение: ἐλθέτω χάρις καὶ παρελθέτω ὁ κόσμος οὗτος, «да придет благодать и да преидет мир сей».

¹³¹ Идею о тленности земного мира в очень схожих выражениях высказывает в своей молитве Асенет (Иос и Ас 12 : 5).

¹³² В Библии «землей святых» называется Земля обетованная, Иудея (Зах 2 : 16; 2 Макк 1 : 7, ср. Мф 5 : 5). Ориген был первым, кто использует этот термин для указания на будущую жизнь (Orig. Contr. Cel. 7 : 29).

¹³³ Прилагательное ἀπαράλλακτος не встречается в Новом Завете (ср. Иак 1 : 17 : παρ' ᾧ οὐκ ἔνι παρὰ λαχῇ, «свыше от Отца светов, у Которого нет изменения») и у раннехристианских авторов. В стоическом учении о перерождении (παλιγγενεσία) мира люди, живущие в разные периоды, называются ἀπαράλλακτοι. У отцов каппадокийцев термином ἀπαράλλακτος определяется одно из свойств Бога-Отца.

¹³⁴ В Мф 6 : 19—21 и Иак 4 : 14 тот же глагол ἀφάνιζω соотносится с земной жизнью и ее благами — с тем, чему суждено исчезнуть. Ср. образ вод вечной жизни в Ин 4.

¹³⁵ Оборот εἰς τὸ διηνεκές «в вечность, навсегда» в Новом Завете употребляется только в Евр 7 : 3; 10 : 1, 12, 14. Аппиан пишет (App. BC. I. 4) о Юлии Цезаре, что тот был избран диктатором пожизненно (δικτάτωρ ἐς τὸ διηνεκές ἥρεθη).

¹³⁶ Развернутая метафора зеркала — знака скоротечности — представлена в Иак 1 : 23—24: человек, слушающий слово и не исполняющий его, сравнивается с тем, кто смотрит в зеркало, но, отойдя от него, забывает свое отражение.

¹³⁷ Во всех трех греческих рукописях: ἐν τοῖς ὄρμασιν τοῦ πατρὸς, «в колесницах Отца». Образ божественной колесницы, восходящий к знаменитому видению Иезекииля (Иез 1), был воспринят в апокалиптической иудейской и христианской литературе, вобрав в себя образы теофании Авраама (Быт 15), откровения Моисею на Синае (Исх 3, 19) и видения Исайи (Ис 6). В позднеантичную и средневековую эпоху образ стал центральным для одного из течений еврейской мистики (традиция *merkābāh*). Хотя отдельные аспекты ЗИ созвучны традиции *hēkālōt* и *merkābāh*, какая-либо связь между ними и позднейшим еврейским мистицизмом представляется маловероятной.

Глава 35

¹Тогда Валдад удержал¹³⁸ его со словами: «Не должно так говорить с человеком в трауре, который еще сам весь изранен. ²Вот мы, совершенно здоровые, были не в силах приблизиться к нему из-за зловония, если бы не множество благовоний. ³Ты совсем забыл, Елифас, как ты болел два дня. ⁴Теперь же давайте будем терпеливы¹³⁹, чтобы узнать, что с ним. Может быть, пришло в исступление его сердце¹⁴⁰, может быть, он вспоминает что-то о прошлом благосостоянии и его душа пришла в расстройство? ⁵Кто не будет поражен безумием, когда у него столько ран? ⁶Так позволь мне приблизиться к нему, чтобы узнать, в чем дело».

Глава 36

¹Тогда, поднявшись, Валдад приблизился ко мне и спросил: «Ты ли Иов?» ²Я ответил ему: «Да¹⁴¹». И он спросил: «И твое сердце незыблемо?» ³Я ответил: «Не в земном утверждено мое сердце, потому что непостоянна земля и живущие на ней. В небесном утверждено мое сердце, потому что в небе не бывает смятения¹⁴²». ⁴В ответ Валдад сказал: «Знаем, что земля переменчива, поскольку изменяется со временем: порой все идет своим чередом, порой бывает мир, порой начинается война. ⁵О небесах же слышим, что там все незыблемо. Однако если ты столь же незыблем, я задам тебе вопрос. ⁶И если ты ответишь мне на первый разумно, спрошу тебя во второй раз. И если ты дашь мне твердый ответ, мы убедимся, что сердце твое не пришло в исступление».

Глава 37

¹И вновь сказал: «На кого ты уповаешь¹⁴³?» ²И я сказал: «На Бога Живого¹⁴⁴». ³И вновь сказал мне: «Кто отнял у тебя имущество и порастил тебя этими язвами?» ⁴И я сказал: «Бог». ⁵И тогда вновь он спросил: «Ты на Бога надеешься? Что же, ты тогда считаешь, что Он несправедлив¹⁴⁵, раз Он порастил тебя этими ранами и отнял у тебя имущество? ⁶Если Он дал и отнял¹⁴⁶, не лучше было бы вообще ничего не давать? Никогда царь не подвергнет наказанию своего воина, честно защищающего его. Может ли кто-то постичь глубины Господа и Его мудрости¹⁴⁷».

¹³⁸ В рукописях S и V добавлено: ἐκράτησεν αὐτὸν τῆς χειρὸς, «удержал его за руку».

¹³⁹ Еще одно указание на главную добродетель, воспеваемую автором (см. прим. 22, 70).

¹⁴⁰ Сердце понимается здесь как вместилище ума, образ мысли. Ср. LXX Иов 36 : 28b (расширение Септуагинты, никак не связанное с еврейским оригиналом): ἐπὶ τοῦτοις πᾶσιν οὐκ ἐξίσταται σου ἡ διάνοια οὐδὲ διαλλάσsetαι σου ἡ καρδία ἀπὸ σώματος, «всему этому не удивляется ли твой ум, и не изменяется ли у тебя сердце из тела?»

¹⁴¹ В этот момент происходит узнавание «Иова» — анагноризис (греч. ἀναγνώρισις), риторический прием, описанный Аристотелем в «Поэтике» (Arist. *Poet.* 452b). Прием был популярен в греческой драме, позднее — в романе, ему подражают и христианские авторы первых веков. По мнению ряда исследователей, исповедание Христа Сыном Божиим у Марка (Мк 8 : 29) определяет замысел и композицию Евангелия как анагноризиса. Не исключено, что автор апокрифа пользуется этим приемом, подчеркивая, что Иов должен быть узнан не как бывлой царь и богач, но как терпеливый страдалец и мученик.

¹⁴² Дочери Иова, получив дар небесных песнопений, также забывают обо всем земном (ЗИ 48—50), ср. Кол 3 : 1—2: «Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном».

¹⁴³ Ср. LXX Иов 17 : 15: «Где же надежда моя и где увижу мое благо?».

¹⁴⁴ С помощью этого эпитета «живой» Бога часто противопоставляют идолам, сотворенным рукой человека (1 Фес 1 : 9 и др.).

¹⁴⁵ Ср. Иов 8 : 3: μὴ ὁ κύριος ἀδικήσῃ κρίνον, «разве Бог судит несправедливо?»

¹⁴⁶ Ср. слова Иова в 1 : 21: ὁ κύριος ἔδωκεν ὁ κύριος ἀφείλατο, «Господь дал, Господь и взял».

¹⁴⁷ В книге Иова непостижимость божественного замысла — лейтмотив пространных и трудных для понимания речей Бога, о ней же говорит сам Иов в гимне мудрости в 28-й главе. В апокрифе непостижимость Бога кратко исповедует сам Иов, отвечая на вопросы друзей. Выражение βάθη τοῦ κυρίου, «глубины Господа», употребляет апостол Павел в 1 Кор 2 : 10: «А нам Бог открыл [это] Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии». Возможная

или отважиться приписать Господу несправедливость? ⁷Ответь мне, Иов. ⁸Если ты остаешься непоколебимым, если у тебя есть разум, объясни, почему мы видим солнце восходящим на востоке, заходящим на западе, и вновь, вставая утром, мы обнаруживаем его же, как и прежде, восходящим на востоке? Научи меня, если ты слуга Божий?»

Глава 38

¹И я ответил на это: «Есть во мне разум, и неизбежно сердце мое. И как мне не говорить о величии Господа¹⁴⁸? Неужели я запнусь, говоря о Владыке? Не бывать этому¹⁴⁹! ²Кто мы, чтобы любопытствовать о небесном, будучи плотскими, имеющими долю в земле и прахе¹⁵⁰? ³Чтобы вам убедиться, что неизбежно сердце мое, послушайте, о чем спрошу вас. Через рот пища входит, и вода этим же ртом пьется и отправляется в ту же самую глотку. Когда же исторгается и то, и другое в отхожее место¹⁵¹, тогда отделяется одно от другого. Кто же разделяет это?» ⁴Валдад сказал: «Я не знаю». ⁵Я в ответ сказал ему: «Если этот телесный путь не постигаешь, как небесное постигнешь?» ⁶В ответ Софар сказал: «Мы не выводим ничего о том, что над нами, но желаем узнать, не поколебался ли ты умом. И вот мы узнали, что твой рассудок и правда не повредился. ⁷Что ты хочешь, чтобы мы сделали для тебя? Вот мы привели с собой врачей трех царств наших. Хочешь, они будут лечить тебя? Возможно, тебе станет легче». ⁸Я сказал в ответ: «Мое исцеление и мое лечение от Господа, Он же и врачей сотворил».

Глава 39

¹И когда я говорил им это, пришла жена моя Ситида в лохмотьях. ²Она убежала от хозяина, на которого работала, потому что тот запрещал ей выходить, чтобы цари, увидев, не похитили ее. ³Когда же она пришла, бросилась им в ноги и, рыдая, сказала: ⁴«Вспомните меня, Елифас и двое твоих друзей, какой я была с вами и как была наряжена. ⁵Ныне же посмотрите, в каком виде я вышла и во что я одета». ⁶Тогда они заплакали горькими слезами и в сугубом смятении замолчали. ⁷Тогда Елифас сорвал с себя порфиру¹⁵² и обернул жену мою. ⁸И она умоляла их словами: «Прошу вас, прикажите вашим воинам, чтобы раскопали развалины моего дома, обрушившегося на моих детей, чтобы упокоить их кости в гробнице. ⁹Ведь мы не могли сделать этого из-за лишений. Пусть мы хотя бы увидим их кости. ¹⁰Разве у меня утроба скотины или зверя, что десять детей моих погибло, а я ни одного из них не похоронила?» ¹¹И они пошли копать, но я удержал их со словами: ¹²«Не трудитесь напрасно, ведь вы не найдете детей моих, потому что они были взяты на небеса их Создателем¹⁵³ и Царем». ¹³Тогда в ответ сказали мне: «Как опять не сказать, что ты лишился рассудка

аллюзия есть в LXX Дан 2 : 22a: Бог «открывает глубокое и сокровенное», ἀνακαλύπτων τὰ βαθέα καὶ σκότηντα.

¹⁴⁸ «Величиями» (τὰ μεγαλεῖα) названы песни на языке ангелов, которые при кончине Иова слышит его брат Нерей. В LXX τὰ μεγαλεῖα — великие дела Божии, например совершенные Им при Исходе (Втор 11 : 2, ср. Пс 70 : 19). Ср. Деян 2 : 11.

¹⁴⁹ Оборот μὴ γένοιτο — риторическое эмфатическое отрицание (отсутствует в LXX, ср. Лк 20 : 16; Рим 3 : 6; Иос и Ас 25 : 7).

¹⁵⁰ Имеется в виду, что доля человека — умереть и стать землей и прахом (ср. Иов 30 : 19; Быт 3 : 19).

¹⁵¹ Ср. Мк 7 : 19; Мф 15 : 17: «Еще ли не понимаете, что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон (εἰς ἀφροδίαν ἐκβάλλεται)?»

¹⁵² Царская одежда (Есф 8 : 15; Ин 19 : 12, 15; Откр 17 : 4; 18 : 16; 2 Макк 4 : 38).

¹⁵³ Единственный раз в Новом Завете слово δημιουργός употребляется в Евр 11 : 9–10: «Верую обитал он (Авраам) на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования; ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель (δημιουργός) Бог».

и безумствуешь, раз ты говоришь, что твои дети были взяты на небо? Скажи нам наконец все как есть!»

Глава 40

¹Я же ответил им: «Поднимите меня, чтобы я встал». Они же подняли меня, с обеих сторон поддерживая меня под руки. ²И тогда, встав, я помолился к Отцу¹⁵⁴ ³и после молитвы сказал им: «Поднимите очи свои к востоку¹⁵⁵ и увидите детей моих, увенчанных славой небесной¹⁵⁶. ⁴Увидев это, Ситида, жена моя, простерлась на земле и сказала: «Теперь я знаю¹⁵⁷, что есть память обо мне у Господа. Встану же и пойду в город, и смежу глаза хоть ненадолго, а потом вновь вернусь к моему рабскому служению». ⁵И, удалившись, пошла в город в загон с теми самыми коровами, которых у нее похитили правители, которым она теперь служила. ⁶И рядом с какими-то яслями она уснула и умерла, утешенная¹⁵⁸. ⁷И правитель, господин ее, стал искать ее и не нашел. ⁸Когда наступил вечер, он вошел в загон для скота и обнаружил ее лежащую мертвой. ⁹Увидев это, все вскричали, мыча и плача по ней, и это было слышно по всему городу. ¹⁰И тогда примчались узнать о случившемся, ¹¹и нашли ее мертвой, а животных, стоящих вокруг, — плачущими по ней¹⁵⁹. ¹²И тогда, перенеся, похоронили ее рядом с домом, который обрушился на детей ее. ¹³И городские нищие били себя в грудь, говоря: «Смотрите, это Ситида, жена, достойная похвалы и славы, она не удостоилась подобающего погребения». ¹⁴И погребальную песнь о ней вы найдете в книгах «Паралипоменон»¹⁶⁰.

Глава 41

¹Елифас же и остальные после этого сели рядом со мной, возражая мне и превозносясь надо мной¹⁶¹. ²А через двадцать семь дней они поднялись, чтобы отправиться в путь в свои земли. ³Но Елиус их заклил, говоря: «Подождите меня, пока я не разъясню ему¹⁶². ⁴Вы столько дней терпели, когда Иов похвалялся, что он праведен. Я же не буду терпеть. Сначала я даже плакал о нем, вспоминая о его былом блаженстве, но он превозносился сверх всякой меры! И вот он бахвалится и высокопарно говорит нам, что у него престол на небесах. ⁵Теперь послушайте меня, и я открою вам, что нет для него доли». Тогда Елиус, преисполненный духа сатаны¹⁶³, обратился ко мне со словами дерзкими, ⁶которые были записаны в книгах «Паралипоменон Елифаса».

Глава 42

¹Когда же он закончил свою надменную речь, то Господь явился мне в вихре и облаке¹⁶⁴ ²и осудил Елиуса, показав мне, что говоривший в нем не человек, но зверь. ³Когда Господь говорил со мной в облаке, слышали голос Говорившего и четыре царя. ⁴И после того как Господь закончил говорить со мной, Он сказал Елифасу: ⁵«Почему

¹⁵⁴ Только в рукописи Р Бог в этом месте назван Отцом.

¹⁵⁵ Когда Иов будет вознесен на небо, тот, кто спустился за ним на колеснице, также отправится на восток (ЗИ 52).

¹⁵⁶ В рукописи V добавлено: τῆς δόξης τοῦ ἐπουρανίου βασιλέως, «славы небесного царя».

¹⁵⁷ Ср. Иос и Ас 13 : 11; Ин 16 : 30; 17 : 7; Деян 12 : 11; 20 : 25.

¹⁵⁸ В рукописях Р и V вместо εὐθυμίσσασα (утешенная) — ἀθυμίσσασα (не имеющая утешения).

¹⁵⁹ Ср. рассказ о посте домашних животных в Ион 3 : 7–8.

¹⁶⁰ В библейских и парабиблейских текстах часто встречаются отсылки к книгам, о существовании которых у нас нет данных, содержащим дополнение к той или иной истории. В ЗИ упоминается «Паралипоменон Елифаса» (ЗИ 42), «гимны Касии» (ЗИ 49), «молитвы Рога-Амалфеи» (ЗИ 50).

¹⁶¹ В рукописи V описание этого обличения царями Иова существенно дополнено.

¹⁶² Почти буквально цитируется Иов 36 : 2.

¹⁶³ О «диаволизации» фигуры Елиуса в апокрифе см. Jančovič 2016.

¹⁶⁴ Вероятно, текст отсылает к началу сцены теофании в Иов 38 : 1 (ср. рассказ о Преображении в Мк 9 : 7).

ты, Елифас, согрешил, ты и твои два друга? Ведь вы говорили неправду о слуге моем Иове. ⁶Поэтому давайте сделайте так, чтобы он принес жертву за вас, чтобы оставлен был ваш грех. Ведь если бы не Иов, я погубил бы вас». ⁷И они принесли мне то, что нужно для жертвоприношения. ⁸И я взял и принес жертву за них, а Господь, приняв жертву, отпустил им грех¹⁶⁵.

Глава 43

¹Тогда Елифас, и Валлад, и Софар поняли, что простил им Господь их грех, Елиуса же не удостоил. ²Елифас, исполнившись духа¹⁶⁶, воспел гимн, ³которому вторили другие друзья и воины, находящиеся рядом с жертвенником. ⁴Елифас говорил так:

«Истреблены наши грехи, и погребено наше беззаконие.

⁵Елиус, Елиус — единственный злодей¹⁶⁷, не будет иметь памяти среди живых.

⁶И его светильник погас и угасло его сияние, и слава его светильника уйдет и станет ему в осуждение. Потому что он от тьмы, а не от света¹⁶⁸.

Привратники тьмы¹⁶⁹ наследуют славу и красоту его.

⁷Царство его прошло, сгнил престол его, и сокровище обители¹⁷⁰ его — в аду.

⁸Он возлюбил красоту аспида и чешую змея¹⁷¹, их желчь и яд станут его пищей.

⁹Не обрел он Господа и не убоился Его, и возлюбленных Его прогневил.

¹⁰Забыл его Господь и святые покинули его.

¹¹Гнев и злоба будут ему обителью¹⁷²,

нет ни милости в сердце его, ни мира в теле его.

¹²Яд аспида — в устах его.

¹³Праведен Господь, истинны приговоры Его,

и нет у Него лицемерия. Он будет судить нас одним судом.

¹⁴Вот Господь явился, вот святые приготовились, вот несут венки с хвалебными песнями.

¹⁵Да возрадуются святые, да возвеселятся сердцем, ¹⁶ибо обрели славу, которой чаяли.

¹⁷Отпущен грех наш, очищены мы от беззакония.

Злодею же Елиусу не будет памяти среди живых¹⁷³.

Глава 44

¹После того как закончил Елифас гимн, которому вторили все окружавшие жертвенник, восстав, мы вошли в город в тот дом, в котором мы живем теперь, ²и

¹⁶⁵ В этой главе автор апокрифа вольно пересказывает LXX Иов 42 : 7—9.

¹⁶⁶ Ср. сообщения Павла об исполнении духом во время молитвы (1 Кор 14 : 15; Еф 5 : 18).

¹⁶⁷ Ср. определение дьявола как злодея (πονηρός) в Мф 6 : 13; 13 : 19.

¹⁶⁸ Образы и лексика этого гимна схожи с рядом есеевских текстов, в первую очередь с «Уставом общины» (1QS), в котором сыны света противопоставляются сынам тьмы, обреченным на погибель. Однако образы ЗИ вряд ли связаны напрямую с ессеями (как это предполагают, например, для «сынов света» в Лк 16 : 8) и скорее развивают распространенную метафору противопоставления света и тьмы (ср. 1 Фес 5 : 5; Еф 5 : 8).

¹⁶⁹ Иов 38 : 17.

¹⁷⁰ Ср. οκήνωσ и οκήνωμα в значении жилища человеческой души, т.е. тела, в Прем 9 : 15 и 2 Кор 5 : 1, 4; 2 Пет 1 : 13—14.

¹⁷¹ Змея в Библии — амбивалентный образ. Это и символ мудрости (Мф 10 : 16), и олицетворение злых сил. Апокалиптические иудейские и христианские тексты представляют в образе змеи и дракона врага рода человеческого (Откр 20), переосмысляя древний ханаанский миф о победе бога-громовника над змеем, силой хаоса.

¹⁷² В S и V вместо «ему обителью» (букв. εις οκήνωμα «в жилище») — «в пустоту» (εις κένωμα).

¹⁷³ Многие образы восходят к LXX Иов 18 и Псалтири (Пс 10 : 6; 31 : 1; 67 : 4; 139 : 3). Можно отметить сходство гимна с обличительными словами Иисуса, обращенными к Иуде Искароту, в коптском гностическом апокрифе «Воскресение Иисуса Христа, написанное Варфоломеем апостолом» (датируется V—VI вв.).

сотворили великий пир в веселье о Господе. И вновь я стал искать, как сотворить добро нищим, ³и приходили ко мне все друзья мои и те, кто умел делать добрые дела, ⁴спрашивали меня: «Что теперь ты у нас попросишь?» Я же, вспомнив о нищих, вновь просил сделать доброе дело, говоря: «Дайте мне каждый по одному ягненку на одежду нищим, которые наги». ⁵И тогда каждый принес мне по ягненку и по тетрадрахме золотом¹⁷⁴. И благословил Господь все, чем я владел¹⁷⁵, и воздал мне вдвойне.

Глава 45¹⁷⁶

¹И вот, дети мои, ныне я умираю. Только не забывайте Господа. ²Благотворите нищим, не пренебрегайте немощными, ³не берите себе жен от чужеземцев¹⁷⁷. ⁴Смотрите же, дети мои, я разделяю между вами все, что мне принадлежит, чтобы каждый свободно владел своей долей.

Глава 46

¹Принесли все имущество, чтобы разделить между семью сыновьями. ²Но ничего из богатства он не дал дочерям¹⁷⁸. Они, огорченные, сказали отцу: «Господин, отец наш, а мы разве не твои дети? Почему ты не дал нам от твоих богатств?» ³Сказал Иов дочерям: «Не волнуйтесь, дочери мои. Ведь я не забыл о вас. ⁴Я приготовил вам подарки лучшие, чем семи братьям вашим». ⁵Тогда, призвав дочь свою, которую звали Имера, сказал ей: «Возьми перстень, пойдя в тайник и принеси три ларца из золота, чтобы я дал вам наследство». ⁶Она, удалившись, принесла их. ⁷И он открыл их и достал три пестрых пояска¹⁷⁹, таких, что никто из людей не был в силах описать их красоту. ⁸Ибо они были не от земли, но от неба, и сверкали искрами огня, подобно лучам солнца. ⁹И дал каждой по пояску, говоря: «Пояжите их вокруг вашей груди, чтобы было хорошо вам во все дни вашей жизни».

Глава 47

¹Сказала же другая дочь, которую звали Касия: «Отец, это и есть то наследство, о котором ты говоришь, что оно лучше, чем у братьев наших? В чем же польза от этих поясков? Получив их, на что мы будем жить?» ²И сказал им отец: «Не только с их помощью будете жить, ³но эти пояски приведут вас в лучший век, чтобы жить

¹⁷⁴ В рукописи V «тетрадрахму золота и серебра», в LXX книге Иова «четыре золотых драхмы без печати» (тетράδραχμον χρυσούν ἄστυον).

¹⁷⁵ В рукописи V это описание существенно дополнено.

¹⁷⁶ Подобное последнее предсмертное напутствие традиционно завершает апокрифы, написанные в жанре «Завещаний». Однако в ЗИ повествование продолжается.

¹⁷⁷ Запрет Израилю брать в жены иноплеменики может свидетельствовать об иудейском происхождении апокрифа (List 2023, 59) или быть библейским клише (ср. Быт 24 : 3, 37; 27 : 46; 28 : 1; Числ 36 : 8). В библейской традиции идолослужение часто ассоциируется с влиянием иноземных жен (Втор 7 : 2–3; Неем 13 : 26; Иос и Ас 8 : 5). Роль Иова как борца со служением идолам делает запрет на смешанные браки — одно из наставлений потомству — вполне логичным и не обязательно связанным с иудейским контекстом.

¹⁷⁸ Иов завещает все материальные блага своим сыновьям, следуя обычным для древнего мира законам наследования. Он не нарушает этих законов, при этом передает дочерям то, что никак не связано с земными благами, но несравненно ценнее их.

¹⁷⁹ В Иов 38 : 3 Бог обращается к Иову со словами: «Препояш ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне». Заключительные главы апокрифа можно рассматривать как мидраш по мотивам стиха 38 : 3 и рассказа о наследстве дочерей Иова (Иов 42 : 15). Волшебные пояски в апокрифе выполняют ту же функцию, что и зороастрийские пояски-инсигнии *kustī*, защищающие верующего от злых сил. Параллель этому сюжету мы находим в Апокалипсисе Софонии 8 : 4: герой надевает одеяние ангела Еремизля (ранее указывается, что одеяние имело крестообразный пояс на груди) и получает способность молиться вместе с ангелами. Л. Осинкина считает возможной связь между магическими поясками ЗИ и известными по византийской и древнерусской иконографии ангельскими «слухами» или «торопами», которые представляют из себя ленты-диадемы, символизирующие возможность слышать Бога (Osinkina 2018).

на небесах. ⁴Разве вы не знаете, дети, сколь ценны эти веревки? Ими меня удостоил Господь в тот день, когда захотел помирить меня и исцелить тело мое от ран и червей. ⁵Позвав меня, он подал мне эти три веревки со словами: «Встань, препояшь бедра твои как муж. Я спрошу тебя, ты же отвечай мне». ⁶Я же, взяв, препоясался, и тотчас не видно стало червей на теле моем, так же как и ран. ⁷И наконец тело мое укрепилось от Господа, будто я вовсе не страдал. ⁸Но и о муках в сердце я забыл. ⁹Господь говорил мне в силе¹⁸⁰, открывая мне минувшее и грядущее. ¹⁰Ныне же, дети мои, когда у вас есть эти пояски, Враг не будет противостоять вам, и помышлений его не будет в уме вашем. ¹¹Ибо это оберег¹⁸¹ от Отца¹⁸². Встаньте и препояштесь ими прежде, чем я умру, чтобы вы смогли узреть приходящих за моей душой, чтобы вы подивились созданиям Господа».

Глава 48

¹Тогда встала первая дочь, которую звали Имера, опоясалась своим пояском, как сказал отец. ²И она получила иное сердце и больше не мыслила о земном. ³И воспела на языке ангельском и вознесла песню Богу, подобную песням ангельским. И гимны, которые она пела, по изволению Духа начертаны на ее одеянии¹⁸³.

Глава 49

¹Тогда и Касия препоясалась и обрела сердце измененное, так что более не помышляла о мирском¹⁸⁴. ²И уста ее, восприняв наречие¹⁸⁵ Начал, славословили творение Горнего мира¹⁸⁶. ³Поэтому если кто желает узнать о творении Небес, ищите об этом в «Гимнах Касии».

Глава 50

¹И тогда препоясалась третья дочь, которую звали Рог-Амалфеи. И уста ее начали возглашать на наречии вышних, ²когда и ее сердце преобразилось, удалившись от мирского. Она заговорила на наречии херувимов¹⁸⁷, славословя Владыку добродетелей и являя славу их. ³И тот, кто желает наконец постичь отблеск дня славы Отца, найдет запись об этом в «Молитвах Рога-Амалфеи».

¹⁸⁰ Ср. Пс 28; Мк 9 : 1.

¹⁸¹ Греч. φυλακτήριον «защита, оплот, оберег, амулет». В Мф 25 : 3 словом «филактерии» обозначаются т.н. тфилин — элемент молитвенного облачения иудея, состоящий из двух маленьких коробочек, содержащих написанные на пергаменте отрывки Торы. По правилам Талмуда тфилин запрещено носить рабам и женщинам. В ЗИ пояса, названные филактериями, не только исцеляют того, кто надевает их, но и защищают от дьявола, и наделяют дарами пророчества и глоссолатии. В иудейской мистике Моисей получает на Синае от архангелов особые гимны — филактерии против злых духов (Scholem 1965, 23). Подробный разбор сюжетов, связанных с волшебными поясками и экстатическими способностями женщин, см. в McDowell 2006; Lesses 2007.

¹⁸² Возможно, в тексте намеренно обыгрывается то, что пояски — это дар и земного отца, Иова, и Отца небесного. В рукописях S и V — «от Господа».

¹⁸³ Возможно, вместо «на одеянии» (ἐν στολῇ) следует читать «в послании» (ἐν ἐπιστολῇ).

¹⁸⁴ Тот же термин τὰ κοσμικά «мирское» употребляется в 2 Клим 5 : 6: «Чем же можем мы достигнуть этого, если не жизнью благочестивой и праведной, мирское (τὰ κοσμικά) почти чуждым для себя и не желая его?» Тот же термин дважды использует Павел (Тит 2 : 12; Евр 9 : 1).

¹⁸⁵ В рассказе о глоссолатии в Деян 2 : 4–6, представленной как способность говорить на иностранных языках, употребляются как слово διὰλεκτος «наречие», так и слово γλῶσσα «язык». Когда о глоссолатии говорит Павел (1 Кор 14), он использует только γλῶσσα и представляет этот феномен как экстатическую нечленораздельную речь. Как и в эллинистической традиции экстатического мистицизма, такая речь обращена не к людям, но к Богу.

¹⁸⁶ Букв. «творение высшего места» (τοῦ ὑψηλοῦ τόπου τὸ ποιήμα).

¹⁸⁷ Коптский апокриф «Воскресение Иисуса Христа, написанное Варфоломеем апостолом» также описывает дев, поющих гимны на языке херувимов.

Глава 51

¹После того как умолкли три песнословащие, ²в присутствии Господа и меня, Нерей¹⁸⁸, брата Иова, в присутствии же и Святого Духа¹⁸⁹, ³и я сел рядом с Иовом на ложе мое. Услышала я «Величия», одно дополняющее по смыслу другое. ⁴И записал целую книгу многочисленнейших указаний знамений от трех дочерей брата моего. Они есть спасение, ибо они есть Величие Божие¹⁹⁰.

Глава 52

¹И после этого в течение трех дней Иов болел на ложе, однако без страдания и муки, ибо никакое страдание было не в силах коснуться его из-за знака опоясания, которым он был опоясан. ²И через три дня он увидел пришедших за душой его. ³И тотчас, встав, взял кифару и дал дочери своей Имере, ⁴Касии же дал кадилыницу, а Рогу-Амалфеи дал тимпан, ⁵чтобы благословили пришедших за душой его. ⁶Они, взяв, увидели лучезарную колесницу, пришедшую за душой его. ⁷И благословили, и прославили каждая на избранном наречии. ⁸И после этого вышел тот, кто восседал на великой колеснице, и приветствовал Иова, ⁹в то время как видели (это) три дочери, и сам отец их видел, другие же не видели. ¹⁰Взявший же душу распростер руки, обняв ее, возвел ее на колесницу и отправился к востоку¹⁹¹. ¹¹Тело его, уготовав к погребению, унесли ко гробу, ¹²когда шли впереди три дочери его, препоясанные и славословившие в гимнах Отца.

Глава 53

¹И я, Нерей, брат его, (плакал) вместе с семьей сыновьями, вместе с бедняками и сиротами и вместе со всеми немощными, плачущими ²и говорящими: «Увы нам сегодня, увь вдвойне, ибо сегодня удаляется сила немощных, ³уходит свет слепых, уходит отец сирот, уходит оказывающий гостеприимство чужестранцам, уходит одеяние вдов». ⁴Кто не будет плакать об этом человеке Божиим? ⁵Когда принесли тело ко гробу, окружили его все вдовы и сироты, ⁶препятствуя положить его во гроб. ⁷И после трех дней положили его во гроб в прекрасном сне, ⁸получившего имя славное во всех родах века. Аминь.¹⁹²

¹⁸⁸ В ЗИ 1 в рукописях S и V брат Иова назван Наором (Ναὸρ). Апостол Павел в послании к римлянам упоминает Нирея (Νῆρεϋς), одного из христиан Рима (Рим 16 : 15).

¹⁸⁹ В еврейской Библии выражение *rûah kôdeš* «дух святости» встречается трижды (Пс 50 : 13; Ис 63 : 10–11). В рассказе о творении даруется «дыхание жизни», в этом можно видеть наделение человека некоторой частью божественного, которая обеспечивает саму жизнь (Быт 2 : 7). Психологическое состояние человека (мудрость, ревность, злоба) описывается в Библии как «дух» мудрости, «дух» ревности или «дух» злобы, обитающий в человеке. При этом сам Бог выступает источником того или иного духа, в т.ч. злого (1 Цар 16 : 14). С развитием еврейской ангелологии появляется представление о добрых и злых духах, влияющих на человека (их появление может быть связано с т.н. «адамическим» или «енохическим» мифом). В Новом Завете действием духа часто определяются харизматические дары, даруемые Богом, и Его чудесные деяния (Рим 5 : 5; 8 : 11). Христианское учение о Святом Духе — одной из трех ипостасей Бога — развивается в позднейшей триадологии.

¹⁹⁰ Ср. рассказ Деян 2 : 11 о глоссолалии в день Пятидесятницы, когда носители разных языков говорили «нашими языками о величиях (или великих деяниях) Бога», ταῖς ἡμετέραις γλώσσαις τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ. Далее говорится (Деян 10 : 46), что дар Духа излился и на язычников, ибо «слышали их говорящих языками и величающих Бога», ἤκουον γὰρ αὐτῶν λαλοῦντων γλώσσαις, καὶ μεγαλυνόντων τὸν θεόν.

¹⁹¹ Истории о вознесении праведников на небо восходят к рассказам о взятии на небо Еноха (Быт 5 : 24) и Илии (4 Цар 2 : 11), о колеснице см. прим. 137.

¹⁹² В славянских рукописях в конце содержится существенное расширение текста: «И Иов жил после своих язв и страданий 170 лет, всего он прожил 248 лет, увидев своих сыновей, внуков и правнуков до третьего колена. Никогда не доверяйте вашим врагам. Зло подобно вину, которое делает мед горьким. И если оно (зло) унижается и склоняется перед тобой, будь тверд в сердце и держись далеко от него, чтобы оно не взяло верх над тобой. Если вы не дадите ему взять верх над собой, оно не будет претендовать на ваше место и не откроет себя в ваших мыслях через ваши губы. Ваш враг вызывает со слезами перед вами, но в сердце он замышляет выпить вашу кровь. Да будет слава Господня вовеки. Аминь» (Haralambakis 2012, 212).

Литература/ References

- Braginskaya, N.V., Shmaina-Velikanova, A.I. 2017: [Symbolic Novel. Pt. 1]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 21, 108–134.
- Брагинская, Н.В., Шмайна-Великанова, А.И. Символическая повесть. Ч. 1. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 108–134.
- Brock, S.P. 1967: *Testamentum Iobi*. (Pseudepigrapha Veteris Testamenti Graeca, 2). Leiden, 1–59.
- Cimosa, M. 2004: Comparing LXX Job 4 : 7–10 and T. Job 42 : 4–8. In: R. Egger-Wenzel, J. Corley (eds.), *Deuterocanonical and Cognate Literature*. Berlin–New York, 389–409.
- Davila, J. 2005: *The Provenance of the Pseudepigrapha: Jewish, Christian, or Other?* Leiden.
- Delcor, M. 1968: Le Testament de Job, la prière de Nabonide et les traditions targoumiques. In: H. Barndtke (Hrsg.), *Bibel und Qumran: Beiträge zur Erforschung der Beziehungen zwischen Bibel- und Qumranwissenschaft*. Berlin, 57–74.
- Fernández, M.N. 1994: The Septuagint Reading of the Book of Job. In: W. Beuken (ed.), *The Book of Job*. Leuven, 251–266.
- Field, F. 1875: *Origen Hexapla*. Vol. I. Oxford.
- Ginzberg, L. 1925: *The Legends of The Jews*. Vol. V. Philadelphia.
- Gruen, W. 2009: Seeking a Context for the Testament of Job. *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 18, 163–179.
- Haas, C. 1989: Job's Perseverance in the Testament of Job. In: M. Knibb, P. van der Horst (eds.), *Studies in the Testament of Job*. (Society for New Testament Studies Monograph Series, 66). Cambridge, 117–154.
- Haralambakis, M. 2012: *The Testament of Job. Text, Narrative and Reception History*. Bloomsbury.
- Jančovič, J. 2016: The Diabolization of Elihu in the Testament of Job. In: El Almendro (ed.), *In mari via tua. Philological Studies in Honour of Antonio Piñero*. Córdoba, 55–76.
- Kirkegaard, B. 2004: Satan in the Testament of Job. A Literary Analysis. In: C. Evans (ed.), *Of Scribes and Sages: Early Jewish Interpretation and Transmission of Scripture. Later Versions and Traditions*. Vol. II. New York, 4–19.
- Kohler, K. 1897: The Testament of Job, an Essene Midrash on the Book of Job. In: G.A. Kohut (ed.), *Semitic Studies in Memory of Rev. Dr. Alexander Kohut*. Berlin, 264–338.
- Kraft, R.A. (ed.) 1974: *The Testament of Job According to the SV Text*. Missoula.
- Legaspi, V. 2008: Job's Wives in the Testament of Job. *Journal of Biblical Literature* 127, 71–79.
- Lesses, R. 2007: Amulets and Angels: Visionary Experience in the Testament of Job and the Hekhalot Literature. In: L. Lidonnici, A. Lieber (eds.), *Heavenly Tablets: Interpretation, Identity and Tradition in Ancient Judaism*. Leiden, 49–75.
- List, N. 2023: Jewish and Christian “Signature Features” in the Testament of Job. *Journal for the Study of the Pseudepigrapha* 33/1, 51–74.
- McDowell, M. 2006: *Prayers of Jewish Women. Studies of Patterns of Prayer in the Second Temple Period*. Tübingen.
- O'Connor, M. 2017: Satan and Sitis: The Significance of Clothing Changes in the Testament of Job. *Journal for the Study of Pseudepigrapha* 26/4, 305–319.
- Osinkina, L. 2018: The Representation of Literary Motifs in Visual Arts (in Connection with the Magic Belts of Job and His Daughters). *Scrinium* 14, 328–333.
- Papadaki-Oekland, S. 2009: *Byzantine Illuminated Manuscripts of the Book of Job: A Preliminary Study of the Miniature Illustrations, Its Origin and Development*. Athens.
- Philonenko, M. 1968: *Le Testament de Job. Introduction, traduction et notes*. (Semitica, XVIII). Paris.
- Rahnenführer, D. 1971: Das Testament des Hiob und das Neue Testament. *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft* 62, 68–93.
- Reed, A. 2001: Job as Jobab: The Interpretation of Job in OG Job 42 : 17b–e. *Journal of Biblical Literature* 120, 31–55.
- Rießler, P. 1928: *Altjüdische Schriften außerhalb der Bibel*. Augsburg.
- Rogers, J. 2012: The Testament of Job as an Adaptation of LXX Job. In: J. Cook, H.-J. Stipp (eds.), *Text-critical and Hermeneutical Studies in the Septuagint*. Leiden, 409–422.
- Schaller, B. 1979: Das Testament Hiobs. In: W.G. Kümmel (Hrsg.), *Jüdische Schriften aus hellenistisch-römischer Zeit*. Bd. III/3. Gütersloh, 303–374.

- Schaller, B. 1980: Das Testament Hiobs und die Septuaginta-Übersetzung des Buches Hiob. *Biblica* 61, 377–406.
- Schechter, S (ed.) 1945: *Aboth de Rabbi Nathan*. New York.
- Scholem, G. 1965: *Jewish Gnosticism, Merkabah Mysticism, and Talmudic Tradition*. New York.
- Seow, Ch.L. 2013: *Job 1–21: Interpretation and Commentary*. Cambridge.
- Shenk, G. 2009: *Der Koptische Kölner Papyruskodex 3221. Teil I. Das Testament des Iob*. Paderborn.
- Shenk, G. 2013: The Testament of Job (Coptic Fragments). In: R. Bauckhman, J.R. Davila, A. Panayotov (eds.), *Old Testament Pseudepigrapha. More Noncanonical Scriptures*. Michigan–Cambridge, 160–175.
- Shulyakov, L.V. 2017: [The Apocryphal Testament of Job in the Context of Jewish Literature of the Second Temple Period and from a Christian Perspective]. *Khristianskoe chtenie [Christian Reading]* 2, 127–139.
- Шуляков, Л.В. Апокрифическое «Завещание Иова» в контексте иудейской литературы Второго храма и в христианской перспективе. *Христианское чтение* 2, 127–139.
- Spitta, F. 1907: *Das Testament Hiobs und das Neue Testament. Zur Geschichte und Literatur des Urchristentums*. Göttingen, 139–206.
- Spittler, R. 1983: The Testament of Job. In: J. Charlesworth (ed.), *The Old Testament Pseudepigrapha*. Vol. 1. New York, 829–868.
- Torrey, Ch. 1945: *The Apocryphal Literature: A Brief Introduction*. New Haven.
- van der Horst, P. 1989: Images of Woman in the Testament of Job. In: M. Knibb, P. van der Horst (eds.), *Studies in the Testament of Job*. Cambridge, 94–116.

Leonid V. Shulyakov

HSE University,
Moscow, Russia

E-mail: lshulyakov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9718-3952

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
Research, project no. 21-011-44267

Л.В. Шуляков,

преподаватель Национального
исследовательского университета,
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— <i>Вестник древней истории</i> . Москва
ИДВТиД	— Кузищин, В.И. (ред.). <i>История Древнего Востока. Тексты и документы. Учебное пособие</i> . М., 2002
ABC	— Grayson, A.K. <i>Assyrian and Babylonian Chronicles</i> . Locust Valley—New York, 1975
AE	— <i>L'Année épigraphique</i> . Paris
BATSH 4	— Номера текстов по Cancik-Kirschbaum, E. <i>Die mittellassyrischen Briefe aus Tall Šēḫ Hamad</i> . Berlin, 1996
CAD	— <i>The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago</i> . Chicago, 1956—2010
CIL	— <i>Corpus inscriptionum Latinarum</i> . Berolini
CVA USA 7, Baltimore 3	— Robinson, D.M. <i>Corpus Vasorum Antiquorum. United States of America</i> . Fasc. 7. <i>The Robinson Collection, Baltimore, MD</i> . Fasc. 3. Cambridge, 1938
Cyr.	— Straßmaier, J.N. <i>Inscriptionen von Cyrus, König von Babylon (538–529 v. Chr.)</i> . Leipzig, 1890
Dar.	— Straßmaier, J.N. <i>Inscriptionen von Darius, König von Babylon (521–485 v. Chr.)</i> . Leipzig, 1897
FGrHist	— Jacoby, F. (Hrsg.), <i>Die Fragmente der griechischen Historiker</i> . Bd. I—III. Berlin—Leiden, 1923—1958
I.Alexandrea Troas	— Ricl, M. (ed.), <i>The Inscriptions of Alexandria Troas</i> . (IGSK, 53). Bonn, 1997
I.Byzance funéraires	— Firatlı, N., Robert, L. (eds.), <i>Les stèles funéraires de Byzance gréco-romaine, avec l'édition et l'index commenté des épitaphes</i> . Paris, 1964
IBoT	— <i>İstanbul Arkeoloji müzelerinde bulunan Boğazköy tabletleri [Boğazköy Tablets in the Archaeological Museums of Istanbul]</i> . İstanbul, 1944
IG	— <i>Inscriptiones Graecae</i> . Berolini
I.Ilion	— Frisch, P. (ed.), <i>Die Inscriptionen von Ilion</i> . (IGSK, 3). Bonn, 1975
I.Kyzikos	— Schwertheim, E. (ed.), <i>Die Inscriptionen von Kyzikos und Umgebung, I. Grabtexte</i> . (IGSK, 18). Bonn, 1980
ILS	— Dessau, H., <i>Inscriptiones latinae selectae</i> . T. I—V. Berolini, 1892—1916
KBo	— <i>Keilschrifttexte aus Boghazköi</i> . Leipzig—Berlin, 1916—2019
LGPN	— <i>A Lexicon of Greek Personal Names</i> . Oxford
LGPN-Ling	— <i>LGPN-Ling. Etymology and Semantics of Ancient Greek Personal Names</i> . URL: https://LGPN-ling.huma-num.fr/
LIMC	— <i>Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae</i> . Vol. I—VIII, Suppl. Zürich—München—Düsseldorf, 1981—2009
LSJ	— Liddell, H.G., Scott, R.A., Jones, H.S., <i>Greek-English Lexicon with a Revised Supplement</i> . Oxford, 1996
OGIS	— Dittenberger, W. <i>Orientalis Graeci inscriptiones selectae</i> . Vol. I—II. Lipsiae, 1903—1905
OGS	— Masson, O. <i>Onomastica Graeca selecta</i> . Vol. I—III. Ed. C. Dobias, L. Dubois. Paris—Genève, 1990—2000
PLRE I	— Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J., <i>The Prosopography of the Later Roman Empire</i> . Vol. I. A.D. 260—395. Cambridge, 1971
RE	— Pauly, A., Wissowa, G., Kroll, W., Witte, K., Mittelhaus, K., Ziegler, K. (Hrsg.), <i>Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft</i> . Stuttgart, 1894—1980

RGZM	—	Pferdehirt, B. (Hrsg.), <i>Römische Militärdiplome und Entlassungsurkunden in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums</i> . Bd. I–II. Mainz–Bonn, 2004
RMD	—	<i>Roman Military Diplomas</i> . Vol. I–V. London, 1985–2006
UTT	—	Инвентарный номер текстов из Учтепе
VMOS 2, III	—	Номера текстов по Jakob, S. <i>Die mittellassyrischen Texte aus Tell Chuēra in Nordost-Syrien</i> . Wiesbaden, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Александров Б.Е.</i> (Москва) — Салманасар I в Шинаму: к двум аспектам новой среднеассирийской надписи из Учтепе	597
<i>Богданов И.В.</i> (Санкт-Петербург) — Загадочная судьба египетской стелы Rio de Janeiro 658 [2446]	611
<i>Можайский А.Ю.</i> (Москва) — «Гипофивы» Илиады как свидетельство начала формирования фиванского полиса.....	618
<i>Трейстер М.Ю.</i> (Бонн, Германия) — Редкие бронзовые сосуды и инструменты V в. до н.э., связанные с винопитием, из некрополя Волна I на Таманском полуострове	640
<i>Бобровникова Т.А.</i> (Москва) — Представления о множественности душ в поэтико-антикварной традиции древнего Рима.....	664
<i>Гуськов Е.А.</i> (Москва) — Численность штата преторианских когорт в I—II вв. н.э.....	676
<i>Ведешкин М.А.</i> (Москва) — Утраченный источник о персидском походе Юлиана Отступника	708
<i>Никольский И.М.</i> (Москва) — Драконций о Гомере и Вергилии в прологе к «Похищению Елены».....	721

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Yaman H.</i> (Çanakkale, Türkiye) — Three New Funerary Inscriptions from Tenedos.....	731
<i>Foça S.</i> (Tekirdağ, Türkiye), <i>Tanriver C.</i> , <i>Akar Tanriver D.</i> (İzmir, Türkiye) — A Stone Block From Old Smyrna. <i>Pente Grammai?</i> Abacus?	743

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Васильева О.А., Томашевич О.В.</i> (Москва) — <i>Erotica</i> . К проблеме происхождения и бытования так называемых фаллических терракот в греко-римском Египте (на материале собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина)	755
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Суриков И.Е., Габелко О.Л.</i> (Москва) — L. Prandi. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma—Bristol, 2020	796
<i>Короленков А.В.</i> (Москва) — E.H. Shaw. Sallust and the Fall of the Republic. Leiden—Boston, 2021	807

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бугаева Н.В., Дурново М.В., Ладынин И.А., Обухов С.В., Сафронов А.В., Апенко М.С.</i> (Москва) — XXII Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, 1–3 февраля 2023 г.)	817
<i>Кириллова М.Н., Карпук С.Г.</i> (Москва) — Всероссийская научная конференция «Советская древность — IX» (Москва, 23–24 ноября 2023 г.)	833

PESRONALIA

Юбилей Инны Андреевны Гвоздевой.....	836
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) — К 70-летию проф. С.К. Сизова	839

ПРИЛОЖЕНИЕ

Апокрифическое «Завещание Иова». Вступительная статья, перевод с древнееврейского и комментариев <i>Л.В. Шулякова</i> (Москва)	842
--	-----

CONTENTS

<i>B.E. Alexandrov</i> (Moscow) – Shalmaneser I in Šināmu: On Two Aspects of a New Middle Assyrian Royal Inscription from Üçtepe.....	597
<i>I.V. Bogdanov</i> (Saint Petersburg) – The Mysterious Fate of the Egyptian Stele Rio de Janeiro 658 [2446]	611
<i>A.Yu. Mozhaevsky</i> (Moscow) – <i>Hypothebai</i> of the Iliad as an Evidence of the Beginning of the Formation of the Theban <i>Polis</i>	618
<i>M.Yu. Treister</i> (Bonn, Germany) – Rare Fifth-Century BC Bronze Vessels and Instruments, Associated with Wine Drinking, from the Volna 1 Necropolis on the Taman Peninsula	640
<i>T.A. Bobrovnikova</i> (Moscow) – Multiplicity of Souls in the Poetic Antiquarian Tradition of Ancient Rome.....	664
<i>E.A. Guskov</i> (Moscow) – The Size of the Praetorian Cohorts in the First and Second Centuries CE.....	676
<i>M.A. Vedeshkin</i> (Moscow) – A Lost Source on the Persian Campaign of Julian the Apostate	708
<i>I.M. Nikolsky</i> (Moscow) – Dracontius on Homer and Virgil in the Prologue to <i>The Abduction of Helen</i>	721

PUBLICATIONS

<i>H. Yaman</i> (Çanakkale, Türkiye) – Three New Funerary Inscriptions from Tenedos.....	731
<i>S. Foça</i> (Tekirdağ, Türkiye), <i>C. Tanrıver</i> , <i>D. Akar Tanrıver</i> (İzmir, Türkiye) – A Stone Block From Old Smyrna. <i>Pente Grammai?</i> Abacus?	743

IN THE MUSEUMS OF THE WORLD

<i>O.A. Vasilyeva, O.V. Tomashevich</i> (Moscow) – <i>Erotica</i> . Towards the Problem of Provenance and Use of the So-Called Phallic Terracotta Figurines in Graeco-Roman Egypt (from the Collection of the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow).....	755
---	-----

CRITICAL AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>I.E. Surikov, O.L. Gabelko</i> (Moscow) – L. Prandi. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. Roma–Bristol, 2020	796
<i>A.V. Korolenkov</i> (Moscow) – E.H. Shaw. Sallust and the Fall of the Republic. Leiden–Boston, 2021	807

NEWS AND EVENTS

<i>N.V. Bugaeva, M.V. Durnovo, I.A. Ladynin, S.V. Obukhov, A.V. Safronov, M.S. Apenko</i> (Moscow) – The 22 nd Sergeev Conference at the Department of Ancient History, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, February 1–3, 2023)	817
<i>M.N. Kirillova, S.G. Karpyuk</i> (Moscow) – All-Russian Academic Conference “Soviet Antiquity – IX” (Moscow, November 23–24, 2023)	833

PESRONALIA

The Anniversary of Inna Andreevna Gvozdeva	836
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhny Novgorod) – To the 70 th Anniversary of Prof. S.K. Sizov	839

SUPPLEMENT

The Apocryphal ‘Testament of Job’. Introduction, Translation from Biblical Hebrew and Commentary by <i>L.V. Shulyakov</i> (Moscow).....	842
---	-----